

Министерство образования Российской Федерации  
Алтайский государственный университет  
Исторический факультет  
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

---

Федеральная целевая программа «Интеграция»  
Направление 1.6.  
«Воссоздание научных олимпиад, конкурсов, научных молодежных школ и конференций»  
(проект Р0037)

# Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий

(Материалы XLI Региональной археолого-этнографической  
студенческой конференции. Барнаул, 25-30 марта 2001 г.)



Издательство Алтайского государственного университета  
Барнаул – 2001 г.

УДК 39:930.26  
ББК 63.4(5)+63.51(2Рос5)+71.0  
И902

Ответственный редактор:  
кандидат исторических наук А.А. Тишкин

Редакционная коллегия:  
кандидат исторических наук В.В. Горбунов,  
кандидат исторических наук А.Л. Кунгуров,  
кандидат исторических наук А.Б. Шамшин,  
кандидат исторических наук П.И. Шульга,  
кандидат исторических наук Т.К. Щеглова,  
Д.В. Папин (ответственный секретарь)

И902 Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25-30 марта 2001 г.) / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 600 с.

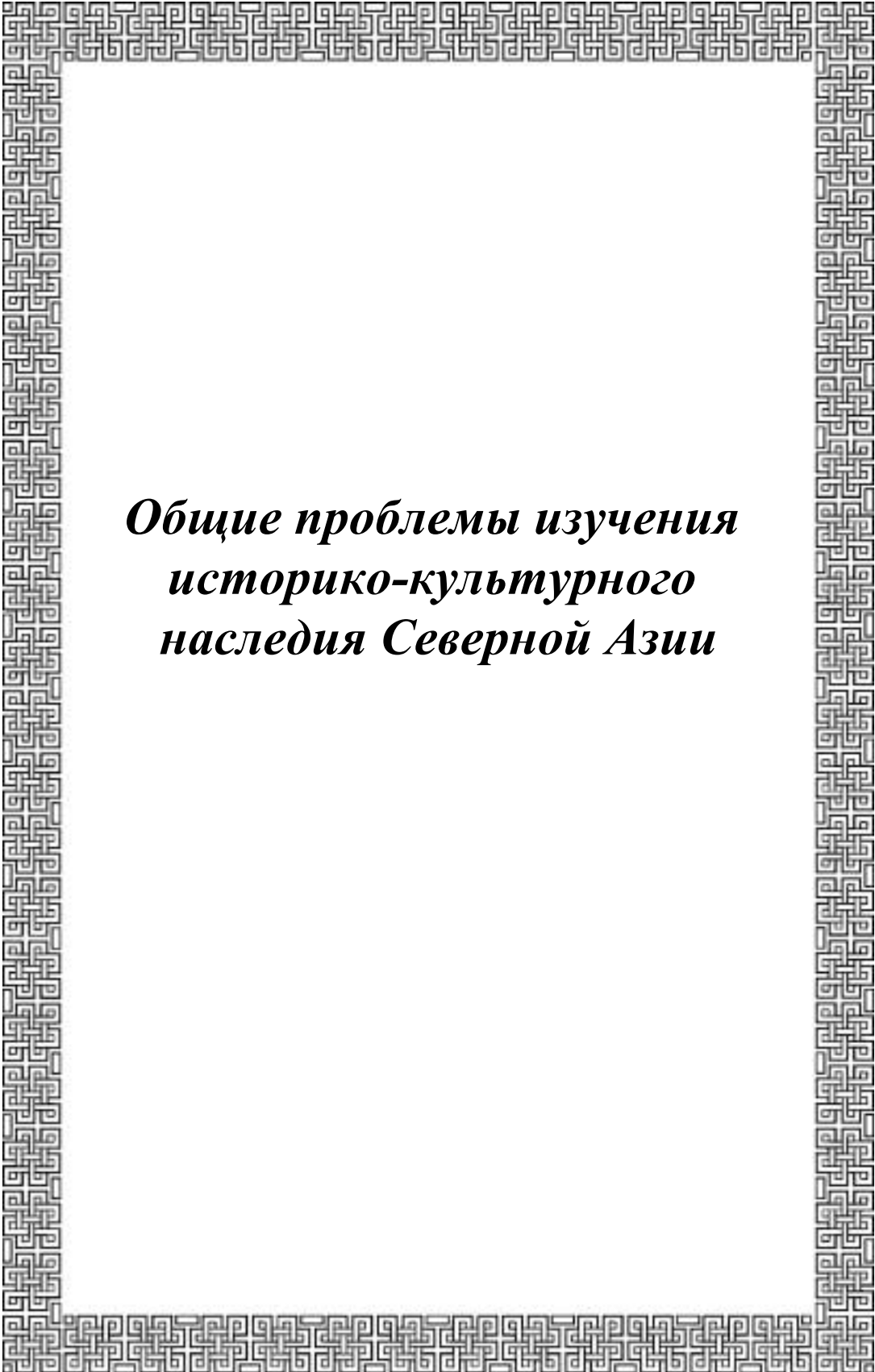
Сборник содержит материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции, проходившей 25-30 марта 2001 г. в г. Барнауле. В нем представлены публикации разного исследовательского уровня, в которых отражены результаты изучения историко-культурного наследия Северной Азии. Приводится библиография по обозначенной тематике.

Издание рассчитано на широкий круг интересующихся археологией, этнографией, культурологией.

*На обложке: изображение лошади, являющееся навершием бронзового ножа из мог. I памятника Елунино-I (по: Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 2. – 4).*

**ISBN 5-7904-036-5**

© Алтайский государственный университет, 2001  
© Эмблема: идея – А.А. Тишкина, исполнение – Н.Н. Демченко



*Общие проблемы изучения  
историко-культурного  
наследия Северной Азии*

*А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков*  
*(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)*

### **Итоги 40-й региональной археолого-этнографической конференции**

Региональные археолого-этнографические студенческие конференции начали проводиться в ВУЗах Сибири и Дальнего Востока в 1960-х гг. Они были организованы для привлечения к научной деятельности широкого круга студентов, специализирующихся по археологии из ВУЗов региона и отбора лучших докладов на всесоюзные археологические конференции, которые проводил с конца 1940-х гг. Московский государственный университет. Региональные сибирские конференции с первых лет своей работы приобрели вполне самостоятельное значение. Хотя в 1980-х гг. всесоюзные конференции перестали созываться, региональные совещания продолжали регулярно проводиться и даже расширили формы своей деятельности. Помимо студентов и аспирантов к участию в конференции были привлечены молодые ученые и преподаватели ВУЗов, обсуждавшие вопросы преподавания археологии в университетах и пединститутах. На нескольких конференциях проводились заседания секций школьников – участников археологических кружков. Со второй половины 1990-х гг. в работе региональных конференций все более широкое участие стали принимать научные институты Российской Академии наук, отделы культуры местных администраций, музеи, отделения общества охраны памятников и научно-производственные центры по культурному наследию. Финансовую поддержку в проведении конференций оказывают Российский гуманитарный научный фонд, Федеральная целевая программа «Интеграция», Институт «Открытое общество», региональные фонды и частные фирмы. За прошедшие десятилетия региональные конференции обрели оптимальную структуру и содержание. Хотя они по-прежнему называются студенческими, но фактически они включили в свой состав и прежние конференции молодых ученых, которые проводились не регулярно и вне связи друг с другом. В последние годы в региональных конференциях активное участие принимают известные ученые, специалисты в различных областях археологии и преподаватели ВУЗов. Это, несомненно, значительно повысило научный уровень конференций и интерес к ним со стороны специалистов. Работа конференций ведется по секциям: археологии каменного, бронзового и железного веков, средневековья, этнографии коренного и русского населения Сибири. На некоторых конференциях специальное внимание уделялось вопросам теории и методики археологии. В последние годы значительно развилось и направление археологии стран зарубежного Востока.

Научные студенческие конференции прочно вошли в систему подготовки специалистов по археологии в ВУЗах Сибири и Дальнего Востока. Как правило, студенты относятся к подготовке докладов на РАЭСК с максимальной ответственностью. Критические замечания в адрес своих докладов со стороны своих коллег, студентов из других ВУЗов, они воспринимают более эмоционально, чем выступления преподавателей и опытных специалистов. Наиболее увлеченные наукой и эрудированные студенты, неформальные лидеры студенческой науки пользуются в студенческой среде большим авторитетом, становятся примером для подражания. В дальнейшем они увереннее других находят свой путь в большую науку. Школу научных дискуссий на сибирских региональных студенческих конференциях прошли многие известные в настоящее время ученые-археологи. Среди них заместитель председателя Президиума СО РАН, академик В.И. Молодин, ректор Алтайского госуниверситета, д.и.н., профессор Ю.Ф. Кирюшин, ректор Красноярского госпедуниверситета, д.и.н., профессор Н.И. Дроздов, ректор Якутского госуниверситета, д.и.н., профессор А.Н. Алексеев, проректор Забайкальского госпедуниверситета, д.и.н., профессор М.В. Константинов, проректор Новосибирского госпедуниверситета, д.и.н., профессор В.И. Соболев, зам. директора ИПОС СО РАН, д.и.н. А.В. Матвеев, доктора наук и профес-

сора О.В. Дьякова (ИИАЭ ДВО РАН), В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков, П.В. Волков, Н.В. Полосмак (ИАЭТ СО РАН), С.В. Цыб (АГУ), Н.П. Матвеева (ИПОС СО РАН), В.В. Бобров (Кем ГУ), И.Г. Глушков (Сур ГПИ) и многие другие.

В феврале 2000 г. Новосибирский государственный университет проводил 40-ю Региональную археолого-этнографическую студенческую конференцию «Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии». За прошедшие десятилетия НГУ трижды проводил такие конференции в конце 1960 – начале 1970-х гг. Сороковая РАЭСК проходила в течение 6 дней с 1 по 6 февраля 2000 г. В ее организации деятельное участие принимала кафедра археологии и этнографии гуманитарного факультета и лаборатория гуманитарных исследований НГУ, Институт археологии и этнографии СО РАН, совместный сибиреведческий учебно-научный центр НГУ и ИАЭТ СО РАН. В состав оргкомитета были включены академики А.П. Деревянко и В.И. Молодин, доктора наук Ю.С. Худяков и И.Н. Гемуев, кандидаты наук О.И. Новикова и С.Г. Скобелев, научный сотрудник С.В. Алкин, аспиранты А.Ю. Борисенко, Юй Су-Хуа, Т.И. Полищук. Большую помощь в работе оргкомитету оказали многие сотрудники, аспиранты и студенты НГУ, сотрудники и аспиранты ИАЭТ СО РАН. Проекты организации конференции получили поддержку у Института Открытое Общество и Российского Гуманитарного Научного Фонда. Это позволило своевременно издать программу и тезисы конференции, обеспечить рассылку приглашений, аренду помещений и оборудования, частично компенсировать участникам конференции расходы на проезд, проживание и питание, организовать культурную программу, бесплатно обеспечить всех участников и каждую делегацию материалами конференции, отметить лучшие доклады вручением книг, дипломов, сформировать сборник материалов из лучших докладов.

В работе конференции приняло участие 243 участника из 50 учреждений из 27 городов России и Казахстана. Из них 81 из Новосибирска и 162 из других городов. В заседаниях участвовали известные специалисты из ИАЭТ СО РАН, Томского, Кемеровского, Алтайского университетов, молодые ученые, аспиранты и студенты из университетов, педуниверситетов, технических университетов, пединституты, академических институтов, музеев, центров по сохранению историко-культурного наследия из Абакана, Барнаула, Бийска, Благовещенска, Владивостока, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Иркутска, Кемерово, Красноярска, Кургана, Магадана, Нижнего Тагила, Новосибирска, Омска, Сургута, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Челябинска, Читы, Якутска из России и Актобе, Алматы, Кустаная, Туркестана из Казахстана. На конференцию приехали школьники из Красноярска, Улан-Удэ, Борзи и Нерчинска.

На пленарном заседании в Доме Ученых выступили председатели оргкомитета, д.и. н. Ю.С. Худяков и к.и. н. О.И. Новикова, ректор НГУ чл.-корр. РАН Н.С. Диканский, Директор ИАЭТ СО РАН, академик А.П. Деревянко, Заместитель председателя Президиума СО РАН, академик В.И. Молодин. Академик А.П. Деревянко сделал научный доклад о проблемах изучения памятников палеолита на Алтае, в Монголии, в Казахстане и Средней Азии. Дальнейшая работа конференции проходила по 5 секциям. Заседания секций открыли доклады известных ученых, ведущих специалистов в области палеолитоведения – М.В. Константинова и М.В. Шунькова, бронзового века – В.И. Молодина и В.В. Боброва, раннего железного века – Ю.С. Худякова, средневековья – В.Е. Медведева, этнографии – Н.А. Алексеева. На каждой секции было заслушано по 33-44 доклада.

На секции «Культуры каменного века Северной и Центральной Азии» определилось несколько направлений, которым были посвящены доклады. Среди них реконструкция хозяйственной деятельности и адаптация древнего населения к условиям среды обитания, эволюция культур палеолита и неолита, изучение духовной культуры и искусства. Лучшие доклады на этой секции сделали аспиранты из Института археологии СО РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института истории и археологии УрО РАН; аспиранты и студенты из Дальневосточного, Иркутского, Якутского университетов; Забайкальского, Красноярского педуниверситетов; Нижне-Тагильского пединститута.

На секции «Материальная и духовная культура населения Северной и Центральной Азии в эпоху бронзы» доклады студентов и аспирантов были посвящены проблемам изучения керамики, анализа погребального обряда и планиграфии могильников эпохи бронзы Западной Сибири. Лучшие доклады сделали аспиранты из Института археологии и этнографии СО РАН; аспиранты и студенты из Алтайского, Кемеровского и Новосибирского университетов; Красноярского, Забайкальского педуниверситетов; Сургутского пединститута.

На секции «Материальная и духовная культура населения Северной и Центральной Азии в эпоху раннего железа» основными направлениями были: изучение культур скифского времени и искусства звериного стиля в Южной Сибири, изучение культур раннего железного века в лесостепной и лесной зонах Западной и Средней Сибири, изучение культур хуннского и сяньбийского времени в Забайкалье, Внутренней Монголии и Маньчжурии. Отдельные доклады были посвящены историографии археологической науки в Сибири, анализу трудов немецких ученых XVIII века, исследовавших сибирские древности. Лучшие доклады сделали аспиранты из Института археологии и этнографии СО РАН; аспиранты и студенты из Алтайского, Новосибирского, Томского, Тюменского, Хакасского университетов, Забайкальского педуниверситета.

На секции «Средневековая археология и проблемы этно- и культурогенеза Азии» основным направлением было изучение памятников, относящихся к периоду развитого средневековья. Период позднего средневековья был освещен в докладах в меньшей степени. Секция сформулировала по итогам своей работы несколько рекомендаций. В их числе рекомендовано при подготовке специалистов по археологии расширить тематику с включением периода позднего средневековья, а при отборе докладов на РАЭСК отдавать предпочтение докладам обобщающего, интерпретационного характера. Лучшие доклады сделали аспиранты и студенты Алтайского, Актюбинского, Бурятского, Омского, Новосибирского, Томского, Якутского университетов; Красноярского и Новосибирского педуниверситетов; Восточно-Сибирского технического университета.

На секции «Этнографическое изучение традиционных культур Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения культуры русского населения Сибири и взаимодействия культур региона» большая часть докладов была посвящена этнографии коренных народов, изучению шаманизма, традиционной материальной культуре русских старожилов. Лучшие доклады сделали аспиранты Института археологии и этнографии СО РАН; молодые научные сотрудники Омского историко-краеведческого музея; аспиранты и студенты Кемеровского, Новосибирского, Хакасского университетов; Барнаульского, Красноярского педуниверситетов; Читинского технического университета; Бийского пединститута; Восточно-Сибирской академии культуры и искусства.

На конференции состоялся круглый стол «Преподавание археологии и этнографии в ВУЗах, методология и методика изучения и сохранения культурного наследия», на котором выступили представители Новосибирского и Якутского университетов, Красноярского педуниверситета, Восточно-Сибирской академии культуры и искусства. На заключительном пленарном заседании авторам лучших докладов и представителям делегаций были вручены дипломы и книги. В ходе обсуждения было предложено провести следующую конференцию в Барнауле. Представителям Алтайского университета был вручен переходящий кубок РАЭСК.

40-я РАЭСК стала заметным событием в научной жизни студентов, аспирантов и молодых ученых. Она продемонстрировала устойчивый интерес среди молодежи к изучению древней истории и культуры региона Северной Азии, высокий уровень большинства докладов. Наиболее высокую подготовку продемонстрировали докладчики из ИАЭТ СО РАН, НГУ, АГУ, КГПУ, ЗабГПУ, ТГУ. Участие студентов в научной деятельности по археологии и этнографии существенным образом повышает действенность учебного процесса в ВУЗах и способствует развитию научных исследований.

*О.С. Пучкова*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Археологический источник: состояние проблемы**

Понятие «археологический источник» является одной из базовых категорий археологической науки. Единства в его понимании на сегодня в российской археологии нет. В отечественной литературе термин имеет разночтения по следующим основным направлениям.

1. Соотношение понятий археологический и исторический источники. До 1970-х гг. существовала единая точка зрения о том, что археологические источники являются историческими. Противоположную точку зрения высказал в 1973 году Г.П. Григорьев: «...ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические источники. В них исторической информации не содержится. Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка. Другое дело, что историк взяв из рук археолога исторические выводы, может их использовать как исторический источник, но это ни в какой мере не означает, что наши источники – исторические» (Григорьев Г.П., 1973, с. 41: цит. по Клейну Л.С., 1995, с. 51). Традиционную для советской науки точку зрения тогда отстаивал М.В. Аникович (1975). В 1978 году вышла в свет книга Л.С. Клейна «Археологические источники» (1978), в которой автор выдвинул «срединную версию»: «археологические источники – и не безоговорочно исторические, и не только исторические» (Клейн Л.С., 1978, с. 25; Клейн Л.С., 1995, с. 53).

Тема была поднята затем в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в ходе дискуссии о предмете археологии между Л.С. Клейном (1986; 1991), с одной стороны, и Ю.Н. Захаруком (1989) и В.Ф. Генингом (1989), с другой. Первый отстаивал точку зрения об историко-ведческом характере археологии, и писал, что «на основе одних лишь археологических источников исторический процесс реконструировать опасно: он получится однобоким, искаженным, недостоверным» (Клейн Л.С., 1986, с. 211). Позиции о том, что археологические источники не являются историческими, придерживаются и ученики Л.С. Клейна, в частности, Е.М. Колпаков (1995). Ю.Н. Захарук и В.Ф. Генинг отстаивали традиционную для отечественной науки точку зрения об историзме археологии – «весь опыт советской археологической науки убедительно свидетельствует о том, что вопросы реконструкции социального прошлого на основе археологических источников рассматривались подавляющим большинством археологов как важнейшая, генеральная задача нашей науки» (Захарук Ю.Н., 1989, с. 214).

С начала 90-х гг. эта тема в ходе широких дискуссий не поднималась и единства в понимании данного вопроса до сих пор нет.

2. Специфика археологических источников. Вопрос о специфике археологических источников был поднят достаточно давно и имеет значительную историографию. Подробно она изложена в статье В.Т. Плахина «Гносеологическая специфика археологических источников» (1985). Специфику археологических источников усматривали в их ископаемости и неполноте, объективности. Последний признак наиболее устойчив в отечественной археологии. О нем писал С.А. Жебелев в «Введении в археологию» (1923) и спустя четверть века И.С. Кон (1959). Специфику определяли и через различие «живой» и «мертвой» культур. Речь в данном случае идет о Ю.Н. Захарука, хотя указанные термины были введены в научный оборот немецким археологом Г.-Ю. Эггерсом. Археологическую культуру согласно этому делению относят к «мертвой» культуре. «Археологическая культура – это прежде всего культура, лишенная связей как с самой деятельностью, так и с объектом деятельности – обществом. Одновременно следы и останки культур характеризуются потерей их прежних функций» (Захарук Ю.Н., 1976. С. 4). В.Т. Плахин опроверг все указанные признаки и присоединился к точки зрения Л.С. Клейна о том, что «основ-

ная специфика археологических источников заключается в том, что нить понимания их информации разорвана дважды – в традициях (разрыв между далеким прошлым и нашим временем) и в объективации (разрыв между миром вещей и миром идей, которым оперирует наука)». (Клейн Л.С., 1978, с. 61). Эту позицию не принял Е.М. Колпаков (1995, с. 306-311). Он полагает, что все источники можно делить на источники–повторы и источники–остатки. Ко второй группе относятся археологические и письменные источники, при этом, по его словам «археологические источники отличаются от письменных своей вещественностью» (1995, с. 305).

Как и по предыдущей проблеме единства в понимании вопроса не достигнуто.

3. Соотношение археологического источника с источниками негуманитарных наук. Вопрос был поднят А.М. Буровским в статье «О характере археологических источников» (1991). К сожалению, тема не получила развития в литературе. Связано это с состоянием палеонтологического направления, которое пока не получило широкого признания в отечественной археологии.

Разработка темы археологического источника представляется автору актуальной. Единства в понимании указанных проблем, по всей видимости, не будет достигнуто до тех пор пока не будет определен единый субъект исторического процесса, изучаемый каждой из гуманитарных наук (историей, археологией, этнографией и т.д. ) своими методами и на основании своих источников.

*Научный руководитель – д.и.н. В.И. Матющенко*

*П.Г. Соколов*

*(Кемерово, Кемеровский государственный университет)*

### **Тенденции развития палеоэкономических исследований в археологии Западной Сибири (историографический аспект).**

В современной археологии палеоэкономическое исследование представляет самостоятельное научное направление. В палеоэкономике используются все типы археологических источников, наблюдается тесная междисциплинарная связь (палеоботаника, палеозоология, палеогеология, палеогеография, палеодемография и т.д. ).

В целом в отечественной археологии изучение дописьменных экономических структур имеет длительную историю.

Уже в конце XIX в. – конце 20-х годов XX века, когда происходило формирование археологической науки, появляются работы Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына, В.В. Хвойко, Б.В. Фармаковского, М.И. Ростовцева, содержащие в себе попытки исторической интерпретации археологических источников.

В конце 20-х – 40-е годы XX века на развитие отечественной археологии повлиял переход на марксистские позиции. В рамках существующей научной парадигмы большой вес имела яфетическая теория Н.Я. Марра (Бобров В.В., 1997, с. 4). Вопросы палеоэкономики в теоретическом отношении попытались рассмотреть такие исследователи как А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев. Прикладная часть палеоэкономического исследования в то время еще исключала получение данных по функционированию экономических систем древних обществ и сосредотачивалась на установлении рода занятий и детализации элементов (Гололобов Е.И., 1996, с.18).

Непосредственное становление палеоэкономического направления можно отнести к 50–70-м годам. С точки зрения науки толчком (причиной) для фундирования палеоэкономического исследования явились объективные причины. Важнейшие археологические открытия, с одной стороны, и активное внедрение методов естественных и точных наук, с



другой, позволили в значительной мере расширить познавательную базу в изучении первобытных обществ и объективизировать и глобализировать выводы, предлагаемые на основе археологических данных. Большое влияние на дисциплину оказало принятие принципа системного историзма. «Новый археологический материал и новые приемы его анализа открыли широчайшие возможности в изучении экономических и общественных структур древности позволили характеризовать тенденции в экономике и общественных отношениях первобытнообщинного строя» (Массон В.М., 1976, с.5). Среди работ в это время можно выделить исследования С.Н. Бибикова, В.М. Массона, А.Я. Щетенко.

Палеоэкономическое направление в археологии Западной Сибири прошло схожие периоды развития. 30–50-е годы в западно-сибирской археологии, также как и во всей отечественной археологии в целом, в палеоэкономическом плане характеризовались с точки зрения современной науки данными, носящими слишком прикладной и эмпирический характер.

В 60–70-е годы палеоэкономическая школа в Западной Сибири получила развитие в рамках междисциплинарной стратегии, которая сформировалась внутри теоретических положений сформулированных еще в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Суть стратегии заключается в стремлении расширить информационные возможности археологических источников не за счет разработки новых теоретических подходов, а за счет максимального использования и усовершенствования тех методов, которые уже имелись.

В целом первое послевоенное пятнадцатилетие в развитии археологии сопровождалось, как уже отмечалось выше, широким внедрением методов точных и естественных наук (Колчин Б.А., 1965). При внедрении в археологию данных методов появились новые возможности в изучении источников: сырья, остеологических материалов, палеоботанических остатков и т. д. Металлография и спектральный анализ и другие методы изучения металлических изделий, например, расширили возможности использования технологических показателей для изучения общего процесса производства.

В свое время в западно-сибирской палеоэкономической археологии было издано множество публикаций, посвященных экономическим исследованиям в рамках данной методологии. Нам кажется, что нет смысла анализировать эти работы. Целесообразно отметить схему палеоэкономического исследования в рамках данной стратегии. В основном работы, посвященные реконструкции хозяйства, написаны в следующей последовательности: 1) детальный анализ сырья, технологии изготовления орудий, функциональная диагностика; 2) характеристика основных направлений хозяйственной деятельности; 3) широкое привлечение этнографических данных.

С конца 70-х годов палеоэкономическое направление в Западной Сибири развивалось в рамках системно-экологического подхода, который на данном этапе ярко представлен в работах М.Ф. Косарева (Косарев М.Ф., 1981, 1986, 1988, 1991). Суть подхода заключается в выявлении и использовании «региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих обществ к окружающей среде» (Косарев М.Ф., 1988, с.3-4).

Опираясь на данные естественных наук об увлажнении и усыхании климата, М.Ф. Косарев доказал, что при характеристике древних культур нельзя проводить аналогии с современной географией, так как условия ландшафта, например эпохи бронзы, были иными (Косарев М.Ф., 1981, с. 5-6)

На территории западносибирской равнины в эпоху бронзы М.Ф. Косарев выделяет три основные хозяйственные области: 1) производящее хозяйство степной полосы и лесостепи на юге; 2) присваивающая экономика – в тайге и тундре; 3) многоотраслевое хозяйство – на севере лесостепи и на юге тайги (Косарев М.Ф., 1981, с. 25).

В целом в основе исследования древнего хозяйства Западной Сибири ученые придерживались следующих принципов:

1) Учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых идет социально-экономическое развитие древнего населения.

2) Анализ производительных сил общества (по археологическим материалам во взаимной связи с палеогеографией, экологией и этнографией).

3) Исследование развития хозяйства не отдельных культурных комплексов, а широких этнокультурных ареалов.

В это время появляется множество исследований западно-сибирских археологов: В.И. Молодина, Ю.Ф. Кирюшина, М.Ф. Косарева и других.

С середины до конца 80-х – начала 90-х годов внутри системно-экологической стратегии палеоэкономического исследования в Западной Сибири уместно выделить новый, качественно отличающийся от предыдущих, период. Тенденции западно-сибирской археологии в частности и отечественной археологии в целом в полной мере отражены в сборнике «Палеоэкономика Сибири». М.Ф. Косарев в работе «Экологические аспекты археологического исследования», открывающей сборник, пишет, что методы математических и естественных наук не оказывают влияния на историзм археологического исследования (Косарев М.Ф., 1986, с. 3). Автор объявляет о наибольшей перспективности экологического, палеоэтнографического и системного подходов в археологии и выходе с их помощью на новый исторически-интерпретационный уровень (там же, с. 3–11). В основу подхода были заложены адаптивные возможности человеческих обществ к окружающей среде.

С начала 90-х годов продолжилась дальнейшая экологизация палеоэкономических исследований. Л.Б. Ермолов (1990, с. 58–60) предлагает рассматривать жизнеобеспечивающие системы не как адаптивный механизм, а как механизм авторегуляции. Под последним понимается способность человеческого общества создать систему, которая в динамике изменения хозяйственных форм обеспечивает стабильность жизнедеятельности. А.Н. Садовой (1990, с. 80–82) затрагивает проблему построения при палеоэкономическом моделировании оптимальной и экологически обоснованной модели. Выход, предлагаемый А.Н. Садовой, заключается в моделировании на археологический материал системообразующих связей механизма внебиологической адаптации коллективов, осваивающих аналогичную природную нишу, с учетом возможной вариантности.

Если говорить о 90-х годах, то, на наш взгляд, они органически вписываются в тенденцию середины-конца 80-х – 90-х годов. Кратко этот период можно охарактеризовать как поиск новых философских концепций и новых методов палеоэкономического исследования. Дальнейший импульс развитию направления, по нашему мнению, должны дать новейшие компьютерные технологии и сенсационные открытия в естественнонаучных дисциплинах.

Таким образом, палеоэкономическое направление в Западной Сибири в своем развитии прошло четыре периода: 1) 30–50 годы, характеризовавшиеся установлением рода занятий и выделением элементов производства; 2) 60–70 годы, в границах которых палеоэкономика Западной Сибири развивалась по междисциплинарным принципам; 3) конец 70-х – начало 90-х годов ознаменовались переходом к системно-экологической стратегии и выходом археологии на исторически-интерпретационный уровень; 4) 90-е годы являются органическим продолжением этапа. Но в данный период, благодаря новейшим технологиям, увеличиваются информативные возможности палеоэкономических источников.

*И.А. Шутелева*

*(Уфа, Башкирский государственный педагогический университет)*

### **Теоретико-методологическое наследие «новой археологии»**

Современная социоархеология на базе которой сформировалась «новая археология» начала складываться в 40-е гг. XX в. и ее создание связано с деятельностью британских и американских ученых, представителей новой социальной антропологии – А.Р. Редклифа-Брауна (1958), В. Малиновского (1929), Ф. Боаса (1939). Кроме того, немаловажное значение для формирования социоархеологии имела школа «новой географии».

Только в 60-е гг., с появлением школы «новой археологии», социоархеология получает методологическую самостоятельность, приоритетным направлением выделяется реконструирование, функционирование обществ древности, то есть применение «палеосоциологического анализа» (Solmon, 1990).

Социоархеология включает в себя два уровня получения и осмысления археологической информации: метаархеология и реконструктивная археология. Метаархеология характеризуется как философский теоретический уровень, применение гипотезно-дедуктивного метода является базовым для процессуальной и постпроцессуальной археологии (Embree, 1992). Социологический подход трансформировался на этих двух уровнях в течении двух этапов: 1962 – 1970 гг. и 1970 – конец 1980-х гг.

Однако на всем протяжении теоретическая база оставалась константной: от уровня метаархеологии к осмыслению археологической культуры, а затем выход на проблемы эволюции и миграции. Основными теоретическими положениями социоархеологии являются: концепция культур (культура – это комплекс системный, интегрированный, адаптивный, технологический, социальный, идеологический), то есть применяется системная модель культуры, археологическая культура – высоко интегрированная система, способная адаптировать людей к окружающей среде; гипотетико-дедуктивный подход (прямая параллель археологического материала древности и этнографического материала современности); теория катастроф и катаклизмов (экстраполяция анализа данных прошлого на материалы современности) (Binford, 1962, 1963; Hill, 1972; Clarc, 1972; Watson, 1970; Trigger, 1992).

К непосредственным методам можно отнести: исторические и антропологические исследования, применяемые на всех уровнях археологии, при этом археология – социальная наука, а археологические данные должны подтверждать или отрицать ранее выдвинутые гипотезы, доказывать универсальность человеческого развития, также с помощью применения формальных, статистических, компьютерных методов для анализа материала (Christenson, 1989).

Кроме того, следует подчеркнуть особое внимание на взаимовлияние культуры и общества: выделение социального и материального поведения, рассмотрение триады – живущее общество – константное (мертвое) состояние – археологический материал (Solmon, 1990).

В отечественную археологическую науку подобные течения стали проникать с начала 1970-х гг. в виде социальной и этнокультурной интерпретации данных погребального обряда, что нашло отражение в работах Г.С. Лебедева (1970), К.Х. Кушнарера (1973), В.А. Алекшина (1973), В.М. Массона (1976), Л.С. Клейна (1978). Кроме того сильное влияние социоархеологии испытала советская школа изучения палеолита (Васильев, 1995).

В 1970–1980-е гг. тематика социологических реконструкций в нашей стране динамично развивается под влиянием симпозиумов, проведенных в Ленинграде, Киеве, Новосибирске (Массон, 1996).

Однако, в конце 1980-х гг. социоархеология находится в кризисном положении, выход из которого затруднен решением ряда проблем (Trigger, 1989): в социоархеологии проверка всех выдвигаемых гипотез носила номинальный характер, философские модели не могли

быть применены на практике, произошла недооценка недостатков формальных компьютерных, все это привело к «дегуманизации науки», субъективизму (Cowgill, 1993).

В англо-американской археологии это привело к распаду «новой археологии». В настоящее время представители данной школы отошли от разработки теоретической базы археологии и занимаются анализом источникового материала, делают построения на стыке наук (лингвистики, антропологии, генетики).

В отечественной археологии конца 1990-х гг. также отсутствует работы по теории археологии. Центр внимания перенесен в Ленинградско-Петербургской школе на исследование отдельных понятийных проблем науки под эгидой методологических семинаров и издания «Stratum» (Клейн, 1999). В Московской школе приоритетным направлением выделяется осмысление причин неэволюционных трансформаций (Каменецкий, 1999), при этом отсутствует теоретическая и методологическая база осмысления этих проблем.

В настоящее время особое внимание следует уделить не только конкретизации области социархеологии, но и типологическим построениям «новой археологии», которые вполне применимы в том числе и в отечественной археологии.

*А.А. Кильдюшева*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Погребальные обряды и их социальная значимость**

Интерес археологов к материалам из погребений и к погребальному обряду в целом объясняется тем, что они остаются одними из наиболее важных археологических источников. С его помощью можно реконструировать элементы быта, духовной и материальной культур, идеологические представления общества, его социальное устройство и т.д., то есть спектр вопросов, связанных с историей изучаемого общества. Так, В.С. Ольховский отмечал, что погребальные памятники продолжают привлекать особое внимание исследователей вследствие своей многочисленности и очевидной значимости для их создателей (Ольховский В.С., 1995, с. 85).

Такой важный, индивидуальный и в то же время общесоциальный феномен, как смерть, остается актуальным и в наши дни. Как свидетельствуют данные этнографии, у первобытных народов смерть часто рассматривалась не как конец жизни, а как один из этапов пути. В этих случаях погребальные обряды, сопутствуя переходу человека из одного состояния в другое, по принципиальной значимости близки обрядам, сопровождающим рождение, инициацию, женитьбу и т.д. По представлениям древних людей, погребальные обряды подготавливали умершего к существованию в потустороннем мире и являлись способом перехода его в этот мир. Погребальная обрядность отражает комплекс религиозно-мифологических представлений, связанных не только с реально существующими, но и с ирреальными мирами и реализует часть их, связанную с проникновением в «тот» мир и обитанием «там» умершего, либо его души (Ольховский В.С., 1995, с. 91).

С одной стороны, погребальный обряд состоял из ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них (Алекшин В.А., 1986, с. 7). С другой стороны, он включал материальные элементы, характеризующие общественное положение умершего: погребальное сооружение, набор погребального инвентаря, сюда входила и поза умершего. Все это необходимо было для перевода в потусторонний мир человека определенного пола и возраста.

В.М. Массон по этому поводу отмечает, что наиболее широко распространены были представления о необходимости в загробном мире тех же предметов и вещей, которые служили усопшему на земле. При этом часто имеется в виду, что покойнику «будут служить не

вещи, а «души предметов», их призрачные образы, тогда как сами объекты могут гнить в земле или сгорать в пламени погребального костра (Массон В.М., 1976, с. 151).

Итак, совокупность ритуальных действий и материальных элементов представляет стандартный погребальный обряд любой археологической культуры. В погребальном обряде, как в археологическом источнике, потенциально заложена весьма разнообразная информация. Наиболее ярко прослеживается социологическая информация в погребальных памятниках, что признается большинством специалистов (Лебедев Г.С., 1977, с. 24-30; Добролюбский А.О., 1982, с. 54-68; Бунятян Е.П., 1977, с. 129-138). Подтверждением данного заключения служит факт сосуществования однократных погребальных памятников, различающихся степенью «богатства» и другими особенностями. Это позволяет исследователям выделить захоронения «царей», «рядовых общинников», «жрецов», «рабов» и т.д., а не только мужчин, женщин и детей. Погребальный обряд – это код, содержащий информацию о тех идеях и представлениях, которые были присущи древнему человеку в ходе совершения обрядов по погребению умершего.

Целью данной работы является попытка определить социальную значимость погребального обряда, решая следующие задачи:

- 1) выявить суть погребального обряда, рассмотреть различные аспекты и стороны погребального обряда;
- 2) по данным погребальных обрядов охарактеризовать социальную структуру общества;
- 3) рассмотреть взаимосвязи между погребальным обрядом и социальной структурой общества.

### *1. Что такое погребальный обряд?*

Чаще всего упоминают, что:

1. Погребальный обряд – совокупность инвентаря, способа захоронения и устройства могилы, т.е. материальных, фиксируемых элементов (Массон В.М., 1976, с. 150). Как считает Ольховский В.С., «в данном случае погребальный обряд фактически напрямую отождествляется с погребальным памятником – погребением (Ольховский В.С., 1995, с. 87).

2. Погребальный обряд – совокупность ритуальных действий и материальных элементов (Алексин В.А., 1986, с. 6).

3. Погребальный обряд трактуется только как процесс, а погребение (погребальный памятник) – как материальный результат данного процесса (Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с. 18-20).

4. Погребальный обряд – совокупность ритуально-практических действий, совершаемых с целью захоронения умершего (Ольховский В.С., 1993, с. 78-94).

5. Погребальные обряды – традиционные рациональные и иррациональные действия, связанные с захоронением умерших (Генинг А.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990, с. 9).

### *II. Социальная структура общества по данным погребального обряда*

Разработка вопросов социального строя древних обществ относится к числу комплексных проблем, решаемых на материалах археологии, этнографии, антропологии и т. д. Археологические данные играют при этом весьма важную роль. Особое внимание уделялось богатым («царским»), реже – рядовым погребениям. Социальные различия проявляются в имущественном положении людей. На базе этих различий происходит социальная дифференциация, складываются социальные общности и т.д. На основании социально-экономических различий формируется в целом социальная структура общества, половозрастная; семейно-брачная, отражающая эволюцию форм семьи и брака, ранговая дифференцирующая, отражающая деление общества на группы, различающиеся своим местом на иерархической вертикали, имущественная – различия между членами одной либо разных

ранговых групп по степени «богатства», религиозно-конфессиональная; мифологическая, реализующаяся в погребальной практике (Ольховский В.С., 1995, с. 89-90). Погребальный обряд отражает прижизненное социальное положение погребенного.

### *III. Социальная значимость погребального обряда*

Следует рассмотреть ряд вопросов:

- в чем проявляется взаимосвязь между погребальным обрядом и социальной структурой общества?

- в чем проявляется социальная значимость погребального обряда для древнего общества, в целом, и для погребенного, в частности?

- основные признаки социальной значимости погребального обряда.

Взаимосвязь между погребальным обрядом и социальной структурой общества проявляется во внешних формах погребального обряда, т.е. в погребальном сооружении, его форме, местоположении, размерах, а также в имеющемся погребальном инвентаре и ритуалах, сопровождающих погребальный обряд. Выделяющиеся половозрастные и социальные группы также имели «свой» погребальный обряд, присущий только им по ряду признаков. Т.е. можно сказать, что погребальный обряд отразился в социальной структуре общества, а последняя отразилась в погребальном обряде. В этом и взаимосвязь двух явлений. Социальная значимость погребального обряда проявилась в двух противоположных тенденциях, выделенных Токаревым С.А., в избавлении от умерших и в их сохранении. Первая тенденция была вызвана несколькими причинами:

- гигиенические и санитарные, т.к. оставление трупа на поселении вызвало бы ряд болезней и полное отвращение к трупу и смерти.

- боязнь древних людей перед смертью, в частности, перед умершими. Вера в то, что погребенные могут принести зло и вред живым людям. Душа их не успокоится и будет находиться в мире живых, где ей не положено быть. Отсюда древние традиции захоронения умерших, осуществляемые специфическим образом, в зависимости от религиозно-мифологической системы.

Вторая тенденция также имеет ряд причин:

- вера в то, что умерший будет заступником рода, семьи, всей общины в потустороннем мире, если о нем хорошо заботиться и почитать. Это относится, в первую очередь, к умершим детям.

- погребенный будет как бы символом и опорой, поэтому его надо оставить при себе. Отсюда специфические формы захоронения: мумификации, сооружение склепов, курганов, мавзолеев.

Дальнейшее видоизменение таких представлений создает идею совместных кладбищ, обычай доставки на родину умершего на чужбине. В чем проявилась социальная значимость погребального обряда для самих погребенных? Известно, что чем выше социальный ранг погребенного, тем это ярче прослеживается в погребальном обряде, проявляясь в инвентаре, погребальном сооружении, позе умершего и т.д. Можно сказать, что древние, захоранивая таких людей, хотели как можно пышнее совершить погребение, показать могущество и отличие данного человека при жизни и после смерти. В этих захоронениях они как бы утверждали сами себя, показывая, что среди них были люди с высоким социальным положением. Вероятно, в то же время они опасались, что погребенный придет и накажет их, если они сделают что-то не так при захоронении. Поэтому пытались более приукрасить, чем что-то убавить.

Итак, погребальный обряд появился из-за необходимости в самом себе, был вызван историческими и объективными причинами; продолжает существовать, видоизменяясь, но сохраняя свою сущность и функции: помогать переводу умершего в потусторонний мир и «защищать» живых от умерших. В этом и кроется его социальная значимость вообще.

*П.В. Герман*  
(*Кемерово, Кемеровский государственный университет*)

### **Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности)**

Одним из древнейших типов массового культового сооружения степей являются курганы. Возникнув еще в эпоху энеолита, подобная архитектурная традиция сохраняется и в последующее время, вплоть до позднего средневековья.

В данной работе мы попытаемся проанализировать архитектурную конструкцию кургана. Материалом для анализа послужили курганы кочевников раннего железного века, населявших степи Евразии от Причерноморья до Забайкалья (Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время, 1992 и др.). Для анализа следует произвести упрощение, но так, чтобы полученная модель не противоречила действительности, поэтому необходимо остановиться на тех элементах массы, которые «будучи выделены из целого, сохранят свои постоянные свойства формы и могут быть описаны недвусмысленно» (Араухо И., 1982, с. 50).

Таковыми элементами, на наш взгляд являются: оградка кургана, погребальная камера и курганная насыпь. Единство этих элементов и их взаимосвязь не вызывает сомнения. Семантику этой триады можно интерпретировать следующим образом: 1) в центре Мира находится «священная гора», там встречаются Небо и Земля; 2) всякое сакральное сооружение уподобляется «священной горе» и таким образом получает статус «центра»; 3) в свою очередь, священная постройка, через которую проходит *Axis mundi*, рассматривается по этой причине как точка соединения Неба, Земли и Подземного царства.

Таким образом, курган является моделью Вселенной, а три его основных компонента соответственно отражали ее структуру. Сам же процесс сооружения кургана – это повторение космогонии. А космогония, как справедливо отметил М. Элиаде, представляет собой образцовую модель всякого строительства (Элиаде М., 1999, с. 270).

Взаимодействуя с реальностью, люди с самого начала человеческой истории создавали пространства и вещи, отражающие их мировосприятие: представление о строении космоса, о своем месте и роли в этом мире. Вселенная отождествлялась с обществом: структура племени служила моделью для конструирования космоса, а структура первых человеческих поселений – уменьшенной моделью мироздания. Гробница в индоиранской и всей индоевропейской мифологии, как отмечал Л.А. Лелеков, трактовалась как микрокосмос, соответственно ее планировка осмыслялась как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной (Лелеков Л.А., 1983, с. 17).

Появление и распространение геометрических символов отражало важные общечеловеческие характеристики психологического освоения окружающей среды, находило отражение в создаваемых человеком искусственных сооружениях и пространствах, свидетельствовало об изменении в структуре архаического сознания.

Представления типа мирового дерева постепенно заменялось символами, среди которых наиболее часто встречались круг, крест, квадрат и разного рода многоугольники и линии.

В конструкциях древнейших курганов наметилось сосуществование двух геометрических форм – круг и квадрат. Обе эти формы входят в концепцию мандалы.

Мандала являлась универсальным способом кодирования самых различных смыслов (философских, математических и др.), а потому могла быть истолкована достаточно свободно: как круг, центр, точка, капля, зачаточная стадия развития мысли или идеи.

Мандалу рассматривают как отображение архетипа космической горы на плоскости. Мандала исполняет роль образа мира, образа человека и инструмента познания одновременно. Богатая символика мандалы включает также идею упорядочения жизни, а сооружения несущие в себе признаки этой символики, выполняют активную коммуникативную роль.

Известны храмы (в частности, индуистские и буддийские), построенные по типу мандалы с характерным для нее равновесием элементов, геометрическими формами и значимым числом составных частей. Формой мандалы являются круглые, квадратные и восьмиугольные строения. Подобная геометрическая схематизация культовых сооружений может рассматриваться как явное указание на идею преодоления хаоса.

То же можно сказать и о мандалах-курганах. Геометрическая четкость их планов, так или иначе сочетавших круг и квадрат, была обусловлена космологическими уподоблениями гробницы обитаемому миру. Таким образом, идея мандалы заложена в основе кургана, является его образцом.

Образец как средство репродуцирования реальности является средством ее моделирования, создания новой пространственной действительности. На наш взгляд, таким средством проектного моделирования являлись круглые зеркала с ручкой-ушком на оборотной стороне, предмет широко распространенный в погребальных комплексах. В ее форме и орнаменте отражена структура Вселенной (мандалы).

Подобная модель образца не имела чисто профессиональных функций как средства конструирования. Модель являлась хранителем исторического опыта, как бы более долговечным по отношению к реальной постройке образом, средством закрепления и передачи самой по себе формы и структуру архитектурного объекта. Поэтому кажется маловероятным использование данной модели для инженерно-технического проектирования объекта (т.е. применение ее как архитектурного чертежа), т. к. возможности мифологического образца объекта весьма ограничены в этом плане.

Вероятнее всего, реализация инженерно-технической модели в натуре осуществлялась непосредственно в процессе строительства сооружений как геометрической конкретизации типовой структуры пространства на основе соответствующего канона. Вычерчивание плана на земле выступает как основное средство конструирования и реализации идеального образца в действительности. Пропорции фиксировались в своеобразных образцовых моделях, т. н. «вавилонках» (в данном контексте – «идеальный курган»). Остальные курганы воспроизводили данную модель. Таким образом, «идеальный курган» являлся архитектурно-строительным каноном, выступившим с обобщением предметных образцов и четкой программой создания формы.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в проектном моделировании кургана была заложена следующая триада: Мандала (Вселенная) – Зеркало (модель образца) – «Идеальный курган» (канон).

«Синтез историко-культурных особенностей и символов своего времени гарантирует правильное понимание формы, а это в свою очередь ориентирует нас на глубокое проникновение в концепцию формы», – писал теоретик в области архитектуры Игнасио Араухо (Араухо И., 1982, с. 17).

Таким образом, обращаясь к форме, мы должны делать это с широким контекстом, изучая не только ее структуру, но также ее образы и значение.

*Научный руководитель – д.и.н. А.И. Мартынов.*



*К.Н. Тихомиров*  
(Омск, Омский филиал Объединенного института истории,  
филологии и философии СО РАН)

### **К вопросу о классификации древних миграций**

Часто при обращении к проблемам изучения древних миграций исследователи останавливаются на классификации указанных процессов, используя различные критерии. Наиболее часто при этом применяется принцип уровня развития общества (Н.Я. Мерперт, Е.Е. Кузьмина и др.), т.е. разные типы миграций при разных уровнях развития общества у мигрантов и населения пришедшего на эту территорию. Основываясь на этом, реконструируют последствия указанных явлений (завоевание, ассимиляция, мирное сосуществование и т.д.).

Иногда переселения соотносят с археологической или исторической периодизацией, отмечая разные особенности указанных процессов в различные исторические периоды (Н.Я. Мерперт, В.С. Титов).

Есть такие классификации миграций, которые используют географические характеристики. Среди них выделяют «широтные» и «меридиональные», т.е. миграции, имеющие широтные или меридиональные направления, основываясь на этом выделяют три типа миграций: 1) крупномасштабные, которые вовлекают в движение большие этнические массивы в основном в широтном направлении; 2) миграции регионального характера, как в широтном, так и в меридиональном направлении, где участвует часть населения смежных культур; 3) миграции локальные, в основном в меридиональном направлении, связанные с сезонными занятиями (Поталкина Т.М., 1994, с. 234). Кроме того, М.Ф. Косарев указывал, что миграции следует разделять на миграции внутри одной природной зоны и миграции, выходявшие за пределы природной зоны (Косарев М.Ф., 1998, с. 4).

Существуют также классификации миграций, основанные на типах территорий, на которые совершались миграции (фактор населенности территории). В связи с этим выделяют следующие типы миграций: 1. Первоначальные миграции. Человеческие коллективы осваивали незаселенные территории. При этом указывается, что этот тип миграций исчез с исчезновением покровных ледников в раннем голоцене. 2. Миграции в пределах известной территории. В этом типе можно выделить несколько классов: а) нерегулярные (связанные со сменой хозяйственного цикла); б) нерегулярные (могут быть вызваны как внеэкономическими, так и экономическими факторами). 3. Миграции на новые территории – основные причины относительная перенаселенность территорий. Выделяют три основных типа этих миграций: а) движение вслед за изменением границ адаптивной зоны, в которой обитает коллектив; б) за счет культурных инноваций; в) вытеснение в результате военных действий. При этом указывается, что: «Сами военные походы можно считать миграциями третьего типа, но только в том случае, если они сопровождаются переселением целостных хозяйственных коллективов» (Косинцев П.А., 1994, с. 11-12).

Однако, в этих существующих классификациях миграционных процессов недостаточное внимание уделяется таким важным факторам, влиявшим на эти процессы как хозяйственно-культурный тип мигрантов и аборигенов, а также на такой не мало важный фактор как влияние природно-географических условий на направление, характер и последствия миграционных процессов. К сожалению, при построении своих схем авторы часто не учитывают такой важный фактор, как смена мигрирующей группой (например, миграция таежных охотников или рыболовов в степь) природно-географической зоны проживания. Несомненно, что такие изменения в доминирующем типе ведения хозяйства, которые неизбежно при этом происходили, влияли и на всю материальную и духовную культуру группы. Так, А.В. Матвеев увеличение роли охоты у черкаскульских общин объясняет адаптацией «к новым условиям системы жизнеобеспечения выходцев из лесостепи» (Матвеев А.В.,

2000, с. 77). Зачастую в таких случаях мигранты, чтобы выжить в новых условиях, вынуждены менять свой привычный образ жизни коренным образом. При этом они вынуждены были заимствовать часть материальной, а впоследствии и духовной культуры у населения, проживающего на этой территории и успешно ведущих свое хозяйство. При этом часто меняется и мировоззрение, т.е. мы наблюдаем значительные изменения в этничности мигрирующей группы во многом сходное с ассимиляцией. Таким образом, как раз природно-географический фактор и должен лежать в основе классификации миграционных подвижек древнего населения.

При классификации миграций следует учитывать тот факт, что каждая миграция была уникальным явлением порожденным конкретной исторической и природной обстановкой, развитием общества, способом ведения хозяйства данным обществом и т.д. Отсюда следует, что к классификации миграций следует подходить максимально осторожно, беря за основу классификации миграции какие-то наиболее общие для всех критерии. Типологию миграционных подвижек можно, по-моему, проводить лишь на основе того, в каких условиях проходила миграция и прежде всего тут следует учитывать, в каких природно-географических зонах проходила миграция.

Как известно природно-географические зоны в основном расположены в широтном направлении. На территории Западной Сибири представлены разнообразные макро- и микроландшафты, в которых проживают группы, занимающиеся своим традиционным видом хозяйства, со своими характерными способами ведения хозяйства, способами вживания в окружающее природное окружение. При изменении первичного природного окружения (заболочивания рек, смена сезонных путей миграции животных и т.д.), как правило, макроландшафт оставался неизменным (в целом условия тайги и или степи), а группа вынуждена была приспосабливаться к изменяющимся условиям. Одним из способов выхода из сложившейся кризисной ситуации было переселение коллектива в поисках привычного микроландшафта. При этом естественно, что поиск таких мест прежде всего происходил в границах одного макроландшафта. Несомненно, что если миграция произошла внутри одного макроландшафта, то в этом случае привычные способы жизни и хозяйствования группы подвергались наименьшей деформации и, следовательно, переселение группы в рамках одного привычного им макроландшафта вызывало наименьшее количество стрессовых ситуаций и незначительную деформацию материальной и духовной культуры. Из чего следует, что эти миграции происходили наиболее безболезненно. Более того, зачастую такое переселение группы происходило среди населения, ведущего в целом схожее хозяйство и часто родственного мигрирующим, вследствие чего многие черты их культуры имели большое сходство с мигрантами. Учитывая это, понятно, что такого рода миграцию трудно зафиксировать археологическими методами. Это возможно лишь в том случае, если фиксируются маркеры передвижения населения, не связанные с ведением хозяйства (смена антропологического типа, движение неотчуждаемых вещей, несущих яркие этнические признаки и др.). Следует отметить, что поиск ландшафтов, привычных для мигрантов не только внутри одного макроландшафта. Нельзя забывать, что существуют схожие ландшафты, существующие в разных природных зонах. К таким ландшафтам, прежде всего, следует относить долины крупных рек. Как известно, крупные реки в Сибири (Иртыш, Обь, Енисей) чаще всего имеют меридиональное направление и пересекают в своем течении несколько природных зон, сохраняя в целом одинаковые природные условия. Передвигаясь по долинам этих рек, группы чаще всего будут двигаться в схожих природных условиях и им легче будет отыскать микроландшафты, схожие с местом их прежнего расселения.

При движении за пределы привычных природных условий группа вынуждена менять свои способы традиционного ведения хозяйства, приводя их в соответствии с изменившимися природными условиями. Наиболее простым и быстрым путем приобретения необхо-

димых навыков было заимствование приемов жизнеобеспечения у местного населения, которое успешно существовало в данном природном окружении. Поэтому чтобы выжить в новых условиях мигранты вынуждены были заимствовать указанные приемы у проживавших здесь групп населения. Такое положение вело к тому, что сначала заимствования происходили в сферах культуры, непосредственно связанных с обеспечением выживания группы. Заимствования вели к тому, что при миграциях за пределы привычной географической зоны вели к тому, что у мигрантов как правило значительно изменялась прежде всего материальная культура.

Таким образом в соответствии со сказанным выше, выделяются две основные разновидности миграций, а именно:

1. Миграции внутри одной природной зоны, при которой изменения в культуре были незначительными.

2. Миграции за пределы привычного природно-географического окружения. В данном случае изменения в культуре мигрантов могли иметь довольно значительные масштабы.

Выделенные типы миграционных подвижек имели значения в большинстве случаев, однако не следует забывать, что существовали общества с комплексным хозяйством. Именно такое хозяйство велось группами, проживавшими на границе природных ландшафтов (например, в лесостепи). В данном случае, такие общества могли гибко реагировать на изменения природно-географических условий, в частности на подвижки природно-географических зон, увеличивая долю одного какого-либо наиболее рационального в изменившихся условиях хозяйства, при этом оставаясь на месте своего традиционного проживания. В случае же если они совершали подвижки, то в этой ситуации они были наименее подвержены изменениям, ибо перестройка хозяйства чаще всего была крайне незначительной.

Однако, не следует забывать, что многообразие исторических процессов, к которым относятся и переселения древнего населения, трудно (невозможно) втиснуть в рамки теоретических моделей созданных исследователями. Миграции населения были в каждом случае своеобразными, вызванные разными причинами, имевшие различный ход, различную протяженность и т.д. Тем не менее, общими факторами, влиявшими на переселения обществ с разным типом ведения хозяйства, уровнем развития и т.д. была смена природно-географического окружения, что заставляло изменяться общество в большей или меньшей степени. Поэтому именно этот фактор должен лежать в основе классификации миграций.

*М.В. Иванов*

*(Магадан, Северный международный университет)*

### **Естественнонаучные методы исследования каменной индустрии в археологии Севера Дальнего Востока**

Цель технологического анализа каменной индустрии – реконструкция системы действий древнего человека с камнем. На основе реконструкции становится возможна функциональная характеристика археологического памятника или его отдельного участка. Технологический цикл обработки камня включает следующие стадии: отбор и доставка сырья, расщепление, изготовление орудий, работа орудиями (Щапова Ю.Л., 1988; Дервянко А.П. и др., 1994). Каменный инвентарь содержит информацию обо всех этапах технологического цикла.

#### Методы изучения подбора и доставки сырья

Важнейшими методами подбора и доставки сырья являются петрографический анализ и метод визуального наблюдения (там же, с. 92). Петрографический анализ представляет собой комплексное изучение пород, их минералогического и химического состава, струк-

туру и текстуру, условий залегания и закономерностей их распространения (СЭС, 1990, с. 1010). Метод петрографического анализа каменного инвентаря известен археологам Севера Дальнего Востока (Диков Н.Н., 1974; Кирьяк М.А., 1994; Лебединцев А.И., 1990; Орехов А.А., 1987; Слободин С.Б., 1994 и др.), но его применение в большей мере основывается на данных петрографических справочников и консультаций специалистов-геологов, без использования более точной диагностики камня – лабораторного анализа.

Для изучения подбора и доставки сырья, помимо петрографического анализа применяется метод визуального наблюдения. При использовании этого метода можно проследить зависимость технологических приемов от формы и характера сырья. Важно определить приносили на памятник целые гальки, желваки или же заранее подготовленные в мастерской ядрища, а так же выделить виды сырья, которые получали издалека путем обмена. Не менее интересно определение степени удаленности памятника от источника сырья. Так, обилие предметов, получаемых на всех этапах раскалывания, свидетельствует, очевидно, о близости сырьевой базы от стоянки. И наоборот, наличие истощенных ядрищ – признак дефицита исходного материала (Деревянко А.П. и др., 1994, Щапова Ю.Л., 1988). Метод визуального наблюдения является наиболее доступным и часто применяемым в работах археологов Севера Дальнего Востока, занимающихся проблемами каменной индустрии (Диков Н.Н., 1977; Орехов, 1987; Пономаренко А.К., 1997; Кирьяк М.А., 1994; Лебединцев А.И., 1990; Пташинский А.В., 1989).

#### Методы изучения расщепления каменных орудий

При изучении расщепления каменных орудий важно проследить стадии изготовления и использования ядрищ, динамику раскалывания, соответствие определенных разновидностей отходов и технических сколов этим этапам. Интересные сведения дает сравнительное метрическое изучение размеров заготовок и негативов снятия на ядрищах. Несоответствие этих двух величин указывает на то, что часть заготовок была принесена на место обработки (Деревянко А.П. и др., 1994, с.125).

Наиболее эффективными методами исследования данной стадии технологического цикла следует считать планиграфический анализ и ремонтаж.

Планиграфический анализ рассматривает последовательность напластований слоев в горизонтали. Целью планиграфического анализа является выявление структуры памятника. Его основа – в четкой фиксации (картировании) всех находок на планах культурного слоя. Далее эти планы сравниваются между собой и с планами расположения структур слоя. Для сравнительного анализа используются статистический метод, заимствованный из современной географии (там же, с.132-135). При сравнении выявляются пространственно связанные группы находок, функционально сопряженные наборы. Именно благодаря данному анализу удается выделить разнофункциональные участки в пределах слоя (там же, с.129). На Севере Дальнего Востока в настоящий период времени метод планиграфического анализа находок остается, к сожалению, пока не востребованным. Представляется, что при использовании данного метода появилась бы возможность более четко оценить производственно-хозяйственные индустрии, и, следовательно, правомерно сопоставить коллекции, полученные в результате выборочных раскопок.

Во время работы археолога с материалами памятников некоторые изделия из камня апплицируются друг с другом: можно, например, подобрать ряд отщепов и технических сколов к нуклеусу. Метод такого воссоздания в обратном порядке всех стадий обработки камня называется ремонтаж (СЭС, 1990, с.1127). Преимущество ремонтажа заключается в его абсолютной достоверности. На основе обширных подборок можно воссоздать характерные приемы обработки камня, выявить отсутствующие звенья, реконструировать облик ядрища на ранних этапах его эксплуатации, определить связи между характером сырья и техникой раскалывания. Помимо этого большое значение имеет ремонтаж с последующим картиро-

ванием на плане стоянки «связей» между подходящими друг к другу фрагментам (Деревянко А.П. и др., с. 129-132).

В настоящее время предпринимаются отдельные попытки по ремонту материалов памятников Севера Дальнего Востока. Так, в своих работах подобный метод реконструкции используется Слободиныным С.Б. (1996, с. 212). Но, к сожалению, широкого распространения этот метод у исследователей древней истории Севера Дальнего Востока пока не получил.

#### Методы изготовления орудий и работы орудиями

Для изучения процесса изготовления орудий наиболее перспективно применение экспериментально-трассологического анализа. Назначением экспериментальных методов является искусственное создание ситуаций, аналогичных реально существовавшим в прошлом. Цель таких экспериментов двоякая. С одной стороны – это определение способов изготовления орудий посредством моделирования ситуаций. С другой – работа экспериментальными орудиями (рубка деревьев, обработка кости, шкур и т.д.) с последующим изучением следов износа (Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983, с. 143-180). Методы объединяют две взаимосвязанные научные процедуры – микроанализ рабочих поверхностей орудий в целях установления их функционального назначения по сохранившимся следам изношенности и физическое моделирование процессов изготовления и использования изделий с акцентом на изучение динамики образования следов человеческой деятельности, запечатленных на поверхности древних орудий труда и объектах, подвергшихся обработке этими орудиями (Семенов С.А., 1957).

Микроанализ каменного инвентаря успешно используется в работе археологов-дальневосточников (Кононенко, 1984). Работы археологов по древней истории Севера Дальнего Востока содержат в основном обобщающие типологические описания каменных и костяных орудий труда на основе технико-морфологических признаков (Диков Н.Н., 1977; Кирьяк М.А., 1994; Лебединцев А.И., 1990; Орехов А.А., 1987 и др.). К настоящему периоду времени уже предприняты первые попытки проведения трассологических исследований (Орехов А.А., 1987; Макаров, 1995, 1996). Актуальность экспериментально-трассологического метода для разрешения задач исторической реконструкции древнейших этапов развития первобытного общества в археологии Севера Дальнего Востока не подлежит сомнению.

Использование естественнонаучных методов (петрографии, трассологии, ремонтажа и др.) при изучении каменной индустрии древних обществ Севера Дальнего Востока только начинается. На современном этапе переход на качественно новый уровень изучения древних производств необходим. Только при этом условии возможно восстановление целостной картины культурно-исторических процессов.

*Т.А. Першикова*

*(Алматы, Казахский государственный национальный университет им. аль-Фараби)*

#### **Вклад А.Г. Медоева в изучение палеолита Северного Прибалхашья**

Становление истории изучения палеолита Северного Прибалхашья связано с именем геолога и археолога А.Г. Медоева. Этот ученый в числе первых отечественных археологов, занимающихся изучением палеолита, стал применять т.н. комплексный подход в исследовании памятников палеолита. Он проводил широкомасштабные исследования на территории Северного Прибалхашья. Экспедициями, в которых он был исполнителем, было открыто немало памятников эпохи палеолита, неолита. В Северном Прибалхашье это: стоянки-мастерские в горах Семизбугу, стоянки в бассейнах рек Туранга и Кызыл-Кайнар,

стоянки у родников Тесиктас и Караунгур, стоянки около гор Котан-Эмель (долина Акозек) и Аркарлы (родник Акшира).

Медоев А.Г. поддерживал мнение А.П. Окладникова в отношении сходства позднепалеолитических культур Сары-Арка с позднепалеолитическими культурами Северной Монголии и Китая. Позднепалеолитические каменные индустрии Сары-Арка, Северного Китая, Монголии являются фациями одной культуры (Медоев А.Г., 1970, с. 212).

Исследовательские работы в области каменного века на территории Северного Прибалхашья начались в 1960 г., когда был сформирован палеолитический отряд, сектором геоморфологии и четвертичной геологии ИГН АН КазССР совместно с отделением археологии ИИАЭ им. Ч. Валиханова АН КазССР.

Основные районы исследования включили территорию Центральной части Северного Прибалхашья, а также Северо-Западное Прибалхашье.

Северное Прибалхашье представляет собой слабо покатую к югу низко холмистую равнину. Холодная зима, кратковременная весна, жаркое и сухое лето, не менее сухая с частыми и сильными ветрами осень, и наконец, незначительная сумма годовых осадков (выпадает 110 мм, а испаряется 930 мм), определили полупустынный ландшафт этой территории. Долины здесь мертвые, лишённые постоянного потока, а большая часть немногочисленных родников пересыхают уже к концу весны (Медоев А.Г., 1962, с. 95).

Как указывалось выше, тип рельефа обусловил и сохранность памятников, каменный инвентарь которых сохранился до настоящего времени в не потревоженном и неприкрытом состоянии.

Характерной чертой расположения стоянок является их близость к местам выходов подземных вод, т.е. к родникам. Учитывая их рабочее состояние на данный момент (расход определяется долями литра в секунду, а многие из них перестают действовать к концу весны (Медоев А.Г., 1962, с. 95)), можно сделать вывод о том, что в то время они функционировали в гораздо большей степени, что и вызвало их популярность при выборе места для поселения.

Так же А.Г. Медоев к характерной черте топографии палеолитических стоянок относит их стабильность. То есть каменный инвентарь на большинстве из них разновозрастный. Содержит ранне- и позднепалеолитические образцы. Они лежат на поверхности и редко слегка затянута суглинками. Подобное утверждение, в свою очередь наводит на мысль о том, что люди заселяли эту территорию неоднократно.

В ходе первых полевых сезонов были обозначены типы памятников. Это открытые стоянки на террасах и днищах мертвых долин (северо-восточная часть) и открытые стоянки-мастерские на вершинах и склонах скалистых сопков, а также на шлейфах конусов выноса.

Медоевым А.Г. была определена и периодизация каменного века Северного Прибалхашья, которую он, если судить по его работам, в течение всей своей научной деятельности совершенствовал и видоизменял. В первых работах по палеолиту Северного Прибалхашья Медоев А.Г. выделяет следующие периоды: шель-ашель, ашель, мустье или иначе он называет этот период мустье-леваллуа, поздний палеолит. Следом выделена эпоха микролитов – ее хронологические рамки, как и предыдущих периодов в настоящий момент корректируются.

Первому периоду Медоев А.Г. приписывает клектонский характер. Дальнейшее развитие техники шель-ашеля и ашеля путем эволюции приводит к формированию леваллуазской традиции в мустье.

Так в своей статье, вышедшей в 1964 г., А.Г. Медоев приводит схему эволюции, где первым этапом, как уже указывалось выделяет шель-ашель: «Типичный шель на данном участке Сары-Арки не встречен. Древнейший этап эволюции каменной индустрии представлен здесь грубыми отщепами весьма архаического габитуса и отдельными образцами

примитивных нуклеидных форм»(Медоев А.Г., 1964, с. 90-98) Об этом же он говорит в работе «Об истоках древнейшего палеолита Сары-Арки» (Медоев А.Г., 1965, с. 77-81).

Но в следующей работе «Ареалы палеолитических культур Сары-Арка», Медоев А.Г. глубоко отрицает присутствие более древнего, чем ашель, этапа. Архаические черты крупных и грубых нуклеусов и отщепов, отражают здесь промежуточные стадии одного производственного цикла. Начисто отвергается им и сам термин шельско-ашельский этап (Медоев А.Г., 1970, с. 204).

В своей работе «Геохронология палеолита Казахстана», А.Г. Медоев приводит новую совершенно измененную уже с учетом местной топонимики, периодизацию. Здесь он приводит две основные линии эволюции: ашель и мустье ашельской традиции фации леваллуа, а также леваллуа-ашель. Далее он говорит о том, что на базе мустье ашельской традиции сложилась позднепалеолитическая культура саяк.

Относительно датировки памятников. Не погребенные памятники весьма трудно поддаются датировке, абсолютную дату вывести практически невозможно. Все имеющиеся сведения о возрасте памятников основываются на типологическом анализе, геологическом, данных изучения гидрологических сетей.

Тем не менее предварительные данные о возрасте памятников помогают приблизительно воссоздать картину жизни первобытных людей на территории Северного Прибалхашья. Тот огромный материал представленный А.Г. Медоевым с этой территории Казахстана еще требует более полного и подробного изучения.

*В.В. Сильванович*

*(Якутск, Якутский государственный университет)*

#### **Вклад А.П. Окладникова в изучение неолита Якутии**

Обширная территория Якутии до конца 1930-х гг. в археологическом отношении оставалась почти совершенно неисследованной и представляла сплошное белое пятно на археологической карте нашей страны. Новые открытия и исследования археологов в сопредельных районах, а также все полученные данные по археологии Якутии, свидетельствовали о том, что территория Якутии таит в себе многочисленные памятники древности. Однако, археологические работы, проведенные здесь за период до 1940 г. дали, хотя и ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко недостаточный для воссоздания целостной исторической картины. Поэтому в 1939 г. НИИЯК Якутской АССР поставил перед СНК Якутской АССР вопрос о проведении планомерных археологических работ в республике.

В результате была снаряжена Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством старшего научного сотрудника ИИМК АН СССР А.П. Окладникова. Он лично возглавил все полевые и камеральные работы, а также впоследствии опубликовал все важнейшие результаты деятельности экспедиции. В составе экспедиции работали В.Д. Запорожская (художник), С.Н. Боло (этнограф), И.И. Барашков (лингвист) и несколько штатных сотрудников. Малая численность состава экспедиции объясняется тем, что ЛИАЭ работала в период Великой отечественной войны, и с этим были сопряжены организационные трудности.

В 1940 г. полевыми работами ЛИАЭ в районе Олекминск-Якутск было положено начало планомерному археологическому изучению территории Якутии. Было открыто и исследовано 49 местонахождений остатков памятников древности, из которых 21 представлен писаницами (Окладников А.П., 1945). Среди них особо выделяется поселение Малая Мунку, где впервые был выявлен комплекс среднеленской неолитической культуры.

В 1941 г. обследованием была охвачена долина Лены на участке Качуг-Якутск. Среди открытых памятников большая часть памятников к неолитическим.

С 1942 г. экспедиция приступила к обследованию долины Лены ниже Якутска. Маршрут экспедиции охватил долину Лены от Якутска до острова Тит-Ары в низовьях реки.

В 1943 г. работы на Нижней Лене были продолжены. Полевые работы были начаты у поселка Кюсюра, затем продолжены на участке озеро Сылах-Жиганск-Кюсюр. За эти два года было открыто и обследовано всего 137 памятников, из них около 1/3 отражают эпоху неолита (Окладников А.П., 1946). Было выявлено, что, при бесспорном родстве со средне-ленскими, эти памятники имеют ряд своеобразных черт и особенностей.

С 1944 г. начался второй этап деятельности ЛИАЭ, характеризующийся углублением и расширением масштабов исследований, последовательными раскопками выявленных предыдущими работами важнейших археологических памятников. Полевой сезон этого года начался в черте и окрестностях Якутска. Из 25 обнаруженных на этом участке местонахождений, наибольший интерес представляли два пункта, которые и подверглись раскопкам. Первый пункт находится на второй надпойменной террасе Лены, возле Областной больницы. Раскопками было выявлено три культурных слоя: из которых нижний содержал чистый комплекс эпохи неолита. Вторым пунктом представлен также неолитическими находками, среди которых выделен комплекс раннего неолита. Этот пункт расположен в 500 м к юго-западу от первого пункта на той же террасе, что и первый, около Никольской церкви (Окладников А.П., 1950).

Позднее, в этот же сезон, раскопки были осуществлены на древнем поселении у озера Ымыяхтах и Усть-Алданском районе на правом берегу Лены, в 60 км к северо-востоку от Якутска. Детальное изучение культурных наслоений ымыяхтахской стоянки в процессе раскопок, позволило расчленить их на четыре самостоятельных культурных горизонта, однако все они принадлежат к одной исторической эпохе – позднему неолиту (Окладников А.П., 1950).

В 1945 г. основные работы ЛИАЭ ограничились раскопками Куллаты, являющегося одним из самых замечательных памятников Якутии. Памятник расположен на второй надпойменной террасе Лены на левом приустьевом мысу долины реки Куллаты. Культурная толща поселения мощностью до 1,5 м стратиграфически довольно четко разделена на четыре слоя. Помимо комплексов раннего железа и бронзы представлены все три этапа неолита. Кроме этого в 1945 г. были проведены дополнительные исследования некоторых памятников в отрезке Покровск – Якутск и археологическая разведка в районе поселка Хатанга на правом берегу реки Хатанги, было выявлено несколько неолитических местонахождений (Окладников А.П., 1950).

Материалы ЛИАЭ поступили в Якутский музей. Поскольку экспедиция явилась первым комплексным, планомерным изучением совершенно новой для археологии области, были необходимы детальное описание памятников и неотложная публикация их материалов. Относительно Средней и Нижней Лены это было осуществлено в трех выпусках «Ленских древностей» под авторством А.П. Окладникова, которые и ныне представляют интерес для исследователей.

Прямым продолжением ЛИАЭ явилась организация в 1946 г. археологических исследований в Колымском крае, которые также проводились под руководством А.П. Окладникова. Задача экспедиции заключалась в выяснении общего характера древних культур северо-восточной Якутии и их отношений к уже известным культурам древних областей. Обследование долины Колымы выявило, что ее верховья до Среднеколымска почти лишены



археологических памятников, зато ниже по Колыме, в местности Лабуя, было обнаружено несколько кратковременных неолитических стоянок. Материалы Колымской экспедиции были обобщены и опубликованы А.П. Окладниковым в журнале «Вестник Европы» в 1947 г. (Зыков И.Е., 1972, с. 17).

На основе работ ЛИАЭ А.П. Окладниковым была предложена периодизация древних культур Ленского края, согласно которой, неолитическая эра расчленилась на три этапа: ранний (стоянки типа Сылах), развитый (стоянки типа Малая Мунку, основной неолитический комплекс Куллаты) и поздний (стоянки типа Ымыяхтах). Тогда же было намечено наличие двух больших культурно-исторических областей неолита Якутии: среднеленская-долина Лены от Витима до Алдана и нижнеленская (субарктическая) – долина нижней Лены и Колымы (Окладников А.П., 1955, с.72-127; Окладников А.П., 1950).

По мнению Ю.А. Мочанова, данная периодизация в выделении культурных комплексов, характерных для отдельных этапов неолита, как правило, основывались целиком на типологическом сравнении археологических материалов Лены с материалами смежных областей, прежде всего с Прибайкальем, для которого уже была разработана наиболее подробная периодизация каменного века. Однако, несмотря на относительно культурную близость этих областей, значительное своеобразие неолита Якутии делало далеко не всегда пригодными байкальские эталоны (Мочанов Ю.А., 1969, с. 4).

Кроме того, Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева, посчитали, что выделение А.П. Окладниковым локальных вариантов Средне и Нижнеленского неолита, безосновательно. Позднее, А.Н. Алексеев и другие исследователи, доказали существование локальных вариантов (Алексеев А.Н., 1999, с.22-26; Кашин В.А., 1997, с. 113-116).

Многие спорные вопросы, изложенные в трудах А.П. Окладникова, оказались пересмотрены, однако некоторые его предположения и гипотезы, в свете новейших открытий, могут быть вновь подняты. Это касается выдвинутого исследователем, по материалам стоянок Малая Мунку и Куллаты, тезиса о существовании текстильного производства в Якутии и использования тканей при изготовлении керамических сосудов (Окладников А.П., 1950, с. 148; 1955, с. 84). Последние исследования неолитической керамики Якутии доказывают наличие сосудов с текстильными оттисками на внешней поверхности (Дьяконов В.М., Дрон А.Я., 2000, с. 8; Дьяконов В.М., 2001).

Не правы те исследователи, которые ставят в вину А.П. Окладникову его некоторые ошибочные выводы. Не следует забывать о том, что этот ученый был пионером в научном археологическом изучении Якутии, а также работал в тяжелое для страны и науки время. Вклад А.П. Окладникова в археологию Якутии огромен, его невозможно предать забвению. А.П. Окладников первым создал четкую периодизацию каменного века Якутии, первым приступил к ее научному археологическому изучению, занялся планомерными разведкой и раскопками на огромной территории, совершенно неизвестной в археологическом отношении. Он составил первые археологические карты, опубликовал материалы результатов своей работы в периодической печати и монографиях. Многие результаты его работы не были опровергнуты, а наоборот, подтверждены его последователями.

А.П. Окладников первый выявил все археологическое богатство Якутии, доказал необходимость дальнейшего ее изучения. Результаты его работы способствовали организации последующих археологических работ на территории республики. Его работы актуальны и интересны для исследователя по сей день.

*Научный руководитель – к.и.н. В.М. Дьяконов.*

*О.Х. Аветисян, Т.А. Горбунова  
(Омск, Омский государственный университет)*

### **Проблемы периодизации и хронологии неолита Западной Сибири**

В последние годы проблематика отечественной археологии значительно расширилась за счет активного внедрения в археологическую практику новых методов исследования и увеличения объема источниковой базы в результате многочисленных раскопочных работ. В полной мере эта тенденция нашла отражение в сибирской и, в частности, западносибирской археологии.

Западная Сибирь – регион, изученный крайне неравномерно как в территориальном, так и в хронологическом плане. Данное обстоятельство довольно отчетливо проступает на фоне современных знаний о неолитической эпохе в Западной Сибири. Несмотря на то, что здесь обнаружены и исследованы замечательные комплексы, которые относят к неолиту, мы имеем в настоящее время весьма скудную информацию об этой эпохе. С чем это может быть связано?

Значительная часть исследователей полагает, и мы с этим вполне согласны, что отрывочность и разрозненность знаний о неолитической эпохе определяется, главным образом, недостатком объективных высокоинформативных фактов, полученных в результате археологических исследований. Действительно, одной из основных задач современной западносибирской археологии можно считать необходимость проведения междисциплинарных и комплексных археологических изысканий, направленных на широкомасштабные раскопки неолитических местонахождений. Но мы также полагаем, что простое накопление фактов не приведет к изменению сложившейся ситуации. В данном случае необходимо, прежде всего, обобщение накопленного материала и его теоретическое осмысление, что позволит выйти на иной уровень исследования.

Изучение неолита в Западной Сибири началось тогда, когда в отечественной археологии уже сложилась определенная концепция неолитической эпохи, основанная на обобщенном материале археологических памятников других, главным образом европейского и южного, регионов нашей страны: содержание понятия «неолит», критерии его выделения и хронологические рамки, внутренняя периодизация и прочее. Данная модель была механически перенесена и на материал Западной Сибири, региона с совершенно иным физико-географическим и историко-культурным контекстом, без какой-либо адаптации к местной специфике. И сначала она работала.

В дальнейшем, в связи с накоплением нового материала, расширением источниковой базы и появлением первых обобщающих работ складывалось иное представление о развитии неолита в Западной Сибири, которое во многом не соответствовало устоявшимся взглядам. В настоящее время с включением в ареал археологических изысканий новых территорий, применением иных методик и подходов к изучению археологического материала, расширением проблематики изысканий и другими факторами, эта тенденция оформилась в необходимость пересмотра сложившихся стереотипов в рамках изучения неолита Западной Сибири. И прежде всего это относится к вопросам периодизации и хронологии археологического материала.

Основной при рассмотрении данных вопросов представляется проблема определения критериев, на основании которых выделяют как саму эпоху (в нашем случае – неолит), так и отдельные этапы развития культур, относящихся к этому времени (соответственно, неолитических культур). В истории науки нередки случаи трансформации отдельных понятий с течением времени. В полной мере это относится и к рассматриваемой нами проблеме.

В середине XIX столетия каменный век трудами Дж. Леббока был разделен на два периода – палеолит, век оббитого камня и неолит, век камня полированного. В дальнейшем на

основе конкретного материала была доказана безосновательность данного критерия – наличия полированных изделий из камня – для выделения неолитической эпохи. Но данный период остался полноценной частью общей археологической периодизации, хотя понимание его содержания постоянно претерпевало определенные изменения. Вместе с этим изменялись и критерии, на основании которых определяли принадлежность археологических памятников к эпохе неолита. Значительный вес в исследовательской практике археологов в качестве критерия неолитической эпохи приобрел факт наличия керамической посуды в комплексе археологического памятника. Кроме того, учитывались такие показатели, как появление новых форм и типов орудий, не имевших место быть в предшествующую эпоху (топоры, тесла и пр.), значительное изменение форм изделий (наконечников стрел, ножей и т.д.), бытовавших ранее и, нередко, появление производящего хозяйства. В дальнейшем многие из этих критериев вышли из употребления и были заменены новыми.

Следует признать, что сегодня в исследовательской практике традиционно функционируют критерии определения неолита, которые не соответствуют современному уровню развития науки и представляются весьма спорными. Это в полной мере относится как к появлению керамической посуды, так и к технике изготовления каменных изделий (переход от пластинчатой индустрии к отщеповой). Во-первых, в настоящее время нам известны отдельные бескерамические комплексы, которые, тем не менее, относят к эпохе неолита. Значимость этих материалов определилась в выделении особого этапа в развитии неолитической эпохи и создании специального термина – «бескерамический неолит». Во-вторых, археологическая практика показала, что развитие каменной индустрии – процесс не универсальный. Его направление зависит от многих факторов, в том числе, от наличия источников каменного сырья (Бобров В.В., 1998).

Теоретическая разработка таких вопросов, как зависимость облика материальной культуры человека от окружающей его среды, распространение культурных традиций во времени и пространстве, преемственность и инновации в культуре и т.д. помогут наметить особенности историко-культурного развития отдельного региона применительно к физико-географическому контексту этого района и, следовательно, внести некоторую долю ясности в проблему смены археологических эпох применительно к местной специфике. Возможно, в результате работы в данном направлении будет решена проблема, возникшая еще в 1940-1950-х годах и до сих пор остающаяся дискуссионной – проблема выделения переходного этапа от неолита к эпохе бронзы, за которой прочно закрепилось название «энеолит».

С данными вопросами оказываются тесно взаимосвязанными проблемы внутренней периодизации неолита, поскольку и здесь в качестве критерия определения хронологических этапов развития неолитических культур нередко служит техника и технология изготовления каменных орудий – тенденция перехода от пластинчатой техники производства каменных орудий к отщеповой. Кроме того, с разработкой поставленных проблем, вероятно, мы получим более достоверную информацию о хронологических этапах развития неолита, выделенных на основе анализа изменений форм керамических сосудов и керамических орнаментов. В данном случае весьма ценным представляется и эмпирический материал – исследования хорошо стратифицированных комплексов и получение значительных серий абсолютных дат. Уже сейчас работа в этом направлении привела к существенным подвижкам в понимании неолита Западной Сибири и подтвердила общую тенденцию к удревнению выделенных в археологии периодов.

Таким образом, новая познавательная ситуация, которая сложилась в результате ряда факторов (внедрение новых методов исследования, расширение ареала археологических изысканий и, как результат, увеличение объема источниковой базы) привела к необходимости пересмотра уже устоявшихся взглядов в понимании неолита Западной Сибири и, прежде всего, в вопросах периодизации и хронологии археологического материала. Основной

при их рассмотрении является проблема определения критериев, на основании которых выделяют как саму эпоху, так и отдельные этапы развития культур, относящихся к этому времени. Мы пришли к выводу о спорности большинства критериев, функционирующих в настоящее время в теории науки и практике археологического исследования.

В решении этой проблемы нам видится два основных направления – эмпирическое и теоретическое. Первое включает поиск и тщательное исследование хорошо стратифицированных комплексов, а также получение серии абсолютных дат в высокорейтинговых лабораториях (Бобров В.В., Молодин В.И., 1999); второе – разработка вопросов соотношения природной среды и материальной культуры человека, поскольку очень многие процессы обнаруживают зависимость от физико-географического контекста изучаемого района, от его региональной специфики. В связи с этим следует отметить, что при изучении неолита Западной Сибири необходимо проводить междисциплинарные и комплексные исследования, значимость и актуальность которых все более осознается учеными нашего времени.

*Научный руководитель – И.В. Толпеко.*

*Д.С. Байгунаков*

*(Алматы, Казахский государственный университет)*

### **История изучения неолита Южного Казахстана**

Наиболее слабо изученной областью первобытной археологии Южного Казахстана является неолит. Тем не менее, в исследовании неолита указанного региона можно выделить два этапа. Первый этап характеризуется случайными находками, исследованиями любителей археологии, начинается он с начала прошедшего века и завершается 1946 г. т.е. до момента открытия АН КазССР. Начало второго этапа приходится на 1947 г., когда при Институте истории, археологии и этнографии была создана археологическая экспедиция под руководством А.Х. Маргулана. Этот этап можно характеризовать эпизодическими поисками памятников эпохи каменного века, но уже специалистами-археологами.

**I этап.** Здесь следует отметить работы Туркестанского кружка любителей археологии. Ими были организованы сбор сведений о древностях южного региона.

Первым, кто нашел находку отнесенную к неолиту, был М.А. Кирхгоф. Он в 1906 г. в урочище Бесарык (у одноименной станции) случайно нашел два наконечника стрелы. Позже И.Т. Пославский о них, и о его других находках, сделал доклад (Пославский И.Т., 1907, с. 57). Это вызвало большой интерес у любителей археологии.

Спустя несколько десятков лет, И.П. Новохатский в 50 км к востоку от с. Чаян Южно-Казахстанской области и близ Ачисая (Туркестанский район) обнаружил неолитические наконечники стрел.

А в 1936 г. Бетпак-Далинская экспедиция Средне-Азиатского Государственного университета под руководством В.А. Селевина в Сары-Суйском районе Джамбылской области обнаружила каменные наконечники стрел, нуклеусы и микролитические орудия из роговика, яшмы и халцедона. Аналогичные находки были подняты по дороге из г. Джамбыл (ныне Таразы – Д.Б) в сторону Бетпак-Далы (Маргулан А.Х., Агеева Е.И., 1948, с. 131). На этом и завершается I этап исследования неолита Южного Казахстана.

**II этап.** В 1947 г. геолог Н.Ф. Федин собрал в 25-26 км на юго-западе от Кзыл-Орды у колодца Каракудук каменные изделия неолитического облика. Годом позже им же в 50 км к востоку от развалин Кумкалы 1, при разветвлении русла р. Жана-Дарьи, найдены кремневые скребки. В верховье р. Бугунь Е. Покровский случайно нашел каменные наконечники.

В 1954 г. Хорезмская археологическая этнографическая экспедиция под руководством С.П. Толстова обнаружила наряду с другими памятниками стоянки эпохи неолита на терри-

тории Кзыл-Ординской области. Одна из них стоянка Эсентюбе представляет особый интерес. Были выявлены изделия из кварцита, кремня, обломки неорнаментированных глиняных сосудов кельтеминарского типа.

В 1954 г. экспедицией были открыты стоянки Жалпак 1-3,6, сосредоточенные у восточного берега сухого русла р. Жана-Дарьи. Культурный слой был разрушен. Эти памятники исследователями датированы эпохой неолита – энеолита. Помимо изделий из кремня и кварцита, обнаружены фрагменты керамики (Археологическая карта, 1960)

Южно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А.Г. Максимовой в 1957 г. в Джамбылской области у озера Кызылаутколь обнаружила кремневые сколы и наконечник стрелы. В том же году в 25 км от поселка Чулактау и в двух километрах от него также были подняты кремневые сколы, нуклеусы и наконечники.

Одним из уникальных памятников неолита Южного Казахстана является пещера Карангур. Она расположена в 43 км к северо-востоку от г. Шымкента (Алпысбаев Х., 1969, с. 86). Коллекцию находок составляют большие, малые, округлые удлинённые скребки, пластины с боковыми выемками, проколки, сверла, пластины с притупленными краями, пластины различной обработки и без обработки; наконечники стрел, нуклеусы, отщепы, сколы-отходы производства, топоры-тесла, ножи скребки из плиточной гальки, песты и др. костяные орудия (Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И., 1998, с. 186). К сожалению, первоисследователь не успел полностью опубликовать круг намеченных им проблем. Пещера была дополнительно обследована осенью 1992 г. отрядом совместной Казахско-Российской археологической экспедиции по изучению каменного века Казахстана. Получены новые сведения. Рассмотрены данные о геоморфологии, палинологии, палеозоологии и т.д. (Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И., 1998, с. 186).

Еще несколько неолитических стоянок были открыты Х. Алпысбаевым в 1974 г. (Алпысбаевым Х., 1977, с. 93-103). На Чиликской стоянке, расположенной в 43 км к северу от с. Шаульдер (ЮКО), были собраны 89 каменных изделий, фрагменты керамики. Памятники Дармене 1-4 обнаружены возле одноименного села. Высокая техника изготовления пластин и характер ретуши, а также другие признаки позволяют их датировать неолитом.

Неолитическая стоянка Арысь 1 расположена в 8 км к северу от г. Арысь. В результате зачистки и сборов собрано более 89 каменных изделий, изготовленных из светло-серого кремнистого порфирита и кремня, как и каменные изделия из Таскотана, находящегося в 60 км к югу от этого пункта. С последнего поселения собрано более 1766 каменных изделий, среди них многочисленные нуклеусы, скребки, скребла, ножевидные пластинки, резцы, проколки, острия и др. Керамика отсутствует (Алпысбаев Х., 1977, с. 100).

Весомый вклад в исследование каменного века Казахстана внесла и вносит совместная Казахско-Российская археологическая экспедиция под руководством А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии СО РАН и Институт археологии НАН РК). За время исследования на территории Республики Казахстан обнаружены новые памятники каменного века и получившие широкий общественный резонанс, в том числе и травертиновые стоянки с микроиндустрией (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. и др., 2000, с. 297).

В последние годы указанной экспедицией обнаружены новые памятники эпохи голоцена в Кзыл-Ординской области (Агеспе, Арал), в Джамбылской области (Жартыбастау) которые требуют дальнейших исследований. Таким образом можно сказать, что для второго этапа характерно то, что неолитические памятники исследуются досконально, чем на предыдущем этапе.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии на территории Южного Казахстана памятников эпохи неолита с богатым кремневым, керамическим и остеологическим инвентарем.

*Научный руководитель – д.и.н. Ж.К. Таймагамбетов.*

*А.А. Яныгина*  
(*Якутск, Якутский государственный университет*)

### **К истории изучения бронзового века Якутии (XX век)**

Бронзовый век Якутии – слабо изученная станица в истории древней Якутии. Первые известия о находках бронзовых изделий попали в поле зрения исследователей в кон. XIX в. До недавнего времени считалось, что бронзолитейной металлургии в Якутии как таковой не было, т.к. археологами не были выделены конкретные поселения с бронзолитейным производством, хотя на территории Якутии все необходимые рудные компоненты для изготовления бронзового инвентаря имеются (медь, олово). В этой связи, специалисты предполагали переход древнего населения Якутии от каменной и костяной технологии изготовления орудий к технологиям изготовления инвентаря раннего железного века, минуя эпоху бронзы.

Река Лена берет свое начало в Прибайкалье, затем протекает по территории Якутии. В археологическом отношении прибайкальские культуры Верхней Лены серьезно увязаны с культурами Средней и Нижней Лены. К археологическим памятникам Верхней Лены применялась периодизация, сформулированная на материалах погребений Прибайкалья. При этом материалы с Верхней Лены использовались выборочно, только те, которые подходили к данной периодизации.

До сер. 1960-х гг. исследователи неолита-палеолита изучали Верхнюю Лену по погребениям, поселения и стоянки игнорировались. Впервые опроверг это предположение А.П. Окладников. В 1940-1946 гг. ЛИАЭ, под его руководством, обнаружила в районе Покровска, Якутска и Старого Сиктяха следы бронзолитейных мастерских. Там были найдены останки плавильных печей – горнов, обломок половинки глиняной формы для литья кельтов, глиняные стерженьки и сердечники для оформления втулок наконечников копий, льячики (Алексеев, 1996, с. 65).

Основываясь на этом материале, А.П. Окладников выделил два периода бронзового века Якутии: ранняя бронза (находки из нижнего слоя стоянки Старый Сиктях, вещи из меди и бронзы из погребений Бугачанское, Иччиляхское, Покровское), параллельная Глазковскому периоду Прибайкалья, и развитая бронза (бронзолитейные мастерские, раскопанные в черте Покровска и Якутска), параллельная карасукской эпохе (Эртюков, 1978, с.132).

Ряд исследователей отмечали оригинальный характер бронзовых изделий с территории Якутии и сходство орнаментов на бронзовых и поздненеолитических изделиях, что подтверждает наличие самостоятельного культурного центра бронзовой металлургии (Федосеева, 1968, с.137).

В 1964 г. Ю.А. Мочанов на р. Алдан открыл стоянки, на которых впервые выделил чистые комплексы эпохи бронзы – Сумнагин I, Сумнагин II, Белькачи I (Эртюков, 1978, с.132). Ранее в долине Вилюя были обнаружены стоянки: Чона II, Туой-Хая, Усть-Ахтаранда, Бакемда, Хоту-Туулах, Сыралта, Куокуну и однослойная стоянка Эльгяй (Федосеева, 1968, с.129).

По материалам находок пока нельзя было установить точное время зарождения и становления бронзовой металлургии на территории Якутии, но уже можно было предположить, что единичные медные и бронзовые изделия появились здесь уже в конце неолита. На это указывает явное обеднение поздненеолитического ымыяхтахского каменного инвентаря. Ю.А. Мочанов объясняет это также спорадическим проникновением к ымыяхтахцам бронзовых изделий от более южных соседей знакомых с бронзовой металлургией (Федосеева, 1968, с.139).

В кон. 1960 – нач. 1970-х годов бронзовый век Якутии датировался путем сопоставления инвентаря ленских погребений эпохи бронзы с позднеглазковскими могильниками Прибайкалья, которые А.П. Окладников датировал второй половиной II тыс. до н.э. Учитыв-

валась также датировка ымыяхтахской поздненеолитической культуры – II тыс. до н. э. (Федосеева, 1968, с. 133). Точно датировать бронзовый век было сложно из-за того, что часто культурные слои бронзовых и поздненеолитических культур были смешанными или материал был подъемным. Иногда находки обнаруживали случайно при земляных работах, поэтому стратиграфия была нарушена. В 1970-е гг. была получена абсолютная дата для бронзового комплекса Якутии –  $2930 \pm 50$  (ЛЕ-666). Дата была выявлена путем анализа угля из второго культурного слоя стоянки Белькачи I (Федосеева, 1968, с. 133).

В настоящее время на территории Якутии обнаружено 19 бронзовых предметов: 4 копья, 5 мечей, 4 ножа, кельт, игла, 3 подвески и котел. Все они, кроме усть-мильского ножа и ножа со стоянки Хатынгнаах II на Вилуе, стратиграфически не привязаны, но типологические особенности свидетельствуют о их принадлежности к бронзовому веку. Предметы имеют превосходную отделку, высокое техническое и художественное исполнение. Несомненно, они отлиты по определенным правилам, т.к. явно копируют классические образцы (Алексеев, 1996, с.71).

В 1968 г. С.А. Федосеева ввела термин «усть-мильская культура» бронзового века Якутии. Культура названа в честь стоянки Усть-Миль I, где были найдены бронзовый нож и фрагменты гладкостенной керамики (Эртюков, 1990, с. 4). В настоящее время известно около 100 усть-мильских памятников, на 8 из которых представлены несмешанные слои бронзовой культуры: Белькачи I (слой II), Сумнагин I (слой III-IV), Билиир I (слой I) на Алдане, Сиктях I (слой I) на Нижней Лене, Улахан Сегеленнях (слой VII), Курунг II (слой I), Баасынай I (слой I), Большая Кюскэ (слой I) на Олекме. Они являются основой изучения бронзового века Якутии (Алексеев, 1996, с.70).

Основной материал усть-мильской культуры представлен керамикой. Она изготовлялась выколачиванием. Все сосуды делались круглодонными. Широкое распространение получили, появившиеся в конце позднего неолита сосуды открытого типа. Художественная орнаментация весьма разнообразна. Основу декора составляют различные сочетания тонких и выдавленных гладких или рассеченных поясков-валиков, иногда соединяющихся друг с другом вертикальными или наклонными валиками. Сохранились многие традиции изготовления керамики характерные для позднего неолита: вафельный орнамент, примесь травы в тесте, округлое дно. Одним из важнейших элементов, маркирующих границу бронзового века Якутии, стала керамика с «жемчужинами» (Алексеев, 1996, с. 70, 77). В.И. Эртюков выделяет в усть-мильской керамике 45 разновидностей форм сосудов и 14 типов орнамента с 56 вариантами композиций. Каменный инвентарь идентичен ымыяхтахской поздненеолитической культуре.

Выделение погребений эпохи бронзы на территории Якутии проблематично. Пока к бронзовому веку можно отнести Сылахское, Олекминское и Хатынг-Тумульское погребения, которые объединяют обряд трупосожжения. Какие-либо другие параллели между этими погребениями провести невозможно, т.к. они плохо документированы (Алексеев, 1996, с. 72).

Наскальной живописью бронзового века занимались А.П. Окладников, А.И. Мазин, С.А. Федосеева, А.Н. Алексеев, Н.Н. Кочмар. Для наскальной живописи периода бронзового века Якутии характерно изображение человека, фантастических существ, стилизованных антропоморфных фигур людей животных, рисунки, выполненные скелетной изобразительной манере. Бронзовый век датируется также изображениями с шаманской атрибутикой, прежде всего с основными аксессуарами культа – шапка-накидка и соответствующим верхним платьем (Кочмар, 1994, с.141).

В бронзовом веке появляется керамика с антропоморфными изображениями. В этом плане особый интерес вызывает сосуд из слоя VII поселения Улахан Сегеленнях, с оттиснутыми на стенках фаллическими антропоморфными фигурками (Алексеев, 1996, с. 72). В 1998 г. университетскими археологами на стоянке Орбита-16 км был найден образец кера-

мики с налепной антропоморфной личиной-маской. Возможно предмет имел культовое значение (Дьяконов, 1999).

По образцам, извлеченным из культурных слоев бронзового века, получено 4 углеродных даты: Сумнагин I, слой V –  $2900 \pm 70$  (ЛЕ-871), слой III –  $2000 \pm 40$  (ЛЕ-872), Улахан Сегеленнях, слой VII –  $3570 \pm 140$  (ИМ-1011) и  $3120 \pm 120$  (ИМ-1009). Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева пришли к выводу о том, что усть-мильская культура существовала в интервале  $3300 \pm 100$ - $2400 \pm 100$  л.н. В.И. Эртюков приводит хронологию  $3100 \pm 100$ - $2100 \pm 100$  л.н. и  $3300 \pm 100$ - $2100 \pm 100$  л.н. К сожалению, из-за скудности археологического материала по этому периоду, бронзовый век определяют, в основном, по керамическому комплексу.

Условно историю изучения бронзового века можно разделить на три этапа: 1) 1940-50-е гг., когда этой проблемой занимался А.П. Окладников. Его теории подтверждались незначительным количеством материала. Не были выделены культуры бронзового века, мало была изучена керамика. 2) 1960-70-е гг. Изучением бронзового века Якутии занимались Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева и др. Они занимались этим вопросом уже более плотно, были выделены временные рамки бронзового века. 3) Это современный этап. Сейчас вплотную изучением бронзового века Якутии занимаются В.И. Эртюков, А.Н. Алексеев. На этом этапе выделены типы керамики, пересмотрена датировка бронзового века Якутии.

В общем, этот период истории Якутии изучен недостаточно полно. Остается много спорных вопросов – установление точных временных рамок, ареала культуры, кем была занесена бронзовая металлургия в Якутию, много спорного в отношении керамики и др.

*Научный руководитель – к.и.н. Н.Н. Кочмар.*

*О.Г. Лыжникова*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Сергей Иванович Руденко и археология**

Важным направлением научной деятельности Сергея Ивановича были исследования в археологии. Стоит отметить, что еще во время обучения на естественном отделении физико-математического Императорского Санкт-Петербургского университета 1904-1910 гг. молодой студент – Сергей Руденко получал глубокие знания и практику по антропологии, этнографии, археологии, географии и другим дисциплинам. Большое влияние на становление С.И. Руденко как ученого оказывал его учитель – Федор Кондратьевич Волков (Вовк) – этнограф и антрополог. Их знакомство произошло в 1907 году, когда Ф.К. Волков начал читать лекции по анатомической антропологии, доисторической археологии и этнографии (С.И. Руденко. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к 50-летию со дня смерти), 1968 // ПФА РАН; Ф. 1004. Оп. 1. Д. 132. Л. 17) в Санкт-Петербургском университете. К этому времени Федор Кондратьевич Волков был известен как в ученых кругах зарубежных стран, так и в России. Его научно-популярное наследие включает 455 публикаций (Франко А.Д., Франко О.Е., 1990, с. 93). Ф.К. Волков принадлежал к французской школе антропологов, поэтому в своих трудах он часто использовал работы известных западно-европейских ученых – таких как Мортилье, Обермайер, Брейль, Эванс и многих других. Сергей Иванович Руденко унаследовал многие научные положения от своего учителя.

Будучи студентом С.И. Руденко начал активно заниматься археологией. Так, в 1908 году по поручению Предварительного комитета XIV Археологического съезда он вместе с Ф.К. Волковым посетил Мезинскую палеолитическую стоянку в окрестностях Чернигова, где ими были проведены небольшие раскопки (С.И. Руденко Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к 50-летию со дня смерти) 1968 // ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 132. Л. 15). Во время экспедиции 1909-1910 гг. в Северо-Западной Сибири им обследовался могильник



близ Обдорска, который стал важнейшим источником в изучении культуры северной группы хантов. Результаты раскопок Обдорского могильника публикуются немного позднее в 1914 году. По мнению К.Ю. Соловьевой они имеют огромную научную ценность, так как дают возможность реконструировать отдельные стороны материальной и духовной культуры обских угров (Соловьева К.Ю., 1990, с. 64).

В 1915 году по предложению С.С. Неустроева молодой ученый принял участие в почвенно-ботанической экспедиции Оренбургского земства, где по просьбе академика М.И. Ростовцева он произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов сарматского времени, результаты которых были опубликованы в 1918 году. За эти годы С.И. Руденко осваивает методику археологических работ и приобретает практические навыки в их проведении.

В 1913-1914 гг. С.И. Руденко отправляется в зарубежную поездку. Ему удалось побывать в Турции, Сирии, Пакистане, Египте, Испании, Италии, Франции, где он знакомился с музеями и историческими памятниками, а также с новейшими достижениями в различных науках (Решетов А.М., 1996, с. 9). С.И. Руденко прослушал лекции профессоров Мортилье, Антони, Мануврие и др. Эта командировка имела чрезвычайно важное значение для всей последующей деятельности ученого.

Вернувшись в Россию Сергей Иванович основное внимание уделял своей магистерской диссертации по этнографии башкир. Стоит отметить, что характерной чертой всех научных изысканий ученого являлась интеграция различных наук: этнографии, археологии, антропологии, географии и др. Овладев комплексным подходом в исследованиях, он реализовал его в течение долгой и плодотворной научной жизни. Это обстоятельство значительно повышает ценность всех работ С.И. Руденко.

В начале 20-х годов Сергей Иванович вновь занимается археологией. Начинаются его исследования на Алтае. В 1924 году он возглавил Алтайскую экспедицию Русского музея. Задачей данной экспедиции являлись археолого-этнографические исследования Восточного Алтая. Именно тогда была зафиксирована Пазырыкская группа курганов, исследование которой смогло осуществиться только несколько лет спустя. Это было одно из самых блестящих открытий советской археологии. Благодаря курганной мерзлоте, до нас дошли очень уникальные вещи – одежда, украшения, ковры, посуда, конское снаряжение, ритуальные принадлежности, мумии людей и многое другое.

Кроме того, в урочище Арагол были раскопаны два афанасьевских погребальных сооружения, которые предположительно были отнесены к эпохе неолита (Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В., Цыб С.В., 1986, с. 91). В этом же году начались раскопки могильника Кудыргэ, ставшего в дальнейшем базой для создания первой классификации средневековых периодов истории племен Горного Алтая. Наряду с изучением курганов С.И. Руденко исследовал и поминальные каменные оградки вблизи урочища Арагол на р. Улаган. Не менее напряженно трудилась Алтайская экспедиция и в 1925 году. Отрядом С.И. Руденко была обследована западная часть бассейна р. Катунь. Продолжалось исследование Кудыргэ, раскапывались: афанасьевские погребения, могильник Катанда II, курганы Сросткинского могильника. В 1927 году был раскопан Шибинский курган. В 1929 году исследовался первый Пазырыкский курган. Однако возобновить исследование оледенелых курганов удалось только в 1947 году, когда были произведены раскопки 2-го Пазырыкского кургана, а в 1948 г. – 3-го, 4-го и начаты 5-го (закончили в 1949 г.). Благодаря широким знаниям во многих отраслях естественных и гуманитарных наук, а прежде всего в этнографии, С.И. Руденко удалось очень ярко интерпретировать уникальный археологический материал, полученный при раскопках на Алтае (Тишкин А.А., Лыжникова О.Г., 2000, с. 110). Результатам этих исследований посвящен целый ряд работ Сергея Ивановича: «Горно-алтайские находки и скифы», «Культура населения Горного Алтая в скифское время» и многие другие. В них С.И. Руденко рассматривает различные аспекты быта, искусства, хозяйственной деятельности скифских времен Горного Алтая.

С.И. Руденко считал, что «...Основываясь на вещественных доказательствах можно воссоздать материальный быт, образ жизни и занятия, ремесла, уровень техники, художественные занятия, идеи по погребальным обычаям. Поскольку зависимость человека от окружающей среды так важна, поэтому необходимо знание об окружающей среде, в которой жило древнее население (ландшафт, климатические условия, почва и растения, животный мир)» (С.И. Руденко Цель и методы археологии. Проспект доклада. // ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 149. 7 л.). Эти идеи С.И. Руденко реализовал в своих фундаментальных трудах по древней истории Алтая, которые до сих пор часто используются современными исследователями.

Стоит также отметить исследование С.И. Руденко в 1954 году Усть-Канской пещеры. Не являясь специалистом в такой специфической области археологии, как палеолит, С.И. Руденко, верный своей методике, пристальное внимание уделил реконструкции природных условий, окружавших обитателей стоянки. Он датировал находки верхним плейстоценом – теплой фазой, предшествовавшей последнему оледенению Алтая (Руденко С.И., 1960, с. 125). Весь археологический материал он считал одновременным. Дальнейшие исследования подтвердили правоту С.И. Руденко (Бородаев В.Б., 1986, с. 7).

Весомый вклад внес С.И. Руденко в изучение эскимосской проблемы. Летом 1945 года им была осуществлена специальная экспедиция на Чукотский полуостров. По результатам экспедиции уже в 1947 году была опубликована монография «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», которая не утратила своего значения и для современной науки (Решетов А.М., 1998, с. 18). Данная работа была переведена на английский язык и издана в 1961 году в Канаде. Ютландское археологическое общество в Дании избрало С.И. Руденко своим членом.

Как уже отмечалось, интеграция естественных и гуманитарных наук проходит через все исследования профессора. Неслучайно, под его руководством в 1955 году в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР создали Лабораторию археологической технологии (Долуханов П.М., 1986, с. 9; Степанов Н.Н., 1965, с. 297; Массон В.М., 1965, с. 239). Именно здесь в 1956-57 годы старший лаборант И.М. Замоторин выполнил первую в России дендрохронологическую работу на археологическом материале из пяти больших Пазырыкских курганов (Марсадолов Л.С., 1996, с. 31), что позволило наиболее точно установить время сооружения данных курганов и подвести черту в долгих дискуссиях по этому поводу. С.И. Руденко активно содействовал в работе по внедрению методов естественных наук в гуманитарные исследования.

Таким образом, С.И. Руденко на протяжении всей жизни занимался решением различных проблем в отечественной археологии. Его капитальные труды в этой области, до сих пор не теряют научной ценности и используются современными специалистами.

*Научный руководитель – к.и.н. А.А. Тишкин.*

*Г.В. Писарева, А.С. Вдовин  
(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)*

### **И.Т. Савенков как этнограф**

Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914) известен как археолог, открывший палеолит на Енисее, педагог, геолог, палеонтолог и один из лучших шахматистов России, но мало кому известны его этнографические работы и наблюдения.

Хотелось бы напомнить, что И.Т. Савенков был директором Красноярской мужской гимназии, позже – руководил Красноярской учительской семинарией, где вместе с ним работали П.С. Проскуряков, А.С. Еленев, которые занимались научными изысканиями, в том числе и этнографическими. Иван Тимофеевич был одним из учителей таких известных эт-

нографов, как – Н.Ф. Катанов, П.Е. Островских, М.И. Райков и, вполне возможно, сыграл свою роль в выборе их научных интересов. Не случайно, в «Опыте наставлений выпускным воспитанникам учительской семинарии, начинающим сельским учителям и учительницам о главнейших обязанностях учителя» (1892) И.Т. Савенков писал: «...Если в беседе со стариками узнаете какое-либо предание, старинную былинку или песню, запишите их, если узнаете о старинной книге, рукописи или акте, увидите старинную вещь, приложите все возможное старание к сохранению для науки остатков доисторической или исторической древности. Напишите и пошлите предметы в соответствующие ученые учреждения...». Он не только наставлял своих воспитанников, но и сам, как мог, оказывал помощь музеям. В открывшийся Красноярский городской музей (1889) он передал, наряду с другими экспонатами, два японских предмета (зеркало с пейзажем и «книга в желтой обложке с иллюстрациями и текстом иероглифов» (ККМ, кол. 1699, № 4,5). Когда же, после смерти Н.М. Мартынова, Савенков И.Т. возглавил Минусинский музей, то пополнял его и этнографическими коллекциями.

По словам Л.Я. Штернберга: «К числу работ, в которых рельефно выразилась основная черта Иван Тимофеевич – стремление охватить всякий конкретный вопрос во всей его широте не жалея никаких трудов и усилий к овладению всем относящимся к нему научным материалом, нужно отнести его работу «К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк»» (1905). Поводом к составлению этой монографии послужило знакомство И.Т. Савенкова с шахматной игрой у сойотов. Заинтересовавшись вопросом о том, откуда могла быть заимствована эта игра столь первобытным народом, он от сойотов переходит к общей проблеме о происхождении, распространении и эволюции шахматной игры на Востоке и Западе, заканчивая работу обстоятельной историей этой игры в России» (Штернберг Л.Я., 1916, с.10-11).

Савенков И.Т. был не только любителем шахмат, но и большим знатоком этой игры. Не случайно в архиве Минусинского музея хранится его шахматная библиотека, насчитывающая 416 наименований.

Монография о шахматах стала одной из первых работ в России по истории этой игры, а с учетом привлеченного обширного этнографического материала – единственной в своем роде. Интересно отметить, что И.Т. Савенков обращал внимание на существование шахмат у многих кочевых народов Центральной Азии, подробно описывая правила игры и своеобразии фигур (верблюды, лошади, собаки и др.), присущих данному региону. Один комплект таких фигур он отправил известному русскому шахматисту М.И. Чигорину (Крогиус Н., 1961, с.179-183). В приложении к своей работе И.Т. Савенков предлагает обширную программу для собирания сведений о шахматной игре у народностей Северной и Средней Азии. «Шахматная игра, как продукт духовного творчества человека, – отмечал Иван Тимофеевич, – может и должна занять свое скромное место в ряду других этнографических видов. Сведения о ее распространении и ее эволюции среди народностей Азии могут не только дополнить психологическую, интеллектуальную и бытовую характеристику исследуемой народности, но, путем сопоставления и обобщения, могут содействовать и выяснению вопросов о направлении заимствований, о направлении передвижении народностей, об их родстве и культурных и этнических сношениях». Помимо этого И.Т. Савенков собирает фольклорные материалы, относящиеся к шахматной игре (поговорки и пословицы). Некоторые из них были опубликованы в журнале «Шахматное обозрение» (1893).

Известный исследователь народов Южной Сибири Л.П. Потапов в 1944 г. обнаружил в Центральном государственном литературном архиве рукопись И.Т. Савенкова, представленную им в МАО под названием «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа (археолого-этнографический очерк)». Л.Я. Штернберг (1916) включил ее в список работ И.Т. Савенкова. В Минусинском музее

сохранились черновые материалы к обнаруженной в Москве работе, которая датирована 1911 г., временем, когда И.Т. Савенков объездил весь Минусинский край, изучая не только археологические памятники, но и культуру хакасов.

К написанию работы И.Т. Савенков подошел со всей свойственной ему тщательностью. Работа, сохранившаяся в Москве, насчитывает более 500 машинописных страниц. Черновые материалы, сохранившиеся в Минусинске – около 700 листов. Введение посвящено общим теоретическим вопросам, в основном – особенностям эволюции религий. И.Т. Савенков описывает 18 шаманских бубнов из коллекции Минусинского музея, среди которых один тунгусский, остальные, по мнению Л.П. Потапова, сагайские и качинские. Кроме того, Иван Тимофеевич привлекает описание алтайских бубнов, сделанное Г.Н. Потаниным. Затем он суммирует описания каждой части бубна, проводит параллели и развивает теорию происхождения бубна из солнечного культа. В заключении И.Т. Савенков делает выводы о магических и религиозных основах устройства бубнов (Потапов Л.П., 1946).

Интерес И.Т. Савенкова к изображениям на шаманских бубнах был не случаен. Многие годы он занимался изучением наскальных рисунков на Енисее (Дэвлет М.А., 1996). Достаточно сказать, что первые исследования петроглифов относятся к 1875 г. И.Т. Савенков указывал, что, изучая памятники древнего изобразительного искусства, также необходимо изучать «...рисунки нынешних инородцев на затесах деревьев (на распутьях, на перевалах), надо срисовывать их при каждом представляющем случае». Впервые на эти рисунки он обратил внимание во время поездки по Енисею в 1886 г. (Савенков, 1886; Сунчугашев, 1984). Результаты своих многолетних исследований И.Т. Савенков обобщил и систематизировал в одном из основных своих трудов – «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее» (1910). Как отметила М.А. Дэвлет, это первая монография, посвященная древнему наскальному искусству, где широко использован сравнительно-исторический метод исследования, с привлечением этнографических материалов.

Таким образом, мы должны отметить, что И.Т. Савенков был сторонником комплексного подхода в изучении исторических памятников во всем их многообразии. Сам Иван Тимофеевич по этому поводу отмечал следующее, «...современная практическая этнография всеми мерами старается предупреждать пробелы и недочеты при собирании разнородных материалов, всячески предотвращая недостаточно обоснованные заключения» (1905, с. 43).

Обращаясь к его наследию, мы лишний раз убеждаемся в многогранности талантов и интересов этого незаурядного человека. Все приведенные выше факты дают нам основания считать, что И.Т. Савенков заслуживает внимание как исследователь, внесший вклад в изучение духовной культуры народов Сибири и Центральной Азии и его труды в области этнографии требуют дальнейшего изучения.

*М.А. Безбородова*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Этноархеология в Западной Сибири**

Наука развивается тогда, когда появляются новые подходы, направления в изучении поставленной проблемы. В археологии развитие знаний идет по трем направлениям:

1. Культурологическое, оно во многом ограничено, так как основной целью является выделение археологической культуры.;
2. Узкое, но глубокое изучение отдельной проблемы (например, керамики).
3. Связано с созданием новых методов и с дальнейшими их совершенствованием, сотрудничество со смежными науками.

В данной работе мне бы хотелось затронуть направление, связанное с интеграцией археологии и этнографии. Здесь можно выделить экспериментальную археологию, этноархеологию и этнографо-археологический комплекс.

**Экспериментальная археология.** В СССР получила свое развитие в 1950-е гг. В этот период под руководством ленинградского археолога С.А. Семенова начинают проводиться исследовательские экспедиции, целью которых являлось осуществление экспериментальной программы. С помощью экспериментальной археологии можно познать явления в процессе их практического взаимодействия при непосредственном участии исследователя. До развития этого направления было много неясного, связанного с применением артефактов в деятельности человека. Теперь благодаря методу эксперимента можно подтверждать или опровергать ранее выдвинутые предположения, а также искать новые факты и получать новые данные. Но на основании эксперимента нельзя быть точно уверенным в рабочем процессе. Исследователь не может утверждать, что было именно так, а не иначе.

**Этноархеология.** Это научное направление, которое складывается во второй половине XX века на стыке смежных наук археологии и этнографии. Первоначально этноархеология начала широко распространяться за рубежом, а затем и в России, начиная с 1960-х гг. До этого времени обращались к этнографическим исследованиям, как и этнографы к археологическим материалам.

Необходимость в новых знаниях появляется тогда, когда простое заимствование сведений из этих наук уже не удовлетворяет обеих. Многие начинают приходить к тому, что необходима интеграция исследований на основе новых теорий и методов.

Сейчас этноархеология в России развивается, но она отстает от западной науки в том же аспекте. У нас не такое множество исследователей, которые занимаются в этом направлении. Также существует очень много спорных вопросов, связанных с самим понятием этноархеология. Каждый трактует этот термин по-разному, а следовательно, нет и единого мнения в выделении предмета и объекта этноархеологии.

**Этнографо-археологический комплекс (ЭАК).** Это понятие в 1981 г. ввели Н.А. Томилов и В.Б. Богомолов. Его можно построить при использовании археологической и этнографической информации. Н.А. Томилов предлагает глубокое исследование для построения ЭАК, до 1,5-2 тыс лет, начиная с XIX-XX в. Реконструировать ЭАК трудно, так наиболее хорошим вариантом является поселение, которое в большей степени сохранило традиционную культуру и сохранило определенную историческую память. Наиболее полные сведения можно собрать с памятников XVII-XVIII вв.

В 1993 г. появляется и начинает свою работу в этом аспекте научно-поисковая группа, которая начинает проводить археолого-этнографические исследования на территории Омской области. Действует научный семинар «Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири». В его работе помимо членов группы участвуют научные сотрудники, аспиранты, студенты. Каждый год организуется Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований», а с 1996 г. выходит сборник «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума». У ЭАК есть много недоработок, не до конца разработаны теоретические, методологические аспекты, но все-таки оно имеет в будущем большие перспективы.

Если рассматривать вышеперечисленные направления в Сибири, то начиная с экспериментальной археологии можно сказать, что она отлична от экспериментов, которые проводятся в Европейской России. Связано это как с природными условиями проведения, так и с самим подходом археолога. В этой области можно назвать такие сибирские города как Омск, Новосибирск, Тобольск и др., где активно применяют этот метод работы. В Омске археологи Мельников Б.В., Татауров С.Ф., Тихонов С.С. на территории Ом-

ской области проводили эксперименты, выясняя возможность прохождения в разных условиях (поймы, террасы рек). При этом они выяснили, что передвижения по этим ландшафтам имеют определенные затруднения, вследствие чего скорость передвижения здесь ниже (2-3 км).

В Сургуте экспериментальной археологией занимается А.В. Кениг, который обследовал обитаемую стоянку селькупов, отметил, что, где расположено. После ухода селькупов Кениг А.В. возвращался на эти стоянки и повторно их обследовал. Выясняя свидетельства ли остатки жизнедеятельности их хозяйственной деятельности, отражают ли они реально их быт, при этом он выяснил, что не всегда.

В Новосибирске этим занимается А.П. Бородовский, который проводил экспериментальное моделирование, на примере большереченской культуры, где были спорные вопросы, связанные с поминально-погребальной обрядностью. В результате экспериментального моделирования, выяснил, что конские головы, которые ранее связывали с погребальным обрядом, имеют отношение к поминально-охранительным действиям и ритуалам. Им же проводились и другие работы связанные с этим направлением.

В Тобольске А.А. Адамов провел эксперимент с берестой. Поскольку при раскопках в ряде курганов была обнаружена береста, имеющая черный цвет. Оставалось выяснить в результате чего она стала такой? Была ли она обожжена или нет? При проведении экспериментов выяснилось, что черный цвет можно получить только под воздействием дыма, а ее структура при этом остается неизменной.

Этноархеологией в сибирском крае, по большей части занимаются омские археологи и этнографы, плюс небольшое количество заинтересованных из других сибирских городов. Этноархеология в понимании омских специалистов это – «научное направление (или даже отдельная формирующаяся наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX веке, призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем», а если более кратко, то «этноархеология – отрасль научного знания о культуре и обществе, интегрирующая их археологическое и этнографическое познания».

В Омске проводятся совместные работы археологов и этнографов в этом аспекте. При проведении археологических работ в период полевого сезона археологи начинают проводить и этнографический опрос местного населения, по специально составленным опросникам. Этнографы также используют специальные данные археологии, заимствуют археологические методики.

Этноархеологическое направление в Западной Сибири сложилось совсем недавно. Поэтому в нем имеется еще много вопросов, которые со временем будут решены и, может быть, когда-нибудь об этноархеологии можно будет говорить уже как о состоявшейся отдельной науке.

ЭАК «многокомпонентный социокультурный комплекс этнографо-археологический», где работа проводится в нескольких направлениях, по материалам этнографии и археологии, и их сопоставлении. Главное здесь – это на основе этнографо-археологических данных суметь реконструировать культурный комплекс. Попытки построения ЭАК проводятся омской группой на одной этнографической группе тарских татар.

*Научный руководитель – к.и.н. С.С. Тихонов.*

*А.В. Мясников*  
(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)

### **К истории этнографических исследований в Забайкалье**

В Забайкалье накануне XX века происходили важные события: строительство железной дороги, обустройство городов, смена губернатора, перепись населения. Естественно, что столь бурные перемены не замедлили сказаться и на научной жизни края. За все предыдущее время местными краеведами, археологами и этнографами было накоплено столько уникального материала, что возникла необходимость обобщить его, познакомить с ним широкие слои населения. Откликом на эту потребность явились Читинская сельскохозяйственная и промышленная выставка 1899 года. Ее инициатором выступило Читинское отделение русского географического общества во главе с известным краеведом, основателем Нерчинского музея и археологом А.К. Кузнецовым. Бывший нечаевец, сосланный в Сибирь, он прибыл в Читинский край в 1889 году. Здесь он занимался фотографией, в окрестностях города собирал ботанические и археологические коллекции. В 1894 году он вместе с врачом Н.В. Кирилловым открыл в Чите отделение Географического общества, о год спустя – библиотеку и музей. В 1898 году члены общества предложили провести в Чите выставку сельскохозяйственных и промышленных изделий. Особое место на ней планировалось уделить этнографии. Эту идею продержал военный губернатор Забайкальской области Е.О. Мациевский. Он всегда сочувственно относился к науке, и по мере возможностей, старался помогать ученым. Известно, например, что он оказывал содействие этнографическим экспедициям Г.Н. Потанина (ГАЧО. Ф. 1об. Оп. 1. Д. 15491), активно участвовал в жизни Географического общества, интересовался древностями. Так, накануне выставки, проезжая мимо Гусино-Озерского дацана, он заметил плиту с древними надписями, и приказал доставить ее в Читинский краеведческий музей. Под его руководством был создан специальный комитет по организации выставки.

Примерно в то же время А.К. Кузнецов предложил построить к выставке «Музей буддийского культа». Было решено, что здание музея должно быть точной копией дацана. Это известие с радостью воспринял бандидо-хамбо-лама Ч.Д. Ирелтуев. По его словам, строительство в Чите модели буддийского храма должно было стать «пред глазами иностранных соседей доказательством милостивого отношения нашего правительства ко всем религиям безразлично» (ГАЧО. Ф. 1об. Оп. 1. Д. 3844. Л. 1). 28 ноября 1898 года Ч.Д. Ирелтуев, в сопровождении своей свиты, прибыл в Читинский край. Здесь он встретился с А.К. Кузнецовым и обсудил с ним вопросы, связанные с выставкой. Во время этой встречи хамба-лама выразил надежду на то, что музей буддийского культа будет важным шагом на пути к разумному сосуществованию русской и бурятской культур. При этом он вспоминал, как некоторые высокопоставленные чиновники, проезжавшие через Гусино-Озерский дацан, не раз требовали провести их в сокровенные уголки храма или инсценировать празднество «цам» в не установленное традицией время. Читинский же дацан, как полагал Ч.Д. Ирелтуев, должен был удовлетворить всех любопытных, способствовать просвещению населения и избавить лам от чиновничьего произвола. Завершая визит, Ч.Д. Ирелтуев обещал пожертвовать для музея коллекции буддийской скульптуры и живописи, книги по тибетской медицине, всевозможные предметы культа.

Значительную помощь в строительстве дацана и пополнении его коллекций оказал Б.И. Доржиев. Он уже имел опыт в организации подобных мероприятий, был награжден за участие в императорской этнографической выставке 1867 года дипломом и бронзовой медалью (ГАЧО. Ф. 1об. Д. 3844. Л. 17). А.К. Кузнецов часто советовался с ним относительно названий тех или иных предметов культа и размещения их на выставке.

Но не все шло так гладко. В Чите нашлись лица, которые сочли строительство дацана актом святотатства и покушения на православные обычаи. А.К. Кузнецову потребовалось много сил и времени, чтобы оградить свое детище от таких нападков. В своих выступлениях он говорил дацан-музей необходимый Чите, как место где преподаватели ламаизма готовящейся к открытию духовной семинарии смогут подробно изучать предмет, и тем самым подготовить прочную основу для разумной деятельности православной миссии (ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 5).

Большой интерес представляют рукописи А.К. Кузнецова, в которых он излагает свои мысли в защиту дацана. Основной акцент он делал на его научной ценности. «Ламаизм, как одна из ветвей буддизма, имеющего широкое распространение в Забайкалье, изучен крайне мало; – констатировал А.К. Кузнецов, – еще меньше изучена тибетская медицина... Полные коллекции, относящиеся к ламайской вере, дадут возможность изучить ее как местным ученым, богословам, медикам, так и приезжали иностранцам и русским; последним не придется испытывать лишений перенесенных профессорам Поздневым во время его занятий в Гузинско-Озерском дацане» (ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Лл. 3-4).

К августу 1899 года Читинский дацан, несмотря на все возражения, фанатически настроенных христиан и скептиков, был построен. Во время работы выставки в нем постоянно находились ламы и давали посетителям объяснения. В 1901 году Читку посетил французский исследователь Лаббе, и заметил, что коллекции «Дацана» во многом превосходят собрания лучших музеев Европы.

Как же выглядел этот удивительный музей изнутри? На этот вопрос помогают ответить тексты публичных выступлений А.К. Кузнецова, хранящиеся в архивных фондах Географического общества. «Приняв здание и коллекции, я разместил на полке нижнего этажа бурханов, разбил их по выработанной Г.Н. Потаниным классификации, все книги на монгольском языке и дощечки для печатания; на левой стороне помещены коллекции по тибетской медицине и гербарии местных растений (употребляемых в ней – А.М. )...; на правой стороне – рисунки из сочинений Палласа и фотографические снимки дацанов Забайкальской области. Во втором этаже здания я поместил ряд манекенов относящихся к так называемому празднику «цам»... В третьем этаже маленький шкафчик с бурханами» (ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 47). Несмотря на то, что интерьер музея не соответствовал настоящему буддийскому храму, в нем все-таки единственный раз проводилось богослужение. Это произошло в 1900 году на Цагаан-сар. Губернатор Е.О. Мацневский, узнав о том, что музей используется не по назначению, предписал А.К. Кузнецову не допускать подобных мероприятий без особого разрешения администрации (ГАЧО Ф.115, Оп.1, Д.6, Л.68). К сожалению, эта мера губернатора не спасла дацан от посягательств. Некоторые чиновники и деятели церкви не желали мириться с присутствием здания дацана в центре города. В 1901 году новый губернатор Надаров, приказал закрыть дацан для посетителей. А.К. Кузнецов в знак протеста сложил с себя полномочия директора музея и вынужден был оставить Географическое общество. В 1913 году здание музея буддийского культа было подожжено неизвестными лицами. Официальная церковная пресса с явным удовлетворением отмечала уничтожение «иноверческого храма» в центре города.

Традиционная культура народов Забайкалья на выставке 1899 г. была представлена не только дацаном. Неподалеку от него располагались бурятские и тунгусские юрты. Их внутреннее убранство полностью повторяло обстановку настоящих юрт и характеризовало жизненный уклад их обитателей. Интересные этнографические коллекции демонстрировались в отделах «Промыслы и охота», «Кустарное производство».

Надо заметить, что эту выставку посетило более 17 тыс. человек, причем учащиеся допускались бесплатно. Таким образом, население Забайкалья ближе познакомилось с традициями и обычаями народов, населяющих этот край, что, в свою очередь, создало благо-



приятные условия для дальнейшего «диалога культур». С точки зрения этнографии выставка имела колоссальное значение. В ходе ее проведения возник целый музей, развернут комплекс зданий, напоминающий этнографический музей под открытым небом, систематизированы и описаны уникальные коллекции, получен интересный опыт просветительской работы. Некоторые экспонаты были потом отправлены на Всемирную Парижскую выставку, что позволило европейскому обществу узнать много нового об истории и культуре Сибири.

*Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов.*

*И.И. Назаров*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Изучение кумандинцев в последней трети XX века**

Появление данной работы было вызвано необходимостью подвести итоги изучения одной из этнических групп Северного Алтая – кумандинцев в последней трети XX в. Историография и история изучения кумандинцев в предшествующие периоды уже освещались в историко-этнографической литературе (Потапов Л.П., 1958; Сатлаев Ф.А., 1969). В настоящей работе речь пойдет о вкладе отдельных исследователей в изучение антропологического типа, языка, истории и культуры названной этнической группы. Ставится также задача наметить перспективы дальнейшего изучения кумандинцев.

Главной особенностью рассматриваемого периода стало то обстоятельство, что центр изучения алтайцев и кумандинцев в том числе перемещается из главных научных учреждений страны на места. Если ранее этнографическое изучение проводилось главным образом силами ленинградских ученых, то в последней трети XX в. исследования стали проводиться в научных организациях Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, Горно-Алтайска и Бийска.

В последнюю треть XX века, происходит значительный прорыв в изучении антропологии кумандинцев. Ранее представления о кумандинцах основывались на работах А.И. Ярхо, который проводил свои исследования в 30-е гг. XX в. (Ярхо А.И., 1947). Вопросы происхождения кумандинцев с позиций антропологии рассматривались и в работе В.П. Алексеева (1964). Но наибольший вклад в изучение антропологии коренного населения предгорий Северного Алтая внес исследователь Томского и Алтайского госуниверситетов А.Р. Ким. В ходе нескольких экспедиций в места проживания кумандинцев он собрал обширный краниологический материал. Результаты его исследования стали широко известны благодаря многочисленным публикациям, в том числе и на иностранных языках (Ким А.Р., 1984; Kim A.R., 1995). Итогом исследований А.Р. Кима стала защита в 1986 г. кандидатской диссертации по теме «Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая». Полученные результаты позволили А.Р. Киму «выделить северо-алтайскую группу популяций в качестве самостоятельной расово-систематической единицы, наряду с уральским и южносибирским антропологическими типами» (Ким А.Р., 1986, с. 12)

С самых первых шагов изучение кумандинцев обозначило потребность в более глубоком знании их языка. Но только в последней трети XX в. появляются специальные лингвистические исследования и словари кумандинского языка. Самым первым словарным изданием, содержащим грамматический очерк названного языка, стала работа Н.А. Баскакова «Диалект кумандинцев (куманды-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы и словарь», которая вышла в 1972 г. в серии «Северные диалекты алтайского (ойротского) языка» (Баскаков Н.А., 1972). Это издание легло в основу двух других изданий: русско-кумандинского разговорника, подготовленного авторским коллективом под руководством

Ф.А. Сатлаева (Учитесь говорить по-кумандински..., 1991), и пособия для учащихся «Кумандинско-русский словарь», составленного Л.М. Тукмачевым, М.Б. Петрушовой и Е.И. Тукмачевой (Кумандинско-русский словарь, 1995). Интересные результаты в ходе изучения кумандинского языка получены новосибирским ученым, сотрудником Института филологии СО РАН И.Я. Селютиной, занимающейся экспериментально-фонетическими исследованиями. С использованием собственных полевых материалов она опубликовала ряд работ, в том числе две монографии, в которых освещается кумандинский консонатизм, вокализм и другие вопросы (Селютина И.Я., 1983, 1996, 1998). Однако до настоящего момента так и не появилось учебного пособия по родному языку для детей. Первая попытка издать кумандинский букварь в 1933 г. оказалась неудачной (Kalanakov N.A., Filatov K.J., 1933). В основу этого букваря был положен латинский алфавит, что серьезно усложняло изучение языка самими кумандинцами и от его использования решили отказаться.

В начале рассматриваемого периода – в конце 1960-х гг. к изучению истории и культуры кумандинцев приступает представитель этого народа Феофан Александрович Сатлаев – уроженец аила Егона Красногорского района Алтайского края. Происхождение Ф.А. Сатлаева, знание родного языка и традиций, а также прекрасная подготовка в ленинградской школе этнографии позволили ему собрать богатейшие материалы, которые легли в основу его кандидатской диссертации «Кумандинцы Алтайского края» (Сатлаев Ф.А., 1969б). Впоследствии диссертация была переработана ее автором и опубликована отдельной монографией «Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.)» (Сатлаев Ф.А., 1974). Благодаря другим его работам широкому кругу исследователей стали известны особенности хозяйственной деятельности и духовная культура названного народа (Сатлаев Ф.А., 1967, 1971, 1988, 1991).

В 1970-е гг. в свет выходят работы ленинградских этнографов Л.П. Потапова и Е.М. Тощакowej (Потапов Л.П., 1969; Тощакowa Е.М., 1973, 1978), в которых ученые представляют результаты своих исследований по этническому составу, происхождению и материальной культуре алтайских племен, и кумандинцев в том числе. Основу работ Л.П. Потапова и Е.М. Тощакowej составили их личные полевые наблюдения в первой половине XX в.

В дальнейшем полевое изучение кумандинцев продолжил ученый из Алтайского госуниверситета В.Д. Славнин, переехавший затем в Томск. Основным объектом для своего исследования он избрал кумандинцев, проживающих в верховьях Бии и в таежных районах хребта Бийская Грива. Большое внимание в своих работах исследователь уделяет культурогенезу кумандинцев (Славнин В.Д., 1989, 1995) и некоторым сторонам материальной культуры. В частности, он подробно описывает типы жилищ кумандинцев (Славнин В.Д., 1991а, 1991б).

В конце 90-х гг. XX в. этнографическое изучение кумандинцев предпринималось и автором данной работы. Были совершены две экспедиционные поездки к кумандинцам Красногорского района в июле 1997 г. и в тот же месяц 2000 г. По итогам обеих поездок были опубликованы статьи, в которых отражены сохранившиеся до наших дней традиционные черты в материальной и духовной культуре кумандинцев Красногорского района (Кунгурова Н.Ю., Назаров И.И., 1999; Назаров И.И., 2000).

В рассматриваемый период основная работа по сбору экспонатов и формированию специальной экспозиции велась сотрудником Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиковым, который в ходе многолетних поездок в районы проживания кумандинцев собрал большое количество предметов, характеризующих быт, хозяйство и культуру этого народа. Сегодня фонды музея насчитывают более 300 экспонатов по этнографии кумандинцев, что позволило в 1997 г. открыть в музее постоянно действующую экспозицию «Зал истории, культуры и быта кумандинцев» (Кадиков Б.Х., 1998). Одним из современных и необходимым шагом для популяризации знаний о традиционной культуре этого народа стало созда-

ние Бийским музеем своей страницы в Интернет, где выставлены материалы и фотографии с кумандинской экспозиции и статья Б.Х. Кадикова (<http://www1.biysk.tourism.ru/museum/exp/Kumandints/>).

Таким образом, в рассматриваемый период проводилось разностороннее изучение кумандинцев, причем период наивысшей активности проведения экспедиций и публикаций материалов приходится на конец 60-х – 80-е гг. XX в. Благодаря работам нескольких поколений исследователей из различных научных центров, обществу стали известны особенности традиционной материальной и духовной культуры кумандинцев, их происхождение и история. В 1990-е гг. экспедиционные поездки и проведение планомерного научного изучения кумандинцев практически прекращается. Вместе с тем остро обозначившиеся в последнее время межнациональные отношения на территории предгорий Северного Алтая требуют более глубокого изучения культуры кумандинцев и их взаимоотношений с представителями других народов. Достижение поставленной цели возможно при наличии программы систематического изучения этого народа и постоянного финансирования как со стороны федеральных, так и краевых властей.

*Научный руководитель – д.и.н. Н.А. Томилов.*

*Е.Н. Рыбина*

*(Курган, Курганский государственный университет)*

#### **Типологический аспект взаимодействия между русской и аборигенной культурами Сибири в эпоху колонизации (на примере русско-мансийского влияния).**

XVII век в истории человечества ознаменован беспрецедентным расширением европейских сообществ, что прежде всего выразилось в европейской колонизации Нового Света и русской колонизации Сибири. Синхронность этих процессов дает возможность сравнить их, выделив общие и особенные черты, а также постараться определить причины специфических черт. Одной из наиболее очевидных и видимых различий двух колониционных истоков заключается в характере взаимодействия между пришлыми и аборигенными народами.

Европейская колонизация сопровождалась в значительной степени агрессивными действиями, выливающимися порою в акты геноцида аборигенов. Русская же колонизация, как известно, носила преимущественно мирный характер, что создавало условия для активной диффузии русской крестьянской переселенческой и аборигенной культурами. Важным вопросом является выделение причин данного явления.

Возможным путем поиска ответа на данный вопрос может являться обращение к выявлению типологической принадлежности колонизирующих и колонизируемых обществ. Европейские сообщества XVII века, участвовавшие в колонизации Нового Света, находились уже на стадии формирования буржуазных индустриальных обществ; российское же продолжало оставаться традиционным доиндустриальным, в особенности это касается русской крестьянской культуры, а именно крестьяне составляли большую часть переселенцев в Сибирь.

Таким образом, русское общество и аборигенные сибирские общества были типологически схожи. Они находились на традиционной, доиндустриальной стадии, что и определило большую толерантность русской культуры в отношении к аборигенам Сибири, чем западно-европейской к народам Нового Света.

Рассмотрим последствия колонизации Сибири на примере русско-мансийских отношений.

Этническая история любого народа сопровождается цепью межэтнических контактов и взаимодействий. Соответственно этому, включение в культуру традиционного общества

достижений мировой цивилизации через воздействие культуры-донора воспринимается как культурное явление, характерное именно для нее. Естественно, что и оценка явлений, воспринимаемых культурой –реципиентом накладывается на общую оценку культуры-донора усугубляя значение негативных черт или, наоборот, повышая статус ее положительных аспектов (Гемуев И.Н., 1997).

В истории межэтнических контактов народов Сибири качественно новый этап начался в конце XVI – первой половине XVII в. За этот промежуток времени все основные группы коренного сибирского населения вошли в соприкосновение с представителями русской народности.

Первые контакты русских с уграми (манси и ханты) относятся к раннему периоду истории Московского государства. С проникновением русского влияния на Урал и в Сибирь, отношения Московского государства с угорскими народами, проживавшими в Предуралье, на Урале и за Уральским хребтом, складывались неоднозначно и подчас противоречиво. Тем не менее они укладывались в некую схему, отражающую концепцию московского правительства по отношению к народам Сибири, на которые распространялось влияние Русского государства.

В основе этой концепции лежало расширение территории с подчинением проживающих на ней народов и получение с них ценных мехов, которые приносили государству большие прибыли, ибо меха высоко ценились в Западной Европе и были там дороже, чем в Сибири. При этом правительство было заинтересовано в сохранении относительного мира с подчиненными народами, мира не только по отношению к московской власти, но и между коренным населением. Живя мирно и умножая свой род, подчиненные народы являли собой так называемое ясачное население, ежегодно пополнявшее казну.

К 80-м годам XVI в. восточные пределы Русского государства непосредственно соприкасались с землями Сибирского ханства. Но определенной границы тогда не существовало. В конце 50-х – 60-е годы XVI в. земли по рекам Каме, Лысьве, Чусовой получили в свое владение Строгановы. К 80-м годам XVI в. относятся первые устойчивые контакты мансийского населения с русскими, причем уже не только в области торговли и обмена.

Уже в этот период, предшествующий покорению Сибири, сложившаяся здесь обстановка вовлекла часть манси в сферу военно-политических действий. Царская грамота 1572 г. для обороны восточных границ и самостоятельных наступательных операций против сибирского хана давала Строгановым право набирать военные отряды из «охочих казаков», среди которых наряду с другими народами были и вогулы (манси). Таким образом, это был первый опыт создания военных отрядов, куда наряду с русскими входили и представители аборигенного населения (Люцидарская А.А., 1998, с. 99).

Угорские народы в период военных конфликтов страдали от разорения со стороны сибирского хана Кучума. Поэтому они искали поддержки и защиты у Русского государства. Ценой за нее была дань. После падения царства Кучума власть Московского государства над угорскими княжествами стала неоспоримой.

То есть к этому времени в Сибири манси уже имели опыт мирного общения с русскими и, конечно, печальный опыт вооруженных столкновений с ними.

С.В. Бахрушин выделяет зоны взаимодействия и взаимовлияний русских и манси. В первую очередь, влияние русских испытали на себе группы манси, живущие на Урале. Уже первые верхотурские грамоты содержат сведения о сборе ясака с чусовских вогулов и остяков. В литературе достаточно известна грамота Бориса Годунова 1598 г., посланная в связи с расследованием дела о злоупотреблениях при сборе ясака. Правительство отстраняло и наказывало тех, кто стоял у ясачной кормушки и занимался грабежом инородцев, ибо подобные злоупотребления сказывались не только на состоянии казны, но и на политическом климате в регионе, угрожая военными конфликтами.

Сама система сбора ясака предполагала возможность русско-угорских контактов самого разного уровня – от общения со сборщиками и вплоть до административной воеводской верхушки, а также с самыми разными людьми, оказавшимися втянутыми в эти отношения. Чтобы избежать превышения полномочий и злоупотреблений при сборе ясака на местах, власти практиковали приход ясачных для сдачи пушнины в казну непосредственно в город. Ясачные имели право (и пользовались им постоянно) жаловаться властям на обидчиков, то есть формировался характер общения ясачных с новыми хозяевами Сибири.

Челобитные «сибирских инородцев» составляют значительную часть всего массива документов. При составлении челобития коренные жители Сибири знакомились с совершенно чуждой им традицией письменного изложения. Происходило как бы столкновение двух типов культуры: для одного исключалась традиция письменной информации, для другого, а именно русского, эта традиция с усилением государственности набирала силу (Люцидарская А.А., 1998, с. 102).

Вследствие влияния русской культуры на аборигенную, изменился и тип жилищ. Если в дорусский период традиционным типом была полуземлянка с различными вариантами крепления кровли, то позднее меняется конструкция жилища – срубные полуземлянки с плоской кровлей (затем появился потолок и постройки типа русской избы с сенями и чуланом) (Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989, с. 20).

Сферой налаживания контактов между русскими и уграми были не только районы совместного проживания, но и общая хозяйственная деятельность, которая включала в себя в различной пропорции охоту, рыболовство, собирательство, оленеводство, добычу полезных ископаемых и многое другое (Головнев А.В., 1993, с. 140). Особое место в хозяйстве занимал пушной промысел. После включения Западной Сибири в состав России значение пушного промысла резко возросло, что было связано в первую очередь с огромным спросом на пушнину, а так же с необходимостью уплаты ясака. Это повлекло структурную перестройку хозяйственного комплекса, изменилось использование времени в сезоне зимней охоты, стимулировало развитие транспортного оленеводства и повлекло за собой целый ряд изменений в других сферах традиционной культуры (Гемуев И.Н., 1997, с. 97).

Из грамоты 1600 г. известно, что некоторые родовые земли манси в результате проникновения русских оказывались в самом центре хозяйственного освоения этого региона русскими. Здесь проходил самый разный народ – торговцы, промышленные ватаги зверодобытчиков, гуляющий люд и, конечно же, государевы служилые люди (Люцидарская А.А., 1998).

Существовала практика использования труда манси на соляных промыслах. Жители коренного населения, принудительно привлеченные к несвойственной им деятельности, формально участвовали в соледобыче наравне с представителями других групп русского населения (История Сибири, 1968, с. 163).

Необходимо заметить, что подобным же образом коренных жителей использовали для заготовок строительного леса. Это занятие никакого сопротивления со стороны лесных обитателей – манси и хантов – не вызывало.

Торговлю справедливо называют самым древним и устойчивым средством общения. В конце XVI – начале XVII в. торговля с русскими стала для манси неотъемлемой частью существования. У русских они покупали и меняли на меха необычайно ценившиеся ими железные и медные предметы: оружие, топоры, котлы и т.п. Покупали и одежду, а в дальнейшем хлеб. Этот процесс был взаимовыгоден: русским он приносил баснословные барыши, а аборигенам давал возможность приобретать ставшие жизненно необходимыми вещи.

Правительство на протяжении веков пыталось урегулировать, взять под контроль торговлю с коренным населением Сибири. Оно старалось не допустить чрезмерного обогащения купцов и обнищания аборигенов, так как и то и другое сказывалось на состоянии казны

– ценные меха уходили торговцам, нередко за долги, за кабальные записи, а результатом был недобор ясака.

Таким образом, общение с местным населением представляло собой достаточно длительный процесс не только обмена товарами, но и информацией. Невозможно было месяцами жить по юртам среди вогул или в городах среди русских (если речь идет о коренных жителях), не усваивая элементы доселе чужой культуры (Люцидарская А.А., 1998, с.104)

Вместе с тем взаимодействия русских и аборигенов не ломали ни общественных отношений, ни хозяйственного уклада, ни мировоззрения коренных жителей. Процесс христианизации в XVII в. проходил формально и сводился к тому, что манси приобретали русское имя. Внедрение в быт манси христианской обрядности впоследствии приводило лишь к приспособлению лик русских икон к мансийскому пантеону богов и духов (Гемуев И.Н., 1997, с. 99)

Существует еще один аспект русско-мансийских взаимодействий. Он затрагивал лишь незначительную часть коренного населения, однако способствовал коренной ломке мировоззрения, по сути смене культуры. Речь идет о внедрении аборигенов края в ряды служилого сословия.

Сибирские служилые люди – дети боярские, конные и пешие казаки, стрельцы являлись в первоначальный период освоения Сибири наиболее значимой группой в составе русского населения (Люцидарская А.А., 1998, с.105).

Таким образом, все типы взаимодействия двух культур: русской и аборигенной, повлекли за собой изменения. Изменились представления об окружающем мире, других народах и религии. Большое место занимает заимствование у русских, например, нового типа оружия (огнестрельного оружия, металлических капканов) и других приспособлений для охоты и рыболовства.

*Научный руководитель – В.В. Меншиков.*

*Н.В. Расова*

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)*

### **Сибирские «инородцы» как объект миссионерской деятельности Русской Православной Церкви**

Сибирь являлась одним из главных объектов миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Её огромная территория постепенно осваивалась переселенцами – подданными русского царя, идущими вслед за казачьими отрядами, землепроходцами и мореходами. По пути их продвижения строились остроги и города, где воеводы, возглавлявшие военные гарнизоны, и чиновники выполняли функции царской администрации. Целенаправленную политику по присоединению Западной Сибири проводил Иван IV. Официально эти земли вошли в состав России к концу XVI в. Присоединение Восточной Сибири происходило в основном в 1-й пол. XVII в.; окраинные территории на юге, востоке и северо-востоке Сибири вошли в состав России во 2-й. пол. XVII в.; Камчатка и прилегающие к ней острова – в конце XVII – 1-й пол. XVIII в. (История Сибири, 1968, с. 25-55).

Одновременно с присоединением Сибири к Русскому государству началось распространение православия: ведь те, кто приходил из России на земли «иноверцев», были носителями христианской культуры. К примеру, Ермак во время своего похода в сибирские земли (1580-1581 гг.) имел при себе трёх священников и монаха. Как свидетельствует Ремезовская летопись, Ермак весной 1579 г. на месте своего первого зимовья у р. Сылвы перед походом в Сибирь соорудил часовню во имя Святителя Николая. При закладке в 1786 г. первого русского города в Сибири – Тюмени, – одновременно строились два храма (Кацю-

ба Д.В., 1998, с. 40). В 1620 г. была образована первая епархия в Сибири – Тобольская во главе с архиепископом Киприаном Старорусенковым (Поплавская Х.В., 1995, с. 100).

В связи с этим небезынтересен вопрос о том, кто являлся объектом работы миссионеров; или, иначе, каково было поле деятельности Русской Церкви? Как известно, большинство аборигенов Сибири были язычниками или шаманистами. Шаманские представления отражали в себе отношение людей к природе, друг к другу. Покровом тайны, атмосферой страшного, сверхъестественного и чудесного окутывалось всё, что превышало силы и понимание рядового человека. Центральной фигурой здесь являлся шаман (в переводе с эвенкийского – иступленный). Именно он осуществлял роль посредника между человеком и многочисленными духами, населявшими видимый и невидимый мир (Токарев С.А., 1990, с. 278-281). Природа, являвшаяся источником средств к существованию всего живого, в то же время оказывалась источником страшных стихийных явлений, порождавших голод, разрушения и т.д. Такими же неотвратимыми и таинственными казались болезни и смерть. Жизнь людей протекала как бы в постоянном присутствии противоположных сил, что и породило у них представление о двух сверхъестественных началах. Одно – доброе, благодетельное, покровительствующее людям в их жизненных делах, наделявшее людей благами природы: посылало промысловых животных, рыб, способствовало разведению домашних животных, поддерживало благополучие людей. Это были, в представлении людей, положительные существа, к которым и обращались они со своими просьбами и благодарностями. Параллельно с добродетельными, жил сонм и злокозненных существ, постоянно и во всём преследовавших человека, мешавших успешному выполнению всех его дел. Именно они были источником всевозможных несчастий, от них зависело всё, что происходило в природе и окружении человека вредного ему, опасного и просто необъяснимого (Вдовин И.С., 1981, с. 266-267). (В космогонических представлениях алтайцев этими двумя началами, управляющими миром, были Ульгень, как доброе; и Эрлик, как злое). Таким образом, придя в Сибирь, русские в первую очередь столкнулись с языческим мировоззрением коренного населения. Но оно не было единственным в этом регионе. Раньше христианства здесь появились ламаизм (одна из форм тибетского буддизма) и мусульманство.

Ламаизм получил распространение в первую очередь среди хакасов и тувинцев, которые в своём развитии далеко опередили другие малые народности Сибири. Он пришёл в Южную Сибирь из соседней Монголии, которая находилась в относительной близости от Тибета – религиозного центра ламаизма. Эта религия получила распространение в Монголии с XII-XIV вв., а с XVI в. стала господствующей, имеющей силы и возможности для активного проникновения в соседние регионы (Васильев Л.С., 1986, с. 381).

Следы присутствия буддизма в Туве относятся к XI – началу XII в., а в Забайкалье – к XIII-XIV вв. Вследствие этого происходила постепенная синкретизация местного шаманизма с ламаизмом. В первой половине XVII в. – в период политического господства в Монголии и Туве джунгаров и Алтын-ханов – идёт активное проникновение сюда буддизма. В конце XVIII в. в Туве появились его первые религиозные центры; в первую очередь в районах, граничивших с Монголией. К примеру, в 1772-1775 гг. здесь были воздвигнуты Кыргызский, Оюнарский и Самагалтайский хурээ (ламаистские монастыри). Это способствовало тому, что ламаизм стал в этом регионе официальной религией (Дьяконова В.П., 1979, с. 150-155).

Ещё одним регионом Южной Сибири, где утвердился ламаизм, стала Бурятия. Его проводниками здесь были монгольские и тибетские ламы. В 1689 г. среди перешедших в подданство России монгольских родов находились ламаиты с двумя ширетуями (ширетуй – настоятель ламаистского монастыря, старший лама). С этого времени вплоть до установления русско-китайской границы по Буруинскому договору 1727 г. тибетские и монгольские ламы беспрепятственно прибывали в Бурятию с целью проповеди. Так, в 1712 г. сюда прибыло

150 лам, которые были расписаны по бурятским родам. Договор 1727 г. положил конец свободной миграции ламства: царская администрация проводит ряд «запретных мер к ламам заграничным – чужим подданным», и стремится создать своё ламаистское духовенство. Таким образом, в 1741 г. все ламы были приведены к присяге на верноподданство России и получили официальное разрешение на проповедь своего вероучения (Кочетов А.Н., 1983, с. 126-127). В 1741 г. в Забайкалье появились ламаистские монастыри – Цонгольский и Гусиноозёрский дацаны. (Тем не менее, согласно сведениям за этот год, большинство бурятов считали себя шаманистами.) Желая предупредить вероятное выселение из Сибири в Монголию бурят-буддистов, правительство учредило для них собственную высшую духовную власть: в 1764 г. настоятель Гусиноозёрского дацана был поставлен во главе ламского духовенства и наделён титулом бандидо-хамбо-ламы (Шашков С.С., 1867, с. 2-3). Со второй половины XVIII в. ламаизм активно распространяется в Забайкалье, о чём свидетельствуют следующие факты: в 1774 г. здесь действовали 10 больших и 6 малых кумирен (культовых сооружений) и при них 617 лам. В 1822 г. в этом районе уже функционировало 18 дацанов и 2600 лам. К 1830 г. к числу первых прибавилось ещё 15, а численность лам возросла до 4637 (Михайлов Т.М., 1979, с. 128-129). Введённое в 1853 г. «Положение о ламском духовенстве в Восточной Сибири» регламентировало ламскую иерархию как особое духовное сословие и подчиняло её генерал-губернатору. Так называемое «штатное ламство» было наделено землёй, изъятой из общинных земель, освобождено от повинностей и телесных наказаний; ему было дано право взимать с населения поборы в виде «добровольных пожертвований» и торговать предметами культа (Кочетов А.Н., 1983, с. 127).

Наряду с покровительством государства в распространении буддизма сыграла свою роль и поддержка патриархально-феодальной верхушки самих бурят и тувинцев. Эта религия, по мнению исследователя И.С. Вдовина, оказалась по сравнению с христианством более социально совместимой с их общественными отношениями и сознанием. Успеху лам, по его мнению, способствовало также и то, что они обладали, с одной стороны, познаниями в тибетской медицине, а с другой, – у них не было тех языковых трудностей, которые пришлось испытывать в своей деятельности православным миссионерам. Ламаизм «не налагал на природу» инородцев никаких нравственных обязанностей, не боролся с их кочевым бытом. Яркие одежды лам, дацаны, наполненные множеством скульптур богов, оглушительная музыка производили на них потрясающее впечатление. В праздничные дни ламы устраивали около своих дацанов любимые игры и забавы инородцев: конские бега, борьбу (Вдовин И.С., 1981, с. 9-11). В итоге всё это привело к «укоренению» среди них буддизма, который оказал серьёзное влияние на развитие культуры и мировоззрения бурят и тувинцев. Этому влиянию частично подвергались и южные алтайские племена.

До прихода христиан-миссионеров в Западную Сибирь проникло и мусульманство. По наиболее распространённой версии ислам, как официальная религия, был введён в Сибирском ханстве в 70-е гг. XVI в. при хане Кучуме и получил распространение главным образом среди сибирских татар, у которых в этот период начался период формирования самостоятельных этнических группировок. Распространение ислама явилось внешним выражением этих социальных и этнических процессов.

В первой половине XVIII в. широкое распространение получило мусульманство и у казахов, проживающих на юге Западной Сибири. К XIX в. оно уже имело здесь достаточно крепкие позиции. Благодаря деятельности татарских мулл, среднеазиатских шианов и своих сторонников казахская народность всё более принимала общемусульманский тип (Ахметова Ш.К., Селезнёв А.Г., 1995, с. 263-267). Всё это вместе взятое привело к тому, что ислам получил почти повсеместное распространение в Западной Сибири: в 1851 г. на её территории было 188 мечетей (в том числе 148 в одной Тобольской губернии), в которых служило 237 мулл (Шашков С.С., 1867, с. 4).



Таким образом, придя в Сибирь, Русская Православная Церковь столкнулась с тремя различными мировоззрениями, которые боролись между собой, не исключая в то же время и процессов синкретизации между собой. В лице этих, «утвердившихся» здесь, религий православие встретило довольно серьёзное препятствие. Член Русского Географического общества и известный исследователь Алтая Н.М. Ядринцев главной причиной того, что буддизм и магометанство имели серьёзные позиции в Сибири, считал политику государства. Действительно, на первых порах русские были заняты главным образом только завоеваниями и приобретениями и им было не до «евангельской» проповеди. Почти весь XVII в. «ушёл» на «усмирение инородческих бунтов». И только в XVIII в. в Сибири начинается работа по обращению инородцев в христианство, и то недостаточно активно и организовано. Затем, не желая, чтобы религиозные центры буддистов и магометан находились вне пределов России, правительство заняло, по мнению Н.М. Ядринцева, «ложную точку зрения» покровительства этим религиям. И в этой борьбе за своих «духовных приверженцев» первенство далеко не всегда было за православием. Это обстоятельство учёный объясняет ещё и тем, что инородческие племена по своему происхождению и мирозерцанию больше тяготели к восточным религиям, нежели к православию (Ядринцев Н.М., 1891, с. 211-217).

Но говоря о противостоянии ламаизма, мусульманства, язычества православию, не следует забывать, что здесь была ещё одна группа населения, также не желавшая проникновения и распространения православия в Сибири как государственной религии. Это были раскольники. И было их здесь довольно много, особенно в Бийском округе. Власти, как известно, принимали меры против них. Они запрещали им проводить официальные богослужения, строить часовни и молитвенные дома, но эти запреты были мало действенными. Поэтому в 1818 г. правительство вынуждено было вновь напомнить обществу этих запретах (Андреевич В.К., 1889, с. 275-276). Когда в 1830 г. архимандрит Макарий Глухарев приехал в Бийский округ для организации Алтайской Духовной Миссии, он сразу же столкнулся с противодействием местных раскольников и их агитацией против него. Подобная ситуация просматривалась потом на всём протяжении истории Миссии. Однако пример Горного Алтая показывает, что деятельность миссионеров была небезуспешной: к 1915 г. в 24 отделениях Алтайской Миссии из 80,5 тыс. жителей 51,5 тыс. были православными (ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 28. Л. 2об.-3), что составляло примерно 64% населения. Одновременно Миссия внесла вклад в развитие земледелия, огородничества, в преобразование скотоводства, промыслов, образа жизни алтайцев, в создание и распространение грамотности на Алтае (Модоров Н.С., 1996, с. 265).

*Н.С. Модоров*

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)*

### **Духовное единство народов: реалии и проблемы (на примере Горного Алтая)**

Ушедший в историю XX век принес нашей стране, народам, ее населяющим, немало испытаний. Но они были преодолены ими. Сделать это помогла нам великая, неодолимая сила, именуемая духовным единством. Однако на рубеже веков на нас обрушились такие невзгоды, что перед ними и она оказалась, по сути дела, бессильной. Они были порождены распадом СССР и последовавшим за этим «парадом суверенитетов», давшим толчок к развитию на всем постсоветском пространстве – в СНГ, России, ее субъектах, в т.ч. и Горном Алтае – новых тенденций в общественном развитии. В этом, вполне прогнозируемом процессе, не было ничего сверхъестественного, кроме одного, весьма нам не желательного: в ходе его началось «обособление» одного этноса от другого. Последнее породило неизбежное в таких случаях

межэтнические противоречия, устранение которых пошло – да и продолжает идти до сих пор – за счет ущемления интересов одной из сторон. В основе этих «негативов» лежат – и это следует подчеркнуть особо – отнюдь не причины социально-экономического характера (как это было раньше), а политические. Это обстоятельство дало основание говорить исследователям о «политизации межнациональных отношений» (Народы СНГ..., 1996, с. 156).

«Суверенизация» субъектов России решила лишь «политическую автономию народов». Применительно к Горному Алтаю произошло повышение его статуса от «автономной области до республики». Образованная в 1922 г. автономия алтайцев просуществовала до 1991 г. В начале она была преобразована в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР, а затем – в Республику Алтай в составе Российской Федерации (Горный Алтай, 1997, с. 71-72). Сегодня на ее территории, слава Богу, нет тех «острых» проблем, присущих многим национальным регионам страны. Но убаюкивать себя этим у нас нет оснований, ибо и у нас есть вопросы, которые надо решать и незамедлительно. Как известно, проблемы «национально-культурного характера» политическим путем (без учета целого комплекса сопутствующих этому вопросов) решены быть не могут. Залог их разрешения – продуманная и научно обоснованная «научно-культурная политика». Последовательное ее претворение в жизнь – это единственный, реальный путь стабилизации «положительных межэтнических и социальных процессов» в каждом многонациональном регионе.

Нынешний этап межнациональных отношений в Горном Алтае характеризуется, с одной стороны, ростом национального самосознания проживающих здесь этносов (Сегодня в Республике Алтай проживает немногим более 200 тыс. чел. (60% – русские; 31% – алтайцы; 5,6% – казахи и 3% – украинцы, белорусы, немцы, азербайджанцы, армяне, грузины, татары, корейцы и др.): См. Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы 17 Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000, с. 86), а с другой, – «проявлением» нежелательного для нас межэтнического противоречия. Своеобразным барьером на пути его цивилизованного развития – не только в Горном Алтае, но и в России в целом – встал так называемый «этноцентризм» – чувство извращенной этнической солидарности, основанной на безоговорочном принятии ценностей своего народа (языка, обычаев, традиций, материальной и духовной культуры) и предвзятом, необъективном отношении к ценностям других наций. «Поставив свой этнос в центре Вселенной, его представителями, как справедливо подметил Э.А. Баграмов, проявляют высокомерие, недоверие, а порой и даже враждебность к «чужакам» (Баграмов Э.А., 1993, с. 47). Свою роль (естественно, негативную) сыграл в этом деле и накопившийся за многие годы дефицит «самореализации нации и личности. Неудовлетворенность, ощущение безнадежности и незащищенности привели к неизбежному состоянию социальной потерянности и созданию ситуации, при которой все национальное (позитивное и негативное) начинает восприниматься частью общества как нечто спасительное. В проявлении подобного «нигилизма» среди «националов» повинны не только они сами, но и государственная политика, проводившаяся в стране на протяжении семи десятилетий. К сожалению, не претерпела она каких-либо серьезных изменений в этом плане и сегодня.

Нежелательный резонанс в межнациональные отношения внесло технократическое освоение природных богатств Горного Алтая, осуществлявшееся без учета этно-исторических и хозяйственно-культурных особенностей коренного населения и приведшее к ликвидации его традиционных хозяйственных занятий и промыслов, к сокращению численности «аборигенов». Это особенно коснулось северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев, – что не замедлило негативно сказаться на их хозяйственной, культурной и духовной жизни (Макашев А.П., Минаев А.И., 1994). «Включение в промышленный оборот лесных богатств края вызвало и большой наплыв сюда «мигрантов», к которым аборигены отнеслись (по известным причинам) «более, чем холодно» (Менталитет..., 2000, с. 87).

Определенную роль в «противостоянии» народов играет их конфессиональная принадлежность. Надо отметить, что до недавнего времени такой проблемы в Горном Алтае, в стране в целом не существовало, поскольку с самого рождения Советского государства любая религия рассматривалась в нем не иначе «как опиум для народа». Распад последнего коренным образом изменил отношение государства к церкви и ситуацию на «вероисповедном фронте». В связи с этим, россияне получили возможность открыто исповедовать «все и вся». К сожалению, кое-где это закономерное явление вылилось в «политическую разборку», подрывающую единство народов. В Горном Алтае это проявилось в противостоянии сторонников «алтайской национальной религии – «Ак тьян» – «Белая роза» (Бурханизм) – и защитников православия. В ходе такого рода дебатов первые неизменно утверждают, что «Христовая вера» насаждалась на Алтае «насильно, огнем и мечем, обманом и подкупом», что священнослужители Алтайской духовной миссии (функционировала в крае с 1830 по 1917 г., возрождена в 1995 г.) нанесли «непоправимый вред алтайцам, их духовной культуре», а потом последняя должна «принести покаяние алтайскому народу за содеянное зло» (высказывания такого рода имели в ряде передач местного радио, в публикациях газеты «Улалу» и др.). Не беря на себя роль третейского судьи, отметим лишь то, что в пылу «обвинений» нередко забывается и создание миссионерами алтайской письменности, распространение ими грамотности среди «инородцев», внедрение в их хозяйство земледелия, овощных и огородных культур и др. Подобное противостояние, конечно же, не содействует единению народов (кстати, среди исповедующих православие есть не мало и алтайцев, за что и удостоились они от своих «духовных» противников ярлыка – «предатели своего народа» («Улалу». 20 сентября 2000 г.).

В связи с этим, в который уже раз режет душу и сердце мысль: «О, Господи, когда же мы научимся веротерпению и с пониманием будем относиться друг к другу?» Не пора ли прислушаться к П.Я. Чаадаеву, с горечью говорившему в 1829 г.: «Мы не составляем ... исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые... существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Мы растем, но не созреваем, мы движемся вперед, но в косвенном направлении, т.е. по линии, не приводящей к цели.» Печально осознавать, но прошедшие почти два столетия, похоже, нас ни чему не научили. Мы до сих пор поучаем других, преподаем «уроки», не сумев по-хозяйски обустроить свой дом. Не лучше ли заняться последним, всегда помня при этом слова талантливого сказателя Горного Алтая Николая Улагашева, брошенные им в лицо баю Сапроку, когда последний в насмешку над старым слепым кайчи, понудил его быть у богача проводником. Сев на коня, Н. Улагашев сказал: «Слепые не могут обходиться без поводырей. Но если слепого берут в поводыри, значит есть люди слепее слепых» (Модоров Н.С., 1996, с. 294). Так, не пора ли нам, наконец-то, прозреть. Путь к этому – терпимое отношение к соседу – мусульманину, православному, буддисту (речь, конечно же, не идет здесь о представителях не традиционных религиозных объединений, без преувеличения отравляющих нашу жизнь (подробнее об этом см.: Письмо зам.министра РФ Е.Е. Чепурных № 549/26-28 от 12 июля 2000 г.). Без уважения к человеку другой веры, не может быть демократического общества, государства в целом. Вне сомнения, что именно это имел в виду святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, говоря, что «без уважения человека человеком, без святынь невозможно говорить о нравственности, о возрождении духовности и культуры, что без святости, без высокого идеала человек теряется в море зла и неправды». При этом он выразил уверенность, что начавшийся в стране процесс восстановления утраченного низвергнет в прошлое время тяжких испытаний, пережитых православной церковью в недалеком прошлом (Свято-Георгиевская церковь, 1999, с. 3). Дай-то Бог, сбывься пророчеству Великого Проповедника и утвердиться миру в нашем обществе.

*Т.В. Межова Т.В., И.А. Фокичева*  
(Улан-Удэ, Восточно-Сибирская академия культуры и искусств)

### **Этнокультурные полевые исследования в Забайкалье: сезон 2000**

Первые переселенцы – старообрядцы появились в Забайкалье в XVIII веке. Наряду с самым необходимым для первоначального устройства они везли с собой «отеческие» книги «дониконовской» печати, а затем «в своей многотрудной жизни на новых землях усиленно занимались перепиской книг и созданием своей собственной крестьянской литературы».

В последние десятилетия в разных регионах России возрождаются старообрядческие общины, культура и обычаи. Закономерно, в этой связи, что необходимость исследования исторического опыта своих предков вызывает востребованность и активизацию исследований в области духовной жизни старообрядцев. Исследование истории старообрядчества (как одной из ветвей православия) невозможно без освоения его книжной культуры, поскольку книга – важнейший элемент православной христианской культуры, соединившей в себе традиции литературы Древней Руси и новаций последующих периодов.

В июле 2000 г. авторы статьи участвовали в экспедиции в рамках Федеральной Целевой Программы «Интеграция». Работа осуществлялась по проекту «Этнокультура русских Забайкалья: Язык Фольклор Книжность».

Целью работы было выявление и осмысление современных этнокультурных процессов, внутренних закономерностей функционирования русской народной культуры на стыке культур Восток-Запад, а также исследование локальных культурных традиций как синтеза народных знаний.

В работе приняли участие: научные сотрудники и аспиранты Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, а также студенты Бурятского Государственного университета и Восточно-Сибирской Государственной Академии культуры и искусств.

Экспедиционные исследования включали три основных направления:

- Лингвогеографическое – Мухоршибирский, Бичурский районы Республики Бурятия (Козина О.М. – преподаватель кафедры русского языка БГУ, студенты филологического факультета БГУ)

- Фольклористическое – Мухоршибирский район Республики Бурятия (Матвеева Р.П. – ИМБиТ СО РАН, Судакова О.Н. – преподаватель ВСГАКИ, аспиранты ИМБиТ СО РАН, студенты ВСГАКИ).

- Археографическое – Мухоршибирский, Бичурский районы Бурятии (Бурева С.В. – ИМБиТ СО РАН, студенты ВСГАКИ).

Целью нашего исследования было изучение книжно-рукописной традиции старообрядцев Забайкалья, в том числе локальных особенностей бытования и функционирования книг и рукописей в старообрядческой среде Мухоршибирского района Республики Бурятии.

Участниками экспедиции проводилось:

- выявление хранителей старообрядческих коллекций, составление «легенд» книг и рукописей;

- выявление письменных источников;

- установление обстоятельств возникновения, степени сохранности, отличительных особенностей источников;

- систематизация источников;

- составление охранных описей;

- составление карточек;

- оценка репрезентативности выявленных источников и возможности их использования для дальнейшей разработки различных проблем духовной культуры семейских Забайкалья.

Исследования велись в селах Мухоршибирского района Республики Бурятия. Проводились описания частных библиотек и коллекций школьных музеев.

В коллекциях школьных музеев имеется и богослужебная литература (Псалтырь, Минея, Служебник, Часовник и пр.), и нравственно учительная (Пролог, Златоуст, Шестоднев). Также, нашли свое место в этих коллекциях популярные в старообрядческой среде «Сон Богородицы», Азбуки, Святцы (Месяцесловы).

Хронологические границы собраний достаточно широкие – XVIII-XX вв. Географические же не слишком разнообразны. Здесь – московские, киевские и почаевские издания.

В ходе полевых исследований частных книжных коллекций было обнаружено несколько наименований книг: Канонник, Каноны об усопших, Часовник, Евангелие тетр, Триодь постная. Все издания относятся к концу XIX – началу XX вв.

Основное внимание уделялось локальным особенностям книжно-рукописной традиции. С этой целью, прежде всего, фиксировались экземпляры памятников письменности в частных коллекциях и музеях, проводилось их первичное палеографическое описание. Кроме того, существенное внимание уделялось поиску сведений о персоналиях местной книжной традиции – уставщиках, писцах, владельцах литературы. В результате полевого сезона имеются описания памятников письменности XVII-XX вв., фотографии, диктофонные и расшифрованные записи рассказов о местных книжниках. Установлен контакт с хранителями школьных и народных музеев, сделаны охранные описи коллекций.

По результатам полевого сезона была проведена межвузовская научно-практическая конференция. Участники заслушали 16 докладов по диалектологии, фольклористике, археологии.

*Научный руководитель – к.и.н. С.В. Бураева.*

*О.А. Шагланова*

*(Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддизма и тибетологии СО РАН)*

### **Современная ситуация шаманской традиции бурят Тункинской долины**

Наравне с мировыми религиями исповедуемыми на территории Бурятии отчетливо проявляется и занимает свое определенное место в духовной жизни этноса древняя шаманская религия бурят. В тункинском районе шаманизм до сих пор сохраняет ведущие позиции. Особенность религиозной атмосферы Тунки обусловлена ее географическим положением: расположение в горной долине Саянских хребтов и в бассейне озера Байкал. Горная система Восточных Саян, согласно богатому мифопоэтическому наследию, всегда воспринималась древними верующими-шаманистами как местопребывание западных божеств шаманского пантеона подобно древнегреческому Олимпу. Так же не мало сохранившихся легенд и преданий о прародине тункинских бурят – землях вокруг священного озера Байкал. Видимо, именно поэтому главными объектами почитания на современном этапе у бурят данного региона являются культ гор и культ озера Байкал. Сезонно-календарные обряды хозяйственного цикла непосредственно связаны с этими культурами. Необходимо упомянуть, что специальные молебствия тэнгрям не проводятся, они только упоминаются в призываниях. В некоторых местах (селах, деревнях) сохранилось почитание локальных божеств и духов местных умерших стариков, шаманов и шаманок, хозяев местных рек, озер, горных вершин. Например, в Тункинском районе известны Гужир тэнгри-хозяин местности Гужир, Сагаан Ирхугэй эзэн-хозяин реки Иркут, Галуутын таабай – так называют жившего в 20-30-е годы шамана Самбуева, которого после смерти объявили хозяином местности Галута. Продолжает сохраняться вера в существование сверхъестественных злых существ-гуйдэг, бохолдоев и т.п., которых нужно изгонять с помощью специальных обрядов

под руководством шамана, не то они – злые существа – могут принести болезни и другие неприятности (Шагланова, 1995).

В традиционной шаманской практике большое значение имели тайлаганы, которые совершались в начале лета, сегодня же они утратили свою значимость. В них в основном участвуют люди престарелые. По мнению В.Б. Павлова, сельские шаманы из-за малого знания шаманистской мифологии и традиций свели совершение многих обрядов до уровня простых формальностей. Безусловно, на багаж их знаний повлиял период развития атеизма в советское время, когда из-за боязни люди тайком ходили к шаманам, а последние второпях сокращали обряд и призывания (Павлов, 1996).

Общественные обряды проводятся сегодня лишь при неурядицах природного характера: при сильной засухе или сильных проливных дождях и т. д. Участие в них не обязательно, часто собирается лишь маленькая группа людей, хотя все село может внести свою лепту, которая заключается в сборе денег для покупки продуктов и жертвенного животного. Семейно-индивидуальные обряды проводятся намного чаще. Они имеют «страховочный» характер, их совершают перед выездом в дорогу, предстоящими экзаменами, при плохих снах, болезнях близких и т. д. Но кроме этого по традиции каждая семья может обращаться к шаману в месяц один раз для благополучия в семье.

Вместе с призываниями шаманистских божеств перечисляются и буддийские божества. Так, например, в данном районе наряду с Буха-нойоном и другими божествами призывается Арьяабала бурхан (Авалокитешвара), перечисляются имена буддийского происхождения Бальжинима и Дашинима. В повседневной жизни в Тунке, если появляется необходимость, люди обращаются к шаманам, а при проведении обрядов жизненного цикла: свадьба, похороны и т.д. уже обращаются к ламам. Ламы читают обрядовые книги для успокоения души умершего и ее перерождения в скорейшем времени, они же определяют совместимость жениха и невесты, назначают день свадьбы, день похорон, дают имена новорожденным и т.д.

Шаманизм, после долгого запрета и гонения, прошел этап своего возрождения. На сегодняшний день, если давать более адекватную оценку существующей шаманской традиции, нужно отметить, что правы те ученые – религиоведы, которые придерживаются точки зрения, что в данный момент времени мы наблюдаем процесс трансформации шаманизма. Сравнительный анализ основных признаков и элементов обрядовой практики и шаманов, которые существовали в древний период бытования шаманизма с сохранившимися современными ритуалами и служителями культа позволяет сделать вывод, что на данном этапе своей жизнедеятельности шаманизм далеко не соответствует своим первоначальным признакам и качествам. Несомненно то, что институт шаманства вобрал в себя множество влияний со стороны других религий, в частности буддизма, и изменился сообразно современному ритму жизни человека как -то: облачение в современное одеяние в силу утраты шаманских атрибутов, а также их значимости; для большинства шаманов чуждо состояние экстаза непременный признак классического шамана и пр. Кроме того, существенные изменения произошли в шаманском религиозном сознании. Верующие-шаманисты не воспринимают всерьез мифологические теории мироздания, учения о тотемическом происхождении бурят от быка, птицы или рыбы. Наряду с этим упростилась шаманская иерархия богов и духов, многие из них забыты (Михайлов Т.М., 1987, с. 229).

В тоже время нельзя сказать с уверенностью, что религиозное сознание у верующих данного региона полностью является шаманским. Шаманское мировоззрение владеет лишь частью сознания одновременно с другими религиями: буддизмом или христианством. Современные дацаны и церкви функционируют в тесном контакте с шаманами. Верующие почитают как шаманизм, так и буддизм. В современном поведении сельских верующих, которые одновременно являются и буддистами, и шаманистами наблюдается вполне весомое

отклонение в сторону шаманизма, поскольку в случае необходимости люди в первую очередь обращаются к шаманам, а затем по их рекомендации посещают дацан. Ламаизм и христианство играют второстепенные роли.

Кроме лам и шаманов действует такая разновидность сакральных лиц, как ясновидящие, предсказатели, гадатели. Они в определенной мере способствуют сохранению шаманской традиции. Современные предсказатели предсказывают и выявляют причины различного рода болезней, неудач, ссор, плохих снов, определяют «отсутствие души» человека, наведенную порчу, присутствие в доме злых духов (гуйдэг, бохолдой и т.д.). Однако сфера их деятельности на этом ограничивается. Для предотвращения предсказанного, по убеждениям шаманистов, как правило, по нашим полевым исследованиям, необходимо проведение соответствующих обрядов, которые должны помочь «вернуть душу» человека в тело, изгнать злых духов из дома (гуйдек гаргаха) и прочие, а в этом случае люди обращаются именно к шаманам. Поскольку шаман остается единственным сакральным лицом способным обеспечивать контакт между социумом и миром духов.

В эпоху быстро развивающегося и меняющегося прогресса, при утрате общечеловеческих ценностей или попытке заменить их другими, особенно актуальным представляется философия шаманизма, в соответствии с которой человек должен беречь и дорожить окружающей природой, ее объектами. Поскольку для шаманского миропонимания человек и природа представляются неотделимым целым, повреждая природу – человек вредит себе, тем самым обрекая своих потомков на большие испытания. Согласно шаманской идеологии самой страшной болью для любого человека считается то, когда его потомки испытывают большие горести и беды. В отличие от других конфессиональных идеологий в шаманской отсутствует представления об аде и рае. Все круги ада человек проходит здесь на земле в виде тех препятствий и мук, которые приготовила для него сама жизнь. После смерти, по представлениям шаманистов, приходит успокоение души человека, что тождественно понятию рая в христианской религии и нирваны в буддизме. Аналогичное религиозное убеждение распространено также у тюркоязычных народов Сибири: «... они до знакомства с христианством и буддизмом считали подземную страну не адом, а местом, куда переселились умершие и продолжали там жить» (Алексеев Н.А., 1984, с. 65). Между тем на земле остаются потомки человека, которым предстоит отвечать за деяния своих предков. Источником всех несчастий могут выступать духи – хозяева местности, хранители объектов природы, которых, возможно, люди обидели несоответствующим поведением. Именно на основе такой философии шаманизм требует благоговейного отношения к природе. В этой связи в отличие от других мировых конфессий шаманская религиозная традиция не имеет храмовой организации и атрибутов. Ибо ее самым главным и единственным храмом является сама природа.

*Руководитель – д.и.н Н.Л. Жуковская.*

*В.Н. Шапов*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Роль культового литья в процессе генезиса шаманизма**

Духовная жизнь коренных народов Сибири не знала однообразного линейного развития. Процесс складывания тех или иных культурных ценностей имел сложный и многогранный характер. Тем не менее, всё, что когда-либо создавалось социо-культурной средой народов Сибири непременно откладывало свой отпечаток на дальнейшее развитие духовной жизни общества. Рождённое однажды далеко запускало свои корни во многие аспекты настоящего, будущего, а иногда даже и прошлого того или иного социума. Взаимодействие рассеянных во

времени элементов духовной жизни общества приводило порой к очень интересным и непредсказуемым результатам. Одним из которых является феномен шаманизма.

Процесс генезиса шаманизма носил сложный характер. Отсюда его длительная история. Что касается хронологических рамок развития шаманского мировоззрения, то единственное, что на данный момент мы можем утверждать уверенно это то, что шаманизм как отдельное культурно-религиозное явление существует по настоящее время, хотя и претерпевает значительные изменения. Начальная же точка отсчета, последнее время, стремительно удревняется, преодолевая традиционный рубеж, приходящийся на бронзовый век.

Существует также множество подходов к роли самого шамана в рассматриваемой системе мировоззрения. Одни исследователи утверждают, что основная задача шамана – быть ходоком в мифические иные миры, и признают шаманизм как раннюю форму религии (Басилов В.Н., Токарев С.А. ) (Басилов В.Н., 1984; Токарев С.А., 1990). Другие настаивают на том, что главная функция шамана – лечебная (Штернберг Л.Я) (Штернберг Л.Я., 1936). Третьи видят в шаманизме «культ сумасшествия» (Ксенофонов Г.В. ) или «архаическую технику экстаза» (Элиаде Мирча) (Элиаде Мирча, 1998).

Таким образом, история формирования шаманизма остаётся всё ещё актуальной. Знание основ архаического мировоззрения позволит нам не только более глубоко проникнуть в социо-культурную среду древнего общества, но и оценить особенности современного религиозного сознания людей.

Даже вокруг определения шаманизма в настоящее время сконцентрирована масса проблем и вариантов их разрешения. Нам следует сосредоточиться на вопросе соотношения конкретных археологических материалов, в частности, культового бронзового литья, и основ шаманского мировоззрения. Может быть, это поможет ближе подойти к проблеме о хронологии интересующих нас процессов и ответить на вопрос об особой роли бронзового и железного веков в генезисе шаманизма, и даже попробовать углубиться в предшествующие времена.

Духовная жизнь коренных народов Сибири археологически представлена находками: с жертвенных мест, с поселений, из погребальных комплексов.

Огромную массу артефактов, свидетельствующих о духовной жизни Сибири, составляют предметы культового литья. По-видимому, изменения в хозяйстве в эпоху бронзы повлекли за собой перемены в духовной жизни человека, но не смогли изменить её традиционную направленность (Толпеко И.В., 1988, с. 66).

Эпоха бронзы была особым этапом в истории искусства Западной Сибири. С обработкой бронзы человек получил новый удобный материал, который можно было применить не только в целях, обусловленных материальной необходимостью, но также и в духовной жизни общества, создавая предметы художественно-религиозного характера. Бронза, обладавшая более высокими технологическими свойствами, чем медь, была гораздо прочнее и плавилась при более низкой температуре, в расплавленном состоянии она принимала заданную мастером форму. И, наконец, сама бронза и процесс литья из неё зачастую носили свой магический характер, что и нашло отражение в шаманизме.

Второй важной особенностью бронзового века, поднявшей искусство и религиозную жизнь людей на новую ступень, была тенденция к условности, схематизму, обобщению. Этого требовало развивающееся человеческое общество (Там же, с. 67).

Сибирское культовое литьё оказалось зеркалом, в котором отражались все основные тенденции, переживаемые народами Сибири на данной стадии их развития. Конечно, было бы несправедливо, говорить о том, что все эти процессы носили исключительно новаторский характер и развивались самодостаточно. Традиционные устои общества по-прежнему имели огромное значение. Это касалось и духовной жизни людей. Многие древние культы (культ предков, тотемизм, анимизм и т.д. ) получают отражение в новом мировоззрении –



шаманизме, которое в эпоху бронзы и раннежелезного века всё более смело заявляет о своих претензиях на роль центрального культа. Шаманизм впитал в себя некоторые черты более ранних верований, но не оказался простым компилятором религиозной жизни. Дело в том, что наряду с заимствованными составляющими, шаманская идеология имеет ряд совершенно новых взглядов на мир, незнакомых ранее обрядов и ритуалов. Так, например, даже сам факт посредничества шамана между тремя мирами – это явление принадлежащее исключительно шаманизму. Г.М. Василевич видела новшество в кровавых жертвоприношениях, полагая, что дошаманские охотничьи обряды были без крови. Еще одна важная особенность заключается в том, что шаманизм не замыкается в узких рамках семейно-родовых отношений, а связывается в большей или меньшей степени с широкими общеплеменными формами общественной жизни. Новацией является и акт камлания. Подобные примеры можно приводить еще довольно долго. Опираясь на исследования А.С. Токарева, В.Н. Басилова можно выделить следующие черты, характеризующие шаманизм (Басилов В.Н., 1984; Токарев С.А., 1990):

- 1) Вера в разного рода духов, которые населяют окружающий человека мир и пребывают в живых существах в виде души.
- 2) Мир разделен на три сферы: «верхний» (небесный), «средний» (земной) и «нижний» (подземный).
- 3) Вера в круговорот жизни (реинкарнация души).
- 4) Служение шаманскому культу (камлание), где присутствует шаман, и используются культовые вещи.

Немного позже мы попробуем соотнести эти принципы с основными сюжетами изделий культового литья.

С шаманизмом и прочими изменениями в духовной жизни общества связано выдвижение на передний план символа, проявившегося в стремлении к схематизму. Предметы культового литья, в свою очередь, становятся тем языком символов, который отражал мировоззренческие позиции того или иного общества.

Наиболее типичными изделиями культового литья являются металлические зооантропоморфные изображения. Их по сюжетам можно разделить на три группы: антропоморфные, сложные зооантропоморфные и зооморфные изображения (Конилов Б.А., 1980, с. 42). Литьё различное: плоское, полое, объёмное. Изредка применялась гравировка, в основном для подчеркивания деталей. Мускулистость животных и оперение птиц передавались разнообразным орнаментом. Все изделия, за редким исключением, носили прикладной характер: нанесены на подвесках, нашивках, пронизках.

В зооморфных изображениях нередко воплощены образы диких животных и птиц местной фауны. Натурой чаще всего служили медведь, конь, бык, орел, гусь, утка, бобр, змея и т.д. Иногда встречаются сложные мифические изображения, основанные на сочетании различных частей тела нескольких животных в одном существе. Таковым является образ ящера – «нечто среднее между зверем и рыбой, в общем же напоминающее собой отчасти большую ящерицу или крокодила» (Теплоухов Ф.А., 1993, с. 10). Вероятно, что зооморфные изображения отображали древние тотемистические представления, а так же и новые шаманские воззрения о духах помощниках и покровителях.

Особенностью антропоморфных изображений является ярко выраженная непропорциональность частей человеческого тела. Как правило, это неестественно большая голова и короткое туловище. В основной массе таких изображений большое внимание уделяется образам человеческого лица. Варианты таких изображений разнообразны, но часто в них можно угадать монголоидный тип. Эти антропоморфные изделия, по-видимому, объясняются верой в культ предков. Иногда они изображают самого шамана или мифического героя.

Наиболее сложными и насыщенными символикой являются зоантропоморфные изображения. Как правило, им свойственно сочетание животных образов с фигурами и личинами людей. Довольно часто такие изображения имеют ярусную структуру, которую нередко можно встретить и на петроглифах бронзового и железного веков (Дэвлет М.А., 1998, с. 223-226). Этнографические данные по шаманизму позволяют нам в ярусных изображениях угадать существа, относящиеся к разным слоям мироздания.

Мало того, рассматривая одиночные образы духов, несложно их отнести к тому или иному слою мира в шаманском мировоззрении. Таким образом, как в общей картине культовых изображений, так и в сложных композициях некоторых из них прослеживается трехъярусная структура мира.

Как уже замечалось ранее, большинство предметов культового литья имеют изображение только с лицевой стороны, что дает основание интерпретировать их как подвески. Вероятно, что эти изделия подвешивались на костюм шамана, одеяние идола и т.п., с целью выполнения определенных магических задач.

Попробовав соотнести зоантропоморфные изображения с классификацией духов по В.М. Кулемзину, мы убедимся, что они ей не только не противоречат, но и прекрасно вписываются в неё (Кулемзин В.М., 1984, с. 37). Здесь мы найдем категорию духов-покровителей леса, воды; образы зооморфных и человекоподобных хозяев верхнего и нижнего миров, антропоморфных искусственных изображений (Там же).

Возможно, что некоторые из рассматриваемых нами изделий могли играть роль временных вместилищ реинкарнирующей души (духов). Это особенно касается орнитоморфных изображений, так как отдельные сибирские народы связывали жизненное начало человека с птицей, живущей у его головы (Чернецов В.Н., 1964, с. 80-81).

Таким образом, в рассмотренных нами группах зоантропоморфных изображений обнаруживаются все вышеперечисленные признаки шаманского мировоззрения.

Л.А. Чиндина выделяет три специфических центра распространения культового литья: приуральский, зауральский, западносибирский. При этом она признаёт, что в I тыс. н.э. в перечисленных краях господствовал общий круг искусства «звериного стиля» (Чиндина Л.А., 1991, с.63-64). Вероятно, это связано с близостью культурных традиций отмеченных регионов, а также масштабностью процесса генезиса шаманизма.

Бронза донесла до нас древнюю семантику сибирского культового литья, позволив нам более подробно исследовать складывание шаманского мировоззрения, но, к сожалению, далеко в прошлом остались многие свидетельства об истоках, зачатках рассматриваемого процесса. В большинстве случаев, только камень и высеченные на нем изображения, позволяют нам догадываться о сходстве основных мотивов бронзового литья и культурно-религиозных памятников более раннего времени. К последним, например, относятся неолитические петроглифы Урала, описанные В.Н. Чернецовым (Чернецов В.Н., 1964, рис. 28,3), где обнаруживаются ранние представления о тотемном предке, что имеет многочисленные аналоги в сибирском культовом литье бронзового и железного веков. Там же, на Урале, мы замечаем ранние следы антропоморфизации, найденные на Соколинских утёсах (на левом берегу Тагила) (Чернецов В.Н., 1971, рис. 6,1). Здесь обнаруживается, столь распространенное в бронзовом литье, сочетание орнитоморфного образа со схематичным человеческим изображением. Можно предположить, также, что некоторые антропоморфные образы личин изображают маскиды ранних шаманов, вероятно, изготовлявшихся из дерева и не дошедших до нас. Таким образом, проблема соотношения древних культурно-религиозных памятников и шаманского мировоззрения остаётся актуальной и требует дальнейшей работы, как и вопрос о первоистоках шаманизма.

*Научный руководитель – д.и.н. В.И. Матющенко.*

*О.А. Поворожнюк*  
(*Чита, Читинский государственный технический университет*)

### **Эвенки севера Забайкалья: культурный ландшафт**

Эвенки (тунгусы, ороконы) – самая представительная общность среди малочисленных аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока. Традиционная зона их расселения занимает гигантскую территорию от левобережья Енисея на западе, Охотского моря и заполярной тундры на севере и до бассейна Амура на востоке. Эвенки северного Забайкалья вызывают особый интерес, т.к. они предположительно являются преемниками древней культуры лесных охотников, существующей на данной территории уже на протяжении 18 тыс. л. В то время как в южных районах Забайкалья эвенкийское население подвергалось процессам миграции, ассимиляции и утрате культурных традиций, эвенки севера Забайкалья сравнительно полно сохранили культурную преемственность. Поэтому аборигенное население севера Забайкалья представляет собой уникальную возможность изучения традиционной адаптации к окружающей среде. Так, в данной работе предпринята попытка проанализировать особенности культурного ландшафта эвенков северного Забайкалья на основе материалов, полученных во время полевых исследований в Каларском районе Читинской области в 1997 – 2000 гг.

Взаимодействие этноса с природной средой происходит в материальном и нематериальном аспектах. Под первым подразумевается, прежде всего, традиционная стратегия потребления природных ресурсов и основанная на ней хозяйственная деятельность. В нематериальный аспект входят социальные, культовые и др. особенности организации естественного ландшафта. В совокупности материальные и нематериальные компоненты организации образуют единую картину культурной адаптации, выраженную в форме культурного ландшафта.

Традиционная хозяйственная деятельность эвенков Забайкалья основана на замкнутом годовом цикле кочевья и соответствующей системе сезонных поселений. При перемещении на очередное поселение решающим фактором является наличие древесины или других видов топлива. Для более детального исследования нами было проведено изучение характера воздействия поселений на древесную растительность на примере поселений эвенков Таскеро-вых (р. Чина, 1997 г.) и Ильдиновых (р. Сень, 2000 г.). В результате территория, покрытая древесной растительностью со следами хозяйственной деятельности обитателей поселения, условно была подразделена на несколько зон (Gron, Kuznetsov, 1999). В центральной зоне поселения Таскеро-вых «Чинейская наледь» на территории 65 на 45 м произрастало несколько крупных старовозрастных лиственниц, которые, по словам информаторов, обеспечивали защиту от солнечных лучей и ветра. Следующая зона (75 на 50 м) характеризовалась травяным покровом и практически полным отсутствием деревьев. И, наконец, наиболее удалена от центра поселения была зона сплошной рубки (160 на 90 м) с произрастающим на ней подростом в виде молодых лиственниц с диаметром в 10 см. Из данных наблюдений следует, что хозяйственная деятельность на традиционных эвенкийских поселениях оказывает воздействие на окружающую среду, прежде всего на древостой.

Помимо рубки деревьев хозяйственная деятельность на поселениях вызывала и другие изменения естественного ландшафта. Например, традиционно за пределами зоны обитания находилось особое место, которое служило своеобразной «свалкой» для различного вида отходов жизнедеятельности обитателей поселения. По сведениям информаторов (Таскеровы, Ильдиновы), при кочёвке обязательной считалась очистка всей территории поселения. Поэтому поверхность зоны обитания на заброшенных эвенкийских поселениях традиционно очищена от отходов, за исключением шерсти, фрагментов черепа и ног оленя и подобных органических материалов. Крупные кости скелета, а в некоторых случаях и отдельные части туши животных (голова, глаза, лапы) помещались на специально сооружённые лабазы, рас-

положенные примерно в 100 м от поселений. Подобные лабазы представляют собой расположенный на 3-4 опорах настил на высоте 1,5-2 м, на который помещаются останки убитого зверя. Разрушаясь, лабазы образуют зоны повышенной концентрации фосфорсодержащих веществ. Как сами лабазы, так и их останки видоизменяют природный ландшафт.

К нематериальным принципам организации окружающей среды относятся зарубки на деревьях. Зарубки представляют собой вертикальные насечки на стволах деревьев, глубина которых достигает 5 см, длина – 30 см, ширина – 5 и более см. Следы зарубок сохраняются иногда на протяжении 100 лет. Во время исследований в районе р. Сень, оз. Ничатка на деревьях были зарегистрированы многочисленные зарубки. Наши информаторы интерпретировали значение зарубок как символов, которые наносятся на деревьях в местах традиционных эвенкийских захоронений и культовых лабазов. Однако в большинстве случаев зарубки служат своеобразными ориентирами, указывающими направление кочевых троп и мест стоянок кочующих или охотящихся эвенков.

Шаман-дерево также имеет символическое культовое значение и относится к нематериальному аспекту культурного ландшафта. Подобное дерево представляют собой молодую лиственницу высотой до 10 м, расположенную в 3-5 м от водоёма и приблизительно в 10-15 м от центра поселения. Ствол и ветки культового дерева обвязаны узкими полосками разнообразной материи. Как на действующем поселении, так и на заброшенных стоянках и поселениях семьи Ильдиновых (р. Сень) были обнаружены культовые деревья. Данные объекты посвящены универсальному эвенкийскому богу – Барылаху. Барылах, по поверьям эвенков, является покровителем охоты, духом огня и хозяином места. Перекочёвывая на новое поселение, эвенки, прежде всего, выбирают подходящее дерево, расположенное на берегу реки или озера, и обвешивают его лоскутками материи в честь Барылаха. С этого момента считается, что поселение находится под покровительством духа места. Судя по этимологии самого названия бога, культ Барылаха является результатом якутского влияния.

Итак, комплексы эвенкийских поселений с относящимися к ним жилыми, хозяйственными и культовыми постройками, взаимосвязанные кочевыми и охотничьими тропами образуют систему организованной хозяйственной деятельности аборигенного населения севера Забайкалья. Из приведённых выше наблюдений, очевидно, что традиционная жизнедеятельность эвенков оказывает влияние на природный ландшафт, которое не ограничивается непосредственно зоной обитания, а распространяется на более обширные территории за пределами комплексов поселений. Природная среда обитания, таким образом, превращается в сложную систему материальных и нематериальных элементов культуры, расшифровав которую можно получить полное представление о культурном ландшафте этноса.

*Научный руководитель – к.и.н., О.В. Кузнецов.*

*А.А. Абрамова*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Связь «рационального» и «иррационального» в представлениях, связанных с удачей в промысловой деятельности тоболо-иртышских татар**

Тоболо-иртышские татары, расселенные в Среднем Прииртышье (Омская и Тюменская области), входят в состав сибирских татар; в их традиционном мировоззрении сохранились представления, связанные с достижением удачи в охоте, собирательстве и рыболовстве. В этих представлениях можно наблюдать как «рациональные» приметы, запреты, поверья, так и «иррациональные».

Проблема взаимоотношения «рационального» и «иррационального» в традиционном мировоззрении интересна не только на уровне выявления «положительных» знаний и круга явлений, которые к таковым не могут быть отнесены, но и в плане выбора исследователем духовной культуры методологии. Настоящая работа – пример того, что религиозные верования могут и должны получать обоснование несмотря на то, что последовательное и полное доказательство и подтверждение непостижимо; имея факты веры – например, представления, связанные с удачей в промысловой деятельности, необходимо осуществлять над ними рациональные исследования. «Иррациональная» система знаний будет пониматься не как нечто неразумное и противосмысленное (Шахнович М.И., 1984, с. 11), а как система действий и знаний, складываемых при воздействии импульсов веры иногда интуитивно и инстинктивно, а также все то, что нельзя объяснить рациональными методами.

Во время ледохода, каждый тоболо-иртышский татарин, занимающийся рыболовством, должен был пойти на реку и кинуть в воду монеты, говоря при этом: «СИНЬ МИНЕМ – УЛ МИНЕМ», что значит «я – ей, она – мне». Таким образом испрашивался хороший улов на будущий год. Похожая ситуация наблюдается у хантов и негидальцев (Карьялайнен К.Ф., 1996, с. 80; Цинциус В.И., 1971, с. 178). Наблюдения за природными явлениями оказывали определенное влияние на деятельность человека. Жители Среднего Прииртышья считали, что если с вечера закат красный, то утром можно смело идти на промысел, погода будет хорошая. В грозу и после дождя ловить рыбу запрещалось. Эти и подобные приметы и запреты можно назвать рациональными. Местные жители вполне разумно заметили, что погода оказывает сильное, иногда решающее, значение на клев рыбы. Научно доказано, что перед каждой резкой переменной погоды клев ослабевает или совершенно прекращается. Состояние заката, гроза, дождь – показатели изменения атмосферного давления. Рыбы безошибочно отмечают малейшие его перемены. Эта высокая чувствительность объясняется тем, что уменьшение или увеличение давления на тело рыбы нарушает у них диффузионные процессы и пищеварение, поэтому рыба перестает клевать (Матвеев М.М., 1984, с. 58-59). Тарские татары говорят, что перед рыбалкой нужно заметить куда дует ветер: если по течению, то лов будет удачным, если против течения, то все приготовления были напрасными и можно возвращаться домой. Специалистами замечено, что в реках клев бывает лучше, если ветер дует вниз по течению (Матвеев М.М., 1971, с. 45). Рыболовы, проживающие в Среднем Прииртышье считали также важным из какой части света дует ветер: если с запада или с севера – на рыбалку можно не идти, если с востока или юга – улов будет хорошим. По поверьям тоболо-иртышских татар восток и юг, в отличие от запада и севера, считались благоприятными сторонами света: на юг и восток обращали лицо при чтении молитвы, во время принесения жертвы голову животного клали в сторону КЭЙБЛА – юга. Метеорологи заметили, что сильный северный ветер, образуя холодный фронт, вызывал понижение температуры и осадки. Это влияло на снижение или прекращение клева рыбы. Западный ветер, если был сильным – вызывал значительные волнения и клев большинства рыб ухудшался (Дмитриев Н.Н., 1978, с. 47-48). Очень широко среди всех сибирских татар распространено поверье, что если у рыбы пошла кровь, то скоро пойдет дождь. Согласно сведению специалистов-ихтиологов, поверхностное волнение оказывает ритмически изменяющееся давление воды на тело рыбы, в некоторой степени травмирующее ее (Матвеев М.М., 1984, с. 60-61). Примета, связанная с влиянием крови у рыбы на изменение погоды, с течением времени, видимо трансформировалась, и теперь сибирские татары стараются при ловле не повредить рыбу, чтобы не пошла кровь, а следовательно дождь.

Интересны также поверья тоболо-иртышских татар, связанные с удачным уловом: карась ловится, когда цветет шиповник; когда луна идет на убыль или если много метляка – клев ожидается плохой. Шиповник, согласно данным агроклиматического справочника цветет 23 июня (Агроклиматический справочник..., 1966, с. 144). Что касается метляка, то

отсутствие клева вполне объяснимо сытостью рыбы, однако, интересен тот факт, что некоторые группы сибирских татар в середине лета, когда ожидают падение метляка, проводят обряд. «От множества метляка над Иртышом стоит густой туман. С появлением солнца бабочки падают на воду, река покрывается как бы пеной. Молодежь не спит, проводит игры на берегу, слышатся шутки, песни. Собирают метляка ведрами, сушат. На него хорошо ловится стерлядь» (Садыков К.С., 1998, с. 145). Перед выходом на рыбалку или охоту не советовали ругаться с женой, так как это могло помешать промыслу. Если по пути в лес или на реку тоболо-иртышскому татарину встречалась женщина с пустыми ведрами, он возвращался домой, потому что согласно примете обратно он может возвратиться также с пустыми руками. Если же навстречу ему шла женщина с ребенком или полными сумками – это было хорошим предзнаменованием, с женщиной здоровались и благодарили.

Различные виды собирательства и лесных промыслов играли существенную роль в хозяйстве тюркоязычного населения Среднего Прииртышья; особое внимание уделялось сбору ягод (Селезнева И.А., 2000). Не в силах повлиять на их урожай местные жители пытались воздействовать на их обилие магическими средствами: перед входом в лес срывали с дерева ветку, бросали ее через плечо, три раза плевали и просили у АЛЛАХА побольше ягод.

Тоболо-иртышские татары старались не ходить на охоту в туман и дождь, так как считали, что в это время показывается хозяин леса (УРМАН ИЯСЕ), он может увести охотника с собой.

Охотничьи промысловые орудия – капканы, ружья и одежду, в которой обычно ходили на охоту, хранили в сеновале. Жители объясняли этот факт по-разному: одни говорили, что таким образом исчезает «человеческий запах», отпугивающий зверей; другие говорили, что это привлекает зверей и птиц и, значит, охота будет удачной; третьи утверждали, что так делали их предки, а они обязаны повторять годами накопленный опыт. Летом, перед тем как поставить капкан – его мазали отваром трав: заваривали кипятком полынь или черемуху. Мазали капкан в рукавицах. Иногда части капкана обшивали кожей или домотканой материей. Зимой капкан обшивали белой тряпкой, затем уже в лесу обливали холодной водой, она должна была застыть – так маскировали капкан (Абрамова А.А., 1998, с. 149). По мнению С.А. Токарева, первоначально эти действия совершали с целью просто отбить «человеческий» или «жилой» запах, который отпугивал зверя. Но подобным приемам зачастую приписывали магическое значение – привлекать зверя, и эти действия иногда сопровождались колдовскими заклинаниями (Токарев С.А., 1990, с. 228).

Известен ряд запретов, связанных с представлениями о способности зверя слышать. В лесу, по поверьям тоболо-иртышских татар, нельзя было шуметь, так как зверь мог услышать человека и вовремя скрыться, хозяину леса также не нравился шум. Представления о духах-хозяевах развились, вероятно, из веры в одушевленность животных, которые все видят, слышат и позволяют себя убить лишь при соблюдении определенных правил (Соколова З.П., 1972, с. 45, 46). Для сравнения, у хантов, например, обязательным на охоте было уважение к добываемой дичи и потому запрещалось кричать и ругаться в лесу (Чернецов В.Н., 1987, с. 194). Нельзя было произносить в лесу название того или иного зверя – он мог услышать и скрыться, тарские татары в случае необходимости, в разговорах между собой называли его просто ХАЙВАННАТ, что значит «животное» (Татарско-русский словарь, 1966, с. 609). Замена на охоте имени зверя характерна для разных народов, например, негидальцев (Цинциус В.И., 1971, с. 171), хантов (Кулемзин В.И., 1984, с. 173). Л.П. Потапов считает, что в основе подобных запретов лежал многовековой опыт охотников, наблюдавших отрицательное влияние перечисленных действий и запахов. Объяснение этих запретов местным населением в мистической форме, вытекающее из своеобразного религиозного сознания, все же не устраняет рациональности причин таких поступков и такого отношения к окружающему животному и растительному миру (Потапов Л.П., 1984, с. 141).

После промысла у тоболо-иртышских татар было принято делиться добычей. Примерно одну пятую часть всей добычи отдавали мулле. Мулла за это обещал помолиться за охотника. Если охотились на птиц – одну всегда отдавали соседям, чтобы заручиться поддержкой на будущее и не упустить удачу. Духов также не оставляли без внимания. Для духа-хозяина леса шкурку или перо первого убитого на охоте зверя или птицы закапывали в лесу под деревом. Охотники верили, что дух-хозяин леса примет эту жертву, а затем воскресит животное. Подобные интерпретации жертвоприношений хозяину леса существует у хантов и манси (Новикова Н.И., 1979, с. 115; Карьялайнен К.Ф., 1996, с. 64; Зенько А.П., 1997, с. 63).

Следуя вышеобозначенной позиции относительно веры и знания народа, автор попытался объяснить рациональные приметы и запреты с помощью сравнения с данными современной науки. Элементы традиционной культуры, относящиеся к сфере иррационального, были проанализированы с помощью сопоставления элементов, несущих особую смысловую нагрузку с общей системой мировоззрения населения. Итак, можно сделать вывод: несмотря на стремительно проходящие процессы урбанизации в современном мире и приоритетное место материализма в общественном сознании, в традиционных представлениях, связанных с удачей в промысловой деятельности, «рациональное» тесно переплетено с «иррациональным» и «иррациональное» в культуре тоболо-иртышских татар сохраняется до настоящего времени.

*Научный руководитель – к.и.н. А.Г. Селезнев.*

*О.Л. Петровская*

*(Чита, Читинский институт природных ресурсов СО РАН)*

### **Семейские Забайкалья: отличительные параметры демографии и хозяйства**

Семейские – этнографическая группа русского населения, старообрядцы, переселенные в юго-западные районы Забайкалья (в границах современной Читинской области) царским правительством с западных рубежей Российской Империи в конце 70-х годов XVIII века. Представителей этой отдельной ветви народа отличает свой образ жизни и стиль поведения, свои духовно-культурные ценности и отношение к окружающему миру.

Проведение статистического наблюдения специальной Забайкальской Комиссией под началом статского советника Куломзина в 1895-1897 годы сделало возможным современное исследование этнических характеристик староверов на тот период времени. Изучение материалов Комиссии позволяет выявить особенности традиционного уклада жизни и хозяйствования семейских, отличающие их не только от других социальных сословий Забайкалья того времени (казачество, инородцы), но и от остальной части крестьянства (Материалы..., 1897).

Носителем этнокультурных ценностей является, прежде всего, человек, поэтому для сохранения наследия предков необходима стабильная численность народа. Численность населения семейских изменялась: с 4 тыс. человек в 70-е годы XVIII в. (при переселении) до 12,5 тыс. в 1827 (Константинова Н.Н., 2000) и ок. 38 тыс. в 1897 годы и вновь упала к 2000 году до 23,5 тыс. человек.

Столь быстрый рост староверческого населения свидетельствует о высоком естественном приросте, чему способствовал ряд факторов.

Старообрядцев переселяли семьями (в отличие от одиночек, которые были преобладающим типом переселенцев того времени), поэтому они сохранили свой демографический потенциал в новых условиях и создали своеобразный «задел» для существования нормальной демографической структуры своего общества на перспективу.

Высокий уровень рождаемости у семейских (7-9 детей на одну женщину) определял самую большую людность их дворов по сравнению с другим сельским населением Забайкалья. Так, по данным Комиссии, если в среднем по региону людность сельского двора равнялась 5,8 человек, то поселения староверов имели показатель в среднем более 7 человек (например, села: Альбитуй и к Красноярское – современный Красный Чикой – 7,82, Малоархангельское – 7,70, Хилкотой – 7,36 и др.). Даже при значительной младенческой смертности (семейские не признавали светской медицины) на каждый двор (семью) приходилось в среднем 4 ребенка, что способствовало не только численной замене поколений, но и расширенному воспроизводству (Булаев, 1997).

Благоприятной для сохранения высокой рождаемости была и половозрастная структура населения семейских. В структуре по половому признаку наблюдался фактический паритет: на 1000 мужчин в трудоспособном возрасте в 1895 году приходилась 1000 женщин (в остальном населении мужчины численно преобладали). О «здоровом» распределении старообрядческого населения по возрастам косвенно свидетельствует молодой средний возраст жителя – 21,8 лет (для сравнения: сейчас, при стареющей структуре населения средний возраст семейских равен 32(!) годам).

Для Чикойского западно-таежного ареала, который олицетворяли староверы, был свойственен оригинальный, разумно-достаточный способ хозяйствования, экономное расходование человеческого потенциала, не переходящее за оптимальные пределы трудозатрат (Болонев, 1992).

Имея богатый земледельческий опыт, крестьяне-староверцы занимались в основном хлебопашеством. Несмотря на то, что из тридцати тысяч квадратных верст Чикойского ареала 80% покрывала тайга, величина запашки у семейских была одной из самых значительных по региону – более 7 десятин на двор. В структуре зерновых основная ставка делалась на хлебные культуры ржаного направления. Так, по материалам Комиссии, в 1895 году 75% общей площади посевов приходилось на ярицу (яровую рожь). В других ареалах Забайкалья ярицей засеивалось не более 45% площадей. Однако такое масштабное возделывание семейскими ржи производилось в ущерб другим зерновым культурам, в том числе и кормовым, которые выращивались в весьма ограниченных объемах. Отличительной особенностью земледелия староверов также являлось их большее внимание к огородам и овощеводству.

Поголовье скота, приходящееся на один сельский двор Чикойского ареала, было сравнительно низкое, но оптимальное: 16,4 головы (в среднем по региону – 22,6). Более 1/5 поголовья составляли лошади как основная «энергетическая единица», без которой в то время немислимо было эффективное ведение земледелия.

Крупного рогатого скота семейские держали почти вдвое меньше, чем остальное сельское население – 4,8 головы на двор (из них 2,5 – коровы), что объясняется их специфическими подходами к принципу разумной достаточности. Ограничивающим фактором для овцеводства служил комплекс природных условий горно-таежной местности юго-запада Забайкалья.

Однако свое отставание в поголовье овец и КРС старообрядческие села «компенсировали» содержанием достаточно большого числа свиней. Даже с учетом только взрослого поголовья, их коэффициент здесь достигает почти 3 головы на двор (в среднем по региону – 2,3).

Заметную роль в хозяйстве семейских играли промыслы как дополнительные источники доходов. Самым большим числом дворов с промыслами в Чикойском ареале отличались Коротковская волость (села Захарово, Коротково, Осиновка, Красные Речки, Фомичево, Шимбилик), в составе которой таковых насчитывалось до 60%, и Урлукская.

Почти пятая часть дворов, что неудивительно для таежной территории, была занята промыслами по добыче даров природы (охота, рыболовство, лесные промыслы). Из стацио-



нарных промыслов, чаще всего культивируемых на месте, в виде цехов, у семейских было заметно развито плотничье и бондарное дело – 40-46 дворов из 1000 – самое большое относительное число мастеров этого ремесла в регионе.

Комиссия установила, что 8-9 дворов из 1000 культивировали промыслы по обработке продуктов животноводства. Главные продукты этого промысла: масло, сыр, сало, копченые товары. В этом ремесле Чикойский ареал опережал всех, в том числе Акшинский округ как лидера в развитии животноводства. Основным обуславливающим началом здесь становятся навыки и традиции, многолетняя практика людей.

Еще одним отличительным ремеслом семейских было ткачество и промыслы по растительным волокнам (включая древесные и бересту). Относительный показатель дворов с данным промыслом превосходил коэффициент «столичного» Читинского ареала в 3,2 раза, а другие территории намного больше.

Таким образом, даже на основе отдельных параметров уклада жизни можно сделать заключение об оригинальности и самобытности этой этнической группы. Суровые потрясения XX века внесли серьезные коррективы в образ жизни семейских, но не смогли полностью изменить их менталитет. Остались некоторые черты, отличающие этот народ от остального коренного населения региона; в частности, «социальная строптивость» (Булаев, 1997), выразившаяся в критическом отношении к многочисленным реформам, некоторая замкнутость населения. Скорее всего, не нужно продолжать слом жизненных укладов, а учитывать все лучшее из традиций этой интереснейшей в социальном и хозяйственном отношении этнической группы.

*Научные руководители – д.г н В.М. Булаев, д.и.н. Константинов.*

*И.А. Никифорова*

*(Омск, Омский государственный университет)*

### **Планиграфия жилищно-хозяйственного комплекса русских в Сибири XVIII-XIX вв. по данным археологии и этнографии**

Жилищно-хозяйственный комплекс является одним из наиболее существенных элементов материальной культуры. Он служит удовлетворению самых необходимых потребностей человека, занимает важнейшее место в системе культуры любой этнической общности. Жилищно-хозяйственный комплекс складывается из жилых и хозяйственных помещений, выполняющих различного рода функции: жилые, хозяйственно-бытовые, эмоционально-эстетические, религиозно-обрядовые и символические. Следует обратить внимание на то, что при исследовании планиграфии жилищно-хозяйственного комплекса важно использовать в равной мере как археологические, так и этнографические материалы. Этнография, без данных археологии, не сможет полностью воссоздать жилищно-хозяйственный комплекс. Основными методами этнографии являются – непосредственное наблюдение и интервьюирование. Однако беседы с местными жителями дают материал о прошлом, углублённый не более чем на 50-60 лет, ограниченный памятью одного поколения. Проводимые в полевых условиях беседы с местными жителями позволяют восстановить старую планировку дома, если дом перестроен, и планировку усадьбы, если хозяйственные постройки не сохранились. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что полевые этнографические исследования должны дополняться и корректироваться рядом других данных, в частности, данными археологии.

При изучении планиграфии жилищно-хозяйственного комплекса русских в Сибири XVIII-XIX веков необходимо учитывать ряд существенных факторов. Во-первых, знания о планировке жилищно-хозяйственного комплекса на территории Европейской России,

откуда он был принесен в Сибирь; во-вторых, тот опыт, который был накоплен русскими на территории их расселения в Сибири; в-третьих, те изменения, которые появлялись в связи с постоянным контактом с Европейской частью России, откуда шел приток новосёлов, обеспечивающий поступление информации о новых достижениях строительного искусства.

По мнению исследователей, культура старожилов Сибири основывается на северорусских традициях. Это связано с тем, что первоначально заселяли Сибирь (XVI-XVIII вв.) выходцы из этого региона. В пореформенный период, когда приток переселенцев усилился, в Сибирь прибыли новосёлы преимущественно из средне-южноевропейских губерний. Это привело к тому, что в южных районах Сибири стал преобладающим южнорусский тип планировки жилищно-хозяйственного комплекса.

Усадьбы в Сибири чаще всего делали замкнутыми, со многими хозяйственными строениями. Было деление крестьянского двора на две части: передняя «чистая» (от избы к улице), и задняя (скотный двор) (Маковецкий И.В., 1971, с. 2). В Сибири были представлены все основные типы планировки усадьбы:

- замкнутая (постройки располагались последовательно по периметру участка, как бы замыкая собой его площадь;
- слитная (крытый хозяйственный двор примыкал к дому);
- свободная (постройки были разбросаны на открытом дворе).

Более широкое распространение в Сибири получила замкнутая застройка.

В усадьбу, кроме жилища, входили: погреб, амбар, овин и другие хозяйственные постройки.

С развитием хозяйственной жизни в Сибири увеличилось количество хозяйственных построек на усадьбах, и сами постройки становились многообразнее. Так, амбары для зерна строили не только одно-, но и двухэтажные. Погреба строили со срубом, углублённым в землю; сверху его накрывали накатником и землей, оставляя для входа квадратное отверстие, закрывавшееся крышкой. Над погребом возводили сруб, по виду похожий на небольшой амбар.

Центральное место в жилищно-хозяйственном комплексе занимает жилой дом. Он является сравнительно устойчивым компонентом материальной культуры. Дом используется в бытовой жизни нескольких поколений людей.

Особенность Сибири заключалась в том, что каждая новая волна переселенцев начинала строительство с простейшей избы, стремясь при этом, по возможности, приобрести дом (Липинская В.А., 1991, с. 345).

Конструктивные черты сибирского жилища аналогичны сложившимся на основной территории расселения и генетически с ними связаны.

Однокамерное жилище, изба, бытовало в Сибири постоянно. Так, в Тюменской области жилище из одной камеры называли «избой» (5x5 м). Она служила жильём беднейших слоёв населения (Липинская В.А., Сафьянов А.В., 1974, с. 195).

Более распространённой была шестистенная постройка – «связь»:

ИЗБА	СЕНИ	ГОРНИЦА
------	------	---------

В ней сени соединяли два сруба: две избы или тёплую избу (с печью) и холодную (без печи). Такие дома достигали в длину 11-13 метров. Первое помещение чаще всего называлось избой, в нём в основном жила вся семья: спали, готовили пищу. Иногда изба была «чёрной», то есть топилась «по-чёрному» (Громыко М.М., 1975, с. 232). Второе помещение называлось горницей, в праздники здесь принимали гостей.

Строили также «пятистенки» (это тип жилища основном преобладал):

ИЗБА	ГОРНИЦА
------	---------

По этнографическим материалам известно, что «пятистенки» были в Тюменской, Тобольской, Томской и других областях.

У зажиточной части сельской верхушки появляются крестовые дома, так называемые «крестовики». Крестовик (10x10 м) разделялся двумя пересекающимися стенами на 4 помещения.

Таким образом, по данным этнографии можно сделать вывод о том, что русскому населению Сибири, с XVII века были известны различные планировочные структуры жилища. Начав строительство с наиболее экономической её основы – избы, русские сибиряки довольно быстро сумели развить уже имевшиеся традиции, создав многокомнатные дома.

По данным археологии планиграфию жилищно-хозяйственного комплекса проследить труднее, потому, что поселений раскопано мало, больше изучены остроги и городища. У нас в Омской области такие работы ведутся с 1996 года. Частично исследовано два поселения: Бергамак-I (Бергамакское селище), располагается на северной окраине села Бергамак, на левом берегу р. Тары и Изюк-I, которое находится в Большереченском районе. Более показательны материалы поселения Изюк-I, здесь почти полностью исследована усадьба XVIII века (Татаурова Л.В., 2000). Ориентирована по линии СВ-ЮЗ и спланирована таким образом, что все постройки, жилые и хозяйственные, оконтуривают площадку размером 10x6,4 м, являющуюся внутренним двором. Жилое помещение – изба – было построено из толстых бревен (30-40 см), внутреннее пространство 34,22 кв. м (5,8x5,9 м). Печь, от которой сохранился мощный провал аморфной формы, располагалась в восточном углу, с ЮЗ ее стороны, вероятно был голбец, а под ним подпол. В связи с таким расположением печи красный угол был в западной части дома, а окна выходили на ЮЗ сторону. Вся остальная усадьба была расположена к СВ от избы. С СВ к ней примыкала холодная клеть. Сохранность ее плохая, но можно предположить, что она имела лишь две свои собственные стены, СЗ и ЮВ, а СВ и ЮЗ были стенами жилища и напогребницы, которая примыкала с СВ к сеним. Напогребница сохранилась в виде сруба из двух венцов, она ограничивала пространство 3,8x3,9 м. В ней был устроен погреб – деревянный сруб, впущенный в яму. Параллельно описанным объектам с ЮЗ сторону внутреннего двора располагался еще один погреб, но иного назначения и конструкции. Это погреб-ледник. Сверху его накрывала напогребница (4,4x4,2 м). Особенностью внутреннего сруба были стены, сложенные из двух рядов бревен, то есть впущенные один в другой. К юго-западной стене погреба-ледника примыкала кладовая (4,5x3,8 м). Она была застлана полом из широких плах. С северо-востока внутренний двор усадьбы ограничивали два объекта – хозяйственная постройка и баня. Баня ориентирована СВ-ЮЗ, вход её был не во внутренний двор, а на улицу. Такое расположение построек присуще замкнутому типу планировки усадьбы (постройки располагались по периметру участка, как бы замыкая его собой).

По материалам поселения Бергамак-I проследить планиграфию трудно, так как часть памятника была разрушена. В результате исследования были выявлены погреб, баня, жилище и другие фрагменты деревянных конструкций. Связывали между собой все эти объекты частоколы (Татауров С.Ф., 1998), что наводит на мысль о замкнутой планировке усадьбы.

Рассмотрев все имеющиеся материалы по планиграфии жилищно-хозяйственного комплекса, можно предположить, что здесь был северорусский тип усадьбы, но говорить о том, что он преобладал, нельзя, так как для этого необходимо дальнейшее изучение русских памятников.

*Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Татаурова.*

*Е.А. Севостьянова*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)*

### **Из истории археологических исследований в долине реки Чикой**

Археологические исследования Забайкалья имеют очень интересную и богатую историю. Вот уже более 300-ти лет на этой земле путешественники и археологи открывают уникальные памятники, связанные с древними культурами. На рубеже XX-го века современным ученым необходимо изучать и обобщать опыт, накопленный своими предшественниками. В задачу данной работы входит краткое освещение археологических изысканий в долине реки Чикой за последние 150 лет. Здесь проводили исследования такие видные ученые как Ю.Д. Талько-Грынцевич, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников и многие другие. Тем не менее этот регион до сих пор остается недостаточно изученным в археологическом отношении. Поэтому исследователи, которые здесь собираются работать, должны знать и разбираться в археологической историографии Красночикийского района.

Начало исследованиям было положено в дореволюционное время сборами подъемного материала. Одни из первых упоминаний о чикойских древностях встречаются в книге известного писателя и публициста Владимира Птицина «Селенгинская Даурия». В этой книге Птицин описывает каменные орудия, обломки керамики, древние кости, найденные им во время путешествия по Селенге и Чикойю. «В деревнях по среднему Чикойю мне приходилось покупать бронзовые наконечники стрел, «громовые стрелы», как зовут их крестьяне, и видеть бронзовые, вероятно, седельные украшения со звериным орнаментом, похожие на скифо-сарматские древности» (Птицин, 1896, с. 94) Также Птицин сообщает, что большая часть его коллекций собрана «спутником моих экскурсий», учителем А.П. Мостицем.

Александр Мостиц в 1896 году совершил экскурсию по нижнему течению р. Чикоя. Экскурсия была совершена от стоянки Кударинская до деревни Поворотной, находящейся в 12 км от устья Чикоя. В эту экспедицию А.П. Мостицем было открыто 5 стоянок – Береговая, Евдай, Мыльниково-1, Мыльниково-2, Поворотная. На стоянках был собран разновременный материал: каменные орудия, железные стрелы, обломки человеческого черепа и т.д. Мостиц говорит: «Есть основание думать, что Чикойю уже много отнял у археологии» (Мостиц, 1897, с. 8). «Найденные и осмотренные мною в эту экскурсию стоянки, – предположил Мостиц, – дают возможность с уверенностью заключить, что в доисторическое время долина нижнего течения р. Чикоя была довольно заселена, а совместное нахождение каменных, бронзовых и железных изделий указывает и на то, что эта местность была весьма долговременным приютом доисторическому человеку» (Там же). Открытые Мостицем стоянки на долгие годы стали золотым фондом для изучения древностей бассейна р. Селенги (Константинов М.В., Диссертация на с.н. с. к.и. н., 1979, с. 13). Всего на Чикое и Селенге Мостиц открыл 20 стоянок, а также видел множество могильников. Он нанес их на две специально созданные карты – первые в истории забайкальской археологии (Хамзина, 1986, с. 56-57).

Список чикойских памятников дополнил П.С. Михно. Он был прежде всего краеведом – естественником, но интересовался также и археологией. Михно совершал не только экскурсии по окрестным местам, но и дальние поездки – вплоть до Ямаровки в таежных верховьях Чикоя, где открыл стоянку каменного века. Но особенно удачно оказалось посещение села Дурены в 30 км к востоку от Кяхты. На песчаных выдувах вокруг этого села он собирал огромное число различных древних вещей, среди которых наиболее приметными были обломки гуннских сосудов, что и позволило в дальнейшем открыть здесь обширное гуннское селище (Константинов М.В., 1997, с. 47-48).

Почти одновременно с ним вел важные археологические работы врач, краевед, поляк Юлиан Талько-Грынцевич. Как справедливо отмечает А.П. Окладников его работы « по су-

шеству были основополагающим вкладом в изучение древней истории Забайкалья. По масштабам и целеустремленности их в те времена, по существу, не было равных во всей Сибири» (Окладников, 1961, с. 21). Объединив собственные материалы и результаты исследований А.П. Мостица и П.С. Михно, Талько-Грынцевич приходит к утверждению, что стоянки каменного века, находимые в Забайкалье, сильно распространены по течению реки Чикой и Селенги. В 1896 г. Талько-Грынцевич производит раскопки могилы около с. Дурены, которую посетил П.С. Михно. «В Дуренской могиле мы видим, что человек был похоронен в центре большого количества глиняной посуды, бронзы и железа, само погребение состояло в неполном сожжении» (Талько-Грынцевич, 1896). Таким образом, уже в дореволюционный период были сделаны значительные шаги в исследовании археологических памятников реки Чикой.

Следующий этап исследования связан с 20-ми годами XX века. С этого времени в Забайкалье наряду с местными краеведами начинают работать ученые из центральных научных учреждений. Хорошо известны работы в Забайкалье в 1924-1928 гг. Г.Ф. Дебеца (Константинов М.В., 1979). Он имел возможность изучить фонды Кяхтинского музея, где сохранялись сборы со стоянок бассейна Селенги прошлых лет. Проанализировав все имеющиеся у него материалы, Р.Ф. Дебец пришел к выводу о существовании двух культур – селенгинской и даурской, различающихся не только хронологически, но и территориально (Там же). Селенгинская культура охватывает территорию «по нижнему течению Чикой и по Селенге от границы приблизительно до устья Хилка» (Дебец, 1930, с. 157). Очень осторожно датирует Р.Ф. Дебец эту культуру раннепалеолитическим временем с возможным удревнением ее до «конца четвертичной эпохи», так как эта культура близка по характеру Верхоленской поро в Прибайкалье (Там же, с. 164). Для селенгинской культуры характерно отсутствие керамики, наконечников стрел, «употребление почти исключительно окремненной речной гальки» (с. 57). В районе же селенгинско-чикойского треугольника находки этой культуры «встречаются «спорадически». Также Дебец предпринял попытку разобраться в накопленных материалах по неолиту Забайкалья, его классификация и периодизация забайкальского неолитического материала была по сути дела первой важной попыткой такого рода (Гришин, 1981, с. 15-16).

Исследования Р.Ф. Дебеца продолжил Г.П. Сосновский, имевший к тому времени солидный опыт работы в Сибири (с 1919 года) (Ларичев, 1969, с. 143). В 1928-1929 гг. Г.П. Сосновский познакомился со всеми материалами кяхтинского музея, а затем с древними памятниками на Чикое и Селенге. В составе экспедиции Г.П. Сосновского работал и старейший кяхтинский археолог П.С. Михно, который, в частности, в 1928 году совместно с Л.М. Нурк совершил 200-километровое путешествие по Чикою. Среди прочих памятников ими была открыта стоянка Хара-Бусун с подъемным материалом каменного века. Затем она осматривалась в 1930 и 1935 годах П.С. Михно (Окладников, 1959, с. 12). Исследованные Г.П. Сосновским памятники – это как раз те (или того же характера) стоянки, что были отнесены Г.Ф. Дебецем к селенгинской раннепалеолитической культуре. Г.П. Сосновский несколько удревнил их, также ему принадлежит обобщение накопившихся к началу 30-х годов материалов по бронзовому веку Забайкалья. В статье «К истории добычи олова на востоке СССР» им были вычленены комплексы развитой бронзы Забайкалья, куда вошла круглая могила № 7 в Шаманской пади у с. Тамир в бассейне реки Чикой (Талько-Грынцевич, 1903). Работы Сосновского имели решающее значение для выделения и широкого признания палеолита. Именно с его работы начинается подлинно научное исследование забайкальского палеолита. В первой половине 1930-х годов небольшое исследование в бассейне Селенги проводил геолог Н.П. Минхо, сын кяхтинского краеведа П.С. Минхо. Он занимался изучением четвертичных отложений. Н.П. Минхо собрал подъемный материал на двух чикойских стоянках – Ара-Цзокуй и Хара-Бусун.

В годы Великой Отечественной войны исследований древних забайкальских памятников не производилось. Лишь с 1947-1951 гг. в Западном Забайкалье работала археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством А.П. Окладникова, много сделавшая для изучения разновременных памятников. Были открыты и исследовались неолитические стоянки, неолитическое погребение на р. Чикой (Гришин, 1981). А.П. Окладников вносит огромный вклад в изучение палеолита Забайкалья. Начиная с 1947 года, его взгляды на забайкальский палеолит становятся определяющими. В этот же период Л.Н. Иваньев (1957-1960) публикует данные об открытиях и исследованиях в Западном Забайкалье.

Особую роль в изучении чикойских древностей сыграли экспедиции ЗабГПУ, которые регулярно проводились с 70-х годов. В 1969-1972 гг. в Западном Забайкалье проводил разведки И.И. Кириллов во главе экспедиции пединститута. Они охватили Хилок и Чикой в их верхнем и среднем течении, в пределах Читинской области – там, где ранее археологи практически не бывали.

В 1970-1990-х годах исследования древних памятников в Западном Забайкалье проводились М.В. Константиновым, совместно с коллегами по экспедиции В.Ф. Немеровым, Л.В. Семиной, А.В. Константиновым, М.И. Мищериным, К.О. Шлямовым, Р.Г. Федотовым. В результате этих работ были открыты такие памятники как Студеное-1,2, Читкан, Мельничное и т.д. В 1997 году на поселении Студеное-2 была найдена уникальная находка палеолитического искусства – обломок «жезла начальника» из рога оленя. Богатый орнамент, хорошая сохранность этого произведения первобытных мастеров делают его единственной находкой подобного рода в Сибири.

Чикойская археология славится не только палеолитическими памятниками, но и архитектурными объектами XVIII-XIX веков. Среди них выделяются следующие типы памятников: военно-пограничные объекты (казачьи караулы, крепости, пограничные маяки); населенные пункты (села, заимки, зимовья); культовые и религиозные объекты; ирригационные сооружения; горные выработки (карьеры, штольни); объекты кустарных промыслов; материальные следы землепользования. Особое внимание уделяется изучению Чикойского монастыря, датируемого в пределах XIX – начала XX в., под руководством А.В. Филимонова (Филимонов, 1999, с. 73-74). Естественно, что на этом история археологических исследований на реке Чикой еще не завершается, так как много еще не изученных памятников находится по ее берегам. Думается, что в XXI веке будут сделаны новые открытия, написаны новые научные работы, которые прольют свет на историю Забайкалья.

*Научный руководитель – д.и.н. М.В Константинов.*

*М.К. Бехтенов, А.Н. Савин*

*(Новосибирск, Научно-учебно-производственный центр «СибАрх»)*

*(Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)*

### **Охранные археологические работы в зоне новостроек в современных условиях (из опыта ООО НУПЦ «СибАрх»)**

По статистическим данным, собранным МК РФ и Российским НИИ культурного и природного наследия по почти 50-ти субъектам России в 1996-1998 гг., по России подверглись негативному воздействию окружающей среды 69973 археологических памятника, в том числе из них антропогенному воздействию – 64355 памятников, воздействию естественных-природных процессов – 5157 памятников археологии.

Таким образом, основным фактором разрушения археологических памятников в России является антропогенное воздействие (строительство дорог, трубопроводов, линий связи, ЛЭП, гидротехническое строительство и т.д. ).

В условиях, когда абсолютное большинство разрушающихся археологических памятников гибнет под воздействием антропогенного фактора, особую актуальность приобретает оперативность и эффективность в организации охранных археологических работ на памятниках археологии, попадающих в зону строительства.

Между тем, очевидно, что в новых экономических условиях (формирование рыночных отношений во всех сферах деятельности, введение нового земельного законодательства и т.д.) наряду с традиционными направлениями охранных археологических работ, назрела острая необходимость создания более гибких, приспособленных к рыночным условиям форм организации и проведения охранных археологических мероприятий в зоне строительства народнохозяйственных объектов.

В связи с этим представляется интересным опыт работ охранных археологических исследований общества с ограниченной ответственностью Научно-учебно-производственно-го центра «СибАрх» (далее ООО НУПЦ «СибАрх»).

Созданный в 1996 проректором НГПУ д.и. н. Соболевым В.И. ООО НУПЦ «СибАрх» с одной стороны сочетает в себе опыт и традиции ВУЗовской археологической лаборатории (в данном случае, это опыт многолетних охранных археологических работ и традиции археологического кружка пединститута, заложенных профессором, д.и. н. Т.Н. Троицкой) такие как:

- подбор кадров из студентов, аспирантов и преподавателей Вуза, что позволяет сохранить высокий научно-методический уровень археологических исследований и образовательно-воспитательную направленность работы;

- главным остаётся и направление в работе – охранные археологические работы в зоне новостроек на основе хозяйственных договоров со строительными организациями.

С другой стороны ООО НУПЦ «СибАрх» имеет ряд существенных организационно-правовых и других особенностей, позволяющих более гибко и эффективно заниматься охранными археологическими работами в современных экономических условиях.

Финансово-экономическая самостоятельность позволила ООО НУПЦ «СибАрх» не только выступать в роли генподрядчика охранных археологических исследований, но и планировать совместно с академической, вузовской археологией и госорганами охраны памятников объёмы и научно-методические задачи работы, как по территории Новосибирской области, так и за её пределами. Например, при строительстве оптико-волоконной связи Москва-Хабаровск, ООО НУПЦ «СибАрх», будучи генподрядчиком работ, привлекал к сотрудничеству значительное количество организаций археологического профиля и археологические службы госорганов Хабаровска, Красноярска, Омска, Тюмени, Томска, Кемерово, Екатеринбург, Самары, Ульяновска и др.

Привлечение ООО НУПЦ «СибАрх» на летние работы студентов, детских археологических кружков, клубов и координация их действий позволила в 1998 году провести детальную шурфовку (более 2000 шурфов) на 76 км участке по будущей трассе автодороги федерального значения «Байкал» (Омск-Новосибирск на участке с. Прокудское-Сокур с мостовым переходом через р. Обь у пос. Красный Яр). В результате этих работ стал очевиден тот факт, что если бы не применялась такая массовая шурфовка, ряд поселений попадающих в зону строительства не удалось бы открыть и они были бы разрушены в результате строительных работ (Пятый Кордон-2 и др.).

Изучение археологических памятников, попадающих в зону строительства автодороги, большими площадями, несмотря на то, что исследования не завершены, дали как интересный научный материал, так и решение некоторых методических задач, вставших в результате работ.

В 2000 г. были изучены памятники: поселения Пятый кордон-2, Крохалёвка-7А, Пятый кордон-1, Пятый кордон-7; городище Крохалёвка-18.

Самым ранним, в хронологическом порядке, из исследованных памятников, является многослойное поселение Крохалёвка-7А. Основная часть поселения принадлежит эпохе поздней бронзы.

Поселение Крохалёвка-7А расположено на боровой террасе старицы р. Чаус. Общая площадь памятника составляет 5886 кв.м. поселения. Работы производились квадратами 3х3 метра, расположенными по периметру отвода автодороги. Удалось частично исследовать два жилища. Исследованные жилища и большая часть полученного керамического материала принадлежит концу II началу I тысячелетия до н.э. и относится к Быстровскому этапу Ирменской культуры.

Эпоха раннего железа представлена материалом поселения Пятый Кордон-7. Работы производились квадратами 3х3 м., расположенными по периметру отвода автодороги. Всего на поселении было исследовано 621 кв.м. Полученный керамический материал позволяет датировать поселение Пятый Кордон-7 II-III вв. н.э., и отнести к позднему этапу кулайской культуры.

Более широко представлены памятники эпохи средневековья: городище Крохалёвка-18, поселения Пятый кордон-1 и Пятый кордон-2. Ранний этап эпохи средневековья, в нашем случае, представлен городищем Крохалёвка-18, расположенным на боровой террасе старицы р. Чаус. В ходе работ, было изучено пять жилищных западин и часть оборонительного рва городища. Всего на памятнике исследовано 1092 кв.м., находящихся в зоне отвода автодороги. Основная часть керамического материала, территория городища и часть жилищных западин, прилежащих к нему, принадлежит Одинцовскому этапу Верхнеобской культуры (V-VI вв. н.э.). Культурный слой памятника слабо насыщен хозяйственным мусором: обломки керамики, углём.

Эпоха позднего средневековья представлена памятниками поселения Пятый кордон-2 и Пятый кордон-1. Поселение Пятый кордон-2 расположено в затопляемой пойме р. Чаус. Поселение прослеживается планиграфически. Общая площадь составляет 20000 кв.м. Всего на поселении исследовано 1275 кв.м. Культурный слой памятника насыщен хозяйственным мусором: обломками костей, фрагментами керамики и вещевым материалом, среди которого костяные наконечники стрел, рыбчистки, бронзовая бляшка, обломок железного серпа и т.д. Но при изучении памятника расположенного в затопляемой пойме пришлось столкнуться с рядом методических проблем, одна из которых выявление котлованов жилищ. Сезонный разлив и затопление поймы реки приводит к отложению большого количества органических остатков, что создаёт наносной слой сильного гумусированной почвы. В ходе работ за уровень материка, было решено принять слой сильно гумусированной глины, чёрного цвета с синим отливом.

На основании полученного материала можно говорить о сезонном характере поселения в летне-осенний период, и существовании на его территории комплексного хозяйства. Таким занятиям как скотоводство, охота, рыбная ловля способствовали благоприятные условия поймы реки (Иоганзен Б.Г., 1963, с.12-14), что существенно для традиционного хозяйства татар.

Изучение памятников производилось стационарными раскопами. При этом все вычисления производились от условно принятого за «ноль» репера проектируемой оси автодороги, что позволяет картографически точно фиксировать как раскоп, так и территорию памятника.

Таким образом, в результате охранных работ 2000 г. проводимых ООО НУПЦ «СибАрх» был собран ценный научный материал охватывающий временной диапазон от эпохи бронзы до позднего средневековья. В 2001 г. планируется исследовать 17000 кв.м. Дальнейшие исследования упомянутых памятников, несомненно, представляет научный интерес, что является целью работ «СибАрх» в 2001 году.

*Научный руководитель – С.В Колонцов.*



*П.В Мандрыка*  
(Красноярск, Красноярский государственный университет)  
**Микрорайон Казачинского порога: итоги и перспективы**

Казачинский порог представляет собой порожистый семи километровый участок на Енисее, расположенный в 223-230 км ниже Красноярска. Порог образован скальными выступами, каменистыми грядами, россыпями, пересекающими русло по всей его ширине. Он включает два переката и два слива, где русло сужается с 650 до 350 м. Под Нижним сливом расположен остров Островки, сложенный из коренных скальных пород. В пределах Нижнего Порожинского переката в Енисей впадают притоки: с правого берега р. Шилка, а с левого – р. Караульная.

Первые изыскания в районе Казачинского порога провел Н.П. Макаров, который в 1984-1989 исследовал пункты Усть-Шилка 1 и Шилка 3. Ежегодно, с 1987 года комплексные исследования здесь проводятся археологической экспедицией под руководством автора. На сегодняшний день в створе порога выявлено двадцать четыре археологических памятника, расположенных по берегам Енисея и его притоков, а также на острове. В пределах створа порога памятники располагаются как отдельными кустами (микрорайоны первого порядка по В.И. Матющенко, 1992), так и между ними. На двадцати памятниках района проведены комплексные рекогносцировочные и стационарные исследования, результаты которых позволяют наметить сплошную культурно-хронологическую колонку исторических и палеоэкологических процессов, протекавших в долине среднего Енисея на пограничье южной тайги и северной лесостепи.

В микрорайон Казачинского порога входят почти все виды памятников, известных для южно-таежных районов Средней Сибири. Здесь выявлены могильники, петроглифы, стоянки, сельбища, городище, производственные площадки и т.д. Все поселения многослойны. Многослойность также отмечается почти для всех участков микрорайона, которые включают закрытые комплексы – могильные ямы, котлованы жилищ, хозяйственные объекты. В пределах Усть-Шилкинского I микрорайона, общая площадь которого достигает 15 га, восемь памятников, выделенных по общепринятой методике, создают такой плотный куст, что можно говорить о наличии здесь одного памятника, включающего различные культурно-хронологические комплексы.

Так, в пункте Усть-Шилка 2, расположенного на приустьевом 16-метровом мысу изучаются: многослойная сезонная стоянка позднего палеолита-мезолита; место сезонного посещения в эпоху неолита и бронзового века; могильники переходного периода от бронзового века к раннему железному веку, нижнепорожинского и шилкинского этапов раннего железного века. Здесь же обнаружены производственная площадка по выплавке железа и, возможно, сельбище развитого средневековья.

На пункте Шилка 2, отмеченного в 250-300 м выше устья р. Шилка на 17-метровой террасе правого берега Енисея, зафиксированы следы посещения человека неолитической эпохи и городище шилкинского этапа раннего железного века. В укрепленной части городища располагалось восемь жилищ-полуземлянок, из которых одна изучена. За пределами стен укрепления отмечены еще 19 жилищных западин, которые komponуются в две разновременные группы.

На пункте Шилка 7, расположенного на соседней гриве такого же высотного уровня и отделенной от городища ложбиной, обнаружены единичные черепки шилкинского этапа раннего железного века. Здесь же изучаются наземные постройки русского времени.

В раскопе на пункте Шилка 6, приуроченного к мысовидному краю 16-метровой террасы, отстоящего от городища на 100 м, изучена производственная площадка по выплавке же-

леза, датированная шилкинском этапом раннего железного века. Здесь же отмечаются единичные находки неолита-бронзы.

В пункте Шилка 9, расположенного на 7-8-метровой террасе правого берега Енисея в 350 м выше устья р.Шилка в послонной стратиграфической ситуации изучены места сезонного обитания отдельных периодов бронзового, железного веков и средневековья.

В пункте Шилка 8, расположенного на 19-20-метровой террасе левого берега р. Шилка в 200 м от Енисея, отмечено 18 жилищных западин. Одна изученная полуземлянка указывает на размещение здесь долговременного сельбища переходного периода от бронзового века к раннему железному веку (шепиловский этап).

Пункты 10 и 11, расположенные на 19 и 13-метровых террасах в 150 и 80 м от Енисея включают ряды из 12 и 19 жилищных котлованов. Археологических изысканий в этих пунктах еще не проводилось.

Кроме этого, сплошное предварительное археологическое обследование Усть-Шилкинского I микрорайона показало, что культурный слой отмечается и между отмеченными пунктами. В отдельных случаях, эти материалы составляют единый культурно-хронологический комплекс с объектами ближайшего сельбища, городища или могильника, в других – представляют самостоятельный культурно-хронологический комплекс.

Уже сейчас особенно хорошо вырисовывается культурно-хронологический комплекс шилкинского этапа раннего железного века, датированный II в. до н.э. – I в. н.э. Причем он очерчивается не только в пределах Усть-Шилкинского I микрорайона, но и в пределах всего Казачинского порога. Обитатели этого времени оставили укрепленную и неукрепленную части городища (пункт Шилка 2), могильник (пункт Усть-Шилка 2), производственную площадку по выплавке железа (пункт Шилка 6), площадки сезонного обитания, где занимались разделкой рыбы, выделкой шкур и другой хозяйственной деятельностью (пункты Шилка 11, Усть-Шилка 1, Островки 1, Островки 2, Нижнепорожнинский 1). На острове ими были выбиты петроглифы (пункт Островки 3), возле которых совершались какие-то культовые обряды.

Аналогичная ситуация начинает вырисовываться и для культурно-хронологических комплексов других периодов, что отражено в таблице 1.

Начавшаяся работа по реконструкции палеоэкологической среды обитания древних людей различных исторических этапов и периодов, с установлением геоморфологических, гидрологических, климатических и других условий, позволит выявить причины сложения и способы функционирования устойчивых разновременных комплексов хозяйственно-культурного типа в пограничье южной тайги и северной лесостепи. В последствии станет возможным и необходимым определение степени интенсивности культурно- хозяйственных контактов автохтонного населения с населением тайги и лесостепи, ведущим близкие или различные формы хозяйствования.

Уже сейчас, имеющийся материал из микрорайона Казачинского порога, позволяет приступить к работе по составлению культурно-хронологической шкалы не только в пределах подтайги, но и для сопредельных таежных и лесостепных районов Средней Сибири.

Благодаря широкому хронологическому диапазону памятников, сосредоточенных на ограниченной территории долины р.Енисея, микрорайон Казачинского порога представляет собой исключительно интересный объект для дальнейшего комплексного изучения. Красота берегов, природные богатства и незначительное современное хозяйственное освоение этого микрорайона, создают прекрасную возможность для создания здесь природно-исторического заповедника.

Таблица 1.

Распределение культурно-хронологических комплексов по памятникам микрорайона Казачинского порога на Енисее

Памятник (пункт)	УШ2	Ш2	Ш6	Ш7	Ш8	Ш9	Ш10	Ш11	УШ1	Ш3	Ш4	Ш5	Ш12	Ш13	ЗО1	ЗО2	ОС1	ОС2	ОС3	ПС	НП1	НП2	НП3	УК
КХК																								
Поздний палеолит	*																							
Мезолит	*								+												*		*	
Неолит	*								*								*						*	+
Бронзовый век	*	+				*												*						+
Шепилевский этап (VIII-VI вв. до н.э.)	*				*	*			*									*	*			*		+
Нижнепорожинский этап (V-III вв. до н.э.)	*		+			*			*	*	*							*	*			*		
Шилкинский этап (II в. до н.э. - I в. н.э.)	*	*	*	+		*			*								*		+		*			+
Поздний железный век						*			*											*	*			
Раннее средневековье									*												*	*		+
Развитое средневековье	*					*			*														*	+
Позднее средневековье									*						+								*	
Этнографическое время									+			*												+
Русские				*		*			*															+

Условные обозначения: \* – уверенная датировка; + – предположительная датировка.

Названия памятников: УШ – Усть-Шилка, Ш – Шилка, ЗО – Заостровка, ОС – Острова, ПС – Савино, НП – Нижнепорожинская, УК – Усть-Караульная.

*Т.Н. Смагулов*  
(Павлодар, Областной историко-краеведческий музей)

### **Археологические исследования в Железинском районе Павлодарской области**

Железинский район занимает северо-восточную часть лесостепного правобережья Павлодарского Прииртышья, находясь на стыке с Омской и Новосибирской областями Российской Федерации.

Начало археологическим исследованиям в Железинском районе было положено Н. Коншиным, который зафиксировал на территории района несколько курганных могильников, о чем и сообщил в 1903 году в Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества (Арх. карта Казахстана 1960, с. 46).

Научное изучение памятников археологии этого края, как и Павлодарской области в целом началось лишь в середине 50-х годов XX века. До этого, имеются лишь разрозненные сведения о случайных археологических находках, из которых наибольший интерес представляет найденное в 1937 году у села Башмачное разрушенное погребение и обнаруженный в 1955 году жителями села Железинка неолитический могильник (Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959, с. 35), остающийся и по сей день уникальным для Казахстана памятником. В том же 1955 году на территории области ведёт работу экспедиция ИИАЭ АН Казахстана под руководством Е.И. Агеевой. Итогом работы экспедиции в Железинском районе явилось выявление более двух десятков курганных могильников, сведения о которых вошли в изданную в 1960 году Археологическую карту Казахстана.

В 1969 году у села Новокузьминка Железинского района экспедицией кафедры археологии МГУ под руководством Л.А. Чалой исследуются обнаруженные местными жителями стоянки неолита-энеолита Пеньки-1, 2 (Чалая Л.А., 1972, с. 163), относящиеся к ямочно-гребенчатой культурной общности.

В 1984 году разведочный отряд Северо-Казахстанской археологической экспедиции проводит на севере Павлодарской области вторичное обследование открытых на территории района в 1955 г. памятников (Зайберт В.Ф. и др., 1985, с. 109).

Не проводившаяся с 50-х годов работа по выявлению в Железинском районе новых памятников археологии возобновляется в 1991 году совместным отрядом экспедиций Павлодарского и Карагандинского музеев под руководством В.К. Мерца и А.А. Ткачёва. В ходе планомерных исследований на территории района подвергнутого в годы целины тотальной распашке, было выявлено и картографировано свыше 30 курганных могильников, обнаружено и изучено средневековое погребение у села Береговое (Мерц В.К., Ткачёв А.А., 1992, с.30).

Продолжить эти исследования удалось только в 1999 году. Тогда В.К. Мерцем при участии автора было открыто ещё около 20 новых памятников, представленных курганными могильниками и ранее не фиксировавшимися поселениями и местонахождениями эпохи бронзы. А также были обследованы уже известные памятники и получен новый интересный материал из числа случайных находок (Мерц В.К., 1999, с.7).

В 2000 году Железинским отрядом Павлодарской археологической экспедиции под руководством автора выявлено ещё 12 новых объектов, особый интерес среди которых представляют: местонахождение эпохи камня, находящееся на территории села Железинка, многослойное поселение Вторы-3 и поселение периода ранней бронзы у озера Анциферово, материалы которых оригинальны для Павлодарской области. Интересно и поселение с материалами кротовского типа открытое автором у поселка Пятирыжск. Все перечисленные памятники являются аварийными и нуждаются в охранных исследованиях.

Кроме мероприятий по выявлению новых памятников, нами были начаты охранно-поисковые работы на ранее не изучавшемся местонахождении Железинского неолитического могильника. В настоящее время значительная часть местонахождения, находящегося на территории села Железинка уже утрачена. Скорое уничтожение под влиянием природного и антропогенного факторов грозит и оставшейся территории могильника. На исследованном нами в 2000 году небольшом участке площадью около 50 кв.м. новых неолитических погребений не обнаружено, но выявлено 2 неизвестных ранее культурных слоя, датируемых предварительно эпохой бронзы и средневековья. Это ставит местонахождение могильника в разряд многослойных памятников, повышает его научную, культурную ценность и необходимость его дальнейшего изучения. Кроме работ на местонахождении неолитического могильника, отрядом производились и охранные раскопки многослойного поселения Вторы-3. Обнаруженного автором в 5 км юго-западнее села Железинка на краю надпойменной террасы р. Иртыш в урочище называемом местными жителями Вторы. Край террасы, к которому приурочен объект разрушается эрозией. Кроме того, значительный ущерб сохранности памятника был нанесен лесонасаждениями и заброшенной ныне пашней.

Не потревоженная поверхность памятника хорошо задернована и покрыта луговой растительностью. На разрушающемся краю террасы был заложен небольшой раскоп площадью около 30 кв.м. В раскопе выявлена следующая стратиграфия.

1. Верхний почвенный горизонт расположенный под 5-сантиметровым слоем дернины, сложен из темно-желтой супеси толщиной 10-15 см.

2. Горизонт образован слоем гумуса толщиной 8-12 см и содержит артефакты 1 культурного слоя.

3. Горизонт представлен темно-серой супесью мощностью 15-20 см.

4. Горизонт образован слоем гумуса на глубине 50-55 см. В его верхней части, чуть темнее по сравнению со средней, окрашенной части на контакте с предыдущим горизонтом залегают материалы 2 культурного слоя. В средней части горизонта сосредоточены артефакты 3 культурного слоя.

5. Горизонт слагает темно-желтая суглинистая почва с языками гумуса и карбонатными вкраплениями толщиной 15-20 см. Ее в свою очередь, подстилает желтый крупнозернистый карбонатизированный материковый песок.

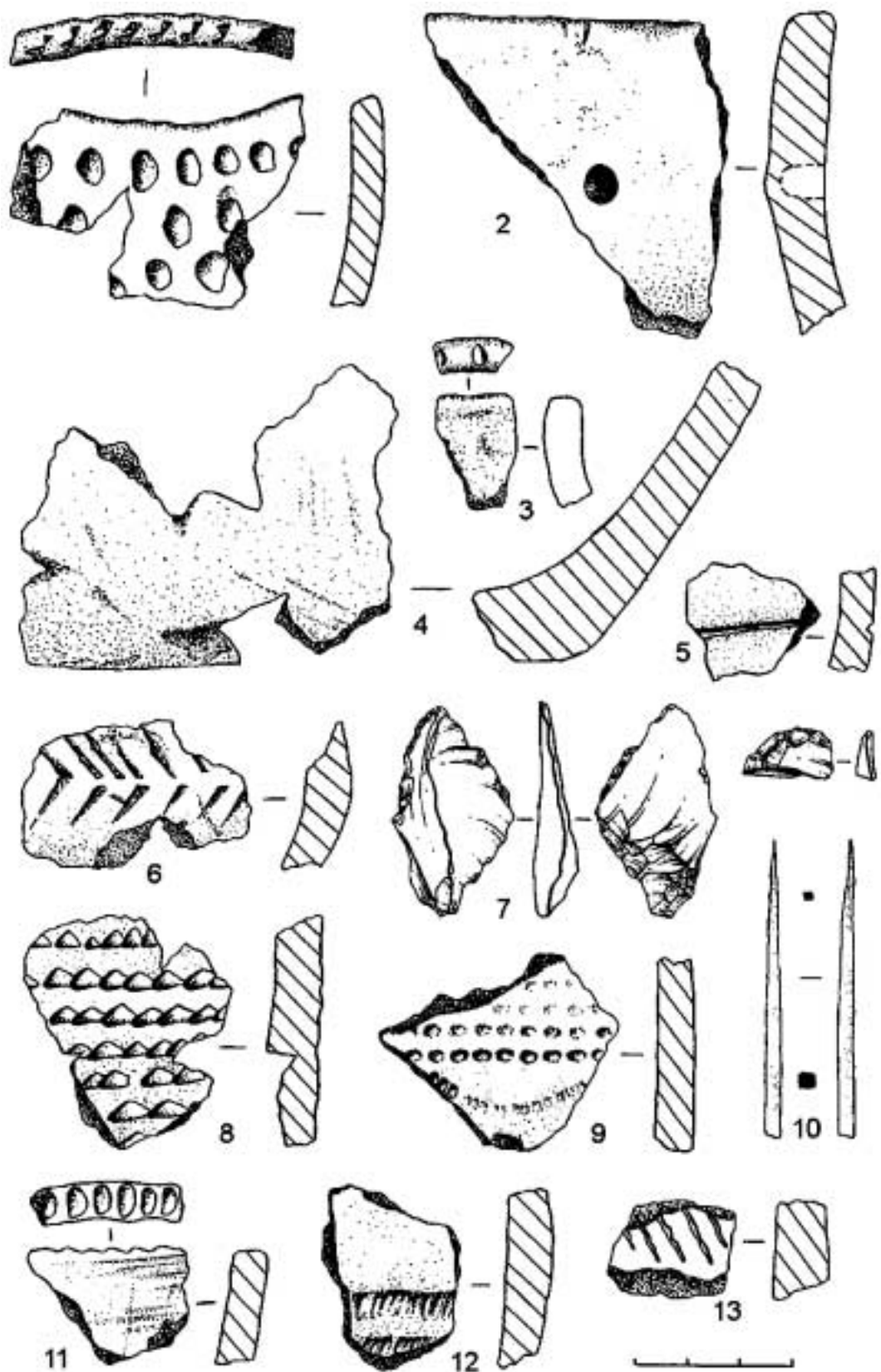
Обнаруженные в 2 горизонте материалы 1 культурного слоя представлены фрагментами керамики и небольшим количеством обломков костей животных.

Керамический материал характеризуется хорошо обожженными плотной фактуры черепками коричневого цвета и примесью песка в рецептуре теста. На внутренних и внешних сторонах фрагментов заметны следы заглаживания пучком травы, на многих, сохранились следы нагара. Коллекция керамики насчитывает 320 фрагментов, из них орнаментировано всего 30: 17 фрагментов шеек, 6 фрагментов тулова и 7 венчиков (рис. 1).

Судя по имеющимся фрагментам изготавливавшиеся в ленточной технике сосуды были круглодонными, баночной формы. Слегка отогнутые во внутреннюю сторону венчики сосудов, по срезу орнаментировались косо поставленной двухзубой гребенкой (рис. 1.1). По внешнему борту они украшались горизонтальными рядами ямочных вдавлений. Такими же вдавлениями, расположенными рядами и хаотично, украшались тулово и донце. Конфигурация вдавлений варьирует от округлых и каплевидных, до подтреугольных и аморфных.

Аналогии обнаруженной керамике, мы находим в позднесредневековых материалах Вознесенского городища и могильника Малый Чуланкуль-1, относимых исследователями к древностям барабинских татар (Молодин В.И. и др., 1990, с. 16-31).

Материалы 2 культурного слоя представлены фрагментами керамики и обломками трубчатых костей животных. Керамика характеризуется грубыми преимущественно толстостенными фрагментами с рыхлой структурой и слабым обжигом. Цвет фрагментов се-



*Рис. 1*

рый, коричневый и черный. В тесте присутствуют шамот, песок, имеются следы сгоревшей органики. Техника изготовления сосудов – ленточный налеп. Обработка поверхности производилась щепкой и возможно мокрой тканью. Внешние стороны фрагментов обработаны гораздо тщательнее, чем внутренние. Судя по реконструированным частям, сосуды были плоскодонными горшковидной формы (рис. 1.2,4).

Венчики сосудов (рис. 1.2-3) отогнуты наружу, по срезу венчиков тонкостенных сосудов (рис. 1.3) имеются насечки. Чуть вогнутые, плавно переходящие в тулово шейки орнаментировались рядом ямочных вдавлений выполненных палочкой с округлым торцом (рис. 1.2). Слегка раздутое суживающееся ко дну тулово редко украшалось, так как из более чем 200 фрагментов тулова, орнаментировано всего лишь 6.

Четыре фрагмента, принадлежащих одному сосуду, украшены резной линией (рис. 1.5), остальные 2 горизонтальной елочкой, выполненной поставленными под углом насечками (рис. 1.6).

Недостаточная выразительность керамики не позволяет пока сделать какие-либо конкретные выводы о культурно-хронологической принадлежности 2 слоя. Определенное сходство в технологии изготовления, форме и орнаментации сосудов прослеживается как с керамикой саргатской культуры в ареал которой, входило лесостепное Прииртышье, так и с керамикой раннесредневековых могильников Павлодарского Прииртышья и Барабы.

В ходе расчистки самого раннего 3 культурного слоя, встречены прокалы, обломки костей животных, фрагменты керамики и орудия труда. Найденный производственный инвентарь представлен обломком скребка и отщепом с ретушью (рис. 1.7-8) для изготовления которых применялись желтая яшма и кремь, обломками бронзового четырехгранного шила (рис. 1.11) и шаровидного каменного предмета типа булавы, со следами сверления и абразивами из песчаника.

В слое найдено несколько десятков фрагментов керамики, коричневого оттенка, имеющих в изломе черный цвет. В рецептуре теста заметно присутствие шамота и песка. Для изготовления сосудов применялась техника ручной ленточной лепки, внешние и внутренние стороны фрагментов хорошо заглажены.

Среди обнаруженных фрагментов венчиков, для изучения пригоден всего один. Он слегка отогнут во внутрь, по срезу орнаментирован поперечными вдавлениями, придающими краю венчика волнообразный вид (рис. 1.12). Фрагменты тулова сосудов украшены параллельными горизонтальными рядами взаимопроникающих треугольников (рис. 1.9), горизонтальными и волнистыми рядами гребенки (рис. 1.10), отступающей лопаточки (рис. 1.13), а также линиями выполненными протягиванием лопаточки (рис. 1.14). Есть и фрагменты украшенные желобками и проташенной гребенкой.

Подобные орнаментальные приемы характерны для периода доандроновской бронзы в памятниках самусьской культурной общности. В Прииртышье наиболее близкие аналогии им, мы находим, в керамическом комплексе поселения Черноозерье-6 и предварительно относим к кругу памятников среднеиртышского варианта самусьской культурной общности (Косарев М.Ф., 1981, с. 91).

Материалы обнаруженные в 1 и 3 культурных слоях поселения Вторы-3, не оригинальны для казахстанского Прииртышья, они известны в материалах поселений Шауке 1 и 3 у с. Павлодарского, но они также еще не введены в научный оборот. Последующее изучение памятника позволит уточнить пока что предварительные выводы о его культурной и хронологической принадлежности.

В целом, общие итоги, проведенных на территории района за последние полвека исследований показывают, что лесостепная зона Павлодарской области с эпохи неолита до позднего средневековья являлась южной периферией Западно-Сибирских археологических культур, носители которых, непосредственно контактировали с носителями археологиче-

ских культур степного Прииртышья. О чем имеется немало свидетельств, заслуживающих отдельного рассмотрения.

Дальнейшее изучение этого, слабо исследованного района Павлодарской области позволит расширить источниковую базу по археологии Среднего Прииртышья. А также поможет казахстанским и сибирским археологам продвинуться вперед в решении сложных и мало изученных проблем хозяйственных, культурных и этнических связей степного и лесостепного Прииртышья.

*Научный руководитель – В.К. Мерц.*

*О.Ю. Черенщиков, Г.И. Беломестнов, С.Ю. Литвинцев  
(Археологическая лаборатория Верхнеамурской экспедиции  
Забайкальского государственного педагогического университета)*

### **Исследования в долине реки Куэнга**

В полевом сезоне 1999 года отряд Верхнеамурской археологической экспедиции (ВАЭ) ЗабГПУ проводил плановые работы в долине реки Куэнга – левого притока Шилки. Исследования охватили четыре объекта: энеолитическую стоянку и средневековый могильник в пади Подгорной и два разновременных могильника в пади Известковой.

Стоянка «Подгорная» открыта Ю.С. Орловым в 1976 году. Им же была проведена первая шурфовка, показавшая однослойное залегание материала. В 1997 году ВАЭ проводились разведочные работы на объекте продолженные в 1999 году. Стратиграфическая ситуация нового раскопа-2 (S= 30 кв.м. ) оказалась идентичной раскопу – 1. Находки залежали в темно-бурой поддерновой гумусированной супеси на глубине 10-25 см от дневной поверхности. В инвентаре преобладают отщепы, микропластинки, фрагменты керамики. Микропризматические нуклеусы и их заготовки сработаны из речных галек кремнистых пород и халцедона. Из орудийного набора отмечены: крупное тесловидное орудие, микропластинки с ретушью; проколки и острия, микроскрепки на отщепах и пластинах; заготовки крупных наконечников стрел с округлым насадом. Полученные вещественные материалы и данные стратиграфии не позволяют пока пересмотреть ранее предложенную датировку памятника концом III – началом II тыс. до н.э. (Алексеев, Черенщиков, 1999).

Средневековый могильник «Подгорная» открыт Ю.С. Орловым. В течение 70-х годов им проводились исследования, которые в 1997 и 1999 годах были продолжены ВАЭ. Из 12 погребений раскопанных в текущем сезоне более половины дали вещественный материал. Это традиционный набор предметов Бурхотуйской культуры: глиняные плоскодонные сосуды, костяные и железные наконечники стрел, пряжки, ножи, колчаные крючки из железа. Из новых погребений выделяется захоронение воина в инвентаре которого присутствуют: латные прямоугольные пластины из железа и костяная обкладка лука, а также погребение ребенка с бронзовой шейной гривой. Погребенные покоились в узких могильных ямах в вытянутом труположении на спине с ориентацией по северо-западному сектору. Могильные ямы перекрывались мощными забутовками из скальных обломков, которые, в свою очередь служили основанием курганов, сложенных из крупных и средних по величине камней. Хронология могильника заключается в рамках Бурхотуйской культуры средневековья 6-9 веков до н.э.

Могильник «Известковая-1» дислоцирован на левой стороне одноименного распадка в 800 м от приустьевой части на южном склоне сопки. На участке, ограниченном с запада каменной грядой, а с востока – замытым логом, были зафиксированы две задернованные каменные однорядные кладки овальной формы. При зачистке первой, были обнаружены фрагменты микропластин и обломки тонкостенной керамики. После снятия кладок были



зафиксированы могильные ямы округлой формы диаметром до 90 см которые были врезаны в отложения светло-серого суглинка. Врез могильных ям осуществлялся с основания маломощной подерновой слабогумусированной супеси, насыщенной дресвой. В обоих погребениях на глубине 150 см от дневной поверхности зафиксированы человеческие кости, находящиеся в сидячем труположении с сильно подогнутыми в коленных суставах костями. Черепа располагались лицевой частью вниз, теменной – на запад. В погребении – 2 обнаружен костяной двулезвийный вкладышевый кинжал с ретушированными микропластинами в пазах. Гораздо богаче и разнообразнее инвентарь погребения – 1: костяные и роговые гарпуны различных форм и размеров, крупный скребок, костяные игловидные наконечники стрел, шлифованный нож из кальцита, сланцевые скребла, костяные основы обкладки лука, изогнутая основа двулезвийного вкладышевого орудия, мотыжообразные изделия из лопаток животных, вкладыши из микропластин. В каменном инвентаре присутствуют: отщепы, краевые сколы с микронуклеусов, острия и микроскребок на пластинках, плоский точильный стержень. Предметы украшения включают: подвески из зубов марала с просверленными отверстиями в узких частях, плоские бусы и кольца из ракушечника, массивное кольцо из мягкого белого камня. Большинство предметов данной категории были расположены в районе черепа. Создается впечатление, что они входили в состав головного убора или нагрудника.

В С-3 и Ю-В секторах могильной ямы обнаружены расколотые вдоль трубчатые кости животного и птицы. Оба погребенных были сильно засыпаны охрой. Отдельные компоненты вещественного инвентаря могильника, характер надмогильных кладок и труположение находят определенные аналогии в известных неолитических и энеолитических погребениях Восточного Забайкалья (Кириллов, Верхотуров, 1985). До получения абсолютных датировок данных погребений их хронологию мы склонны определять поздним неолитом по забайкальской хронологии.

Могильник «Известковая–2» расположен в 200 м выше по распадку от первого. Южный склон распадка в этом месте двумя уступами круто обрывается вниз. На каждом из таких уступов в ложбинках обнаружены кладки овальной формы. В погребении–1 зафиксирован костяк человека в вытянутом труположении с ориентацией по северо-западному сектору. У черепа погребенного зафиксирован небольшой плоскодонный глиняный сосуд, а в районе тазовых костей – остатки круглой железной пряжки, два костяных и два железных наконечника стрел.

Погребение–2 располагалось в ложбине уступа ниже по склону от вышеописанного. Уплощенная овальная двухслойная кладка была сложена средними и мелкими обломками скальных пород. На глубине 80 см от дневной поверхности выявлен костяк человека в вытянутом труположении на спине с ориентировкой по восточному сектору с небольшим отклонением к северу. За черепом погребенного, который лицевой частью был обращен на запад, зафиксирован череп барана, ориентированный глазами на восток. Сопроводительный материал погребения достаточно выразителен. Он включает костяные (три крупных пронизки, острие) и бронзовые (бляшки, обоймы различных типов и размеров, пронизки, круглая полушарная пуговица) изделия. Часть изделий была зафиксирована в районе тазовых костей, очевидно, входящих в состав наборного пояса.

Характер сопутствующего инвентаря, устройство кладок, труположение и ориентация погребенных не вызывают сомнения в принадлежности погребения–1 к Бурхотуйской культуре железного века 6-9 вв н.э., а погребение – 2 к культуре бронзового века 7-3 в. до н.э.

Таким образом, раскопки новых разновременных археологических объектов в долине р. Куэнга подчеркивают перспективы продолжения поисков памятников широкого хронологического диапазона лесостепного Забайкалья.

*О.В. Вахрушева, Е.С. Череницкова, О.Ю. Череницков  
(Сретенск, Педагогический колледж им. Ф. В.Гладкова)  
(Кокуй, Школьно-студенческий клуб «Искатель»)*

### **История исследований и итоги изучения комплекса археологических объектов в устье ручья Онохтыча**

Рассматриваемый в работе комплекс археологических объектов сосредоточен в приустьевой части р. Онохтыча Сретенского района Читинской области. Он содержит три стоянки: Молодовск–1,2,3; средневековый могильник Онохтыча–2 и неолитический могильник Молодовск (Онохтыча–1).

Первые разведочные и стационарные работы на объектах были предприняты в 1974-1975 гг. археологическим отрядом ЧГПИ под руководством И.И. Кириллова. В результате раскопки Молодовск–1 был собран материал двух культурных слоев. Совокупность стратиграфии и статистико-типологического анализа позволили И.И. Кириллову датировать нижний слой стоянки поздним неолитом, а верхний слой –ранней бронзой. Основанием для последнего послужила и находка медного рыболовного крючка. Стоянка Молодовск–1, таким образом, стала первой многослойной стоянкой долины Шилки раскопанной значительной площадью. К сожалению, по ряду причин, она не нашла достаточного освещения в литературе, хотя отдельные моменты широко использовались в публикациях. В этот же период проводились исследования средневекового могильника Онохтыча–2, расположенного в глубине распадка. Изучению подверглись 10 погребений. Совокупность вещественного инвентаря, характер надмогильных сооружений, обряд погребений позволили Е.В. Ковычеву сделать вывод об их принадлежности Бурхотуйской культуре 6-8 вв.н. э. Детальная характеристика могильника была дана исследователем в кандидатской диссертации и совместной с И.В. Асеевым и И.И. Кирилловым монографии «Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья» (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984).

Вершиной исследований того периода явилось открытие и изучение неолитического могильника Молодовск, расположенного на склоне сопки вблизи стоянки Молодовск–1. Было раскопано 7 погребений, пять из которых дали археологический материал. Наряду с неолитическими могильниками у оз. Ножий это было выдающимся достижением забайкальской археологии, так как в пределах Читинской области до этого неолитические погребения были представлены разрушенными и фрагментарными, без четкой фиксации трупоположения и инвентаря.

Инвентарь молодовских погребений и стоянки анализировался И.И. Кирилловым в докторской диссертации и совместной с О.Г. Верхотуровым статье «Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен» (Кириллов, 1981; Кириллов, Верхотуров, 1985).

На рубеже 80-90 х годов в связи с паспортизацией археологических объектов Читинской области район Онохтычи подвергался эпизодическим исследованиям ВАЭ ЧГПИ с целью подготовки документации для областного отделения ВООПИК. В могильнике Онохтыча–2 было раскопано 4 погребения, информация о которых дана в работе Е.В. Ковычева и О.А. Яремчук «Бурхотуйские погребения из могильника Онохтыча–2» (Ковычев, Яремчук, 1998).

Летом 2000 года работы на объектах были продолжены Шилкинским отрядом Верхнеамурской экспедиции ЗабГПУ. Стационарные исследования проходили на стоянке Молодовск-1 и могильнике Онохтыча-2 (см. материалы настоящего сборника). На однослойных стоянках Молодовск–2, 3 проводились рекогносцировочные работы, позволившие датировать объекты временем энеолита – ранней бронзы. Стоянки в приустьевой части р. Онохты-

ча несмотря на значительные техногенные разрушения имеют перспективы для дальнейших исследований.

Вышерассмотренная совокупность разновременных памятников в пределах ограниченной территории представляет повышенный интерес в плане изучения особенностей материальной культуры древних коллективов и этнических групп данного региона в хронологических промежутках позднего неолита – энеолита – средневековья. Итоги исследований отражены в диссертационных работах, публикациях, монографиях. Полномасштабное монографическое обобщение комплексов остается делом будущего.

*Ю.А. Емельянова*

*(Иркутск, Иркутский государственный университет)*

### **К проблеме археологических изысканий на северном побережье Байкала. Долина р. Верхней Ангары**

Археологические памятники Байкала стали известны ученым уже в середине XVIII века. Экспедиция Якова Линденау в сентябре 1745 г. обнаружила остатки городища, которое, по мнению исследователя свидетельствовало о местопребывании здесь якутов до их переселения на Лену. В процессе дальнейшего освоения Сибири русским населением, распашкой и раскорчевкой земель, археологические предметы продолжают попадаться и иногда составляют значительные коллекции частных лиц. Вновь внимание к археологическим древностям Байкала было возбуждено в 70-е годы XIX века в связи с изысканиями И.Д. Черского и Н.Н. Агапитова. В сообщениях Черского содержатся точные координаты, найденных им в Ольхонском районе памятников, их детальное внешнее описание и местные предания о том, кому эти памятники принадлежат. Судя по описаниям, он встретил кроме городищ также могильные сооружения и жертвенники. В начале 80-х Н.Н. Агапитов проводит изыскания на р. Куде в Ольхонском районе, результатом которых стало подробное и детальное описание наскальных изображений, обнаруженных им в местностях Саган-Заба, Ая и Куртун; городища Куды и каменные стены, обнаруженные И.Д. Черским на мысах Шибэтэ и Хоргое, могильники и могильные памятники в виде каменных ящиков, «шатровых» и «плиточных» могил.

Первые сведения о следах пребывания древнего человека в северной части Байкала поступают в начале 90-х годов. Руководитель специальной зоологической экспедиции Министерства земледелия проф. А.А. Коротнев в 1901 г. обследует северное побережье Байкала, где им было обнаружено два крепостных сооружения-городища на мысе Лударь. С северной стороны д. Горемыки (Байкальское) А.А. Коротнев обнаруживает остатки укрепления, а от местного населения он узнает, что увиденные им укрепления не единственные памятники древности. Во время пахоты крестьяне не редко находят черепки глиняной посуды, медные предметы – удила, ножи и др. Приобретенная у населения коллекция каменных и бронзовых орудий значительно расширяла хронологические рамки пребывания древнего человека на побережье Байкала.

Следующие находки (остатки глиняной посуды, кремневые наконечники стрел, копий, скребочки, бронзовые ножи и железная конская утварь) в окрестностях д. Горемыки (д. Талу и Летники) были сделаны в 1902 г. участниками экспедиции под руководством Ф.К. Дриженко. А.М. Станиловский отмечал, что незначительные в количественном отношении находки эти расширяли сведения о топографическом распространении ископаемой культуры человека каменного века в Восточной Сибири, и если еще недавно предполагалось, что населена доисторическим человеком лишь Ангара, то последние находки каменных орудий на северном побережье Байкала доказывали, что эта территория освоена была уже в каменном веке и следы пребывания древнего человека следует искать там, чего до сих пор вовсе не делалось.

В 1905 г. в устье р. Кичера А.М. Станиловским была зафиксирована неолитическая стоянка Козловск (Чечевки). В результате сбора археологических материалов Станиловским в 1905 году значительно расширился круг памятников по каменному веку.

В 1926 г. ученик Б.Э. Петри Е.И. Титов производит изыскания на крайнем севере Байкала, где открывает неолитическую стоянку в с. Душкочан. Ранее, в 1920 г. Е.И. Титов открывает стоянку в поселке Ченча на реке Верхняя Ангара, в 120 км от ее впадения в Байкал.

Впервые северное побережье оз. Байкал было подвергнуто сплошному обследованию на участке Байкальское–Нижнеангарск–Дагары–Ая в 1963-65 гг. совместными экспедициями Иркутского областного краеведческого музея, Иркутского госуниверситета и Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Результатом выполненной экспедициями работы являются материалы подъемных сборов и раскопок 27 древних поселений. В то время как в других районах Байкала, особенно в Ольхонском, истоке р. Ангары, дельте р. Селенги и долине р. Баргузин проводились интенсивные археологические изыскания, территория северного Байкала исследовалась в значительно меньшей степени (1923 г. - гидрохимическая экспедиция ИГУ - Н.А. Власов, 60-е гг. - В.В. Свинин, Л.П. Хлобыстин, 1975 г. - А.П. Деревянко, А.И. Мазин, 1970-е гг. - А.Д. Цыбиктаров), в районе бассейна р. Верхняя Ангара подобные исследования практически не велись. Зафиксированы лишь две стоянки в среднем течении реки.

В 1965 году В. В. Свининым на правом берегу р. Катеры, левого притока Верхней Ангары, в 1,5 км от устья на 8-метровой террасе открыта стоянка на месте бывшего села Ченча, что в 5-7 км северо-западнее с. Кумора. Точную датировку установить не удалось, так как культурный слой нарушен. Находки: фрагменты керамики. Они встречаются на протяжении 35-45 м вдоль берега реки от скального выступа. В 1978 году стоянка осматривалась А.Д. Цыбиктаровым.

В 1978 г. А.Д. Цыбиктаровым зафиксирована стоянка Кумора (1,2), датированная бронзовым веком. Находится на озере Иркана, в 5 км южнее села. Пункт 1 – на северо-восточном берегу оз. Иркана на 8-метровой террасе. Культурный слой (темно-коричневая супесь), мощностью 0,1-0,2 м, залегал на глубине 0,15-0,20 м. Пункт 2 – в 100 м южнее пункта 1 на 4-6-метровой озерной террасе. Культурный слой прослеживался на протяжении 30-40 м.

На поверхности распаханных окраин с. Кумора и Иркана производились сборы подъемного материала: каменные топоры и тесла (нефрит), пест (песчаник). По словам местных жителей среди прочих находок, утраченных на сегодняшний день, были: каменные наконечники стрел, круглые бронзовые зеркала и бронзовые украшения, кованые железные изделия (наконечники пальмы, наконечники рогатин, фрагменты кремневых ружей), клады монет.

Лучше изучены районы, непосредственно прилегающие к устью р. Верхняя Ангара.

Так, например, в 1965 г. В.В. Свининым зафиксирована стоянка Дагары (железный век), находящаяся на песчаной косе между устьями проток Верхней Ангары, на Дагарской части косы, в районе бывшего эвенкийского кладбища. Среди находок представлены: гладкостенная керамика, скребок, железная подвеска от шаманского костюма в виде птицы. В настоящее время памятник затоплен.

На острове Ярки, расположенном перед устьями проток Верхней Ангары найдена неолитическая стоянка. Находки: каменные орудия, фрагменты керамики. В настоящее время большая часть местонахождений затоплена.

Неолитическая стоянка Козловск (Чечевки) (устье р. Кичера находится в непосредственной близости от устья р. Верхняя Ангара). Она зафиксирована еще в 1905 г. А. М. Станиловским и раскопана в 1934 г. И.И. Веселовым. В настоящее время – затоплена.

Среди сохранившихся памятников, находящихся в непосредственной близости от устья р. Верхняя Ангара зафиксированы в 60-е годы неолитическая стоянки Лысая сопка (1,2) на ручье Сырой Молокон.

Железным веком датируется стоянка – Тошка (Северное побережье Байкала, устье су-хого ручья Тошки). Бронзовым веком – Нижнеангарские Выселки (северная окраина поселка на р. Кичера).

Краткий обзор археологической изученности бассейна реки Верхняя Ангара показывает, что данный район исследован археологами недостаточно, но в то же время такое исследование необходимо, так как может представить богатый материал для науки. Необходима организация экспедиции с целью поисков новых археологических и этнографических памятников: в нижней пойме реки по берегам старого русла реки Верхняя Ангара и старых русел ее притоков возможны местонахождения стоянок и ритуальных комплексов периода неолита и бронзы; в районе с. Иркана известно местонахождение бывшего острога, вывезенного в 70-е годы предположительно археологами г. Братска. Археологические исследования здесь не проводились.

В археологическом и этнографическом отношении верхнеангарская долина интересна тем, что на этой территории возможны открытия, доказывающие существование мест компактного проживания древнего человека и дающие новые корреляции, связанные с проблемами жизнедеятельности древнего человека.

*Е.А. Зайцева*

*(Тюмень, Тюменский государственный университет)*

### **Двухслойное поселение Нижний Ингал-3**

Важное значение для определения историко-культурных процессов, проходивших на юге Тюменской области на протяжении эпохи бронзы и раннего железного века, имеют материалы хорошо стратифицированного двухслойного поселения Нижний Ингал-3, верхний слой которого относится к саргатской культуре раннего железного века, а нижний – к алакульской эпохи бронзы.

Поселение Нижний Ингал-3 находится на юге Тюменской области, в междуречье Тобола и Исети. Памятник открыт в 1994 году Н.П. Матвеевой и исследовался ею же в 1998-1999 гг. Поселение расположено в 2,5 км к югу от с. Нижний Ингал Заводоуковского района Тюменской области. Памятник имеет площадь около 6 га.

В результате проведенных работ общая площадь раскопа составила 518 кв.м. Исследованы три жилища позднего строительного горизонта и пять сооружений раннего строительного горизонта.

Остатки периода раннего железа представлены на данном памятнике тремя жилищами. Жилище 1 имеет форму полуземлянки размерами примерно 6,0x5,5 м и имеет в плане подквадратные очертания. На дне котлована зафиксированы очаг в виде костровой ямы размером 1,5x1,1 м глубиной 0,1 м, несколько хозяйственных ям и канавки от лаг, на которые, видимо, был настелен деревянный пол.

Исследованная часть многокамерного жилища 2 представляет собой квадратную камеру размером 2,25x2,25 м, углубленную в материк на 13-15 см. Узким коридором камера соединяется с жилой постройкой, находящейся за пределами раскопа, но видной в рельефе как полуземлянка.

Жилище 3 изучено частично и выявилось как западение. Вдоль стенки раскопа зафиксирована северная стенка котлована жилища, не менее чем 10 м длиной. Глубина котлована – 0,12-1,5 м. Неподалеку от нее расчищен очаг в виде большой ямы размером 2,0x1,5 м, заполненной углем и прокаленной землей. Прокал имеет размеры 0,9x0,9 м.

В коллекции представлены обломки от 12-ти сосудов. Посуда представлена горшковидными формами с вертикальной шейкой, раздутыми плечиками и округлым дном. В керами-

ческом тесте имеется небольшая примесь песка, шамота. Посуда украшена резными зигзагами, ногтевыми вдавлениями и подтреугольными насечками в виде монотонных рядов, либо по горловине, либо по плечикам. Орнамент и состав теста – типично саргатские.

Кроме керамики найдены обломки пряслиц из черепков, некоторые с традиционным саргатским декором в виде концентрических вдавлений или многолучевых фигур, одно с горизонтальным зигзагом, как на сосудах. Обнаружено скопление руды и шлаков от железодельного производства.

Древнейшим строительным горизонтом данного поселения является слой эпохи бронзы. К нему относятся пять сооружений.

Сооружение 1 имеет грушевидную форму, близкую к оплывшему квадрату 2,5x2,5 м с широким прямоугольным выходом на запад длиной 2 м и шириной 1,6 м. Углублено в материк на 4-13 см, ям от столбов нет.

Сооружение 2 является двухкамерной постройкой. Размеры неглубокого котлована составляют 4,7x5,25 м. Очага не обнаружено, по-видимому, он был наземным из кирпичиков, которых много было в мусоре. Сооружение содержало алакульскую керамику. В нем найдена острога из рога, пластинка с геометрическим андроновским орнаментом, мелкий обломок бронзового желобчатого браслета, фрагменты глиняных изделий, кости животных. За пределами сооружения также фиксируются ямки от столбов, указывающие на то, что котлован являлся только углубленной частью постройки, а значительная площадь ее была наземной.

Сооружение 3 имеет подпрямоугольную форму размером около 6,75x5,5 м. Как углубление фиксировалась только часть постройки.

Предполагаем, что сооружение 5 представляло собой углубление на 15-20 см от материка треугольной формы. Котлован не фиксировался, но прослежено много ям. Размеры его могли быть 4,5x3,5-4,5 м или даже больше, так как часть ям от столбов трудно связать с другой постройкой.

Сооружение 4 раннего периода было прорезано камерой жилища 2 позднего периода. Сооружение фиксировалось в виде слабо углубленного небольшого котлована.

Возможно, что постройки бронзового века были в основном наземными. В культурном слое эпохи бронзы много керамики с геометрическими узорами, обломков пряслиц, кирпичиков от очагов, грузила и др.

Помимо основных перечисленных остатков эпохи бронзы выделяется зольник, образованный слоями разной мощности. Максимальная длина его около 15 м, ширина – 4 м, а часть его оказалась за пределами раскопа. Он насыщен костями и черепками, относящимися к алакульскому периоду. Под зольником обнаружен ряд ям округлой формы глубиной 5-10 см в материке и канава шириной около 1 м, глубиной 10-12 см.

Из ям и культурного слоя раннего периода происходят пластинчатый бронзовый нож с несомкнутой втулкой, обломок бронзового желобчатого браслета с высокой конической спиралью, бронзовые проволочные скобки, обломки глиняных очажных кирпичиков, острога из рога, пластинка с геометрическим андроновским орнаментом, бронзовый серп.

Среди керамики рассматриваемого строительного горизонта встречаются обломки осторереберных и «воротничковых» емкостей, но преобладают фрагменты сосудов со слабо выраженными уступчиками и плавно профилированных горшков, которые украшались не только зигзагами и треугольниками, нанесенные гладким штампом, но и разнообразными вдавлениями, а также отпечатками проташенной гребенки. Судя по перечисленным признакам, керамический комплекс относится к концу развитого или позднему этапу эволюции алакульской культуры в Зауралье (Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С., 1999, с. 126).

Стратиграфические наблюдения позволяют говорить о хронологической дифференциации данного памятника. Так саргатское жилище 1 было впущено в неглубокий котлован жилища эпохи бронзы, поскольку к его южному углу снаружи примыкал очаг 1, не могший

функционировать одновременно с жилищем. О разных этапах строительства на этом участке говорит также ступенчатый разрез ямы № 94. А саргатское жилище 2 частично перекрывало сооружение эпохи бронзы. В том числе яма № 331 и яма № 333 также были перекрыты саргатским жилищем. Ямы достоверно алакульские, на что указывают находки керамики этого типа в углублениях.

Таким образом, можно выделить два этапа функционирования поселения Нижний Ингал-3. Первый этап мы относим к заселению данного памятника алакульской общиной и традиционно относим его к первой половине II тыс. до н.э. Второй этап предположительно можно датировать III-II вв. до н.э. или II-III вв. н.э. Незначительная насыщенность находками саргатских жилищ, как и участков за их пределами, заставляет предполагать недолговременность поселения. Оно существовало не более одного срока годности деревянных построек.

Памятник перспективен для дальнейшего исследования, поскольку четко стратифицирован и имеет обильно насыщенный находками ранний культурный слой.

*Научный руководитель – д.и.н. Н.П. Матвеева.*

*А.В. Исов, М.А. Черепанов*

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)*

### **Использование GPS-приемника Garmin-12 в GIS-картировании плато Укок (Кош-Агачский район Республики Алтай)**

Летом 2000 г. археологическим отрядом Горно-Алтайского государственного университета была произведена инвентаризация памятников археологии, вызванная необходимостью фиксации памятников на местах предполагаемого строительства трассы, связывающей Россию и Китай и работами на территории предполагаемого строительства газопровода из России в Китай. Привязка объектов проводилась с использованием GPS-приемника Garmin-12. В ходе работ использовался опыт подобного исследования данного района (Шитов А.В., Эбель А.В., Хюле В.В., 2000).

На всем протяжении предполагаемой трассы и газопровода встречаются памятники разных культур и эпох, от раннего железного века до этнографического времени. В большей части памятники носят погребальный характер.

Данные, полученные в ходе работ, были обработаны с использованием пакета Easy Trase 6,2 с последующей виртуализацией в среде Arc View 3,1, вследствие чего была получена карта и база данных координат археологических объектов. В настоящее время полученные данные дополняются подробными текстовыми пояснениями.

В дальнейшем предполагается использование полученных результатов при составлении комплексной карты Горного Алтая (Шитов А.В., Неминущий Ю.А., Говердовский В.А., 2000) и в учебном процессе подготовки специалистов различных профилей.

*Научный руководитель – к.и.н. В.И. Соёнов*

*Е.В. Бердников, П.Е. Марнугев*

*(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

### **ГИС и интернет: новые возможности – новые проблемы**

Бурное развитие информационных технологий, в частности технологии Всемирной сети (World Wide Web), предполагает переход на более совершенный уровень изучения и обмена информацией. Проекты ГИС в Интернете является одной из перспективных направлений в геоинформатике. ГИС – это компьютерные системы, позволяющие эффективно работать с

пространственно-распределенной информацией. Они являются закономерным расширением концепции Баз Данных, дополняя их наглядностью представления и возможностью решать задачи пространственного анализа. Сетевая ГИС – средство сочетающее доступность Интернета с возможностью представления пространственно-привязанных данных.

Практически все ведущие разработчики программного обеспечения для ГИС предлагают средства для Интернет картографирования, например, MapGuide компании Autodesk, MapXtream компании MapInfo, ArcView IMS, Map Objects IMS и последняя разработка ESRI – ArcIMS 3.0. ArcIMS 3.0 больше чем просто решение для Интернет-картографирования – это платформа для построения распределенных геоинформационных систем (в частности, для Geography Network). Интересным феноменом является глобальная сеть Geography Network (<http://www.geographynetwork.com/>) фирмы ESRI, которая определяет инфраструктуру необходимую для распределенного использования геоинформационных ресурсов в Интернет и предоставляет доступ к множеству типов геоинформационных ресурсов, включающему карты, данные, сервисные функции и готовые решения. Содержание Geography Network распределено между многими серверами по всему миру, предоставляя доступ к последней информации, поставляемой непосредственно из ее источника.

Для доступа к базам пространственных метаданных используются различные профили протокола z39.50 (ISO 23950), например, профиль GEO разработанный FGDC в 1994 для стандарта содержания CSDGM и профиль CIP (Catalog Interoperability Protocol) разработанный по инициативе CEOS (Committee on Earth Observation Satellites) в 1997 году для данных дистанционного зондирования (членами CEOS являются ESA, NASA, DLR, NASDA, CCRS, BNSC, CEO). Пока ни один формат или протокол еще не утвержден в качестве международного стандарта передачи пространственных данных, но на практике используются наиболее распространенные форматы. Например, для передачи векторных данных как правило используется ArcView Shapefile, а для передачи растровых изображений TIFF. Кроме того, приняты различные национальные стандарты, такие как SDTS (<http://cgit.kem.uiggm.nsc.ru/bulletin/content/sharing2.htm>)

В настоящий момент работы в области ГИС (в том числе и в СО РАН) разделились на следующие направления, которые связаны с их назначением: Инструментальные системы предназначенные для специалистов исследователей, результатом деятельности которых являются различные карты (экологические, геологические, археологические и др.). Большинство работ направлено на создание пользовательских информационных систем, а также систем доступа и управления (в том числе дистанционного) информационными ресурсами в области природопользования. Практически все сталкиваются с решениями одинаковых задач в этой области, связанных с построением запросов к SQL базам данных и использования WWW сервиса Internet для построения активных клиент-серверных приложений: освоение технологий CGI-приложений и скриптов, доступ к картографическим БД, формирование SQL запросов, организация интерфейса с клиентом (<http://www-sbras.nsc.ru/win/gis/lib/reports/97/shokin.html>)

С февраля 2000 года в секторе археологической теории и информатики ИАЭТ СО РАН разрабатывается сетевая ГИС «Мустьерские памятники Евразии». Цель ее создания – публикация в глобальной информационной сети Интернет тематических цифровых карт памятников, а также истории их исследования, датировок, результатов естественнонаучных анализов, планиграфии и стратиграфии, фотографий, рисунков артефактов, и кроме этого, результатов исследования сектора по статистическому анализу технологических индексов и орудийных комплексов среднепалеолитических индустрий Ближнего и Среднего Востока.

Доступ пользователей к ГИС осуществляется через Интернет по клиент-серверной модели. Клиентской программой является Web-браузер, а серверной программой, обслуживающей клиента – CGI-программа, функционирующая на Web-сервере института.



Сетевая ГИС включает в себя:

- программные средства собственной разработки, предназначенные для обеспечения доступа по Web к векторным картам и таблично-текстовым данным;
- наборы данных, в том числе векторные карты памятников, текстовый, иллюстративный материал.

ГИС размещена на сервере сектора ([www.sati.archaeology.nsc.ru](http://www.sati.archaeology.nsc.ru)), под управлением операционной системы Linux и Web-сервера Apache.

Атрибутивные данные представлены структурированными наборами гипертекстовых документов, описывающих один из аспектов исследования палеолитического памятника. Другим источником данных является таблица атрибутов. Доступ к таблице и генерация HTML-документов на ее основе обеспечивается средствами языка Perl.

Представляется целесообразным использование средств реляционных СУБД, как одного из способов организации археологических данных сетевой ГИС. По сравнению с форматом гипертекстовых документов, СУБД обеспечивают большие возможности по переносимости данных между различными программными средствами, модификации этих данных, и открытости их для автоматизированного анализа. При создании данной ГИС также используются технологии CGI-программирования, языки программирования C++ и Perl. Такой выбор языков реализации продиктован необходимостью с одной стороны, сократить время разработки за счет привлечения возможностей стандартных библиотек программ, и с другой, обеспечить приемлемую скорость обработки запросов пользователей. Язык C++ был применен для создания программ, работающих с векторными картами формата Shape, и генерации изображения карт. Для приема и обработки клиентских запросов и генерации гипертекстовых документов нашел применение язык Perl.

Распространенное на сегодняшний день применение средств сетевых ГИС в археологической научной среде – публикация цифрового картографического материала. Другие возможности сетевых ГИС, такие как распределенное хранение географических данных, выполнение пространственных запросов к географическим базам данных и пространственный анализ, достаточно быстрыми темпами осваиваются в других предметных областях, что касается российской археологии, то здесь необходимые качественные цифровые карты пока являются малодоступными.

*Научный руководитель – д.и.н. Холюшкин Ю.П.*

*А.В. Постнов*

*(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

### **Построение специализированных информационных систем при помощи интернет-технологий (на примере справочной системы «Палеолит Алтая»)**

Достоверность результатов любого исследования обычно рассматривается через призму методики получения и обработки материалов. Специфика археологического исследования заставляет рассматривать не только валидность методов обработки материала, но и верифицировать методы, с помощью которых формируется археологический источник. Перечисляя требования к современным методам полевого и лабораторного изучения археологических материалов, нельзя обойти факт лавинообразного процесса внедрения компьютерной обработки данных археологии. Современная археология требует от исследователя конкретных математических методов (Деревянко, Холюшкин, Воронин, Екимов, 1995, с. 20). Основываясь на накопленном опыте в ИАЭТ СО РАН, разрабатываются компьютерные технологии и структуры хранения, анализа и синтеза специализированных баз данных и информации, которая позволяет синтезировать фактографическую. В качестве

инструментария, обеспечивающего свободу обработки разнородных данных и позволяющего исследователю максимально сохранять исходную информацию об источнике, используются системы управления реляционными базами данных на WWW- и SQL- серверах. С их помощью разрабатывается специализированное программное обеспечение, отвечающее запросам специалистов и доступное по интернету.

Реляционная модель является сегодня предметом массовой ориентации разработчиков ввиду простоты ее создания, легкости организации баз данных, быстроты выполнения операций и возможности легкого восстановления утраченной информации. В соответствии с реляционной моделью, любая база данных представляется в виде совокупности таблиц, над которыми могут выполняться операции, формулируемые в терминах реляционной алгебры или реляционного исчисления (операции селекции, проекции, разности, декартова произведения и соединения). Интернет-технология разработки современных приложений выводит подобные программы на качественно новый уровень обработки и хранения данных по сложности структур и навигации.

В секторе палеолита ИАЭТ СО РАН была разработана справочно-информационная система «Палеолит Алтая» – интеграция всей информации по палеолиту горной части Алтая в обобщающей форме и размещение ее на WWW- Сервере по адресу: [http:// www.archaeology.nsc.ru / index\\_altai. htm](http://www.archaeology.nsc.ru/index_altai.htm). Благодаря хорошей иллюстрированности, сайт рассчитан на очень широкий круг пользователей: от специалистов и студентов, которых интересуют проблемы древнейшего периода Алтая, до интернет-туристов, собирающих виды величественной природы этой жемчужины Азии.

На страницах проекта размещена информация из монографий, статей, диссертаций, полевых отчетов, фотоархивов по истории и историографии четвертичного периода Алтая. Сотрудниками сектора был проведен анализ и обобщение этой информации и создана справочная система по комплексу археологических данных и данных естественных наук (геологии, палеонтологии и др.). Данный проект предусматривает междисциплинарный характер исследований, основанных на комплексном анализе полного объема археологических, климатостратиграфических и геохронологических материалов, подкрепленных данными относительной и абсолютной геохронологии. Создание информационной системы преследовало две основные цели:

1. Обеспечение оперативности выхода новой научной информации, что означает более быстрый выход и обеспечение лучшего доступа информации через сеть интернет, чем через издание ее в научных трудах.
2. Обеспечение популяризации и повышение, таким образом, большей доступности для широкого круга пользователей сети (студенты, школьники, краеведы, люди, интересующиеся историей).

Благодаря научно-популярному изложению и богатому иллюстративному материалу у большего числа людей появится возможность использовать научную информацию, получаемую данной областью исторических знаний. Показ и обобщение достижений представителей смежных естественнонаучных дисциплин, работающих в интеграционных проектах, проводимых на территории Алтая, расширит возможности свободной и открытой коммуникации между гражданами и организациями, которые интересуются вопросами развития человеческих обществ и природных условий в плейстоцене.

В итоге, гибкость и достаточность выбранного инструментария позволила обеспечить полноту и удобство программного приложения. Т.е., создаваемые посредством интернет-технологий программные продукты не только характеризуются дружелюбностью и легкостью проектирования пользовательского интерфейса, но и позволяют разработчику сохранить внутреннюю логику источника, обеспечить весьма обширные возможности работы с базами данных, такие как:

- группировать предметы по отдельным критериям,
- производить подсчеты,
- выстраивать графики,
- формировать изобразительные ряды предметов,
- осуществлять быстрый многоаспектный поиск необходимой информации и т.д.

Данная компьютерная технология хранения, анализа и синтеза фактографической и видеоинформации позволяет на «выходе» получить не только информационные хранилища, ориентированные на соответствующие формы обработки, но и своеобразную форму отображения самих результатов исследования.

При использовании мощного инструментария html, xml и asp, был сделан программный продукт, позволяющий совместить решение задач разного типа в рамках одной информационной системы. Единая система с интегрированной обработкой комплексной информации дает возможность исполнять задачи смешанного характера:

- хранение информации, относящейся к различным частям комплексного исследования разных памятников. То есть информации по археологии, геологии, геоморфологии, палеонтологии, палинологии и других областей исследования, содержащейся в растровом, картографическом, текстовом и числовом виде;
- комплексный анализ разнородных данных;
- решение исследовательских задач;
- автоматизированная подготовка комплексных и специализированных отчетов.

Созданная интегрированная информационная система основана на общих вычислительных ресурсах и базах данных. Полученный программный продукт в результате избавляет специалистов разного профиля от необходимости использовать различные проблемно – ориентированные приложения, использование которых и переход из одного в другое часто сильно замедляет процесс исследования и ограничивает его возможности.

Богатая структура объектов и правил, поддерживаемая html, xml и asp, позволила обеспечить хранение и манипулирование нетрадиционными для информационных систем элементами данных – картографической информацией, координатными привязками объектов, изображениями, текстовой информацией неограниченного объема и т.п.

Информационная система комплексных исследований разных палеолитических памятников бассейна р. Ануй объединяет:

- данные, содержащиеся в растровых изображениях топографических, геологических, геоморфологических и др. специализированных карт и схем; рисунков стратиграфии разрезов и находок, которые организованы в гипертекстовую форму;
- таблицы баз данных, содержащие тексты неограниченного объема;
- данные, которые содержатся в шести основных таблицах;

Все данные в информационной системе связаны пользовательским интерфейсом таким образом, что информация одного блока данных может рассматриваться с участием данных других блоков.

Разработка совокупности форм, содержащих необходимые объекты (кнопки, таблицы, поля и т.п. ), и написание кода для реакции этих объектов на события – есть объектно-ориентированное программирование, которое является сегодня самой популярной технологией создания современных программных продуктов (Математические..., 1995). Работая с таким программным приложением, пользователь при выполнении какой-либо операции вначале выбирает объект, а затем действие над объектом. Термин действие обозначает способ, которым можно воспользоваться для создания, изменения и управления объектами. Создание информационного ресурса по палеолиту Алтая претендует на освещение в ясной и доступной форме современного состояния проблем этой области знания, в четкой структуре показать огромный материал, накопленный исследователями естественнонаучных и гуманитарных

дисциплин для решения вопросов, связанных с генезисом и развитием первобытных человеческих обществ, их путей миграции. Сайт «Палеолит Алтая» рассчитан на самую широкую аудиторию. Собранный из различных разрозненных источников материал, полный библиографический указатель специализированных работ по древнейшему прошлому этого региона позволит быстро ориентироваться в проблематике палеолитоведения.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 00-01-12017в.*

*П.Е. Марнугев, Е.В. Бердников  
(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

### **Опыт создания гипертекстовых web-страниц для геоархеологических районов Байкальской Сибири**

Создание web-страниц для последующего размещения на сайтах глобальной информационной сети Internet'a является широко распространенной практикой электронной публикации результатов научных исследований. В электронной публикации концентрируется массив данных по геоархеологическим объектам: датировки, результаты естественнонаучных анализов, а также графические материалы, зафиксировавшие топографическую ситуацию, планиграфию и стратиграфию объекта, фото- и видеоархив. Вся информация структурно оформлена в набор HTML-документов, переходы между которыми осуществляется через гиперссылки.

Процесс создания web-страниц разбивается на этапы:

Первый этап – **редакционно-подготовительные работы:**

- сбор и оценка материалов (текст, чертежи, карты, фото и др.)
- перевод графических материалов в электронный вид. На этом этапе важно соблюдение соотношения качества и размера графического файла. Сканирование с приемлемым разрешением (300-600 dpi) приводит к большому размеру файла, что при публикации в глобальных информационных сетях, с реальной пропускной способностью, недопустимо. Пользователь просто может не дожидаться загрузки Web-страницы. При сканировании карты получаем растровое изображение, которое затем желательно векторизовать при помощи программы-векторизатора, например EsysTrace 6.0. Делается это для удобства масштабирования векторной графики и при этом не отмечается ухудшения качества и потери какой-либо информации.
- редактирование графического материала: масштабирование, форматирование, выравнивание, сшивка, устранение неточностей и т.д. При сканировании с бумажной основы получаем растровое изображение. Растровое изображение представляет собой набор значений для отдельных элементарных составляющих (ячеек). Конечным результатом является файл с расширением \*.gif, \*.jpg или \*.png.

Следует заметить, что каждого типа графики существует растровый формат, в котором визуальное качество изображения и размер файла оптимальны. К примеру, для фотографического материала таким форматом является JPEG, а для графиков, диаграмм, монохромных рисунков – GIF или PNG.

- Используемые программы: Adobe PhotoShop 5.0; Paint; для работы с векторной графикой – Corel Draw 9.0.

Второй этап – **создание HTML-приложений:**

- Структура. В основу синтаксиса языка HTML (HyperText Markup Language) лег стандарт ISO 8879:1986 «Information processing. Text and office system. Standard Generalized Markup Language (SGML)» В работе использована версия 3.2
- Форматирование текста и создание таблиц, списков.

- Управление цветом и создание фона HTML-документа.
- Разметка гиперссылок:
  - Обычная текстовая ссылка.  
Произвольный текст <A href=»Адрес ссылки»> текст для щелчка </a>
  - Графическая ссылка, представляющая возможность перехода через гиперссылку на картах.  
<A href= »Адрес ссылки»> <IMG src=»Ссылка на рисунок»> </a>

Для определения координат графической ссылки (в нашем случае привязка геоархеологических объектов на карте) изображение карты необходимо перевести в формат \*.bmp (расширение графического редактора Paint – стандартного для операционной системы Windows) Определив координаты, создается ссылка в любом гипертекстовом редакторе.

Как известно, различные браузеры могут по-разному интерпретировать один и тот же HTML-файл. Иногда Web-страница, выглядящая Internet Explorer именно так, как задумано автором, становится крайне неудобочитаемой при просмотре ее через Netscape Navigator. Проверка внешнего вида страниц в нескольких браузерах, или по крайней мере, в двух наиболее распространенных – Netscape Navigator и Internet Explorer, является правилом хорошего тона Интернет-публикаций.

При создании сайта, с большой текстовой, табличной (реляционной) и графической базой данных, возникает задача определения топологии связей. Гиперссылки, обеспечивающие переход от документа к документу, образуют в реальных задачах сложную схему, поэтому структура сайта должна быть рационально организованной. Редактор, позволяющий отслеживать ссылки в гипертекстовых документах и отслеживать структуру ссылок Web-сайта – Microsoft Frontpage.

Создание подобных сайтов является результатом систематизации информации, полученных из разных источников, и приведение их в вид, пригодных для публикации в системе глобальных и локальных информационных сетей и дальнейшей обработки с применением ГИС. Размещение сайта в сети Интернет позволит более четко очертить круг аналитических задач, решаемых на основе представленных данных.

*Проект ФЦП «Интеграция» К 0364/  
Научный руководитель – д.и.н. Холушкин Ю.П.*

*В.В. Бобров, О.В. Умеренкова  
(Кемерово, Кемеровский государственный университет)*

**Справочно-поисковый свод археологических памятников  
Кузнецко-Салаирской ландшафтной зоны (на примере создания сайта  
«Путеводитель по археологическим памятникам Кузбасса»)**

Изучение археологических источников в условиях современного научно-технического прогресса, а также развивающихся интеграционных процессов, приобретает мультидисциплинарный научный характер (археология, физика, химия, география, биология, генетика, антропология и др. естественные науки). Знания, основанные на археологии, находят использование в смежных гуманитарных науках (этнография, история первобытного общества, философия, социология), в системе высшего и среднего образования, в музейном деле и культурно-просветительской деятельности, в практике промышленного строительства и сельского хозяйства, а также необходимы для государственных органов по охране памятников истории и культуры. Соответственно, оперативная информация об археологических памятниках и источниках необходима достаточно обширной аудитории (специалистам различных научных дисциплин академических центров и вузов, административным работни-

кам исполнительной власти, работникам музеев, студентам, учащимся, краоведам и людям, интересующимся древней историей). Одним из примеров значительного интереса к археологическим древностям Кузбасского региона являются тысячи посетителей специализированного музея при Кемеровском государственном университете «Археология, этнография и экология Южной Сибири».

На сервере исторического факультета КемГУ временным коллективом из сотрудников Кемеровского государственного университета был создан сайт «Путеводитель по археологическим памятникам Кузбасса» (web-мастер Васильченко М.И. ), на котором размещена карта археологических памятников Кемеровской области начиная с эпохи палеолита и заканчивая эпохой позднего средневековья (XVII в н.э), а также база данных, содержащая описание и характеристику памятников, их материалов, фотографий, чертежей и рисунков.

Для создания справочно-поискового свода археологических памятников был проведен сбор опубликованных данных об археологических памятниках региона и археологических материалах (статьи в научных сборниках центральных и местных изданий, архивные материалы кафедры археологии, Кемеровского областного краеведческого музея, частично Новокузнецкого краеведческого музея), определено их географическое и административное расположение, проведена работа в фондах фотоархивов кафедры археологии КемГУ и Кузбасской лаборатории археологии и этнографии и отобран необходимый иллюстративный материал. В ходе деятельности проведена критическая оценка достоверности культурной и хронологической принадлежности археологических памятников, которая потребовала ревизии фондов с позиций современных археологических знаний.

Сайт «Путеводитель по археологическим памятникам Кузбасса» включает в себя, на данный момент, три активных раздела: карту памятников, текстовый раздел и базу данных археологических памятников.

Карта расположения археологических памятников представляет собой физико-географическую карту Кемеровской области и примыкающих к ней микрорайонов с нанесенными на нее при помощи условных обозначений различных категорий археологических объектов: временная стоянка, долговременное поселение, городище, культовое место, могильник, петроглифы.

База данных включает в себя описание более 450 археологических объектов, расположенных на территории Кемеровской области. Описание включает в себя ландшафтная и территориальная характеристика памятников, их топография и планиграфия, хронология, культурно-историческая атрибуция, приведено авторство и год открытия. По наиболее исследованным памятникам, представляющим научное значение для решения фундаментальных археологических и исторических проблем, дано относительно подробное описание их характера, стратиграфия, содержание культурного слоя, объектов и находок с указанием фондов их хранения и ссылок на публикации. Данные об этих памятниках снабжены иллюстрациями, которые включают ситуационные планы, рисунки, фотографии раскопок и наиболее показательных материалов по каждому из археологических объектов. Карта археологических памятников содержит возможность их поиска по территориальному и хронологическому признакам.

Текстовый раздел содержит краткий историографический обзор по археологическому изучению Кузнецко-Салаирской горной области, географический очерк региона (материалы прилагаются), таким темам как «Исследования последнего полевого сезона» и «Новые археологические памятники», на данный момент находящимся в разработке. Структурные части раздела также снабжены видовыми иллюстрациями.

Обеспечение информационной доступности материалов по древней истории Кузбасса в сети Интернет необходимо достаточно большому кругу лиц, и, прежде всего, исследователям как в Кемеровском государственном университете, так и ученым других вузов и академиче-

ских центров, занимающимся проблемами истории, этнографии, социологии и демографии Западной Сибири. Справочно-поисковый свод может быть использован студентами исторических и других гуманитарных факультетов в рамках научного и учебного процессов, при организации и проведении занятий по истории родного края в школах. На территории Кемеровской области Кемеровский государственный университет имеет 3 филиала, в которых осуществляется подготовка специалистов гуманитарного профиля (гг. Новокузнецк, Белово, Анжеро-Судженск). Университетский центр новых информационных технологий подключил их к сети Интернет, что позволило использовать его в обучении, включая дистанционную форму. По действующему законодательству РФ все земельные работы и землеотвод должны осуществляться с учетом наличия на отводимой земле памятников истории и культуры. Так что данная информация необходима и для составления проектной документации различного вида строительным работам. Кроме того, существует огромное количество краеведов-любителей, занимающихся изучением истории Кузбасса непрофессионально.

На примере осуществленного проекта в сети Интернет, очевидно, что использование новых информационных технологий дает новую форму и широкие возможности в решении проблемы сохранения и археологического достояния региона, и имеет как государственную ценность, так и научную. Вместе с тем, определяется и сфера использования результатов его изучения, также в рамках современных информационных ресурсов. Можно полагать, что такая форма, как «Путеводитель по археологическим памятникам Кузбасса» достаточно перспективная в решении проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия, в частности, Кузбасского региона.

*Сайт подготовлен при поддержке ИОО (грант № IEB880)  
и размещен по адресу [history.kemsu.ru/arheolog](http://history.kemsu.ru/arheolog).*

*А.А. Козлов*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Значение патологических и травматических изменений костей животных для палеоэкологических и археологических реконструкций**

Неотъемлемой частью многих археологических памятников являются скопления костей животных. На поселениях изобилуют «кухонные» останки, как правило все они разбиты, процент целых костей среди них мал. Иная картина наблюдается в ритуальных захоронениях животных, где можно встретить не только целые черепа, но и кости конечностей в анатомическом порядке.

С помощью останков животных археозоологи могут с достаточной точностью реконструировать видовой, возрастной и половой состав стада. Но при определении остеологического материала мало внимания уделяется описанию костей, которые несут на себе следы различных повреждений.

Повреждения могут носить патологический характер, как следствие болезней и застарелых травм. Травмирование костей могло происходить в результате естественных причин: падения, защемления конечностей в выбоинах мерзлого грунта и т.д. На охоте хищные животные при попытке разорвать брюхо жертвы получали мощнейшие удары, которые приводили к серьезным повреждениям. Свидетельством этого может служить нижняя челюсть молодого волка, со следами периостита и выломанным зубом (найденная автором на реке Чумыш, Алтайский край). Повреждения могли наноситься в результате турнирных боев между самцами крупных травоядных за право обладания самкой. Н. Гарутт были исследованы и описаны черепа шерстистых носорогов (*Coelodonta antiquitatis*) со следами ударов рогов соперника (N. Garutt, 1999).

Среди костей древнего бизона (*Bison priscus*), особенно метаподий, зачастую встречаются экземпляры пораженные гипертрофической остеоартропатией или болезнью Мари. Предрасполагающим фактором данного заболевания считают хронические заболевания легких, например туберкулез, новообразования (Лукьяновский, Белов, Беляков, 1984). При этом заболевании за счет наростов костяной ткани кость выглядит сильно «раздутой». Автор встречал два подобных экземпляра, один из которых находится в его распоряжении. В результате изучения данных костей можно многое узнать о вирусных заболеваниях в стаде бизонов.

Изучение естественных повреждений дает исчерпывающую информацию о межвидовых отношениях, поведении животных, об их заболеваниях и причинах гибели некоторых особей.

Следующую группу повреждений можно обозначить как вторичные. Сюда входят погрызы животных и посмертные переломы. К посмертным переломам относятся повреждения произошедшие после гибели животного. Погрызы – это следы зубов хищных животных нанесенные при поедании мяса с костей, добычи костного мозга. Они встречаются в изобилии на археологических памятниках, в пещерах, и других скоплениях костей. На стоянках эпохи палеолита встречаются погрызы пещерных львов и пещерных гиен, которые можно спутать со следами обработки кости человеком. Клыки кошачьих оставляют глубокие извилистые царапины и отверстия на эпифизах крупных костей похожие на следы оставленные орудиями людей. Ко вторичным же повреждениям можно отнести отпечатки корней растений встречающееся как на плейстоценовых, так и голоценовых костях, следы жизнедеятельности морских организмов (Верещагин, 1981).

Третья группа повреждений носит антропогенный характер, к этой группе относятся кости подвергшиеся непосредственному влиянию человека. Наиболее массовым материалом можно по праву считать обожженные и разбитые кости. Среди остеологического материала с древних поселений эти останки наиболее многочисленны. Обожженная кость имеет обычно пепельно-серую окраску, легка, пориста, гигроскопична и издает при перекалывании особый шелестящий звук, напоминающий шум, издаваемый пластинами пенопласта или пензы (Верещагин, 1981).

Многие кости имеют следы всевозможных нарезков и насечек, нанесенные при разделке туши. Трубочатые кости животных раскалывались для добычи костного мозга, иногда его извлекали из фаланг животного. Для археологов наиболее интересны орудия изготовленные из кости. В палеолите люди при отсутствии подходящего для обработки камня использовали кость. Из нее изготавливались наконечники копий, дротиков, гарпунов и кинжалы. Наиболее крепкие наконечники дротиков получались из рога оленя, из стенок трубочатых костей крупных животных – мамонта, бизона и шерстистого носорога. Наконечники из выпрямленного бивня мамонта отличались меньшей прочностью. Легкое метательное копьё – дротик, обладавшее большим пробивным эффектом, создало неограниченные возможности для добычи самых крупных и опасных зверей (Верещагин, 1971).

Следы воздействия орудиями вследствие добычи животного одна из самых интересных и перспективных тем для изучения. Кости с застрявшими в них обломками наконечников дротиков крайне редки. У нас известны позвонок пещерного медведя с застрявшим кремнёвым наконечником и лопатка первобытного зубра, пробитая по толстому краю наконечником из рога северного оленя (Верещагин, 1981). Лопатка зубра была обнаружена при вскрытии культурного слоя одной из палеолитических стоянок долины реки Енисей. Наконечник дротика или копья пробил кость толщиной в 1,6 см. Его задний край находится на уровне кости, а передний выходит с другой стороны на 2 см (Ермолова, 1978).

В данное время Санкт-Петербургским палеонтологом Ниной Гарутт производятся исследования двух черепов первобытного бизона (*Bison priscus*), лобные кости которых имеют глубокие отверстия с выщербленными краями и черепа мамонта (*Mammuthus primigenius*) с рубленными следами ударов. Повреждения черепов бизонов – это последст-



вия попадания дротиков. Зачастую подобные отверстия путают со свищами лобных пазух, вызванными паразитами, например, личинками оводов. Но между ними имеются ярко выраженные отличия. Для более точного и детального описания подобных повреждений необходимо собрать серийный материал. Для этого в перспективе предполагаются исследования черепов в коллекциях музеев России.

Здесь уместно упомянуть еще об одном виде антропогенного повреждения. Некоторые авторы (Ермолова, 1978; Алексеева, 1980) описывают своеобразные повреждения лопаток и плечевых костей крупных травоядных животных, имеющие сквозные отверстия – следы ударов твердым овальным предметом. Алексеева описала лопатки мамонта и гигантского оленя, дистальные эпифизы плечевых костей лошади и бизона со сквозными пробоинами (Алексеева, 1980). Нами была так же обнаружена лопатка мамонта с подобным повреждением. А.Г. Петренко упоминает в своей работе (Петренко, 1984) такие же повреждения на лопатках лошади и отверстия в плечевых костях из памятника раннего железного века. Ею высказывается предположение, что эти отверстия делались для удобства сохранения на длительное время в подвешенном виде больших кусков мяса, вероятно подвергавшихся своеобразной обработке. Считается, что достоверных фактов, о заготовках мяса в прок путем сушки на солнце или копчение его на кострах, не имеется (Верещагин, 1971). Нами не было встречено однозначных мнений о функциональном назначении этих отверстий на костях из палеолитических стоянок. Возможно, эти отверстия являются доказательством применения похожих методов заготовки мяса, что и в раннем железном веке.

Следы на костях, оставленные оружием древних охотников, дают насыщенную информацию о способах охоты и умерщвления животного.

Такие повреждения, как погрызы на поверхности кости, позволяют с достаточной точностью определить вид животного нанесшего их, что может весьма пригодиться при описании фаунистических комплексов. Например, в результате пятилетних сборов остеологического материала на реках севера Алтая автор собрал большую коллекцию костей животных, в которых отсутствовали останки пещерной гиены (*Crocota spelaea*). Однако были найдены кости конечности лошади со следами погрызов, которые были определены профессором Аризонского университета К. Тёрнером, как погрызы пещерной гиены. Учитывая важность правильного определения повреждений костей, в дальнейшем автором планируется в сотрудничестве со специалистами данного профиля создание работы, которая могла бы служить практическим пособием для археологов при обработке остеологического материала.

*Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров.*

*А.В. Гончаров*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Схема сортировки остеологического материала с поселения Березовая Лука**

На сегодняшний день Березовая Лука является базовым памятником елунинской культуры на территории Алтайского края. Поселение находится на правом берегу р. Алей в 4 км к северо-западу от с. Безголосово. Мощный культурный слой хорошо фиксируется в обрыве берега и находится на глубине 2,5-3 м от уровня современной поверхности. Радиоуглеродным методом был установлен возраст памятника – конец III – перв. треть II тыс. до н.э. (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 203 и др.). С 1997 г. археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета под руководством А.А. Тишкина ведутся его планомерные раскопки. Подавляющую часть материала составляют кости диких и домашних животных, большинство из которых подвергались утилизации. Благодаря анализу материала, установлено, что население, оставившее памятник, имело комплексное хозяйство с преобладанием

многоотраслевого животноводства (Кирюшин, Тишкин, 1998, с. 77). Это создало хорошую материальную базу для косторезного производства, а его развитие стимулировал фактор географического положения (в том районе нет качественного камня) и относительная ценность бронзы. Древние обитатели Березовой Луки имели хорошо развитую костяную «индустрию» (более сотни тысяч костяных фрагментов). Osteологический материал представлен частями скелетов не подвергшихся утилизации, костями и их фрагментами на различных стадиях обработки, отходами косторезного производства и готовыми изделиями. Предварительная работа по изучению остеологического материала дала следующие результаты. Для производства орудий использовались кости как крупных, так и мелких животных. Видовой состав их разнообразен: крупный рогатый скот, лошадь, овца, коза, собака. Среди диких животных отмечены косуля, лось, барсук, сурок и др. (определения сделаны А.В. Гальченко). Расщеплялись практически все части скелета, в том числе позвонки, фаланги, ребра. Наибольшей утилизации подвергались трубчатые кости конечностей, и особенно их диафизы. Массовость и разнообразие остеологического материала сделали необходимым создание специальной системы для его изучения, которая приведена ниже.

1. Разбор материала на две группы:
  - 1.1. Кости, сохранившие естественный вид
  - 1.2. Утилизированная кость
2. Разбор костного боя по «блокам» на две группы:
  - а) ближе к крупным копытным
  - б) ближе к мелким копытным
 Каждая группа разбирается по следующим параметрам:
  - 2.1. Эпифизы и их фрагменты – эпифизы трубчатых костей
    - эпифизы ребер
  - 2.2. Диафизы и их фрагменты – диафизы трубчатых костей
    - диафизы ребер
  - 2.3. Лопатки и их фрагменты
  - 2.4. Тазовые и их фрагменты
  - 2.5. Кости черепа, позвонки, зубы и т.п.
3. Дальнейший анализ получившихся «блоков» осуществляется по схеме:
  - 3.1. Цельноотделенные эпифизы – расчлененные эпифизы
    - эпифизы со следами воздействия орудий (царапины, порезы, запилы и т.п. )
    - орудия из эпифизов
  - 3.2. – диафизные трубки, сохранившие диаметр с одним эпифизом (или его частью)
    - диафизы, не сохранившие диаметр без эпифиза
    - диафизы, расчлененные продольно пополам
    - четверти продольно расчлененных диафизов
    - тонкие длинные пластины из диафизов
    - «нуклеусы» из диафизов
    - диафизные отщепы
    - диафизные трубки и их части со следами воздействия орудий
    - диафизные трубки и их части с обработкой ретушью, анкошем, боковым резцовым сколом, оббивкой
    - орудия из диафизов
  - 3.3. – лопатки и их части без следов воздействия орудий
    - лопатки и их части со следами воздействия орудий
    - мелкие сколы, обломки лопаток и т.п.
    - орудия из лопаток
  - 3.4. – таз и его части без следов воздействия орудий

- таз и его части со следами воздействия орудий
  - сколы, обломки и т.п. таза
  - орудия из костей таза
  - 3.5. – кости черепа, зубы, позвонки и т.п., подвергшиеся утилизации
  - кости черепа, зубы, позвонки и т.п. со следами воздействия орудий
  - 4. Определение приоритетов выбора заготовок для орудий; определение частей костей (по видам), используемых для заготовок.
  - 5. Анализ костяного орудийного набора по следующим параметрам:
    - 5.1. Наконечники стрел
      - типология и классификация
      - реконструкция процесса получения используемой заготовки
      - реконструкция процесса получения орудия из заготовки и установление технологических приемов, применяемых для этого
      - возможный орудийный набор для производства наконечников стрел
    - 5.2. Наконечники копий, самострелов, гарпунов. Схема по параметрам 5.1.
    - 5.3. Острия, шилья, проколки, иглы. Схема по параметрам 5.1. и 5.2.
    - 5.4. Орудия, предположительно используемые в гончарном производстве
      - типология и классификация и ее взаимосвязь с исходной заготовкой
      - техника обработки костяных орудий (по видам заготовок)
      - варианты использования костяных орудий гончарного производства
    - 5.5. Орудия, предположительно используемые в скорняжном производстве:
      - 5.5. 1. Орудия из таза
      - 5.5. 2. Орудия из челюстей
      - 5.5. 3. Орудия из лопаток
      - 5.5. 4. Орудия из ребер
      - 5.5. 5. Орудия из трубчатых костей
- Каждый из этих разделов следует рассматривать по пунктам:
- выбор заготовки
  - процесс получения заготовки и приемы, применяемые для этого
  - приемы использования готового орудия (по данным трасологического анализа) и возможная реконструкция конечного продукта
  - предполагаемый набор инструментов для изготовления орудий.
- Данная система может применяться и к другим памятникам с поправками на индивидуальные особенности материала.

*Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров.*

*Д.А. Бутковская*

*(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

#### **Гигроскопический анализ керамических материалов пос. Кулькисон**

Поселение Кулькисон было открыто летом 1977 г. в результате разведочных работ БИОН. Раскопки велись под руководством Л.Г. Ивашиной.

Л.Г. Ивашиной была сделана предварительная классификация керамических материалов по способу нанесения и виду орнамента, в результате которой было выделено шесть типов орнамента (Ивашина Л.Г., 1983, с. 45-61). При проведении данного исследования неорнаментированные материалы были почти полностью исключены из выборки. Нами был проведен собственный анализ, в результате которого по визуальным характеристикам тех-

нических параметров было выделено три группы керамики – толстостенной, с очень тонкими стенками и со стенками средней толщины (Бутковская Д.А., 2000, с. 115-116).

Исходя из того, что такой технический показатель как толщина стенок является неустойчивым, для большей достоверности выводов мы произвели оценку гигроскопичности по способу, предложенному А.В. Виноградовым (Виноградов А.В., 1982, с. 106-107).

За основу было взято время  $T_n$ , в течение которого капля воды поглощается керамикой (до исчезновения блеска воды на поверхности). За нулевую принимается гигроскопичность стекла, на поверхности которого капля воды высыхает за время  $T_o$ , не впитываясь, в зависимости от степени влажности воздуха, его циркуляции и температуры. Гигроскопичность керамики оценивается величиной  $G_n = (T_o - T_n) : T_o \times 100\%$ , которая принимает значения от 0 (при  $T_n = T_o$ ) до 100%. Измерения проводятся как по поверхности керамики, тщательно промытой и обезжиренной, так и по свежему слому ( $T_c$ ). А.В. Виноградов указывает на то, что каждый из параметров может варьироваться даже у фрагментов одного сосуда. Это связывается со спецификой обжига, хозяйственным использованием сосуда и с недостаточной чистотой образца (технологические факторы). Если в пределах серии сходных образцов варибельность значительно превосходит пределы действия технических факторов, это объясняется неустойчивостью или даже смешением технологических традиций (культурный фактор). Дискретные же различия позволяют предполагать действие принципиально разных культурных традиций. Показатель степени гигроскопичности зависит так же и от специфики археологизации материалов (длительность пребывания на поверхности, в культурном слое, количества и состава грунтовых вод и др.). С этой точки зрения материалы пос. Кулькисон являются наиболее подходящими, так как нами было выделено несколько групп керамики, которые, возможно, принадлежали носителям различных технологических традиций, исходя из одновременности поселения.

Опыт по определению гигроскопичности проходил в помещении с температурой воздуха 18-20°C, при нормальной влажности и дневном освещении, доступ прямых солнечных лучей был ограничен.

Всего для опыта нами было отобрано около 200 наиболее типичных образцов. Результаты мы можем увидеть на графике, куда были вынесены критические показатели для каждой выделенной группы (диаграмма 1).

Корреляция параметров гигроскопичности трех имеющихся групп наглядно показывает явное несходство показателей гигроскопичности, и как следствие, технологии производства сосудов групп керамики с толстыми (I группа) и с тонкими (II группа) стенкам. Внутри этих групп пределы варибельности незначительны, что можно рассматривать как свидетельство стабильности технологической традиции. Из графика так же видно, что показатели I группы довольно близки к показателям III группы (со стенками средней толщины). Большая изменчивость позволяет усматривать хронологические тенденции к некоторому огрубению посуды и к увеличению удельного веса гребенчатой орнаментации у III группы сосудов в рамках возможно единой технологической традиции. Подобное огрубление керамики – закономерное явление для переходного этапа от неолита к бронзе, ибо оно влечет за собой сокращение затрат труда и времени на получение готовой продукции, отвечающей техническим запросам общества, стоящего на пути к прочной оседлости.

Таким образом, по результатам визуальной характеристики и анализу гигроскопичности керамических материалов пос. Кулькисон мы выяснили присутствие трех групп керамики, которым соответствуют, пять типов орнаментации. Группы I и III являются наиболее близкими по совокупности описанных нами признаков, в отличие от II группы.

Исходя из того, что памятник является разновременным и временно посещаемым, нами допускается возможность использования территории поселения несколькими группами – носителями различных технологических традиций в период конца III – начала II тыс. до н.э.

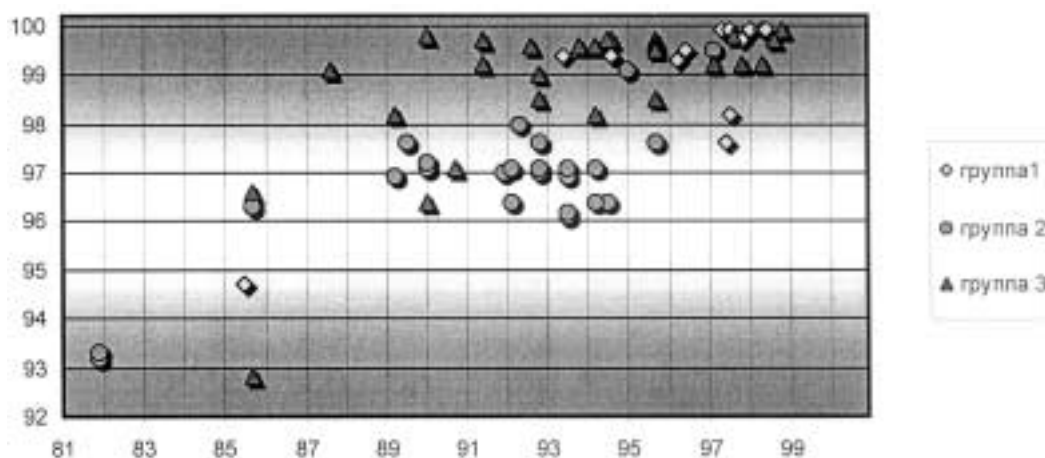


Диаграмма 1. Показатели гигроскопичности керамики пос. Кулькисон

Б.С. Шапхаев

(Улан-Удэ, Восточно-Сибирский государственный технологический университет)

### Реконструкция природной среды Западного Забайкалья в хуннское время

Исследование взаимодействия природы и общества на разных исторических этапах развития человеческой цивилизации является актуальной научной проблемой с точки зрения познания закономерностей эволюции биосферы. Особенно важна эта проблема в изучении истории кочевых народов, в жизни которых окружающая природная среда играла огромное значение.

Одним из таких кочевых народов были хунну, жившие на территории Центральной Азии и Забайкалья в раннем железном веке (III в. до н.э. – I в. н.э.). Изучение социально-экономического развития хунну во взаимосвязи с природной средой является одной из малоисследованных проблем истории хуннского общества. Существует ряд спорных точек зрения о характере хозяйственного уклада у хунну, их взаимоотношениях с соседними государствами и племенами, которые можно прояснить, учитывая закономерности изменения природной среды. Однако, первоначально, необходимо рассмотреть природные условия, в которых развивалось хуннское общество.

Для реконструкции природной среды Западного Забайкалья в хуннское время использованы материалы проб на споро-пыльцевой (палинологический) анализ, взятые из разреза жилища на городище Баян-Ундэр (29 проб), из оврага, расположенного в 50 метрах от данного разреза (4 пробы) и из погребенной почвы внутреннего вала Иволгинского городища (7 проб). Обработка образцов и первичный анализ проведены Е.В. Безруковой (Лимнологический Институт СО РАН).

Городище Баян-Ундэр. В 1999 г. из разреза жилища для палинологического анализа были отобраны 29 проб. Памятник находится на левом берегу реки Джиды, в 15 км к северо-востоку от с. Дырестуй и с 1988 г. исследуется С.В. Даниловым.

При формировании отложений на городище Баян-Ундэр, вскрытых траншеей только трижды существовали условия благоприятные для аккумуляции пыли в осадках – при форми-

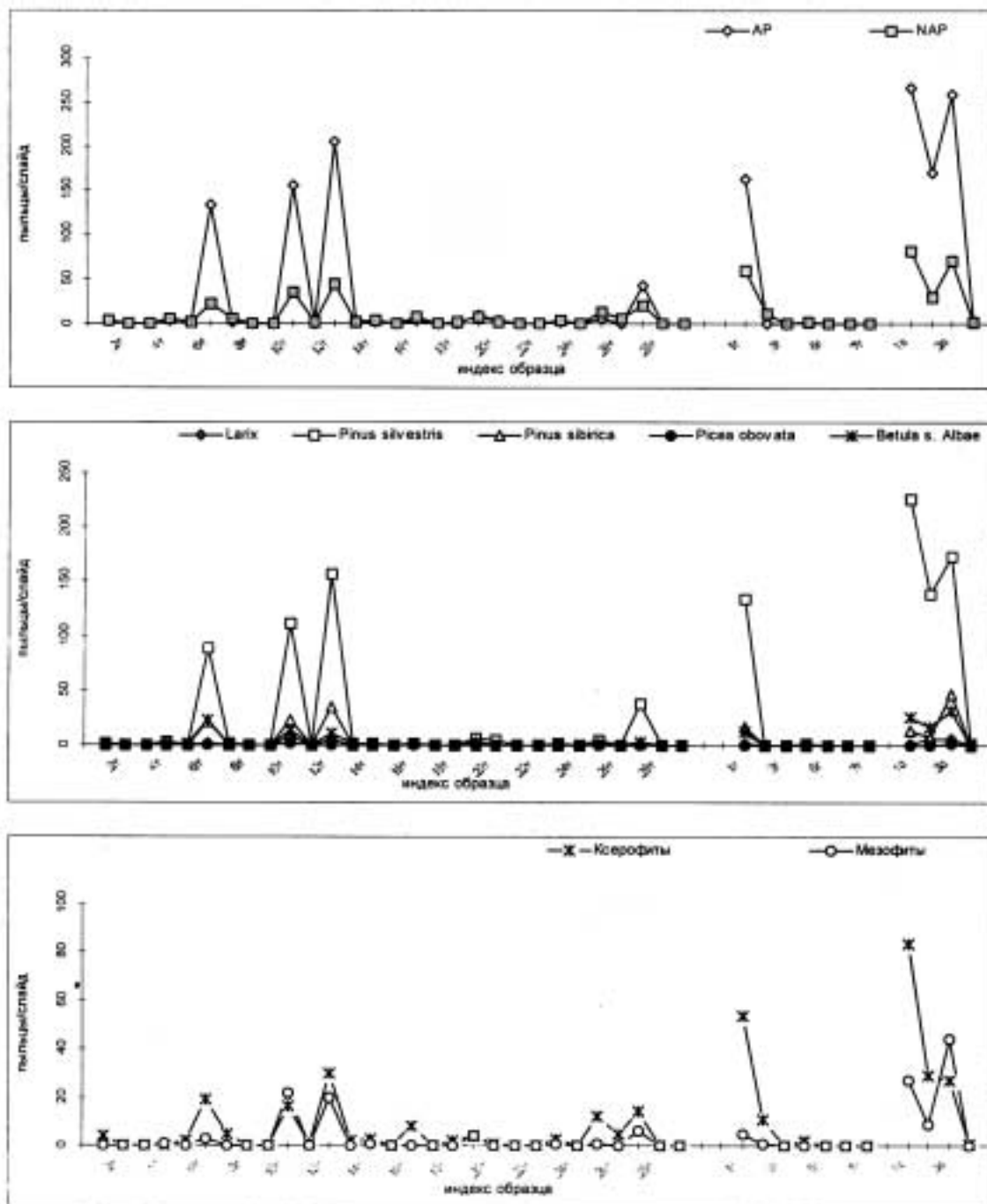


Рис. 1. Спорно-пыльцевая диаграмма отложений ...  
 AP – пыльца древесных (arboreal pollen) NAP – пыльца недревесных (nonarboreal pollen)

ровании нижней части гумусированного слоя, и двух суглинистых слоев. В структуре растительности времени формирования этих отложений преобладали лесостепные, степные и лугово-степные ассоциации. В структуре лесостепной растительности господствовала сосна обыкновенная (*Pinus silvestris*), в меньшей степени береза (*Betula s. Albae*) и лиственница (*Larix*). Пыльцу кедра (*Pinus sibirica*) и следует рассматривать как элемент дальнего заноса со склонов горных хребтов. Скорее всего, в непосредственной близости от места расположения траншеи кедр не произрастал. Основу структуры степных ассоциаций формировали полыни (*Artemisia*), злаки (*Poaceae*), маревые (*Chenopodiaceae*), сложноцветные (*Asteraceae*), в меньшей мере василистник (*Thalictrum sp.*). Лугово-степные формации были представлены лютиковыми (*Ranunculaceae*), розоцветными (семейство *Rosaceae*, род *Potentilla type*). Климат значительной части времени формирования осадков траншеи был близок к современному, резко континентальному, недостаточно влажному. Особый интерес представляет находка зерна пыльцы ели (*Picea obovata*), 12 спор папоротников из семейства *Polypodiaceae* и 2 спор сфагновых мхов (*Sphagnum sp.*) в образце и значительное содержание пыльцы лиственницы в пыльцевом спектре из этого же образца. Известно, что пыльца всех вышеперечисленных таксонов рассеивается ветровыми потоками на расстояния, не превышающие первые десятки метров (Чупина, 1971; Мальгина, 1971; Jackson, 1990). Следовательно, в период аккумуляции образца из суглинков происходила активизация деятельности океанических воздушных масс, увеличение атмосферного увлажнения, похолодание, что приводило к расширению ареала темнохвойной лесной растительности, так, что пыльца кедра, лиственницы могла достигать места расположения исследуемого разреза. А наличие пыльцы ели, спор папоротников и сфагновых мхов индицирует существование постоянного или временного водотока вблизи точки отбора пробы, что приводило к формированию заболоченных моховых лиственничников, возможно, с участием ели.

Овраг. В 1999 г. из разреза оврага для палинологического анализа были отобраны 4 пробы. Данный объект расположен в 50 м к северу от городища Баян-Ундэр.

Надежные реконструкции облика растительного покрова могут быть проведены для времени аккумуляции осадков оврага. В этот период господствовали также лесостепные ассоциации из сосны, березы, разнотравно-злаково-полынные сообщества. Причем, для времени формирования верхней части желтых суглинков отмечается период некоторого похолодания и увлажнения климата, приведшее к увеличению ареалов кедровых лесов на склонах горных хребтов, возможно, тех, что обрамляют оз. Байкал. Пыльца кедра могла достигать места положения исследуемого разреза. В это же время увеличивается и доля мезофитного разнотравья, а ксерофитного несколько снижается.

Иволгинское городище. В 1999 г. из погребенной почвы внутреннего вала для палинологического анализа были отобраны 7 проб. Памятник находится на левой надпойменной террасе старицы реки Селенга, в 15 км к северу от г. Улан-Удэ и в 50-60-е гг. исследовался А.В. Давыдовой.

В период формирования осадков Иволгинского городища существовали условия неблагоприятные для аккумуляции пыльцы в отложениях. Реконструкцию облика растительности представляется возможным провести лишь для времени формирования верхнего гумусированного слоя. Растительность вокруг городища была представлена преимущественно лесостепными ассоциациями из сосны, березы, и степными злаково-полынными. Климат, очевидно, был близок к современному, резко континентальному, недостаточно влажному.

Таким образом, палинологическое изучение отложений археологических объектов показало, что:

- 1) облик окружающей их растительности был близок к современной;
- 2) близким к современному оставались и климатические условия – резко континентального, недостаточно влажного климата;

3) отмечено две кратковременные фазы некоторого похолодания климата, возможно, увеличения атмосферного увлажнения и концентрации запасов влаги в почве за счет снижения испарения;

4) во время этих кратковременных фаз происходило расширение ареалов лесной, особенно темнохвойной растительности горной территории юга региона, а вблизи исследованных объектов могли формироваться заболоченные сообщества.

5) в составе пыльцевых спектров очень слабо выражена деятельность древнего человека, возможно, эти следы могут быть читаться лишь по постоянному присутствию в спектрах пыльцы сложноцветных – элемента, как правило, нарушенных субстратов.

6) отсутствие или незначительное количество пыльцы и спор в подавляющей части образцов, вероятно, надо связывать или с высокими скоростями осадконакопления, резко снижающими концентрацию пыльцевого материала, или с достаточно крупным вещественным составом отложений, что не позволяет пыльцевым зернам аккумулироваться в осадках или с иногда довольно высокой карбонатностью отложений, что приводит к деструкции пыльцы. Пыльца и споры накапливаются в осадках, размерность которых или равна или меньше размерности пыльцы (средние размеры найденных пыльцевых зерен составляют 8-50 микрон). Прямо связывать отсутствие пыльцы в осадках с изменениями климата нет оснований.

*Научный руководитель – д.г.н. А.Б. Иметхенов.*





*Каменный век  
Северной Азии*

*И.А. Гузев*

*(Владивосток, Дальневосточный государственный университет)*

**Микропластинчатая и бифасиальная технологии  
(К вопросу о заселении Северной Америки в плейстоцене – голоцене)**

Общеизвестным является факт, что одним из наиболее вероятных путей заселения Северной Америки является Берингия – сухопутный мост, существовавший в плейстоцене между Азией и Америкой, составными частями которого являются Чукотка и Камчатка в Азии, и Аляска в Америке. В связи с этим наибольший интерес представляет взаимосвязь микропластинчатой и бифасиальной традиции именно в этом регионе и особенно на Аляске.

Нужно отметить, что одной из самых распространенных археологических периодизаций Северной Америки является периодизация, построенная на типологии бифасиально обработанных метательных наконечников. Отправным пунктом этой периодизации является комплекс Clovis (11500-11000 л.н.), далее Goshen (11000-10500 л.н.), Folsom (10500-10000 л.н.). Но идеально эта периодизация работает только на Среднем Западе США (район американских прерий). Как только мы выходим за границы этого района и этой схемы, появляются разногласия среди ученых. Многие исследователи ставят под сомнение существование памятников, датированных периодом pre-Clovis.

Часть аляскинских стоянок не имеет четкой стратиграфии, материалы большинства памятников дошли в переотложенном состоянии. В этих условиях для изучения палеолита Аляски особое значение приобретают хорошо стратифицированные многослойные памятники (Dry Creek, Owl Ridge, Walker Road, Moose Creek, Onion Portage и др.), на основе которых можно наметить процесс развития технико-типологических традиций обработки камня в регионе.

Древнейшей, хорошо датированной и аргументированной, культурой на территории Аляски является – Nenana complex (стоянки Dry Creek I, Walker Road, Moose Creek, Mammoth Site, Mesa Site Owl Ridge). Комплекс Nenana представляет собой бифасиальную традицию. Набор инструментов включает в себя бифасы, боковые и концевые скребки, орудия на расколотых гальках, пластины. На памятниках практически отсутствуют нуклеусы, а в некоторых местах их вовсе нет. Определяющим признаком комплекса являются наконечники Chindadn, обнаруженные на памятниках Walker Road, Moose Creek, Dry Creek. Наконечники имеют подтреугольную, каплевидную форму, ок. 4 см в длину, с выгнутым основанием. Культура датируется периодом 11300-8500 л.н. (F.H. West, 1996 с. 356; B.M. Fagan 1995, с.75)

На Аляске древнейшим представителем микропластинчатой технологии является комплекс Denali – Paleo-Arctic Tradition или Paleomarine tradition – стоянки Dry Creek II (10690±250), Gallagher Flint, Hidden Falls (10345±95). Памятники этой культуры появляются ок. 10700 л.н., и представляют орудийный инвентарь, во много схожий с коллекцией дюктайской культуры. Коллекция включает в себя микропластинчатые нуклеусы, микропластины, резцы, скребки, орудия бифасиальной традиции: метательные наконечники, бифасы, на некоторых стоянках (Lime Hills Cave, Trail Cave, Phipps Site) обнаружены роговые и костяные вкладышевые наконечники. Комплекс Denali представляет собой региональный и временный (переходящий) вариант индустрии микролезвий, которая была широко распространена в северо-восточной Азии и северо-западной Америке в позднем плейстоцене – раннем голоцене. Максимально микропластинчатая технология в Северной Америке продвинулась до территории современной западной Канады – стоянки Vermilion Lakes (9920 В.Р.), Charlie Lake Cave (9490 В.Р.) и Arrow Creek (9320 В.Р.) (J.C. Driver, 1998, с. 141). Самые ранние обитатели Аляски производили набор инструментов, состоящий из бифасиально обработанных наконечников и скребков, но не микронуклеусов и микропластин. Комплекс Denali представляет собой достижение в развитии микропластинчатой технологии

500 лет спустя. По меньшей мере на четырех стоянках – Dry Creek, Owl Ridge, Moose Creek, Panguingue Creek – слой Nenana перекрывается слоем Denali.

С микропластинчатой традицией все более или менее ясно. Появившись 25-27 тыс. л. н. на Байкале, Верхнем Амуре и северо-восточной Монголии, к 10-12 тыс л.н. микропластинчатая техника достигает Японии и Северной Америки без каких-либо серьезных изменений. В Северной Америке эта традиция занимает территорию, непосредственно граничащую с Лаврентьевским и Кордильерским ледниками (южнее Лаврентьевского ледника доказательств существования микропластинчатой технологии не найдено), то есть там, где возникали трудности с добычей каменного материала, напротив, на юге (на территории современных США), где большое количество высококачественного кремня лежало на поверхности, такие орудия были слишком труднопроизводимыми и малоэффективными. Есть так же мнение, что микропластины характерны для охотников на оленей, а наконечники для тех, кто охотился на мамонтов и позже на бизонов. (Morlan R.E., 1999 с. 306)

Несколько сложнее обстоят дела с бифасиальной традицией, а точнее, с бифасиально обработанными метательными наконечниками. Или наконечники пришли из Азии, или они появились на Американском континенте? Или комплекс Denali является продолжателем традиции VII слой Ушки I, или появился самостоятельно, или был принесен с юга и является продолжением Clovis? Существует несколько гипотез относительно происхождения метательных наконечников Сев. Америки:

- Проникновение из Азии;
- северное происхождение;
- южное происхождение;
- независимое развитие.

Первая теория полагает, что азиатские коллекции с нижнего слоя Ушки I, которые включают бифасиально обработанные наконечники и скребки, могли бы быть предшествующим этапом для комплекса Denali, который в свою очередь являлся предшественником Clovis (Goeble, 1991, с.313; Диков Н.Н., 1979, с. 42-45, 1993, с.54, Vasil'ev S.A., 1999, с.265). За исключением отсутствующих желобковых наконечников, Nenana и Clovis коллекции идентичны. Nenana комплекс (11700-8500 л.н.) хоть и имеет радиоуглеродную дату перекрывающую Clovis (11500-11000 л.н.), но не очевидно ранее чем Clovis, как необходимо для этой модели.

Вторая модель предполагает, что желобковые наконечники произошли из микропластинчатой традиции на Аляске, без азиатского влияния, и оттуда были принесены на юг ок. 11500 л.н. Но эта гипотеза имеет такие же проблемы как и первая.

Третья гипотеза предполагает, что желобковые наконечники происходят из континентальных районов США откуда и продвинулись на север через «Ледовый коридор». Археологическим свидетельством этого механизма может служить Charlie Lake Cave, в нижнем слое которого были обнаружены наконечники Clovis. Но этот слой имеет датировку лишь  $10500 \pm 40$  л.н., чего не достаточно, для подтверждения этой гипотезы. К тому же аляскинские наконечники несколько примитивнее Clovis технологически и морфологически, т.е., если допустить возможность проникновения наконечников с юга, можно говорить о некотором технологическом регрессе. С Clovis на Аляске можно сравнивать наконечники Mesa, эти наконечники представляют собой полноценные, хорошо обработанные метательные наконечники, которые мы привыкли видеть в центральной части Сев. Америки, только без желобка. К тому же имеют дату древнее Clovis  $11660 \pm 80$  л.н. Такие наконечники были обнаружены в слое Nenana на стоянках Moose Creek и Owl Ridge. В. Fagan относит наконечники Mesa к комплексу Nenana (Fagan, 1995 с. 70). Хотя другие исследователи – Irwin, Wormington, Frizon, Kunz – выделяют этот памятник в отдельный комплекс палеоиндейской традиции. Что касается желобковых наконечников палеоарктической традиции (комплекс Putu), Morlan предполагает, что эти наконечники пришли из Дюктайской микропла-

стинчатой традиции. Он считает, что такие наконечники служат концевыми лезвиями во вкладышевых наконечниках, где микропластины – это вкладыши в боковых прорезях. Flenniken отметил, что в наконечниках Putu желобок сделан с помощью техники давления, но более того Bonnichsen полагает, что желобок сделан по той же технологии, что используется для отжима микропластин.

Morlan считает, что Putu, датируемый 11470±500 л.н., представляет собой доказательство связи следующей цепочки Дюктай > Arctic Fluted/Paleiarctic > Clovis. Но имеется и другая точка зрения, по которой Denali и Nenana это один комплекс и Putu тому доказательство.

*Научный руководитель – к.и.н. А.А. Крупянюк*

*А.С. Козырев*

*(Иркутск, Иркутский государственный университет)*

### **Стратифицированный геoarхеологический объект начала верхнего плейстоцена юга Средней Сибири – Георгиевское 1**

В 1989 году во время геoarхеологических изысканий в окрестностях деревни Мальта (левый берег реки Белая), на горе Тайтурской (456 м), Г.И. Медведевым были найдены артефакты из кварцита в экспонированном состоянии. В полевые сезоны 1991-1992 гг. на выположенной вершине горы, с относительными отметками 50-54 м, и на удалении 1200 метров от верхней околицы с. Мальта была проведена инструментальная съёмка и сбор обнаруженного археологического материала (Липнина Е.А. Медведев Г.И.). Однако геостратиграфические характеристики этих предметов объективно отсутствовали, и геологический возраст артефактов не мог быть надёжно установлен.

Открытие стратифицированной части геoarхеологического объекта на г. Тайтурской произошло в 1992 г. при обследовании производственной траншеи заложенной на Мальтинском склоне горы. Траншея имеет близкую к широтной (запад-восток) ориентацию, протяжённостью 473 м., глубиной 3 м, и шириной 2 м. Абсолютные высотные отметки на терминалах траншеи составляли 452 м и 438 м и, соответственно, с относительным превышением над уровнем р. Белой 50 и 36 м.

В 1992-1993 гг. в стенках траншеи была проведена серия зачисток с целью разбора всей толщи рыхлых образований (Медведев, Мухаррамов, Роговской и др., 1995). Кварцитовые артефакты были зафиксированы в теле Игетейской, (Kz R-W) палеопочвы. От современной поверхности предметы были погружены на 2.00-2.10, залегали в разрушенной, верхней части погребённого почвенного образования и фиксировались рассеянными по вертикали (Липнина, Медведев, Исаев, Распопин, 1993). Таким образом были обнаружены первые достоверные модифицированные артефакты из казанцевских отложений на территории Байкальской Сибири.

Ранее, в седиментах казанцевского интерстадиала на местонахождениях Игетей (1988) и Шишкино (1986) были обнаружены осколки кварцита, но они вызывали сомнения большее, чем утверждали наличие древних литотехнологий (Ласточкин, Медведев, Мухаррамов, Распопин, Роговской, 1995). Поэтому местонахождение артефактов в стратифицированных отложениях, названное Георгиевское 1, сразу же приобрело статус опорного для археологии начала верхнего плейстоцена юга Средней Сибири (Ласточкин, Медведев и др., 1995).

В 1997 г. на Георгиевском 1 были проведены первые стационарные раскопки. По юго-западному борту траншеи (215 м от ее северо-западного, наиболее поднятого края), был заложен раскоп-врезка площадью 28 кв.м. и пройден на глубину 7 метров до кровли валунно-галечной толщи (Воробьева, Медведев, Роговской и др., 1997). В 2000 году работы

были продолжены (Роговской Е.О.). Вкрест от ранее вскрытой площади по северо-восточному борту траншеи был заложен раскоп площадью 61 кв.м.

В строении рыхлых образований различного возраста и генезиса, представленных разрезами траншеи и раскопов 1997, 2000 годов, фиксируется несколько ступенчатых перегибов в плейстоценовом палеорельефе. Они маркируют северную, северо-западную и северо-восточную границы стратифицированной части местонахождения Георгиевское 1.

В разрезах раскопов представлены толща игетейской палеопочвы и перекрывающие ее верхнеплейстоценовые отложения, образование которых относится к муруктинскому, каргинскому и сартанскому времени. Стратиграфическая картина в раскопах 1997 и 2000 г.г. осложнена трещинами криогенного и аридного генезиса. Северной и северо-восточной частью раскопа 2000 г. вскрывается зона выклинивания верхнеплейстоценовых отложений и увеличение на коротком расстоянии (по направлению север-юг) их мощности до 3 м.

За время работ на Георгиевском 1 было обнаружено более ста стратифицированных артефактов. Основной фонд кварцитовых изделий происходит из верхнего отдела игетейской палеопочвы (Kz2), два артефакта были найдены в нижнем ее отделе (Kz1). Возраст любого ископаемого предмета в игетейском (Kz) педокомплексе пока может быть определен только возрастом всей почвенной толщи. Археологический материал, распространенный по всей площади раскопов и совпадающий с вектором основного склонового переноса галечно-валунного материала, находился либо на ребре, либо ориентированным длинной осью по линии сноса.

Все искусственные произведения из камня суть модификации технологической ударной обработки галек кварцита, фракции намеренного нуклеарного расщепления, ретушированные сколы. Одновременно была собрана большая коллекция немодифицированных пластинчатых фракций кварцита и фрагментов тела галек, образованных процессами кливажа, или же практически неотличимых от продуктов кливажа. «Естественные эолиты», с успехом могли быть употреблены в обработке древними обитателями Георгиевского 1. В составе форм обработанных галек прежде всего обращают внимание вариации чопперов или «чопперов-нуклеусов». Какую-либо устойчивую «форму-образец» для группировки они пока не выдвинули. Устойчивую группу для артефактов верхнего отдела игетейского педокомплекса поступательно формируют только нуклеусы с плоским фронтом из плоских галек. Исходные формы этих галек имеют «округлый», «овальный», «сердцевидный» абрис природного фаса, и процесс их расщепления в приемах подготовки поверхностей натуральных заготовок, организации снятий, топографии негативов сколов подчинен определенным, повторяющимся правилам. После первого снятия второй вложен в исходный негатив со смещением точки удара вправо или влево. Первый скол имеет сплошную корковую дорсальную поверхность. Вторым сколом имеет корковый талон переходящий плавно в корковую грань (правую или левую), обрамляющую фрагмент края негативной поверхности первого снятия. Таким образом фиксируется технология нуклеарного расщепления «вложенными блоком парами». Так же в индустрии Георгиевского 1 отмечены нуклеусы из изометричных форм галек с неподготовленными площадками, параллельным принципом снятия, и двумя смежными фронтальными поверхностями, расположенными друг к другу под прямым или острым углом.

В целом индустрия Георгиевского 1 фиксирует как бы «возврат» к архаическим способам обработки камня по сравнению с коррадированными артефактами рисского (?) времени Тарахайского и Олонского пластов. Близкие ситуации на рубеже средний-верхний плейстоцен отмечены и в Восточной, и в Западной Европе. Для анализа и корреляции европейских и североазиатских данных необходимы новые корректные свидетельства из игетейских (Kz) педокомплексов Байкальской Сибири.

*Научный руководитель – д.и.н. Г.И Медведев*

*Е.П. Рыбин*

*(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

**Мустьерские «пластинчатые» индустрии Южной Сибири:  
Миграция или автохтонное развитие?**

Формирование каменных индустрий раннего верхнего палеолита (далее в тексте РВП) связано с несколькими вариантами эволюции технологии расщепления камня. Как признается ныне большинством специалистов, доминирующим (хотя, безусловно, и не единственным из существующих) вариантом было появление на большей части Евразии РВП индустрий, основывавшихся преимущественно на параллельной призматической технологии раскалывания. Выделяется несколько основных районов формирования подобных комплексов: Центральная и Юго-Восточная Европа (Богунце и Бачо-Киро), Ближний Восток (Эмиранские индустрии), Средняя Азия (Оби-Рахмат), Горный Алтай, Забайкалье (Хотык, Каменка, А,С). Основными особенностями, присущими для технико-типологического облика этих индустрий, можно считать: (1) доминирование производства пластин, получаемых с нуклеусов, сочетающих в себе как верхнепалеолитические, так и леваллуазские черты; (2) высокая доля ретушированных пластин; (3) относительно высокие показатели фасетированности индустрий; (4) появление верхнепалеолитической техники скола; (5) производство удлиненных леваллуазских острий; (6) в составе орудийного набора преобладают типы, традиционно отождествляемые с верхним палеолитом (скребки, резцы, острия на пластинах, долотовидные орудия, ножи с обушком). Синхронность появления (около 50–40 тыс. лет назад), близость основных технико-типологических показателей этих комплексов позволяет ставить вопрос о трансконтинентальной общности «пластинчатых» индустрий ранней поры верхнего палеолита. Вместе с тем, одной из наиболее острых проблем, связанных с генезисом верхнего палеолита, является вопрос об основе, на которой складываются РВП индустриальные комплексы. Для большинства регионов Евразии, где представлен «пластинчатый» вариант развития верхнепалеолитических культур предполагается его формирование на базисе «местных» вариантов мустье с параллельной технологией расщепления камня.

Территория Горного Алтая не является в этом отношении исключением. Пластинчатые РВП индустрии, объединяемые в рамках карабумовской верхнепалеолитической культуры (Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000) представлены серией памятников (Кара-Бом, Усть-Каракол-I, Кара-Тенеш, Малояломанская пещера, грот Бийка-II). Как было показано на основе хроностратиграфической и культурной последовательности многослойной стоянки Кара-Бом, пластинчатая ранневерхнепалеолитическая индустрия, датируемая хронологическим интервалом от 43 до 30 тыс. лет назад складывается на основе мустьерского комплекса с преобладающим параллельным и конвергентным леваллуазским расщеплением и заметными верхнепалеолитическими элементами в орудийном наборе (Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998). Слои стоянки Кара-Бом, содержащие мустьерские культурные остатки имеют возраст от 70 до, приблизительно, 45 тыс. лет назад. Вместе с тем, мустьерский комплекс Кара-Бом, прямо эволюционирующий в РВП индустрии, представлялся несколько обособленным на фоне других памятников алтайского среднего палеолита. На наш взгляд, говорить об изолированности этого ассамбляжа не представляется возможным, так как на территории Горного Алтая вырисовывается круг среднепалеолитических памятников, техника первичного расщепления которых характеризуется теми же подходами и принципами, что были реконструированы для карабумовской индустрии. Однако остается неясным происхождение этих ассамбляжей, так как складывается впечатление, что те особенности, которые представлены в индустриях этого круга памятников появляются на территории Горного Алтая во вполне сложившемся виде. Как кажется, в качестве постановки проблемы правомерно провести сопоставление алтайских мустьерских памятников с ком-

плексами удаленных территорий, прежде всего с ближневосточными среднепалеолитическими индустриями, основывающимися на параллельном принципе расщепления. Основанием для такого сопоставления может служить ряд причин – наиболее ранние датировки РВП индустрий зафиксированы на Ближнем Востоке (Бокер-Тактит), и даже при самом поверхностном сравнении наибольшее сходство индустрии карабумовского круга обнаруживают именно с ближневосточными комплексами. Так как и для Ближнего Востока и для Горного Алтая постулируется эволюция на местной среднепалеолитической основе с доминированием пластинчатого расщепления, то логичным было бы произвести сопоставление основных особенностей этих «раннепластинчатых» индустрий.

Основная часть археологических памятников Горного Алтая – пещеры Окладникова, Денисова (слои 20-12), Страшная, Усть-Канская, местонахождение открытого типа Тюмечин I, Усть-Каракол-1, Кара-Бом – рядом исследователей были отнесены к варианту мустье типичного. (Шуныков, 1990; Маркин, 1996; Деревянко, Маркин, 1992, 1997, 1998). Однако технокомплексы некоторых памятников обладают рядом особенностей, выражающихся в большей или меньшей степени развития леваллуазской технологии расщепления в рамках ее параллельной разновидности, которая, по нашему мнению, оказывала значительное влияние на колебания в типологических характеристиках индустрий. На современном уровне исследований для мустьерской эпохи Горного Алтая представляется правомерным выделение группы памятников на индустриальный облик которых оказало определяющее влияние леваллуазское расщепление в его параллельной и конвергентной разновидностях. Материалы стоянки Кара-Бом в сопоставлении с другими комплексами (Усть-Канская пещера, стоянка Усть-Каракол-1 (сл. 18А – 13), местонахождение Тюмечин-1), позволяют предположить существование нечеткого, в силу значительной хронологической протяженности их существования, единства индустрий. Представляется возможным говорить, что в индустриях этого варианта среднего палеолита (для которого вполне обоснованным кажется наименование «карабумовский вариант») находятся генетические корни «пластинчатых» индустрий начала верхнего палеолита Алтая.

Средний палеолит Ближнего Востока, возможно в силу его лучшей изученности, демонстрирует сложную и мозаичную картину культурной эволюции. Для обсуждаемого периода помимо различных индустрий смешанного и переходного характера выделяется два основных комплекса (Copeland, 1975, Jelinek, 1981; Marks, 1992 a,b Bar-Yosef, 1989; Bar-Yosef, Meignen, 1992).

1. *Мугаранская* (Mugharan) традиция для которой свойственна каменная технология бифасиального расщепления для производства типичных ашельских бифасов а также нелеваллуазская технология получения массивных отщепов для производства орудий. К этой же традиции относятся «преориньякские» и хуммалийские пластинчатые нелеваллуазские индустрии амудийской фации, в которых вместе с призматическим пластинчатым характером расщепления и среднепалеолитической техникой скола уживается высокий удельный вес массивных скребел и бифасиальная технология. Намечается тенденция к все большему удревнению комплексов данной традиции. Еще в 1992 г. было высказано предположение о значительно более раннем, чем предполагалось возрасте индустрий мугаранской традиции – 215-185 тыс. лет назад (Jelinek, 1992). Согласно последним данным на основе термolumинесцентного анализа обожженных кремней из слоев Ed – Ea пещеры Табун мугаранские индустрии (с которыми предлагалось сопоставление мустьерских комплексов пещеры Окладникова (Маркин, 1996; Деревянко, Маркин, 1998)) существуют в хронологическом промежутке между 330-270 тыс. лет назад (Mercier et al., 1995).

2. Второй основной традицией ближневосточного среднего палеолита стратиграфически следующей за мугаранской является *Левантийское Мустье*. Основными его технологическими чертами являются применение развитых леваллуазских методов расщепления и

отсутствие бифасиальной редукции. Различные ассамбляжи демонстрируют использование разнообразных систем леваллуазской технологии, что отражалось в получении свойственных каждой системе леваллуазских сколов и орудий. На основе своей вариабельности левантийское мустье было разделено на три фации (Табун D, C, B), базируясь на стратиграфической последовательности пещеры Табун (Copeland, 1975), или «*Раннее Левантийское Мустье*» (Табун D) и «*Позднее Левантийское Мустье*» (Табун C, B).

(1) Тип Табун D характеризуется развитой однополярной леваллуазской технологией, которая основывалась на производстве удлиненных заготовок (пластин и леваллуазских острий). В дополнение к наиболее распространенному параллельному и конвергентному однонаправленному леваллуазскому методу, существовали и другие стратегии редукции нуклеусов – от дисковидных до одноплощадочных нуклеусов для снятия пластин твердым отбойником. Так, в комплексе стоянки Рош-Эйн-Мор (Израиль), датированной возрастом около 80 тыс. лет назад применялась стратегия расщепления протопризматического ядрища с использованием реберчатых и краевых сколов, свойственная для переходных от мустье к РВП индустрий. Типологически все комплексы имеют незначительное количество мустьерских типов орудий, таких как мустьерские острия и продольные скребла, умеренное количество зубчатых и значительную долю верхнепалеолитических орудий (скребки, резцы, ножи с обушком). На поздних этапах развития индустрий этого типа удельный вес мустьерских орудий значительно сокращается вплоть до их исчезновения.

(2) Тип Табун C характеризуется преобладанием широких овальных леваллуазских отщепов, снимаемых с радиально подготовленных леваллуазских нуклеусов и практически полным отсутствием треугольных острий.

(3) Особенностью индустрий типа Табун B является производство коротких треугольных леваллуазских сколов с широким основанием, которые снимались с однонаправленных конвергентных или радиально подготовленных нуклеусов. В орудийном наборе наиболее многочисленны скребла, верхнепалеолитические орудия редки, а зубчатые орудия присутствуют лишь в самых умеренных количествах.

Касаясь вопроса перехода от мустье к верхнему палеолиту, то, по мнению Э. Маркса, родоначальником переходных «эмиранских» индустрий, существующих от 47 до 40 тыс. лет назад являются комплексы мустье типа Табун D, продолжавших развиваться в южных районах Леванта (пустыня Негев, Израиль) до 50-60 тыс. лет назад (Marks, 1983). Стоянка открытого типа Бокер-Тактит является эталонным ближневосточным памятником, по ее материалам в наиболее «чистом» виде прослеживается переход от эпохи мустье к начальному этапу позднего палеолита. Тенденции изменения технологии расщепления материалов стоянок Бокер-Тактит и Кара-Бом близки между собой. Схожая направленность эволюции характерна, как отмечалось выше, и для широкого круга ранневерхнепалеолитических культур Южной Сибири, Монголии и Средней Азии.

Переходя к вопросу корреляции ближневосточного и алтайского мустье, на наш взгляд, верным будет отметить значительное сходство раннего левантийского мустье с карабумовским кругом памятников. Прежде всего, это касается техники первичного расщепления. Как в карабумовских комплексах, так и в памятниках типа Табун D доминирует однонаправленная параллельная и конвергентная леваллуазская технология раскалывания, основанная на технике отделения сколов путем прямого удара отбойником. Яркой особенностью, объединяющей эти индустрии, является и получение в качестве желаемого скола-заготовки удлиненных леваллуазских острий. В комплексах обоих регионов разнообразие стратегий расщепления пластин не ограничивается только леваллуазской технологией – на Кара-Боме, как и на памятниках раннего левантийского мустье, есть свидетельства использования нелеваллуазской, призматической концепции редукции объема ядрища с применением в процессе расщепления скалывания реберчатых и краевых сколов. Явные параллели прослеживаются и



при сравнении структуры орудийного набора – малая представленность скребел, наличие значительной группы близких по своим морфологическим особенностям верхнепалеолитических орудий. Если принять точку зрения Э. Маркса, выводящего РВП индустрии Леванта из комплексов раннего левантийского мустье, то можно говорить и о близости исторического пути развития, настолько напоминают процессы, прослеженные им на основе материалов Бокер-Тактита с реконструированным нами при изучении комплексов Кара-Бома (пожалуй, пока единственного в Южной Сибири памятника с несомненно переходными индустриями) эволюционным трендом (Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998). Как показывают методы абсолютного датирования в сопоставлении с естественнонаучными данными существование индустрий карабомовского варианта приходится на хронологический интервал приблизительно от 100 до 50 тыс. лет назад. Эти показатели не противоречат корреляционным построениям, связывающим карабомовские индустрии с мустье типа Табун D.

Неизбежным является вопрос, чем могут объясняться все те корреляционные параллели и соответствия между некоторыми индустриями Ближнего Востока и Алтая, которые были предложены в данной статье. Может быть два варианта. Во-первых, некая конвергенция культур, основанная на определенных ограничениях, накладываемых на каменную технологию свойствами сырья. Однако, как кажется, «критическая масса» совпадений превышает порог, когда они могут быть случайны. Поэтому более предпочтительным нам кажется второй вариант – миграция на уровне мустье вполне допустима, в пользу этого говорит и та синхронность изменений на рубеже мустье и РВП, которая отмечалась в начале статьи. Палеоэкологические данные также не противоречат возможности предположительной миграции – и левантийские и алтайские человеческие популяции существовали в условиях гор и предгорий, являющихся той нишей, которая предоставляет человеку максимально разнообразные экологические условия. В целом, можно говорить о благоприятности среды обитания человека в Южной Сибири, что создавало благоприятные возможности для контактов и взаимодействия представителей различных культурных традиций.

Дальнейшая эволюция мигрировавших групп населения могла проходить в экологических условиях, определивших общий ритм адаптационных процессов при складывании культуры верхнего палеолита. В тоже время, приходится признать, что наиболее проблемным местом данной гипотезы остается значительная территориальная лакуна в распределении среднепалеолитических памятников между Ближним Востоком и Южной Сибирью (современный Средний Восток). Но, как известно, серьезные и целенаправленные археологические работы по поиску палеолитических памятников в этом регионе до сих пор не проводилось. В Средней Азии имеются памятники, которые могут служить маркером предположительной миграции мустьерского населения – это стоянка Худжи и грот Оби-Рахмат.

В целом, при обсуждении проблемы формирования среднепалеолитических памятников карабомовского круга мы склоняемся к допущению возможности миграции носителей культур типа раннего левантийского мустье с Ближнего Востока во временном диапазоне с верхней хронологической границей в 100 тыс. лет назад. Возможная связь этого явления с расселением человека современного физического облика все же подталкивает нас к установлению связей алтайских культур с Юго-Западной Азией, как наиболее вероятным регионом формирования *Homo sapiens sapiens*. При этом, однако, мы вынуждены констатировать, что ряд важнейших аспектов, которые могут оказаться решающими при доказательстве этой гипотезы, пока остаются за пределами наших знаний. Мы предполагаем возможность существования трансконтинентального единства палеолитических культур не только на уровне РВП, но и на уровне мустье, а также общих тенденций при эволюции среднепалеолитических «пластинчатых» индустрий в ранний верхний палеолит, что, несомненно, требует дальнейшего подтверждения.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 00-06-80193*

*И.С. Черников*  
(*Барнаул, Алтайский государственный университет*)

### **Мустьерские индустрии Рудного Алтая**

В настоящее время палеолит Рудного Алтая изучен слабо. Для объяснения этого необходим краткий экскурс в историю изучения плейстоцена региона. И.И. Лейбе первым проявил научный интерес к алтайской плейстоценовой фауне. Весной 1767 г. по дороге от Змеиногорского рудника к Локтевскому заводу, в обнажении западного (левого?) берега р. Алей он обследовал местонахождение мамонтовой фауны, подробно описал как сам остеологический материал, так и его стратиграфическое положение. Четыре года спустя с материалами ознакомился академик Петр Симон Паллас (1741–1811). Путешествуя по отрогам Тигирекского хребта, П.С. Паллас положил начало изучению алтайского карста. Ему принадлежат первые сведения по геологии, палеонтологии, археологии и антропологии пещер бассейна среднего течения р. Чарыш.

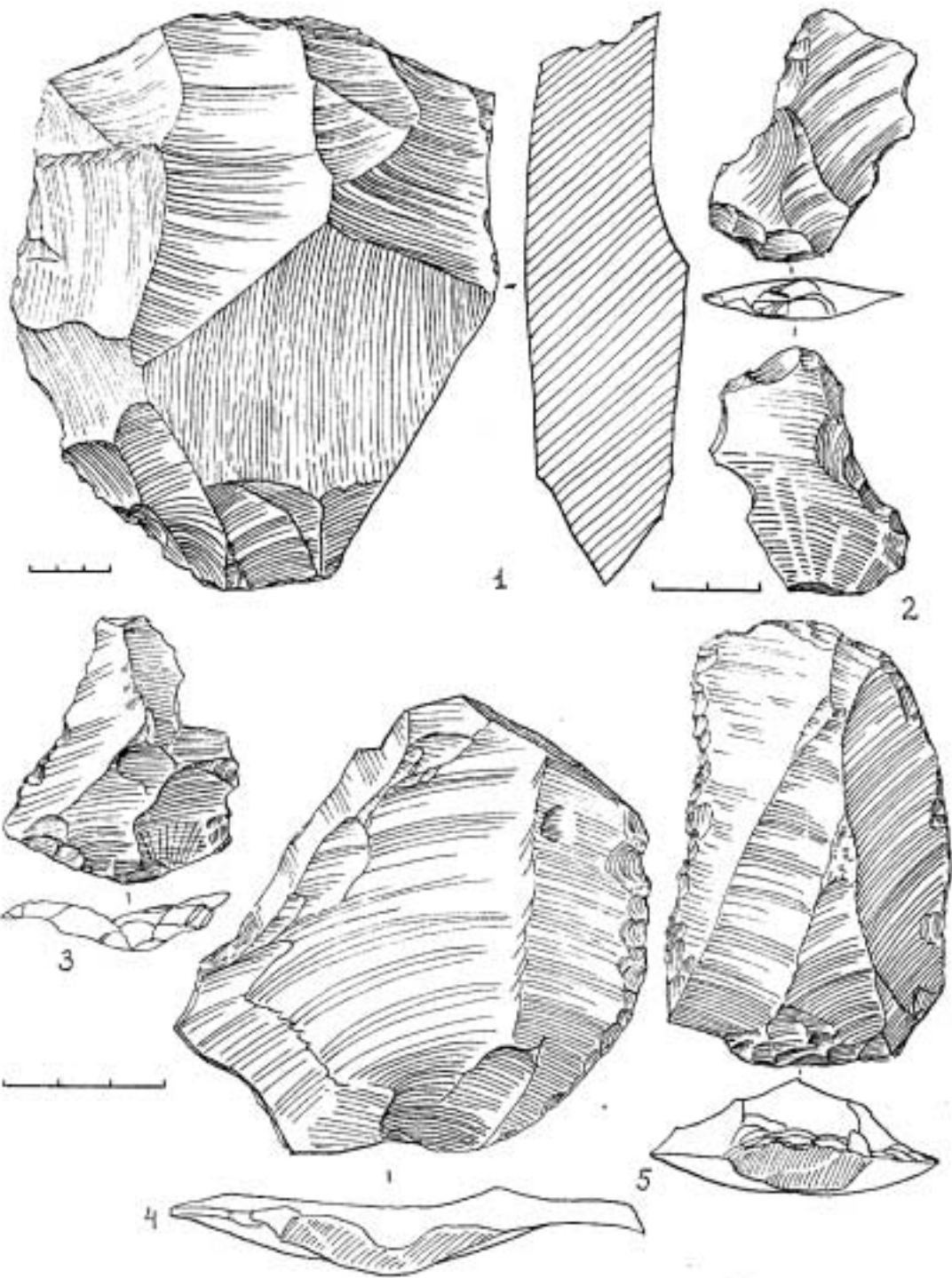
В XIX в. исследование алтайских «костеносных пещер» продолжили Фридрих Вильгельм Геблер (1782 – 1850), Александр Иванович Кулибин (1798 – 1837), а так же Григорий Петрович Гельмерсен (1803 – 1885). Обобщил материалы по ископаемой фауне северо-запада Алтая в 1870 г. академик Федор Федорович Брандт (1802 – 1879). Выводы Ф.Ф. Брандта взял за основу известный русский археолог Алексей Сергеевич Уваров (1825 – 1884), который в 1881 г. критически осмыслил данные по алтайской спелеофауне и первым дал их историческую интерпретацию. А.С. Уваров высказал достаточно обоснованное суждение о возможности обитания в пещерах Алтая первобытного человека эпохи палеолита (Уваров, 1881).

В 1911 г. происходит непосредственное обнаружение первых находок палеолитического облика у с. Фоминское. Профессиональное изучение алтайского палеолита связано с деятельностью Бийского краеведческого музея. С этого времени Рудный Алтай выпадает из поля зрения исследователей каменного века.

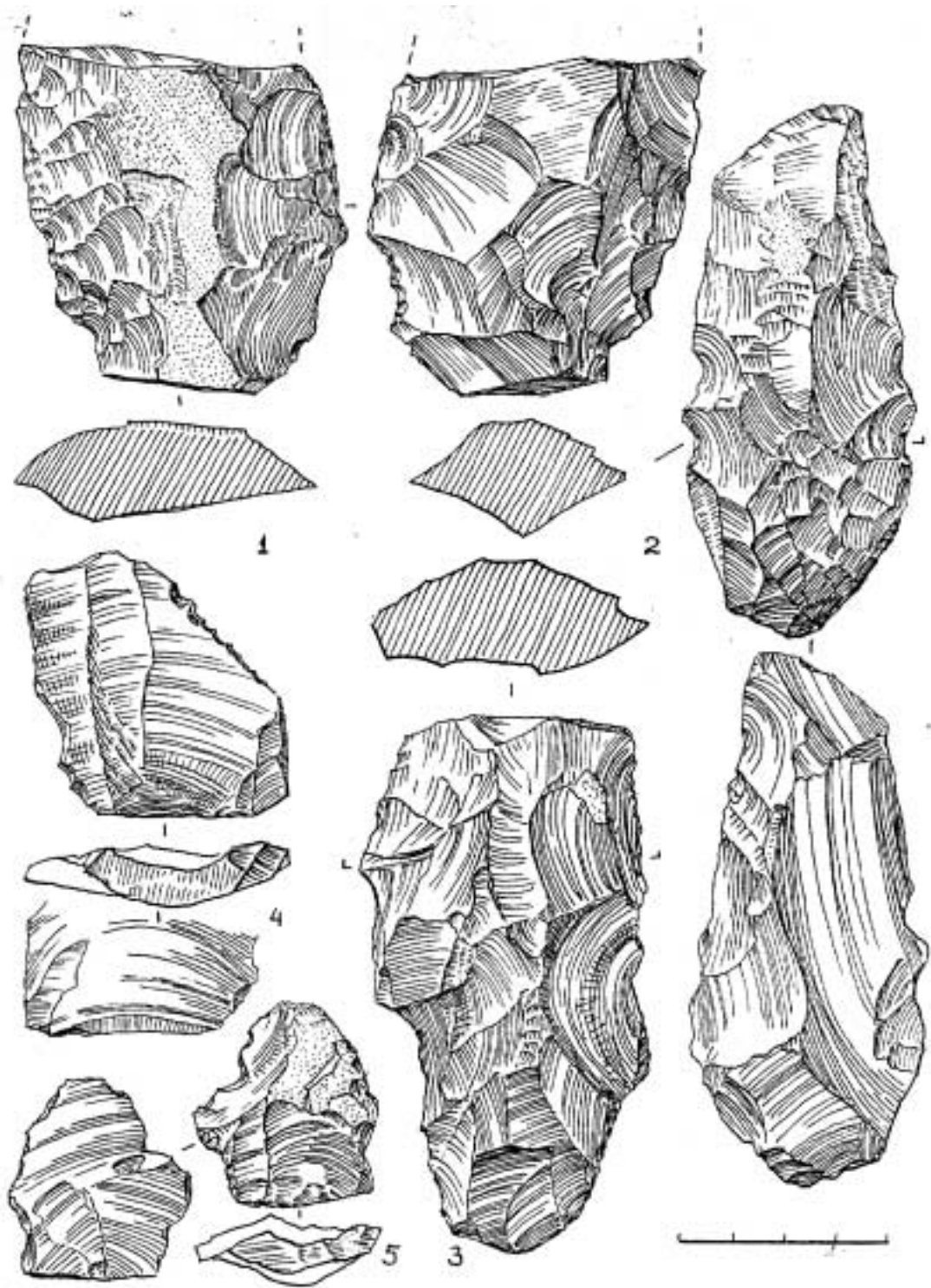
В данный момент в этом регионе известно лишь 16 объектов каменного века: пещеры Загонная и Страшная, стоянки Бобковская, Покровская, Поперечная, Тишинка, Гилевские Водохранилища 1-6 в бассейне Аллея, сборы каменных изделий в Гилево, на оз. Колыванском и на р. Золотуха. Раскопки проводились только в пещере Страшная в бассейне среднего Чарыша (Окладников и др., 1973; Деревянко, Зенин, 1995). Другие объекты зафиксированы по случайным находкам от одного до нескольких артефактов. Таким образом, изучение Рудного Алтая находится на стадии накопления данных, еще слабо разработанными остаются вопросы культурной принадлежности и периодизации палеолитических комплексов. Решение этих проблем требует расширения источниковой базы, поэтому очень важными являются сведения о новых палеолитических объектах.

Летом двухтысячного года Алтайский государственный университет проводил работы по выявлению и фиксации новых археологических объектов в Рудном Алтае. В результате сплошного обследования отдельных участков бассейна рек Алей, Корболиха и Сентелек было зафиксировано 60 стоянок каменного века. Наиболее показательными среди них памятниками мустьерской эпохи являются стоянка Усть-Машинка 3 и камнеобрабатывающие мастерская Давыдовка 1.. Материалы Усть-Машинки 3 введены в научный оборот (Кунгуров А.Л., 2000, с.161-165), тогда как Давыдовка 1 требует более подробного рассмотрения, поэтому именно на ней мы сосредоточим основное внимание.

Давыдовка расположена на левом берегу ручья Машинка, правом притоке реки Карболихи, в 3-х километрах выше места впадения и приурочена к отдельно стоящей сопке размерами 100 на 60 метров и высотой до 20 метров от уреза Машинки. Останец сложен алевролитовой пачкой, сильно смятой в ходе рельефообразования. С северной стороны к



*Рис. 1*



*Рис. 2,*

останцу примыкает рыхлый лессовый чехол, с юга и востока сопка ограничена ручьем, образующим глубокую и крутую долину. Рыхлые отложения на левом алевролитовом борту этой долины практически отсутствуют, поэтому находки располагаются прямо на поверхности. Примыкающие рыхлые отложения на предмет наличия культурного слоя пока не изучены. Конусообразные заплывшие сейчас западины или небольшие ступенькоподобные уступы могут свидетельствовать об извлечении блоков алевролита в местах наиболее удачных выборок (или лучшего качества?) имеющего «кирпичную» трещиноватую структуру сырья.

Были обнаружены макроартефакты со всеми признаками искусственного расщепления камня: ударной площадкой, граненым дорсалом и ровным вентралом с огромным ударным бугорком и раковистым изломом. Леваллуазские и радиальные нуклеусы Усть-Машинки 3 получены из подобных «суперзаготовок» (рис.1 – 1).

Отбор находок проводился с объекта Давыдовка 1 в трех пунктах на протяжении берега на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Эти пункты были определены исходя из точек наибольшей концентрации артефактов. Собиралось не все, а только некоторые изделия и отходы производства, отражающие основные наиболее выразительные черты индустрии. В связи с этим следует отметить, что интерпретация объекта Давыдовка является предварительной и в будущем требует уточнения и дальнейшего изучения.

Всего было собрано 139 артефактов; из них 13 нуклеидных форм, 50 орудий, 56 отщепов и пластин, 11 неопределимых фрагментов.

Первичное расщепление представлено радиальными, плоскостными и леваллуазскими нуклеусами начальной стадии расщепления. Большинство сколов относятся к оформлению первичного фронта скалывания (рис. 2. – 4-5). Характерно большое количество аморфных отдельностей сырья со следами единичных сколов, возможно отражающих процесс выбора наиболее качественного сырья.

Вторичная обработка в основном представлена преимущественно краевой дорсальной крупной модифицирующей и мелкой ретушью в однорядном, в единичных случаях двухрядном вариантах, а так же оббивкой и анкошами.

Заготовками для орудий служили как отщепы, так и цельные куски породы. Орудийный набор характеризуется небольшой, но типологически четко выраженной группой бифасов из отдельных плиток сырья, часть из которых сломана в процессе изготовления (рис. 2. – 1-3). Основная масса орудий представляет собой сколы с наличием следов вторичной обработки и, возможно, следами утилизации (?). Интересно единичное присутствие скребка стрельчатого, скребла продольного, зубчатого орудия.

Предварительно в коллекции было выделено несколько групп. Все находки хотя и залежали на поверхности, не несут на себе заметных следов механического воздействия, поэтому критерием, положенным в основу выделения групп, является характер поверхности артефактов, обусловленный различной степенью патинизации. Первая состоит из 65 артефактов зеленоватого цвета. Вторая – желтого цвета, состоит из 47 артефактов. Эта группа характеризуется большей массивностью заготовок, относительной по сравнению с другими группами архаичностью орудийных форм. Далее в коллекции выделены находки, подвергшиеся более поздней утилизации (10 экз.); находки без следов патинизации (13 экз.); находки с карбонатной коркой (2 экз.) и артефакты из другого (?) материала (2 экз.)

Предварительно сделаны следующие выводы.

Во-первых, можно говорить о наличии разновременных комплексов в индустрии Давыдовки. Об этом свидетельствует различная степень патинизации, однородность морфологии орудий в выделенных группах и существенные различия между этими группами.

Во-вторых, предполагается значительная древность памятника. Эта мысль подтверждается несколькими фактами. Алевролит – порода, патинизация которой происходит очень медленно, но на артефактах, имеющих свежие сколы, толщина патинизированного слоя достигает 1 миллиметра. Кроме того, серия листовидных бифасов, а так же ряд сколов имеют мустьерский облик. Возможно, основная масса колотого алевролита относится ко времени существования стоянки Усть-Машинка 3.

Таким образом, Давыдовка 1 является перспективным объектом для дальнейших исследований в Рудном Алтае. Соотнесение полученных находок с другими памятниками, а так же раскопки прилегающих рыхлых отложений позволят уточнить хронологические рамки существования мастерской, более полно разработать эволюционные схемы развития технологии расщепления камня.

*Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров*

*А.М. Бородин  
(Бийск, Бийский лицей)*

### **Нестратифицированный археологический объект Подберезовое-1 и его место в комплексе палеолитических памятников Долины реки Ануй**

С 1989 года на полевой археологический стационар Денисова пещера приезжает практика из историко-краеведческого клуба «Эврика» Бийского лицея. Вместе с учеными ИАЭ СО РАН лицеисты работают на палеолитических стоянках долины реки Ануй (северо-запад Горного Алтая), занимаются экспериментальной археологией и сбором подъемного материала. Объектом нашего исследования является новый памятник эпохи палеолита, открытый в августе 1998 г. ребятами из клуба «Эврика» и представляющий собой, как мы предполагаем, стоянку открытого типа названного нами Подберезовое-1. Стоянка расположена 100 – 150 м ниже картографической точки слияния рек Ануй и Каракол, по правому борту долины реки Ануй. Географические координаты: 51°22'50» с. ш. и 84°41'18» в. д. Исследования стоянки ограничились сборами артефактов с поверхности и топографической зарисовкой района.

Целью настоящей работы является анализ подъемного материала и установление его культурно-хронологической принадлежности.

Новизна работы обусловлена неисследованностью местонахождения Подберезовое-1. Необходимо отметить, что актуальность анализа нестратифицированного объекта Подберезовое-1 возрастает, так как благодаря новейшим археологическим исследованиям в долине реки Ануй, позволяющими достаточно подробно охарактеризовать все этапы каменного века этого района, возможна очень корректная интерпретация подъемного материала. Сравнение подъемного орудийного комплекса с материалами памятников Денисова пещера, Усть-Каракол-1, 2, Ануй-1, 2, 3, расположенными в пределах 2 км, позволит достаточно точно датировать местонахождение Подберезовое-1 и дать культурно-хронологическую интерпретацию. Следует отметить, что главной задачей археологических исследований в долине реки Ануй является изучение многослойных, четко стратифицированных палеолитических объектов, отложения которых включали бы остатки человеческой деятельности разных эпох палеолита и в хронологическом отношении перекрывали и дополняли бы друг друга.

Источниковой базой исследования послужили: материалы местонахождений Подберезовое-1, Денисова пещера, Ануй-1, 2, 3, Усть-Каракол-1, 2; личные наблюдения автора при работах на этих объектах; монографии, статьи и публикации археологов, посвященные проблемам палеолита Южной Сибири. Основные идеи и выводы работы докладывались на

городской конференции студентов и школьников и историко-краеведческой конференции «Юные археологи и краеведы исследуют...» в городе Бийске в мае 1999 года и опубликованы в сборнике «Краеведческий вестник» №9 1999 года, а так же на краевой конференции «Шаг в будущее» в 2000 году.

Мы выражаем признательность начальнику Алтайского отряда экспедиции ИАЭ СО РАН: к. и. н. М. В. Шунькову, за предоставленную возможность работать с уникальными коллекциями стратифицированных объектов для подготовки данного исследования.

Подъемные материалы стоянки Подберезовое-1, полученные с 1998 по 2000 гг. составляют 48 каменных орудий эпохи палеолита. Орудийный набор представлен скреблами различных модификаций (20 экз.), остроконечником, ножом с естественным обушком, резцом, зубчатым изделием, выемчатым орудием, ретушированной пластиной, ретушированным отщепом, чопперами (17 экз.) и наковальней.

Все артефакты из этой коллекции несут на себе следы акумулятивной обработки (то есть воздействия воды и влажной почвы) разной степени воздействия: грани слегка заполированы, ребра читаются четко, но вершины обломков закруглены. Сильная (17 артефактов) и слабая (25 артефактов) степени воздействия различаются только визуально, по большей степени заполированности граней и закругленности вершин. Это обусловлено тем, что собранный нами материал находился в высохшем русле реки Ануй и вымывался из берегового склона на протяжении длительного времени. Таким образом, учитывая различия орудий в обработке почвой и водой, а так же неоднородность технологий изготовления (т.е. морфологии технокомплекса), мы можем выдвинуть предположение о широких хронологических рамках материалов нестратифицированного местонахождения Подберезовое-1.

Основную массу артефактов составляют 18 скребел, из которых можно выделить 4 тройных скребла, 3 двойных, 3 конвергентных, 2 простых продольных и простое поперечное скребло. Обращают на себя внимание два изделия – тройное конвергентное скребло и двойное поперечное скребло. Эти орудия могут быть отнесены только к эпохе мустье, так как подобные формы характерны именно в рамках среднего палеолита. Чопперы представляют из себя массивные отщепы с нанесенными по рабочим краям сколами и обработанным либо естественным обушком.

Для интерпретации материалов мы выбрали из коллекций памятников долины реки Ануй наиболее встречающиеся и морфологически выраженные орудия и разделили их согласно их датировке на три периода: 1) ранний (нижний) палеолит, 2) средний палеолит (мустье), 3) поздний (верхний) палеолит.

Материалы раннепалеолитических слоев, которые были зафиксированы на стоянках Усть-Какарол-1,2 и Денисова пещера, морфологически сходны с чопперами, продольным скреблом и зубчато-выемчатым орудием.

Среди мустьерских орудий памятников долины реки Ануй присутствуют продольное, поперечное и конвергентное скребла, а также резец на пластине и нож с естественным обушком имеющие морфологически аналоги из коллекции местонахождения Подберезовое-1.

Верхнепалеолитические микропластины стоянки Усть-Каракол-1,2 сходны с пластинкой Подберезовое-1.

По данным сравнения большая часть коллекции (чопперы, три скребла, выемчатое орудие) относится к эпохе раннего палеолита. Так как группа чопперов представлена не единичными находками, как на памятниках долины реки Ануй, а целым комплексом, то мы можем говорить о более древнем возрасте этой коллекции.

Интерпретировав материалы нестратифицированного местонахождения Подберезовое-1, можно говорить о наличии многослойного палеолитического объекта в районе нахождения материалов коллекции. Однако для точного установления возраста этого комплек-

са необходимо заложить на местонахождении Подберезовое-1 раскоп или разведочный шурф и, проанализировав находки разреза, определить хронологические рамки найденной нами коллекции.

Мы надеемся, что материалы нестратифицированного местонахождения Подберезовое-1 послужат первым толчком для проведения стационарных исследований в этом районе, а также существенно помогут специалистам в подведении итогов этих раскопок.

*Научный руководитель – С.Ю. Исупов*

*И.В. Стасюк, Д.А. Сидоров  
(Красноярск, Красноярский государственный педагогический университет)*

### **Позднепалеолитическое местонахождение Усть-Малтат II (Дербинский археологический район).**

Местонахождение Усть-Малтат II находится на сильно выступающем мысе левого приустьевое участка залива р. Малтат при впадении в залив р. Дербина (север Красноярского водохранилища). Памятник выявлен М.Ю. Тихомировым в 1994 году и исследуется отрядами ЛАПСС ИАиЭ СО РАН и КГПУ с 1996 года (Акимова и др., 1998, 1999; Стасюк и др. 2000).

Археологические материалы и фаунистические остатки бизона, лошади, носорога обнаружены в экспонированном состоянии на участке береговой отмели площадью около 10 тыс. кв. м. Ширина береговой отмели на местонахождении зависит от уреза воды в водохранилище, варьируя в пределах 150-300 м. Мощность разрушаемых водохранилищем четвертичных отложений составляет 8-6 м. В строении берегового уступа четко фиксируются слои голоцена, сартанского времени с развитой сетью полигонально-жильных льдов и педоседимент каргинского времени в котором на глубине 3,5 м от дневной поверхности зафиксированы мелкие неопределимые колотые кости.

Общее количество каменных артефактов, зафиксированных на береговой отмели, превышает 5 тыс. экз., подавляющее большинство из которых – сколы, отщепы, битые гальки. Основным видом сырья служили местные породы – андезиты и трахиты, однако часть морфологически выразительного материала выполнена из коричневатых эффузивов, значительную долю составляет енисейский галечник – роговики и кварциты. Разнообразие сырья выделяет данное местонахождение из общего круга памятников района и, возможно, является отражением культурно-хронологической разнородности коллекций.

**Техника первичного расщепления** носит наиболее архаичный характер среди позднепалеолитических памятников Дербинского района и Енисея в целом (за исключением единичных, явно поздних предметов – торцового микронуклеуса и нескольких заготовок). Призматический принцип скалывания сочетается с ярко выраженными леваллуазскими приемами подготовки нуклеусов: радиальное «подконическое» оформление контрфронта, «обуживание» фронтальной части с латералей, приострение дистальной части нуклеусов, обработка ударных площадок сериями фронтальных снятий. Торцовые нуклеусы не образуют заметных серий и не демонстрируют устойчивых приемов скалывания.

По количеству и соотношению плоскостей скалывания и ударных площадок выделяются: одноплощадочные монофронты, преимущественно для пластин, реже для отщепов с подготовленными сериями мелких фронтальных снятий, скошенными ударными площадками (рис., 6) – 27 экз., в том числе 10 экз. – с радиальным оформлением контрфронта; одноплощадочные монофронты с галечными площадками для укороченных пластин и отщепов – 3 экз.; чоппинговидный бифронт; двухплощадочные «полюсные» монофронты с подготовленными одним или несколькими снятиями площадками – 4 экз., с галечными площад-



ками – 1 экз.; трехплощадочный монофронт, с двумя противолежащими площадками и перекрестным, по отношению к первому фронту направлением скальвания по второму; радиальные монофронты с галечными контрфронтами – 2 экз.; двухплощадочные «полусные» бифронты с противолежащими сопряженными площадками, для пластин – 4 экз.; двухплощадочный бифронт с противолежащими подготовленными площадками; радиальные бифронты – 2 экз.; ортогональные нуклеусы – 9 экз.; торцовые нуклеусы на массивных галечных сколах – 3 экз.; торцовый микронуклеус; нуклевидные изделия с торцовыми снятиями – 2 экз. нуклевидные изделия, обломки нуклеусов и битые гальки – 48 экз.; сколы с нуклеусов – 7 экз., в том числе два реберчатых скола.

**Вторичная обработка** представлена разнообразными видами ретуши: двусторонней и односторонней уплощающей, крутой и полукрутой краевой, ступенчатой. В единичных случаях встречены резцовый скол и подтеска.

Наиболее представительную часть орудийного набора составляют пластины с ретушью и орудия на пластинах – 97 экз., по локализации ретуши выделяются: с ретушью по одному краю: с дорсальной стороны – 22 экз., с вентральной – 1 экз., со следами утилизации – 23 экз.; по обоим краям – 41 экз., в подавляющем большинстве с дорсальной стороны, за исключением двух предметов с ретушью и по вентральной и по дорсальной стороне; по дистальному концу – 3 экз., в т.ч. реберчатый пластинчатый скол; с ретушью по периметру или сохранившейся части периметра – 10 экз. Целые изделия, возможно, являются скреблами или остроконечниками (рис., 4). Отщепы с ретушью составляют 75 экз.

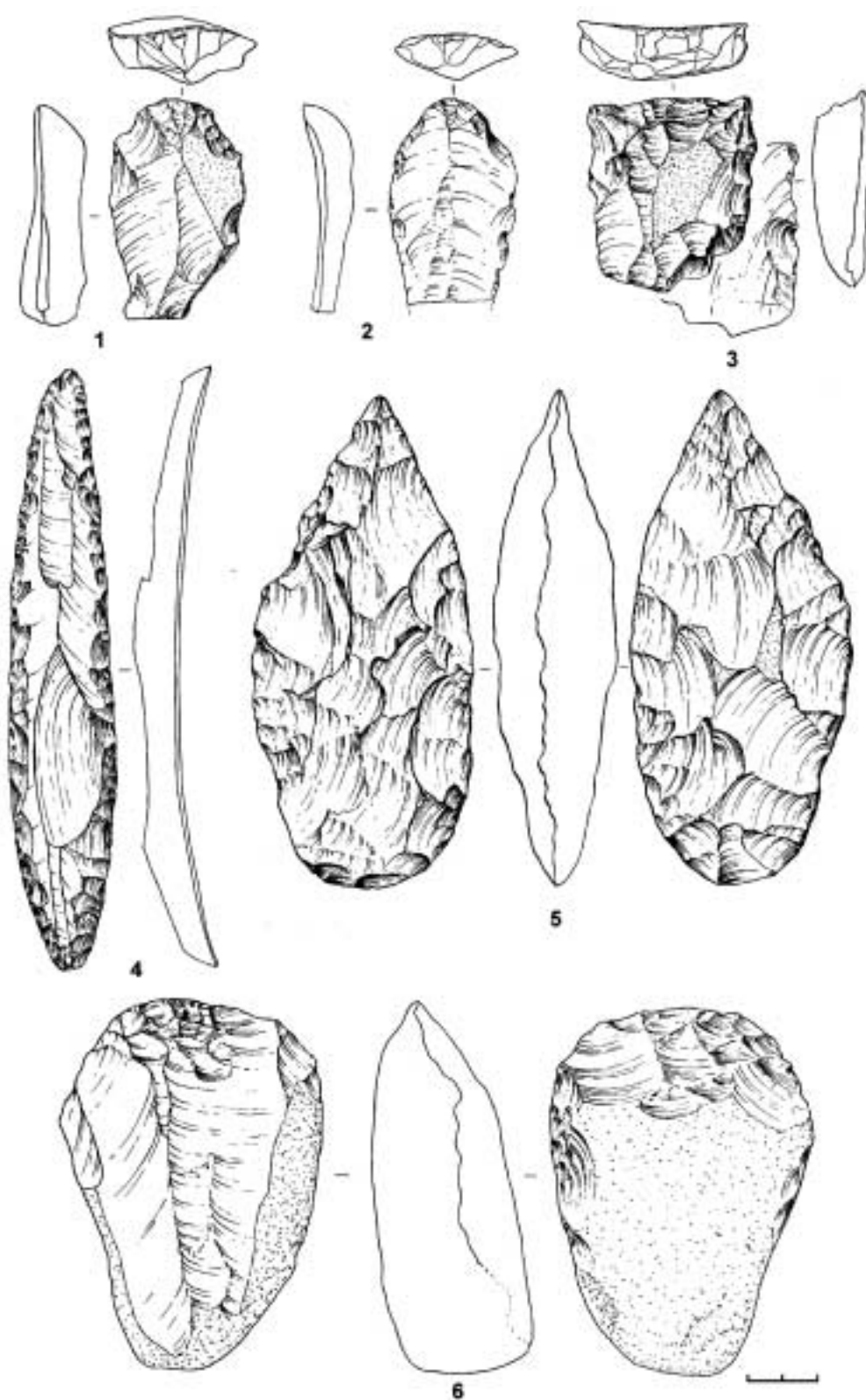
Скребла – 26 экз. По преформе и локализации лезвий выделяются: продольные на пластинах – 5 экз. Лезвие сформировано на дорсальной стороне, за исключением одного орудия, с лезвием на вентрале и аккомодационной подработкой противолежащего края; комбинированные скребла-скребки на пластинах с ретушью по периметру на дорсальной стороне – 2 экз.; комбинированные скребла-остроконечники на пластинах, с ретушью по дорсальной стороне; скребла продольные дорсальные на крупных отщепах – 4 экз.; скребла поперечные дорсальные на отщепах – 4 экз., в т.ч. двойное скребло; скребла комбинированные на отщепах с асимметричной осью заготовки – 4 экз.; скребло на плоской гальке; скребло поперечное на вентрале галечного скола; скребла на массивных сколах – 3 экз.; поперечное скребло на подживляющем сколе с нуклеуса; обломок скребла; скребловидные изделия – 9 экз.

Скребки: концевые на пластинах, пластинчатых сколах и сегментах пластин – 30 экз., лезвия оформлены на дорсальной стороне, в шести случаях тело скребка не имеет дополнительной обработки, в остальных – пластинчатая заготовка ретуширована по одному или обоим краям; с выделенным рабочим краем (носиком) на дистальных концах пластин и отщепа (рис., 1-2) – 4 экз.; боковые на пластинах – 2 экз.; скребки высокой формы на пластинчатых сколах – 2 экз., на сколах – 3 экз.; на отщепах, с ретушью по периметру или сохранившейся части – 5 экз.; боковые на отщепах – 6 экз.; на отщепах с микропластинчатыми снятиями по вентралу – 2 экз.; комбинированные на отщепах – 7 экз.; скребок на сколе – 1 экз. обломки и заготовки скребков – 6 экз. Наряду с явным выделением рабочего края выемками, в ряде случаев прослеживается асимметричное расположение рабочего края, смещение его к одному краю, на угол заготовки.

Бифасиально обработанные изделия представлены одним целым и двумя обломками листовидных бифасов, двумя округлыми двусторонне обработанными изделиями (скреблами?), остроконечником на пластине с частичной двусторонней обработкой, заготовкой бифаса.

Острия – 9 экз., выполнены на углах дистальных концов двух пластин, пластинчатого скола и мелкой пластины с ретушью по периметру, по два комбинированных острия-скребка (рис., 3) – на укороченных пластинах и нуклевидных обломках; на отщепе.

Немногочисленными сериями и единичными изделиями представлены: долотовидные орудия на отщепах и *pieces ecallees* – 4 экз.; зубчато-выемчатое орудие на крупном отщепе;



Местонахождение Усть-Малтат II  
Каменный инвентарь

ножевидные орудия на отщепах – 4 экз.; два остроконечника на отщепе и пластинчатом сколе; резцеvidное изделие на отщепе.

Галечные орудия представлены чопперовидными изделиями (16 экз.), среди которых по сильной изношенности отвесного рабочего края выделяются струги – 8 экз.; отбойниками – 2 экз.; зубчато-выемчатыми изделиями с высоким отвесным рабочим краем – 2 экз.; остроконечным орудием на массивной гальке. Заготовки неопределенных изделий – 10 экз.

В коллекции М.Ю. Тихомирова присутствуют остроконечники с краевой дорсальной ретушью по периметру, остроконечные скребла-унифасы, в отдельных случаях с вентральной подработкой обушка, скребла-бифасы и унифасы, орудия на пластинах с крутой или приостряющей дорсальной ретушью по одному или обоим краям, концевые скребки с краевой ретушью по периметру, овальные скребки на отщепах, двуплощадочные монофронтальные нуклеусы, крупное долотовидное орудие, пластинчатые сколы, пластины и отщепы с ретушью по краям, в одном случае – по прямому дистальному концу, наконечник-бифас (рис., 5).

При определении культурно-хронологической принадлежности местонахождения приходится решать проблемы выявления в коллекции каменного инвентаря разнородных комплексов. На сегодняшний день нам представляется, что основное ядро комплекса, включающее в себя леваллуазские нуклеусы, бифасы, массивные скребки на сколах, на пластинах с ретушью и высокой формы, пластины с ретушью относятся к каргинскому (конощельскому?) времени. Совершенно очевидна связь этого комплекса с индустрией местонахождения Дербина V на противоположном берегу залива Малтат, при, возможно, более позднего возраста последней. Весьма незначительная от общего объема примесь микролитической индустрии – к финалу плейстоцена – голоцену. Проблематичным, за отсутствием аналогов, является определение возраста и культурной принадлежности выделяющихся по сырью серии крупных пластин с крутой ретушью по периметру, однако данная категория изделий вместе с основным ядром комплекса вполне соотносится с кругом ранних позднепалеолитических индустрий Сибири.

*Исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ – проект 00-01-00095а.  
Научный руководитель – д.и.н. Н.Н. Дроздов*

*В.С. Славинский*

*(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

### **Стоянка Мугоджары 3**

В течении двух полевых сезонов 1999-2000 гг. на западном склоне Мугоджар в районе верховьев реки Эмба найдены более 30 местонахождений эпохи палеолита. Работы проводились Совместной Российско-Казахской экспедицией по изучению каменного века аридной зоны Азии (Дервянко и др., 1999).

Все палеолитические комплексы имеют поверхностное залегание артефактов, расположены на относительно ограниченной площади (20х30 км) и делятся на два типа местонахождений. Первый тип памятников – остатки кратковременной стоянки, характеризуются небольшим количеством находок с локализацией сборов в пределах нескольких сотен квадратных метров; второй тип – мастерские на выходах исходного сырья с площадью распространения на ходок от нескольких тысяч квадратных метров до нескольких квадратных километров.

Сборы проводились двумя способами: 1) «площадками» с фиксацией всего материала; 2) линейными маршрутами, при которых выбирались наиболее яркие образцы индустрий. В процессе исследования пункты местонахождений были классифицированы по роду человеческой деятельности.

Вся индустрия местонахождений была разделена по степени дефляции поверхности изделий. Местонахождения имеют смешанный распространенный характер, предварительный анализ комплексов достаточно полно отражает все этапы палеолита.

Памятник Мугоджары 3, расположен в 15 км от пос. Эмба в восточном направлении. Координаты: широта 48°53'05,3", долгота 58°26'33,8" . всего в коллекции 85 артефактов, основная масса находок из крупнозернистого кварцевого песчаника светло-серого и розоватого цвета, единично представлены кварцевые песчаники бурых оттенков. Кроме этой породы по одному экземпляру выделены метаморфизованный оркозовый песчаник, кремневая, глинистая порода, песчаный алевролит и халцедон. Исходной формой служили плитки и обломки породы.

По степени сохранности комплекс делится на три серии: а) сильнодефлированные – 11 экз.; б) среднедефлированные – 70 экз.; в) слабодефлированные – 4 экз.

Сильнодефлированная серия состоит из сколов – 7 экз., бифасиальных изделий – 2 экз., скребел – 2 экз.

Бифасиально обработанные изделия имеют листовидную форму, сколы наносились от края к центру, оба орудия имеют негативы снятий при утончении основания. Ретушь не покрывает всю площадь орудий. Одно изделие в сечении двояковыпуклое, другое ассиметричное.

Одно из скребел простое поперечное выпуклое, с усеченным основанием, второе продольное с выпуклым лезвием, нанесенным с брюшка.

Среднедефлированная серия состоит из преформ – 3 экз., нуклеусов – 5 экз., нуклевидных форм – 4 экз., сколов с нуклеусов – 5 экз., отщепов без вторичной обработки – 26 экз., орудий из отщепов – 14 экз., сегментовидного скола – 1 экз., орудий из плитки – 12.

Серия нуклеусов представлена несколькими типами. Один нуклеус левалуазского облика подтреугольных очертаний, фронт и контрфронт оформлен центростемительными снятиями, скошенная площадка скалывания вогнутая.

К одноплощадочным нуклеусам относятся еще два экземпляра. Один из них уплощенной формы с короткими широкими негативами снятий, площадка прямая; другой, подпризматических очертаний с вогнутой площадкой скалывания.

Два нуклеуса двуплощадочные монофронтальные со встречным скалыванием.

Среди отщепов без вторичной обработки четыре пластинчатых. Ограничение спинок в основной массе продольное и бессистемное. Ширина отщепов сильно варьирует (20мм-106мм).

Орудийный набор состоит из бифасиальных изделий-6 экз., скребел-8 экз., скребка-1 экз., зубчато-выемчатого изделия-1 экз., орудий с шипом-3 экз., отщепов с ретушью-4 экз., прочих-3 экз.

Бифасиальные изделия по форме распределяются на овальные или близкие этой форме-4 экз., подпрямоугольные-1экз., и фрагмент бифаса-1экз. Три изделия овальной формы имеют двояковыпуклое сечение, одна из сторон этих изделий полностью покрыта негативами сколов, другая имеет участки с естественной коркой. Четвертое изделие овальной формы, ассиметричное в сечении.

Подпрямоугольный бифас имеет основания уплощенные широкими сколами.

Скребла в коллекции представлены одинарными и двойными. Среди одинарных выделены следующие типы: с продольным выпуклым лезвием-1 экз., с поперечным выпуклым-2 экз., с поперечным прямым-2экз.

Двойные скребла имеют соприкасающиеся лезвия, оба прямых в двух случаях и на третьем лезвия прямое и выпуклое.

Зубчато-выемчатое орудие выполнено из массивного скола, глубокие выемки оформлены с дорсальной стороны.

Орудия с шипом представлены 3 экземплярами. Шип на всех изделиях нанесен с дорсальной стороны, выделен глубокими анкошами и частично оформлен ретушью.

В категорию прочих относятся три орудия: орудие типа «risk», комбинированное и орудие с обушком. Орудие типа «risk» треугольной в сечении формы, площадь полностью обработана широкими поперечными сколами. Комбинированное орудие имеет скребковое лезвие и острие. Лезвие третьего изделия выполнено серией бифасиальных снятий, обушок оформлен поперечным сколом.

Слабодефлированная группа малочисленна, в эту серию входят вертикальные сколы с нуклеуса-2 экз., зубчато-выемчатое орудие-1 экз., обломок с негативами снятий-1 экз.

Подводя итоги краткому описанию каменного инвентаря Мугоджары 3 следует сделать несколько замечаний. Прежде всего, коллекция разновременна, наиболее близки сильно и среднедефлированные изделия. Сходства между данными сериями дефляциями подтверждаются несколькими факторами, это как: общая сырьевая основа, первичное расщепление, типы орудий. Большой процент орудийного набора в коллекции указывает на поселенческий характер комплекса, где ведущими типами являются бифасиальные изделия и скребла. Технологические и типологические данные инвентаря в хронологическом плане наиболее близки к домустьеерской эпохе.

Слабодефлированная группа изделий малочисленна и не поддается систематическому анализу, но небольшие размеры находок и степень дефляции указывают на более позднее время относительно основной части артефактов.

Следует отметить, что все комплексы Мугоджар имеют сходства в типологическом ряде внутри дефлированных серий, а также в использовании единого сырья. Данные факторы указывают на близость коллекции Мугоджары 3 с остальными пунктами сборов.

Ближайшие аналогии мугоджарским комплексам прослеживаются в памятниках Северного Прибалхашья (Семизбугу) (Деревянко и др., 1993) и Прииртышья (Карасор, Кудайколь) (Медоев, 1968). Наличие в коллекциях раннего палеолита бифасов и классических рубил указывает видимо на явление связанное с южным влиянием, идущим с территории Ближнего Востока.

*Научный руководитель – академик А.П. Деревянко*

*Л.В. Носкова*

*(Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный педагогический институт)*

### **Исследование палеолита на Сосьве (Северный Урал)**

Самым крупным местонахождением плейстоценовой фауны на Урале является так называемое Гаринское «кладбище» мамонтов. Оно было известно уже в начале XX века, но открытие палеолита в Гарях произошло намного позже.

В 1973 году сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея Ю.Б. Сериков в результате проведения работ на Гаринском местонахождении обнаружил среди костей животных четвертичной фауны каменные изделия (Сериков Ю.Б., Арефьев В.А., 1974, с. 174). На одновременность фауны и каменных изделий указывают некоторые факты: площадь распространения каменных изделий на поверхности полностью включена в ареал распространения костей; каменные изделия залегают в мерзлотных клиньях вместе с костями; многие кости мамонта имеют явные следы обработки.

Впоследствии почти ежегодно «кладбище» мамонтов исследовал Ю.Б. Сериков. Им было открыто еще несколько местонахождений плейстоценовой фауны (Гари II, Нефтебаза, Рычково, Евалга, ОЛП, Лыжин мыс). Все они расположены на правом берегу Сосьвы, на участке реки длиной 30 км. На трех из них был открыт палеолит (Гари II, Рычково, Евалга). Но наиболее крупным из них является Гаринское местонахождение.

Оно находится на южной окраине с. Гари, в 150 м вверх по течению от пристани. Кости вымерших животных залегают узкой полосой под обрывом 7-8-метровой поймы на протяжении около 200 м. Они не встречаются выше 5 м под бровкой обнажения поймы или не выше 2,5 м над урезом воды. Этот уровень, вероятно, определяет горизонт залегания костей в отложениях высокой поймы. В настоящее время костеносный горизонт полностью размыт и кости встречаются в переотложенном состоянии, а также в мерзлотных клиньях, которых на площади местонахождения зарегистрировано свыше десятка.

Гаринское «кладбище» мамонтов находится напротив северного рукава старого русла р. Сосьвы. В древности в этом месте река делала крутой поворот. Здесь проходил один из миграционных путей животных. Трупы погибших при переправе животных прибивало течением реки к берегу, в результате чего и образовалось «кладбище» мамонтов. Следует отметить, что практически все погибшие животные представлены костями молодых и полувзрослых мамонтов. Костей крупных мамонтов найдено очень немного. Из других животных на «кладбище» присутствуют единичные кости шерстистого носорога, дикой лошади, сайгака, бизона, медведя.

В настоящее время коллекция каменных изделий Гаринского местонахождения состоит из 341 экземпляра. В коллекции представлены все основные типы изделий: нуклеусы, технические сколы с нуклеусов, ножевидные пластины с ретушью и без нее, резцы, острия, скребки, скобель, тесло, стамески, отщепы и отбойник.

Характеризуя комплекс каменных изделий Гаринского местонахождения в целом, следует отметить несколько моментов. Процент пластинчатости комплекса составляет около 70%. 59,5% изделий сохранили на себе галечную корку. Этот факт свидетельствует о местном происхождении сырья. Выходы гальки были обнаружены в 2 км от «кладбища» мамонтов ниже по течению в д. Рычково. 64,8 % изделий изготовлено из разных видов яшмы (зеленой, сургучной, красно-зеленой и светло-серой).

Не менее интересными представляются некоторые изделия костяного инвентаря. В 1999 году в Гарях были обнаружены кости, которые могут являться частью конструкции палеолитического жилища. На преимущественно берцовых костях искусственно пробиты глухие отверстия различной формы и глубины, а также торцевые каналовидные глухие отверстия. На Урале подобные изделия не известны, но они хорошо представлены на верхнепалеолитическом поселении Межиричи, где были найдены остатки жилищ из костей мамонта (Пидопличко И.Г., 1976, с. 114, 119, 125).

Хочется упомянуть уникальную находку из позвоночного диска мамонта, имеющего природную сердцевидную форму. В центре изделия симметрично друг другу расположены два сквозных отверстия, пробитых изнутри. В целом изделие напоминает зооморфную личину, изображающую, вероятно, медведя.

Исследователь уральского палеолита П.Ю. Павлов на основании общности инвентаря относит Гаринское местонахождение к среднеуральской культуре, представленной группой памятников (стоянка Талицкого, грот Столбовой, Медвежья пещера, V слой грота Большой Глухой и Ганичата III) (Павлов П.Ю., 1996, с. 113-134). Автор выделяет ряд признаков, говорящих о близости Гаринского «кладбища» мамонтов к памятникам среднеуральского варианта: преобладание пластинчатой техники, сочетание мелких и крупных форм орудий, наличие усеченных пластин и изделий с шипами. Однако некоторые факты не укладываются в предлагаемую П.Ю. Павловым схему. Вопрос о культурной принадлежности Гаринской стоянки еще требует дальнейшего изучения.

Сравнение «кладбища» мамонтов в Гарях с другими «кладбищами» плейстоценовых животных на р. Сосьве показывает значительные отличия. В Гарях на участке длиной 200 м были собраны тысячи костей, в то время как другие местонахождения (Рычково, Евалга, ОЛП, Лыжин мыс) имеют длину 1,2-1,5 км и слабую насыщенность костями. 97% костей в

Гарях принадлежит молодым и полувзрослым мамонтам, а на остальных сосьвинских местонахождениях преобладают кости других плейстоценовых животных (прежде всего носорога и дикой лошади). Этот факт, наряду с наличием обработки на костях мамонта, позволяет предположить, что кости в Гарях накапливались не только в результате естественных причин, но и сознательно приносились сюда палеолитическим человеком. На Гаринском местонахождении кости и каменные изделия сконцентрированы в двух скоплениях. Таким образом, планиграфия находок (костей и каменных изделий), состав фауны и наличие остатков каркасных конструкций позволяет предполагать существование в Гарях двух жилищных сооружений из костей мамонтов.

Последние находки на р. Сосьве говорят о том, что использование палеолитическими охотниками естественных «кладбищ» было широко распространенным явлением. Люди знали, возможно, специально искали естественные «кладбища» животных и посещали их, чтобы воспользоваться мясом, шкурами, бивнем и костью. Но Гаринское «кладбище» мамонтов вряд ли является только «утилизационной площадкой» (Петрин В.Т., 1979, с. 29-31). Обнаруженные следы пребывания палеолитического человека на «кладбище» мамонтов свидетельствует о его кратковременности (сравнительно слабая сработанность орудий) (Сериков Ю.Б., 1982, с. 49). Но этот факт не противоречит возможности существования там палеолитических жилищ.

Широкое использование естественных «кладбищ» животных палеолитическими охотниками дает возможность поставить вопрос об ограниченности охоты на мамонта.

*Научный руководитель – к.и.н. Ю.Б. Сериков*

*А.М. Клементьев*

*(Улан-Удэ, Геологический институт СО РАН)*

### **Палеоэкология представителей крупной фауны местонахождения Хотык (Западное Забайкалье)**

В результате изучения остеологического материала местонахождения Хотык определены кости различных крупных млекопитающих. Выявлено четыре уровня залегания археологического материала, по которым получены серии РТЛ-дат от 22 до 85 тыс. л. н. (Лбова, 2000). Предварительно состав крупных млекопитающих по сборам 1997-98 гг. был дан Н.П. Калмыковым (1999). В определение случайно попали остатки мамонта (Новодевятниково), сейчас эта ошибка исправлена. Остатки крупных млекопитающих обнаружены на всех четырех уровнях. В таблице 1 приводится уточненный видовой состав крупных млекопитающих, дополненный нашими исследованиями по материалам раскопок за 1999 и 2000 гг. В составе фауны стоянок Хотыка остатки мамонта не обнаружены.

Как видно из таблицы, доминирующими видами, как по числу остатков, так и особей являются животные открытых пространств: дзюрен (56% / 50,8%), лошадь (27,4% / 13,1%) и носорог (7,4% / 8,2%). Значительное место в составе фауны занимал волк (3,8 / 4,9%). Лисица-корсак представлена незначительным количеством остатков, однако она интересна в экологическом плане. Ниже приводится экологическая характеристика этих видов.

Лисица-корсак (*Vulpes corsac* L.) является типичным обитателем степей. Наиболее характерные места обитания этого хищника – относительно ровные или слегка увалистые степи с сухими распадками. Наибольшей численности этот вид достигает в ковыльных, ковыльно-змейковых или злаково-солянковых сухих степях (Банников, 1954, с. 129). Основу питания его в Центральной и Восточной Монголии летом составляет полевка Брандта (там же). Возможно в рационе питания вымершего корсака, полевка Брандта играла существенную роль, судя по видовому составу грызунов стоянки Хотык (Хензыхенова, 1999). Остат-

ки корсака также встречены в составе фауны стоянки Варварина Гора (Оводов, 1987, с.127), расположенной в бассейне реки Уды.

В современную эпоху волк (*Canis lupus L.*) обитает на всей территории Забайкалья, от степных предгорных впадин до гольцов высоких хребтов (Швецов и др., 1984). В Монголии волк наиболее многочислен в лесостепи и степи (Банников, 1954). По мнению С. Дуламцэрена (Дмитриев и др., 1992) горный лесостепной ландшафт для него особенно благоприятен. Можно допустить, что это обстоятельство повлияло на количество его остатков. Остатки волка довольно часто встречаются на забайкальских стоянках (Каспаров, 1986, с. 99; Оводов, 1987, с. 126).

Шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis (Blum.)*) в среднем и позднем плейстоцене встречался в составе фауны с преобладанием представителей открытых ландшафтов с неглубоким снежным покровом зимой (Вангенгейм, 1977). Н.М. Ермолова (1978, с. 115) отмечает, что «Конечности шерстистого носорога ... не были приспособлены для разгребания глубоких плотных снегов». Э.А. Вангенгейм (1977) полагает, что аридные условия плейстоцена Забайкалья были особенно благоприятны для этого носорога, на основании многочисленных находок его остатков в этом регионе. Остатки носорога встречены в ряде археологических стоянок Забайкалья (Каспаров, 1986, с. 99; Оводов, 1987, с. 130; Germonpre, Lbova, 1996, p. 50).

Остатки лошади (*Equus sp.*), представленные разрозненными костями, требуют детального изучения для установления видовой принадлежности. Известно, что современные дикие лошади – обитатели открытых пространств (Гептнер и др., 1961). Лошадь Пржевальского (*E. przewalskii Pol.*) обитает в пустынях и пустынных степях (Банников, 1954, с. 162). Вплоть до середины XX века она встречалась в области котловины Бурун-Хурай в Центральной Азии (Кузьмина, 1997). Вероятно, в позднем плейстоцене лошадь Пржевальского имела достаточно широкий ареал, судя по её остаткам на территории Забайкалья (Каспаров, 1986, с. 99). В голоцене Восточной Европы встречались два подвида тарпана (*E. gmelini*): степной и лесной. Остатки первого отмечаются вместе с костями зайца, сурка, волка, лисы, кулана, сайгака, тура. Остатки лесного тарпана встречаются совместно с остатками бобра, бурого медведя, зубра, лося, оленя, косули, кабана (Кузьмина, 1997). Максимальная глубина снежного покрова, при которой лошади могут добывать корм – 30 см (Вангенгейм, 1977, с. 133).

Монгольский дзерен (*Procapra gutturosa Pall.*) – типичный обитатель равнинных степей. В современную эпоху распространен в Монголии. Небольшое количество дзеренов обитает на юге Читинской области (Кириллюк, Цэвээнмядаг, 1999, с. 154). Наиболее часто встречается в ковыльковых, ковыльково-луковых и луковых степях (Банников, 1954, с. 238). Может также обитать по пологим склонам гор; резко пересеченного рельефа и узких долин избегает. В многоснежные зимы или в предродовой период возможны заходы в виде исключения (Банников, 1954, с. 240). При высоте снежного покрова 20 см. добывание корма дзереном затруднено (Гептнер и др., 1961). Остатки дзерена известны на многих палеолитических стоянках Забайкалья (Каспаров, 1986, с. 99; Оводов, 1987, с. 135-136; Germonpre, Lbova, 1996, p. 44-47, Верещагин, 1954, с. 455).

Таким образом, судя по доминированию в фауне обитателей открытых ландшафтов, можно предположить, что в окрестностях стоянки Хотык в позднем плейстоцене преобладали остепненные открытые пространства, с небольшой глубиной снежного покрова в зимний период.

Представители лесных биотопов (барсук, медведь, благородный олень) представлены в фауне незначительным числом, как остатков, так и особей. По-видимому, их наличие свидетельствует о наличии пойменных умеренных лесов или разреженных степных колков по склонам северной экспозиции. Но эти биотопы занимали незначительную часть в открытых ландшафтах.



Таблица 1.

Видовой состав крупных млекопитающих.  
 Абсолютное и относительное содержание костей и особей местонахождения Хотык.

	Количество остатков		Количество особей	
	Абсолютное	%	Абсолютное	%
Carnivora				
Canis lupus	69	3,8	3	4,9
Vulpes corsac	5	0,3	2	3,3
Vulpes sp.	7	0,4	2	3,3
Meles cf. meles	1	0,06	1	1,6
Ursus sp.	1	0,06	1	1,6
Hyiena ? sp.	1	0,06	1	1,6
Perissodactyla				
Coelodonta antiquitatis	133	7,4	5	8,2
Equus sp.	490	27,4	8	13,1
Artiodactyla				
Cervus elaphus	10	0,6	1	1,6
Cervus sp.	11	0,6	1	1,6
Capreolus sp.	6	0,3	1	1,6
Bison sp.	7	0,4	1	1,6
Procapra gutturosa	1001	56,0	31	50,8
Ovis cf. ammon	37	2	2	3,3
Bovinae gen. indet.	8	0,4	1	1,6
ИТОГО:	1787	100	61	100

А.А. Анойкин

(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)

**К вопросу о раннем верхнем палеолите на территории Средней Азии  
 (по материалам грота Оби-Рахмат)**

Грот Оби-Рахмат находится на территории Республики Узбекистан в 100 км на северо-восток от г. Ташкента, недалеко от места слияния рек Пскем и Чаткал. Памятник был открыт в 1962 г. А.Р. Мухамеджановым. В 1960-70-х гг. на памятнике работали М.М. Герасимов, А.Р. Мухамеджанов, Х.К. Насреддинова, Р.Х. Сулейманов, Т. Оманжулов. В 1980-х гг. эпизодические раскопки и зачистки проводились на стоянке К.А. Крахмалем. В ходе работ толща рыхлых осадков была вскрыта на площади более 60 кв. м, однако скальное дно достигнуто лишь на отдельных участках. При раскопках на памятнике выделен 21 страти-

графический горизонт. Все выделенные подразделения содержали археологический материал, индустрии палеолитического облика были зафиксированы в слоях 2-21. Всего за 1960-80-е гг. на памятнике было получена коллекция, насчитывающая более 40 тыс. каменных артефактов, однако на настоящий момент подробно опубликован только материал раскопок 1964-1965 гг. В 1998-1999 гг. исследования грота были возобновлены совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и ИИиА АН РУз. В ходе работ толща рыхлых отложений оказалась пройдена на глубину около 7 метров, при этом раскопками были вскрыты стратиграфические горизонты с 4 по 18. В результате исследовательских работ получена новая коллекция каменного инвентаря, насчитывающая более 9 тыс. артефактов, а для слоев 7-12 по углу была выполнена серия радиоуглеродных датировок, расположившихся в интервале 40-48 т.л. назад (Деревянко и др., 1999).

Вновь полученный материал позволил более обоснованно подойти к вопросу интерпретации каменной индустрии грота, вызвавшей в последнее время различные оценки палеолитчиков. Ранее исследователи опирались в основном на материалы раскопок 1964-65 гг., хорошо представленные в диссертации и книге Р.Х. Сулейманова (Сулейманов, 1972). Кроме того, часть материалов раскопок 70-х гг. использовал в своей диссертационной работе, посвященной палеолиту Ташкентского оазиса Т. Оманжулов. Большинство исследователей (Р.Х. Сулейманов, В.А. Ранов, З.А. Абрамова и др.) относили индустрию грота ко времени перехода от среднего палеолита к верхнему, считая, что развитие технокомплекса идет в одной последовательности от непосредственно среднепалеолитических слоев (сл. 21 – 15), через переходную группу (сл. 14 – 9) к развитой верхнепалеолитической индустрии. Однако недавно иная точка зрения на культурно-хронологическую привязку технокомплексов грота была высказана Л.Б. Вишняцким в книге «Палеолит Средней Азии и Казахстана» (Вишняцкий, 1996). По его мнению, имеющиеся данные не позволяют с полным основанием соотносить каменные ассамбляжи грота с верхнепалеолитическими индустриями. Против этого, на взгляд Л.Б. Вишняцкого, свидетельствуют следующие признаки: отсутствие в коллекции призматических нуклеусов; малочисленность и атипичность верхнепалеолитических типов орудий; редкость точечных ударных площадок у сколов; отсутствие в коллекции сл. 5 – 8 (раскопки 1964-65 гг.), просмотренной им, технического приема «снятие бахромы» (он же, «перебор карниза»). Кроме того, по мнению Л.Б. Вишняцкого, проследить какую-либо эволюцию индустрий на гроте представляется затруднительным, «т.к. нельзя, очевидно, исключить, что, по крайней мере, часть материалов претерпела более или менее значительные перемещения по вертикали, о чем, в частности, свидетельствуют находки фрагментов средневековой керамики в низах толщи, где прослежены следы крупной промоины.» (там же, с. 123). Все это позволило Л.Б. Вишняцкому говорить о предпочтительном отнесении ассамбляжей грота к среднему палеолиту, а также, о их технологической и типологической близости с поздним этапом раннего левантийского мустье типа Табун D. Эта индустрия, фиксирующаяся в Леванте во временном интервале от 80 до 45 тыс. л. н., характеризуются следующими параметрами: ориентация расщепления на получение удлиненных заготовок; большим количеством леваллуазского компонента, в основном удлиненных острий и пластин; достаточно значительное присутствие продольных скребел и мустьерских остроконечников; высокий для среднего палеолита процент верхнепалеолитических типов орудий (в основном резцов, концевых скребков и ножей, реже, проколов); небольшое количество зубчато-выемчатых форм.

В настоящий момент, итоги полевых и камеральных исследований последних лет, не позволяют считать аргументацию Л.Б. Вишняцкого достаточно убедительной. На основе тщательного изучения строения толщи отложений во внутренней части грота можно утверждать, что все зафиксированные на памятнике стратиграфические горизонты на-

ходятся в непереотложенном состоянии, а находки в них залегают *in situ*. Перемещение на уровень нижних слоев фрагментов керамики не связано с какой-либо природной деятельностью, а вызвано антропогенным воздействием. Под всей внутренней камерой грота прослеживается подземный ход (частично заполненный рыхлыми отложениями) с тремя веерообразно расходящимися коридорами, имеющими прямой пол и полукруглые своды. Сооружение его, скорее всего, относится к эпохе средневековья (об этом свидетельствует анализ обнаруженных в нем фрагментов керамики) и связано, возможно, с религиозным обрядом («чилляхона», укрытие на время мусульманского поста). Т.к. отложения грота в этой части сильно карбонатизированы и представляют собой довольно плотную и прочную породу, то выявление границ нарушения не вызывает затруднений. Таким образом, можно утверждать, что индустрия грота представлена хорошо стратиграфически отделяемыми комплексами, хронологически сменяющимися друг друга, анализ которых, позволяет достаточно четко проследить эволюцию палеолитических ассамбляжей на памятнике.

Обработка коллекции 1998-99 гг., а также предварительное исследование большей части материалов предыдущих лет показала следующее. Среди нуклеусов доминирующее положение занимают ядрища параллельного принципа скалывания для удлиненных заготовок. Количество леваллуазских форм крайне незначительно, среди них также преобладают нуклеусы для пластин и удлиненных продтреугольных снятий. Это соотношение довольно стабильно прослеживается по всему разрезу вплоть до нижних слоев (сл. 18). В верхней части разреза (сл. 4-12) в довольно значительном количестве представлены микроядрища (одноплощадочные монофронтальные, торцовые и комбинации этих двух форм), а также нуклеусы-резцы. При этом значительная часть микроядрищ выполнена на небольших массивных сколах. В нижней группе слоев ярко выраженных микроформ нет, однако присутствуют торцовые разновидности ядрищ. О широком использовании микро-техники в индустрии свидетельствуют и микропластинки, которые фиксируются в коллекции до слоя 13 включительно (в последнем они составляют около 2,5% сколов). Хотя количество пластинчатых заготовок колеблется по разрезу (от 25,5 до 70%) наблюдается определенная тенденция в уменьшении их числа к нижней части разреза. На пластинчатых заготовках оформлено и подавляющее большинство орудий. Анализ ударных площадок сколов показывает достаточно большой процент среди них точечных. Так по предварительным подсчетам, сделанным на основе части материалов 1960-1970-х гг., в слое 7 точечные ударные площадки составляют 22,1% среди пластинчатых заготовок, в слое 9 – 31,6 %, в слое 11 – 27,1%. Интересно, что точечные площадки отмечаются именно у пластинчатых заготовок, в основном небольших размеров, тогда как у отщепов их практически нет. Прием «перебора карниза» на пластинчатых заготовках также отмечается довольно часто. Данный прием, наряду с большим процентом точечных ударных площадок в основном характерен для индустрий верхнего палеолита, а некоторыми исследователями рассматривается даже как основной их маркирующий признак (например, П.Е. Нехорошевым). Кроме того, индустрии левантийского мустье обычно связывают с применением жесткого отбойника, и как следствие с достаточно большим процентов сколов имеющих широкие фасетированные площадки и выраженный ударный бугорок. Анализ сколов Оби-Рахмата показывает, что основной категорией ударных площадок здесь является гладкие, а ударные бугорки у сколов, как правило, выражены слабо. Скорее всего, это свидетельствует о применении техники мягкого отбойника, которая связывается, в основном, с индустриями начала верхнего палеолита. Так для Леванта это ахмарийская традиция, которая фиксируется в данном регионе около 37 т.л. назад. С ней же обычно связывается и доминирование техники однополюсного расщепления, что также характерно для индустрии Оби-Рахмата. В орудийном наборе коллекции грота основными категориями

выступают скребки, резцы, скребла и слабо ретушированные сколы, в основном пластины. Зубчато-выемчатых форм мало.

В настоящее время «самый четкий критерий для проведения границы между финальным средним палеолитом и начальным верхним палеолитом находится не в морфологии произведенных заготовок, ни в формах орудий, выполненных на них, а скорее всего в различиях между стратегиями утилизации нуклеусов. В этом случае налицо имеется смещение от специализированной леваллуазской стратегии утилизации для острий с противоположащими ударными площадками к устойчивой одноплощадочной пластинчатой стратегии утилизации нуклеусов...» (А.Е. Marks, С.Р. Ferring, 1988). С этой точки зрения индустрия грота в наибольшей степени соответствует раннему верхнему палеолиту. Наряду с практически полным отсутствием леваллуазской техники, здесь доминирующее положение занимает утилизация плоскостных монофронтальных ядрищ, причем большинство их ориентировано на получение удлиненных заготовок. В месте с тем переходный характер индустрии (т.е. отнесение ее к начальным этапам верхнего палеолита) подчеркивает значительная доля среди нуклеусов двухплощадочных, близких по принципам к леваллуазским рекуррентным ядрищам, предназначенным для получения удлиненных острий. Характерно и присутствие среди сколов удлиненных остроконечных заготовок (остроконечные пластины), являющихся маркирующим типом для индустрий этого времени. Отнести индустрию Оби-Рахмата к среднему палеолиту также не позволяет и присутствие серии микроядрищ и продуктов их утилизации. Орудийный набор выглядит более развитым, чем в памятниках раннего левантийского мустье. В первую очередь это связано с лучшей представленностью верхнепалеолитических типов орудий. Дополнительным признаком, позволяющим относить индустрии Оби-Рахмата к верхнему палеолиту, являются обнаруженные в слое 8 предметы мобильного искусства. Это несколько фрагментов трубчатых костей, имеющих насечки в виде геометрического узора (параллельные линии) или небольших стрелок. Подобного вида орнамент обычно связывают с развитыми верхнепалеолитическими индустриями.

Таким образом, можно утверждать, что Оби-Рахмат – памятник, относящийся, вероятнее всего, к началу верхнего палеолита (основная часть коллекции). Возможно, нижняя часть отложений содержит значительно более архаичный материал, о чем может говорить фиксирующийся по стратиграфическим данным перерыв в осадконакоплении, связанный со слоем 16, однако слабая представленность артефактами и отсутствие естественнонаучных данных позволяют это лишь предполагать.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – 00-06-80193*

*К.А. Колобова*

*( Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)*

### **Сравнение основных метрических параметров артефактов палеолитических комплексов Подзвонкой и стратифицированной части стоянки Кара-Бом**

Целью данной работы является корреляция основных метрических параметров сколов палеолитических индустрий Подзвонкой и Кара-Бома, в результате которой мы предполагали выявить степень сходства артефактов этих памятников в метрическом отношении.

Стоянка Кара-Бом, наиболее известное поселение эпохи мустье – верхнего палеолита Южной Сибири находится на территории Онгудайского района республики Алтай между селами Ело и Каерлык. Были выявлены 6 позднепалеолитических уровней обитания и 2 мустьерских горизонта, залегающие в непереотложенных стратиграфических слоях. По мне-

нию авторов, исследовавших это местонахождение, эволюция каменных артефактов в течение 20 тысяч лет от мустье до верхнего палеолита, проходила в рамках одной (карабомовской) традиции ( Деревянко А.П. и др., 1998).

Второй объект, материалы которого мы привлекли к анализу – палеолитическое поселение Подзвонкая, находящееся на юго-востоке Кяхтинского района Республики Бурятия, в юго-западных отрогах Тамирского хребта. Хронологически, памятник был отнесен ко второму этапу Каргинского межледниковья. На территории, разделенной различными видами микрорельефа, были вскрыты два комплекса с археологическим материалом: Восточный и Юго-Восточный (Ташак В.И., 1996). В Юго-Восточном секторе отмечено два культурных горизонта, но, поскольку ранее проведенное исследование показало фактическую идентичность всех метрических показателей (и их соотношений) материалов этих уровней, то мы сочли возможным рассматривать их в совокупности.

Благодаря близким технико-типологическим характеристикам, таким, как наличие леваллуа-мустьерской основы, пластинчатости индустрии и т.д., Подзвонкая была отнесена к индустриям карабомовского пласта (Деревянко А.П. и др., 1998; Ташак В.И., 1996).

В данной работе мы представляем результаты сравнений длины и индекса удлиненности пластинчатых сколов 2-го мустьерского, 1-4 и 5-6 верхнепалеолитических карабомовских уровней со сколами Восточного и Юго-Восточного комплексов стоянки Подзвонкая, а также корреляций индексов удлиненности орудий этих же индустрий.

Для анализа использовались сколы, на которых изготовлены орудия (в дальнейшем – орудийные сколы) и их фрагменты, найденные на Подзвонкой в 1996-99 гг., а также целые сколы-заготовки 1997 г.

Информация о метрических характеристиках сколов Кара-Бома была приведена в коллективной монографии Деревянко А.П., Петрина В.Т., Рыбина Е.П. и Чевалкова Л.М. «Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом», 1998 г.

Результаты исследования представлены в таблицах 1 – 4.

Из данных по распределению пластинчатых сколов по длине (табл.1) мы видим, что подзвонковские артефакты обладают большим размером, причем пластины Восточного комплекса Подзвонкой несколько длиннее Юго-Восточного. Поскольку мы уже проводили подобный анализ по орудийным сколам, то можем указать, что в группировке «6-8» см. В основном представлены сколы-заготовки, а в «10-12» см. – орудия, из чего следует явная избирательность пластинчатых сколов, на которых изготавливались орудия, по длине.

Кроме того, по этой таблице мы можем проследить эволюцию длины сколов Кара-Бома от наиболее массивных пластин (2-й мустьерский горизонт) к более миниатюрным изделиям 5-6 и 1-4 верхнепалеолитических уровней, причем, в 1-4 горизонтах эта тенденция становится более явной.

Данные по индексу удлиненности пластин (табл.2) в целом повторяют картину, представленную в табл.1, но, в то же время, вносят некоторые коррективы. Так, заметно, что по индексу удлиненности пластин артефакты Восточного комплекса Подзвонкой фактически идентичны 5-6 горизонту Кара-Бома. На характеристики Юго-Восточного комплекса повлияло то, что там представлено достаточно малое количество орудийных форм. Также следует указать на закономерное явление – сколы мустьерского уровня 2 обладают большей шириной, чем все остальные артефакты других культурных горизонтов.

Проводя сравнение индексов удлиненности всех орудий (табл.3), мы столкнулись с тем, что в совокупности артефакты Восточного и Юго-Восточного комплексов Подзвонкой по этому параметру подобны материалам мустьерских уровней Кара-Бома. Однако, по нашему мнению, нельзя рассматривать эти данные как достоверные, поскольку они содержат массу метрических характеристик фрагментированных орудийных сколов, преобладающих в количественном отношении и обладающими пропорциями отщепов. Таким образом, благодаря большому количеству фрагментов орудий на пластинах, можно представить без-

условно пластинчатую индустрию Подзвонкой как отщепенную в результате того, что орудия ставятся в один ряд с отходами трудовой деятельности человека. Приведенные данные характеризуют каменную индустрию не в период ее функционирования, но лишь в том состоянии, в котором она дошла до нас.

Для составления более корректной картины необходимо взять целые пластинчатые орудийные сколы и фрагменты орудий на пластинах, сохраняющие первоначальные пластинчатые параметры (табл.4). Обломки орудий, а также сильно фрагментированные орудийные сколы из анализа исключаются. Здесь мы видим единую тенденцию для всех индустрий, когда подавляющее число пластин и их фрагментов имеют индекс удлиненности немногим более двух. Наиболее удлиненные орудия представлены в 6-м уровне Кара-Бома. Восточный сектор Подзвонкой и 5-й культурный горизонт Кара-Бома по этому параметру проявили очень большое сходство. А Юго-Восточный – одновременно с мустьерскими горизонтами 1 и 2, а также с 1-4 верхнепалеолитическими уровнями.

Таким образом, в результате сравнительного анализа основных метрических параметров каменных артефактов стратифицированных уровней стоянки Кара-Бом и 2-х секторов поселения Подзвонкая мы установили большую степень сходства между ними, которая в совокупности с многочисленными свидетельствами технико-типологического подобия индустрий этих памятников, может говорить об их явной принадлежности к памятникам единой линии эволюционного развития.

Однако, в силу своеобразия данных технокомплексов, а также до проведения окончательного анализа коллекции Подзвонкой по ее культурной идентификации, еще нельзя утверждать о принадлежности подзвонковской индустрии к карабомовской культурной традиции.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ №98-06-80337 и №00-06-88038  
Научный руководитель – к.и.н В.И Ташаков*

*Я.Б. Очирова*

*(Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)*

#### **Новый этап исследований на палеолитическом поселении Подзвонкая**

Одним из крупнейших памятников эпохи раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья является Подзвонкая. Этот памятник был открыт в 1991 г. во время археологической разведки, возглавляемой научным сотрудником лаборатории археологии Института общественных наук (ныне ИМБИТ СО РАН) В.И. Ташаком.

Палеолитическое поселение Подзвонкая расположено в долине горной речки Тамир у подножья горы Звонкой (в юго-западных отрогах Тамирского хребта) в глубине амфитеатрообразного распадка.

С момента открытия памятника в 1991 до 2000 гг. здесь проводились систематические исследования, в результате которых на отдельных выступах присклоновых шлейфов были выявлены участки с археологическим материалом, залегающим в геологических слоях. Два первоначальных участка, названные Восточным и Западным комплексами показали разную степень сохранности культурных горизонтов. На Западном комплексе культурные горизонты были полностью разрушены в процессе склоновых подвижек в зоне небольшого конуса-выноса. В Восточном комплексе культурный горизонт, хоть и подвергался частичному повреждению, но сохранил неразрушенные локальные участки.

В 1996 г. был выявлен новый участок с археологическим материалом, названный Юго-Восточным комплексом. Здесь так же, как и в Восточном комплексе, фрагментарно сохранились непотревоженные участки культурных горизонтов. Первоначально в Юго-Вос-

точном комплексе выделялся один культуросодержащий уровень. Дальнейшие исследования выявили здесь 2 культуросодержащих уровня, подразделяемые на 7 горизонтов.

Морфологический и типологический анализ артефактов, найденных в Восточном, Западном и Юго-Восточном комплексах не выявили каких-либо значительных различий между ними (Ташак, 1996). Таким образом, все три комплекса рассматриваются как принадлежащие к одной археологической культуре и являются одновременными в рамках этой культуры. Характерной особенностью археологических материалов этих комплексов является то, что в них преобладают пластинчатые сколы, т.е. здесь наблюдается четко выраженная тенденция к получению пластинчатых сколов. Значительная часть орудий изготовлялась на пластинчатых заготовках. Сами пластинчатые сколы характерны для начального этапа верхнего палеолита – массивные, с субпараллельной огранкой, снятые с подпризматических или уплощенных нуклеусов.

Все три комплекса находятся в глубине амфитеатра близко к горным склонам.

Вместе с тем, кроме исследований указанных комплексов в местности Подзвонкая, были продолжены разведочные работы, в задачу которых входил поиск новых участков с археологическим материалом, в частности, расположенных ближе к долине реки. Поводом к этому послужили находки артефактов в различных местах амфитеатра.

В 1999 г. один из участков поисков был локализован у подножия горы Звонкой, непосредственно в устьевой части амфитеатра. Шурфовочные работы, начатые в 1999 г. и продолженные в 2000 г., а затем и раскопки выявили здесь новый участок с археологическим материалом, залегающим в геологическом слое. Это участок был назван Нижний комплекс (поскольку по высотным отметкам находится значительно ниже Западного, Восточного и Юго-Восточного) комплексов.

На раскопанном участке накопление покровных отложений в голоценовую эпоху проходило медленно или же подвергалось плоскостному смыву. Во всяком случае мощность голоценовых отложений здесь не превышает 15 см. Отложения верхних частей плейстоцена, в которых залегал археологический материал также подвергались разрушению. В результате чего палеолитические артефакты оказались рассредоточены от подошвы современного дернового слоя – голоценовых отложений до подошвы желтых сильно карбонатизированных суглинков. В этих суглинках мы наблюдаем отдельные гумусированные прослойки, содержащие археологический материал. Последнее говорит нам о том, что культурные горизонты в Нижнем комплексе подвергались значительному разрушению. В отличие от Западного, Восточного и Юго-Восточного в Нижнем комплексе четко фиксируются материалы разных периодов. Первый период объединяет в себе развитую бронзу и ранний железный век. Второй – относится к эпохе начала верхнего палеолита. Но, поскольку палеолитические культурные горизонты оказались разрушенными, а в эпоху голоцена осадконакопление было минимальным, то в ряде случаев мы фиксируем залегание керамики и артефактов раннего железного века совместно с палеолитическими артефактами.

Нашей задачей мы ставим предварительное описание верхнепалеолитических артефактов Нижнего комплекса. Основной целью этого описания будет установление места артефактов Нижнего комплекса в общей структуре палеолитических материалов Подзвонкой.

Общее количество каменных артефактов по результатам исследований 2000 г. насчитывает 401 экземпляр. Первичное расщепление представлено 7 экз. нуклеусов и 6 экз. нуклеидных обломков. Продукты расщепления: отщепы и их фрагменты – 217 экз.; пластины и их фрагменты – 51 экз.; массивные обломки и их сколы – 78 экз. Остальные неопределимые обломки – 42 экз.

Большинство нуклеусов Нижнего комплекса (6 экз.) представлено грубо призматическими формами для снятия пластинчатых сколов. Один нуклеус плоскостной с радиальной огранкой фронта, предназначенный для получения леваллуазских отщепов.

Пластины и их фрагменты, как правило, массивные с непараллельной огранкой дорсала. Вторичной обработке подвергались как пластины, так и отщепы, и крупные массивные сколы, но в разных пропорциях. Общее количество орудий, найденных на Нижнем комплексе составляет 87 экз. Из них на пластинах 43 орудия, а остальные 44 представлены изделиями на отщепах – 30 экз., на треугольных сколах 4 экз. или представляют собой плохо определимые обломки. Учитывая, что общее количество отщепов намного превосходит количество пластин, но при этом количество орудий на пластинах почти равно количеству орудий на отщепах и других типов сколов, мы можем говорить, что в Нижнем комплексе поселения Подзвонкая наблюдается ярко выраженная пластинчатая направленность в изготовлении орудий. Данный факт указывает на общие черты в основной линии развития каменной индустрии всего поселения Подзвонкая.

Морфологический облик орудий также указывает на сходство материалов с Нижнего комплекса с материалами трех ранее разрабатываемых комплексов. Например, наиболее многочисленные изделия представлены пластинами с краевой дорсальной ретушью. Из них 21 экз. – это краевые скребла и 7 экз. – ножевидные изделия. Вентральное ретуширование применялось редко, отмечено только 2 отщепа с ретушированным вентралом. Найдены тесла – 2 экз., остроконечники на пластинах – 3 экз., и концевые скребки – 7 экз. Также являются наиболее типичными орудиями для всех комплексов поселения Подзвонкая.

Таким образом, по самым предварительным наблюдениям, основываясь на единой технологической традиции обработки каменного сырья (выраженная тенденция получения пластинчатых сколов с подпризматических нуклеусов), преобладании орудий на пластинчатых сколах типичных для всех комплексов памятника, можно говорить о единстве культуры на поселении Подзвонкая. Кроме этого, мы можем говорить и об одновременности функционирования всех комплексов, в том числе и Нижнего, – около 40 тыс. лет назад.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 98-06-80337 и №00-06-88038  
Научный руководитель – к.и.н. В.И. Ташак*

*О.В. Бежина*

*(Чита, Читинский государственный технический университет)*

### **Российско-американские исследования на многослойном памятнике Студёное**

Студёновский археологический комплекс включает поселения Студёное-1 и Студёное-2. Он расположен в Красночикоискском районе Читинской области на правом берегу р. Чикой в месте впадения в неё ручья Студёный. В этом месте выделяется серия надпойменных террас. С I надпойменной террасой высотой 6 м связано поселение Студёное-1, со II надпойменной террасой высотой 9 м связано поселение Студёное-2.

Первоначально поселения Студёное-1 и Студёное-2 представлялись как единое поселение и именовались просто Студёное. Оно было обнаружено в 1970 г. во время разведки по р. Чикой, которая проводилась археологическим отрядом Читинского педагогического института под руководством И.И. Кириллова. С 1974 г. на поселении проводятся стационарные исследования под руководством М.В. Константинова.

Исследования показали, что поселение Студёное-1 вытянулось вдоль реки примерно на 130 м, а слои содержат выразительный археологический материал. Последние культурные горизонты были вскрыты в 1985-1987 гг., а всего на памятнике выделяют 26 культурных горизонтов. Если же учитывать, что многие подгоризонты являются, по сути, самостоятельными горизонтами, то число культурных горизонтов увеличивается до 38. Культурные напластования охватывают время от конца палеолита (ок. 13000 л.н.) до бронзы включительно. Общая площадь вскрытия достигла 1000 кв. м.



Культурные горизонты на поселении Студёное-1 располагаются в разрезе отложений, охватывая его от современной верхней поверхности до кровли галечника. В силу этого высота культуросодержащего разреза совпадает с геологической, достигая 3,3 м. Разумеется, собственно культурные напластования занимают только часть объёма разреза, составляя чересполосное залегание со стерильными прослоями. Ими разделены все культурные горизонты, подгоризонты; исключение составляют только два верхних подгоризонта – 1А и 1Б, они смыкаются непосредственно. Ко всему прочему на некоторых участках поселения естественная граница между горизонтами нарушается распашкой. Во всех остальных случаях культурные горизонты разделены совершенно определённо и чётко.

Заметим, что все культурные горизонты – от 2 до 19/4 связаны с более или менее плотными илами, которые играют важную роль в тофономии находок, поскольку консервируют находки внутри себя, не позволяя им проникать на чуждые им уровни. Благодаря этому Студёное отличается исключительной чистотой стерильных прослоек в отношении культурных проявлений.

Студёное-2 является перспективным многослойным поселением с серией культурных горизонтов позднего палеолита (ок.25000 л.н.) и мезолита, содержащими выразительные жилища и жилые площадки. Работы на поселении продолжаются и по сей день, общая площадь раскопа с каждым годом увеличивается за счёт прирезок.

Студёновский комплекс богат жилищами. За время проведения раскопок были выявлены как одноочажные, так и многоочажные жилища (в 1999 г. в итоге четырёх лет исследований в слое 4/5 поселения Студёное-2 был выявлен выразительный шестиочажный жилищно-хозяйственный комплекс общей площадью 72,5 кв. м). В палеолитических горизонтах сопутствующие находки включают орудия из камня, отходы каменного производства, изделия из кости (среди последних необходимо выделить «жезл начальника» – орнаментированный обломок костяного изделия, выполненный на среднем фрагменте рога северного оленя, обнаруженный в 1997 г. в культурном горизонте 5 поселения Студёное-2). Мезолитические культурные горизонты содержат каменные и костяные орудия, присутствует керамика. В горизонтах бронзового века были найдены прямоугольные очаги, выложенные плиткой, и очаги округлой формы, выложенные галькой. Наряду с каменными, костяными и керамическими артефактами встречаются изделия из бронзы, что свидетельствует о наличии металлообработки. Анализ каменных индустрий позволяет утверждать об их непрерывности и совершенствовании с течением времени. Орнаментация керамических изделий также свидетельствует о развитии и усовершенствовании керамических индустрий от мезолита к эпохе бронзы.

В результате планомерного исследования памятника в научной печати появились публикации, посвящённые изучению поселения. Это, в свою очередь, вызвало интерес к памятнику иностранных специалистов, учёных из Дании, Норвегии, США.

История исследований поселения Студёное с участием американских учёных началась в 1996 г. В этом году на базе Студёновского комплекса проводился один из этапов Международного археологического конгресса, посвящённого 100-летию гуннской археологии. В рамках конгресса в работе на памятнике принимали участие доктор, профессор Орегонского университета Тед Гобел, доктор, профессор Техасского университета Майкл Уотерс, а также студенты Орегонского университета.

Интерес американских учёных к Студёновскому комплексу не случаен. Во-первых, его археологический материал и геоморфологическое положение являются характерными для забайкальских стоянок конца верхнего палеолита. Большое количество артефактов и культурных особенностей, а также чёткая стратиграфия делают поселение очень подходящим объектом для геоморфологического исследования. Во-вторых, археологический материал, собранный на стоянке, практически неизвестен учёным за границей. Кроме того, некоторые исследователи приводят доказательства в пользу того, что жители сибирских поселе-

ний с развитыми микропластинчатыми технологиями были прямыми предками первых обитателей Нового Света (Диков 1978; Мочанов 1978).

Исходя из этих соображений, американские учёные продолжили исследование памятника в 1998 г., когда в работе экспедиции принимали участие аспирантка кафедры антропологии Нью-йоркского университета Йошико Абе, занимавшаяся палеозоологическими исследованиями (результаты исследования находятся в стадии обработки), и аспирант Техасского университета Йен Бувит. Главной целью их исследований было установить связь между занятиями человека и меняющимися геоморфологическими и климатическими условиями на поселении. Ещё точнее, целью работы было: 1) дать более глубокую интерпретацию геоморфологического расположения и процессов формирования стоянки Студёное; 2) зарегистрировать изменение растительного покрова на поселении во время позднего четвертичного периода и попытаться объяснить климатические изменения в конце четвертичного периода. Цель эта была достигнута, а результаты работы нашли отражение в диссертации, предоставленной Й. Бувитом в Техасский университет на соискание степени магистра.

Принимая во внимание вклад, который американские учёные внесли в понимание памятника, нельзя не отметить, что благодаря сотрудничеству российских и американских специалистов было получено несколько дополнительных радиоуглеродных датировок поселения. В 1996 г. доктором Т. Гобелом были отобраны образцы на радиоуглеродный анализ. По углю из очагов № 1 и 2 (горизонт 4/5) были получены две даты: соответственно,  $17885 \pm 1120$  (AA-23653) и  $17225 \pm 1115$  (AA-23665), а по кости  $18830 \pm 300$  (AA-26739). Ещё один образец угля из горизонта 4/5 был взят Й. Бувитом в 1998 г., по нему была получена дата  $17165 \pm 1115$  (AA-23657). Были проведены спорово-пыльцевые, почвоведческие и изотопные анализы.

Исходя из взаимовыгодных результатов российско-американского взаимодействия, сотрудничество учёных двух стран и в будущем представляется весьма целесообразным.

*Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов*

*Р.А.Шадрин, В.П.Попов*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)*

## **Жилище на галечнике – новый культурный горизонт поселения Студеное-II.**

Многослойное поселение Студеное-II расположено в 2-х км от с.Нижний Нарым Красночуйского района Читинской области, недалеко от впадения правобережного ручья Студеный в р. Чикой. Оно связано со II-й надпойменной террасой р. Чикой высотой 9-10 м. (Константинов М.В., 1994)

В 2000 г. силами археологического отряда ЗабГПУ было продолжено исследование этого памятника и выявлен новый культурный горизонт, расположенный на кровле галечника в основании II-ой террасы. Эта часть отложений связана с нормальным русловым аллювием. Раскоп поставлен на мысовидной части террасы образованной рекой Чикой и ручьем Студеный. Общая вскрытая площадь культурного горизонта составляет 116 кв.м.

В северо-западной части раскопа обнаружен жилищно-хозяйственный комплекс №1, расположенный в 1,5 м. от уступа террасы (зоны крутого падения галечника). В центре комплекса находится очаг, имеющий округлую форму, размеры которого 1,36х1,2 м. Обкладка очага неравномерная, открытая в восточную сторону, состоит из 6 крупных и 9 небольших камней. Все камни имеют следы нагара и прилегают друг к другу более или менее плотно. Внутри очага, рядом с кладкой найден чоппер. Очаг занимает центральную часть площад-

ки, которую возможно интерпретировать как жилище диаметром около 3-х метров. На удалении от очага в пределах 0,8-1,2 м. симметрично расположено 13 камней, которые могли служить обкладкой жилища. В восточной части комплекса два камня, идентичные по размерам с остальными, выбиваются из общей округлой формы обкладки и тем самым образуют спиралевидный контур. В западной части обкладки к одному из камней прилегают три продолговатых гальки.

В центре вскрытой площади найден хозяйственный комплекс №2, представленный пятью крупными камнями обкладки и кострищем в центре с обожженными камнями по краям. Расстояние между камнями от 0,97 до 0,12 м. Обкладка образует собой большую дугу, открытую к юго-востоку. Анализируя нивелировочные промеры горизонта, можно заключить, что данный комплекс находится в ложбинке, в которой галечные камни, затянуты супесчано-суглинистой массой. Это обеспечивает более выгодные бытовые условия стоянки.

Внутри «каменной дуги» расчищено кострище диаметром 1,2 метра. Камни, образующие очаг, имеют явные следы нагара, и располагаются симметрично по отношению к крайним обкладочным камням. В заполнении очага найден отщеп, с мелкой рабочей ретушью по краю со спинки, мелкие обломки костей и зубов.

Также в центральной части раскопа, но ближе к уступу террасы по отношению к комплексу №2 выявлена группа из 8 крупных галек, образующих округлую обкладку №3. Высота камней 0,08-0,1 м ; диаметр обкладки до 1 метра. Внутри обкладки встречаются мелкие обгорелые камни. Эта группа камней не имеет следов привязанности к какой-либо внешней обкладке и может быть интерпретирована как внешнее кострище. Рядом с обкладкой найдены концевой скребок высокой формы, обломок ребра черно-сажистого цвета с заостренным концом (возможно, шило) и мелкий обломок челюсти.

Ближе к юго-восточной стенке раскопа обнаружен комплекс №4, состоящий из крупных и средних валунчиков, расположившихся на поверхности галечника. 16 камней высотой от 0,5 до 0,19 метров на удалении друг от друга около 0,1-0,15 м и представляют собой дугообразную кладку, которая по одному из вариантов интерпретации могла служить тамбуром- входом в жилище. Жилища с такими своеобразными «прихожими» были найдены ранее на стоянке Толбага. В этом случае территория самого жилища будет уходить за пределы вскрытой площади.

Предварительный анализ находок и стратиграфического положения культурного горизонта позволяет датировать его концом каргинской- началом сартанской эпохи (около 25 тыс.л.н.). Дальнейшие результаты покажут камеральные работы и археологические раскопки 2001 года.

*Научный руководитель – д.и.н М.В. Константинов*

*П.В. Мороз, М.Н. Мещерин*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет,  
Забайкальское отделение РГО)*

### **Опыт определения ведущих орудийных типов для забайкальских объектов средней поры верхнего палеолита (на примере стоянки Мастеров ключ)**

Развитие взглядов на периодизацию палеолита за почти полувековую историю региональных исследований в Забайкалье, не претерпело значительных изменений. В основе изучения забайкальского верхнего палеолита лежит общепринятая трёхчленная классификация в которой традиционно выделяются три периода (этапа) – ранний, средний и поздний. Этой системы взглядов придерживается большинство ведущих исследователей дан-

ной тематики (Окладников А.П. 1968; Кириллов И.И. 1969; Базаров Д.Б., Константинов М.В. и др. 1982; Константинов М.В. 1994).

Выделение этих этапов основано на данных стратиграфии четвертичных отложений, геоморфологии дислокации исследуемых объектов, технико-типологических характеристиках индустрий и показателях абсолютной хронологии. Начальный этап, с точки зрения технологии индустрии, представлен выразительной крупнопластинчатой техникой с подпризматическим расщеплением камня и существенным присутствием леваллуазских элементов. Последний этап характеризуется преобладанием микротехнических традиций, распространением клиновидных нуклеусов и бифасов. Средний этап в плане технико-типологического обоснования более сложен и не имеет устоявшихся технико-типологических характеристик. Отмечаемые ранее факты «измельчания» орудийных форм и «зарождения» микропластинчатых индикаторов для данного этапа не имеют материализованных признаков. На самом деле, при детальном рассмотрении «бесцветие» технологических признаков средней поры верхнего палеолита Забайкалья имеет своеобразный «колорит», который следует обосновано фиксировать. Одной из наиболее выразительных стоянок средней поры верхнего палеолита в Забайкалье является Мастеров ключ, которая имеет достоверное геолого-геоморфологическое и абсолютное хронологическое обоснование. Палеолитические слои связаны со склоновыми отложениями делювиально-пролювиального шлейфа. Основные находки залегают в горизонте раннесартанского педокомплекса и чуть ниже него – в горизонте солифлюкции последнего (ошурковского) неоплейстоценового оледенения. По стратиграфической позиции находок получен ряд радиоуглеродных дат – АА-8888 – 24,360 ± 270; АА-23642 – 19,415 ± 260; АА-23641 – 29,860 ± 1,000 АА-23640 – 32,510 ± 1,440. Наиболее предпочтительным для времени существования стоянки представляется хронологический просвет от 25 до 30 тыс. л.н. На примере коллекции Мастерова ключа (4, 5 культурные компоненты, раскопки 1990-91 гг.) сделана попытка составления тип-листа.

Предлагаемый нами алгоритм описания и анализа рассматриваемых орудий представляет собой оценку по следующим пунктам:

- 1) морфотип орудия;
- 2) тип заготовки;
- 3) форма, составляющих его, конструктивных деталей;
- 4) тип оформления конструктивных деталей изделия.

В качестве основных типов заготовки для орудий служили в основном асимметричные призматические пластинки. Их фрагменты и отщепы, отмечены примерно в равном соотношении.

Наиболее представительна группа обушковых орудий, которая включает в себя ножи, ножевидные пластинки.

Ножи (17)- сколы изготовленные на фрагментах пластинок и пластинчатых сколах, размерами от 5.8 см до 2.05 см – в длину, от 3.59 см до 1.3 см – в ширину, от 1.8 см до 0.4 см – в толщину. Они имеют продольное лезвие и обушок. Лезвие в большинстве случаев без собственного оформления, но сохраняет по рабочей кромке следы утилизации. Следы повреждений от утилизации – мелкие, чешуйчатые, одноразмерные, расположены узкой полоской вдоль края чаще с вентральной стороны. Выкрошенности от износа выступали на брюшковой поверхности. Обушки отмечаются одинарные, двойные и тройные, располагающиеся в однонаправленных или перекрёстно-перпендикулярных плоскостях, на медиальных фрагментах или продольных пластинках.

Ножевидные пластинки (14 экз.) – мелкие пластинчатые сколы, имеющие длину от 1.8 см до 7 см при ширине от 0.3 см до 2.3 см и толщине от 0.3 см до 0.63 см, удлинённые, подпрямоугольные или подтреугольные симметричные формы, в большинстве случаев со сле-

дами утилизации. К данному типу так же отнесены фрагменты пластинок (18 экз.) которые имеют размеры 1.26 (3.5) см x 1.46 (3.65) см x 0.14 (0.82) см.

Скрепки (3 экз.) представляют относительно немногочисленную группу. Они отличаются миниатюрными формами в сравнении с аналогами «толбагинского» этапа или отдельными образцами куналейской культуры 2.3 (2.78) см x 1.88 (2.65) см x 0.65 (0.77) см. Следует заметить, так же, что в качестве основы для данного типа служили целые пластинки и их фрагменты, или подпрямоугольные отщепы. Встреченные формы рабочего края выпуклые, а так же прямые, перпендикулярные и трансверсально скошенные.

Резцы (7 экз.) представлены угловыми типами, которые доминируют. Они имеют размеры 1.7 (6.03) x 1.4 (5.05) x 0.48 (1.78). В качестве заготовки использовались фрагменты пластин, пластинчатых отщепов и крупных сколов. Единичным экземпляром представлен двойной угловой резец на фрагменте пластинки.

Долотовидные орудия (3 экз.) имеют размеры 4.18 (5.6) см x 1.18 (2.25) см x 0.11 (1.18) см. Они выполнены на подпрямоугольных укороченных пластинчатых сколах. Рабочие поверхности долотовидных орудий несут следы уплощающих чешучатых негативов, широко захватывающих фасиальные поверхности изделия.

Проколка-дрель (4 экз.) – изделие, имеющее выступающий шиповидный рабочий край – «жало». Размеры – 1.88 (4.6) см x 1.48 (3.56) см x 0.54 (1.37) см. Жало оформлено дополнительной краевой противоположающей ретушью. В ряде случаев данный тип ранее определялся понятием «провёртка».

Из перечисленного инвентаря мы наблюдаем преобладание пластинчатых заготовок для орудий. При этом не встречено образцов выполненных в технике микропризматического расщепления, так же как и крупнопластинчатых сколов с подпризматического нуклеуса. Среди типов, отнесённых к орудиям, большую часть составляют обушковые инструменты. По всей видимости они и составляют маркирующий орудийный тип. Угловые резцы переменны в исполнении. Концевые скрепки на крупных пластинчатых основах отсутствуют. Представленный орудийный комплекс однороден и по своим морфотипологическим характеристикам принципиально не сопоставим с индустриями раннего и позднего этапов верхнего палеолита в Забайкалье.

*Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов*

*М.А. Матафонов*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)*

### **Многоочажные комплексы на палеолитических поселениях Западного Забайкалья**

В течение 30 лет работы Красночикийского археологического отряда ЗабГПУ был открыт ряд археологических памятников, на которых были выявлены жилища. При этом все жилища относятся к двум типам: одно- и многоочажные.

В работе рассматриваются многоочажные жилища с целью выделить общее и особенное в характере конструкций, а также определить возможные варианты интерпретации многоочажных комплексов, к которым относятся комплексы поселений Санный Мыс, Усть-Менза –2, Усть-Менза –3, Толбага –1, Студеное –2.

Поселение Санный Мыс находится в долине реки Уда на оконечности правобережной останцовой гряды, вплотную примыкающей к руслу реки, и приурочено ко II надпойменной террасе р. Уды. В к.г.6 расчищено выразительное жилище, датируемое серединой сартанской эпохи в пределах 20-18 тыс. лет назад (Константинов М.В., 1994, с.98). Фундамент жилища вытянуто – овальной формы. Он состоит из плотно пригнанных друг к другу и поставленных на ребро глыб гранита и сиенита, всего их 116. Кладка сплошная, края

каменной касаются или налегают друг на друга. Разрыв в кладке только один, это мог быть вход в жилище. Полезная площадь комплекса составляет 18 кв. м. В центре жилища по его длинной оси, располагались три очага. Они представляют собой золисто – сажистые пятна неправильной округлой формы с заполнением мощностью 5-8 см. Диаметр самого крупного очага 1,4 м.

Поселение Усть-Менза – 2 находится на правом берегу р. Менза в месте впадения ее в р. Чикой и связано со II надпойменной террасой высотой 8-10 м. В к.г. 20 выявлена сложная жилищно-хозяйственная система, состоящая из двух комплексов, условно названных «дальний» и «ближний» по отношению к реке. Видимые размеры комплексов, соответственно, 3x8 м. и 3x10 м. Между ними расположена полоса в 2 м., свободная от находок. Комплексы включают в себя очаги, вытянутые в линию, камни внешней обкладки, предметный материал.

«Дальний» комплекс представлен тремя очагами диаметром до 1 м., мощность заполнения которых составляет до 3 см. Очаги располагаются вдоль длинной оси комплекса. На расстоянии 1,6 м. от очагов расположена разреженная цепочка камней внешней обкладки. Комплекс отличает хорошая сохранность.

Сохранность «ближнего» комплекса гораздо хуже. Выделяются два плохо сохранившихся очага, вокруг одного из них расположено скопление более чем из 50 камней. По углю из очага «ближнего» комплекса получена дата 16980±150 (ГИН-54653).

Поселение Усть-Менза-3 расположено на стрелке, образованной мензинскими и чикойскими террасами высотой 14 м. и приурочена ко II надпойменной террасе. В 4 к.г. горизонте вскрыт интересный хозяйственный комплекс, состоящий из 4 очагов и тяготеющих к ним камней и находок. В целом комплекс занимает площадку 14x3м. Диаметр очагов от 0,6x0,7м до 1,45x1м., мощность заполнения до 4 см. Очаги располагаются попарно в линию. При этом, не смотря на то, что они явно тяготеют друг к другу, между ними заметны свободные пространства шириной до 0,5 м.

Поселение Студеное-2 расположено около с.Нижний Нарым Красночикойского района Читинской области у впадения правобережного ручья Студеного в р. Чикой и связано со второй надпойменной террасой высотой 9-10м. В течение четырех лет исследований был выявлен выразительный жилищно-хозяйственный комплекс с внешней обкладкой и шестью очагами. Размер комплекса 18,5x5 м, его полезная площадь составляет 72,5 кв.м. Очаги расположены вдоль длинной оси жилища через 0,9-1,2 м., диаметр очагов до 1,45x1,6м., мощность заполнения 5 см. По углю, взятому из очагов N1 и N2, получены радиоуглеродные даты: 17885±1120 (AA-23653) и 17225±1115 (AA-23665) (Константинов А.В., 2000 стр.16).

Поселение Толбага находится в долине реки Хилок, в ней широко представлены наклонные и слабо наклонные шлейфы. С одним из таких шлейфов и связано древнее поселение. В слое 4 выявлен комплекс округлой формы, диаметром 6 м. Внешнюю границу жилища определяли плиты и глыбы. Наиболее полно кладка сохранилась с западной стороны жилища. Здесь она имеет дугообразную форму. Кладка представлена отдельными плитками гнейса, расположенными в один ряд. Ее южное окончание несколько иное: на протяжении двух метров кладка была более плотной, камни уложены в несколько рядов шириной до 1м. Всего в описанной конструкции использовано до 60 камней. К нижнему по склону концу кладки примыкала конструкция, состоящая из двух параллельных друг другу рядов плиток. Один ряд был поставлен на ребро. Плитки, очевидно, обрамляли вход в жилище в виде тамбура шириной 1 м и длиной 1,3м. Юго-восточная часть кладки представлена мелкими плитками гнейса, с северной стороны кладка не сохранилась совершенно. В центре жилища находилась 4 очага – неправильных по форме золистых пятна с отдельными плит-

ками гнейса. Очаги располагались «квадратом». Края очажной зоны находились в двух метрах от концов каменной выкладки.

В четвертом слое была выявлена площадка, которая определяется нами как жилище №2, размерами 12х6,4 м., трапециевидной формы, на которой располагались очаги и отдельные камни, образующие определенную систему в центре раскопа. 12 очагов имеют однотипное заполнение – золистую темно-серую супесь мощностью до 11 см. Диаметр очагов от 70х40 см до 210х15 см. так как ввиду склонового расположения поселения культурный слой частично разрушен. Очаги расположены в две линии, примерно параллельные друг другу. Длина линий 6-8 м., расстояние между ними 2,5-3,1 м. (Базарав Д.-Д. Б., и др. 1982 стр.26). С западной стороны жилища по всей длине раскопа расположено большое количество камней. Вероятно это остатки обкладки жилища с запада. С других сторон обкладка жилища не сохранилось или вообще не существовала (Константинов М.В. 1996 стр. 50). По Толбаге получена серия радиоуглеродных дат: 34860±2100 СОАН-1522 и 27210±300 СОАН-1523.

Для сравнения вышеописанных хозяйственных комплексов был выдвинут ряд критериев. Рассмотрим общие и отличительные черты данных жилищно-хозяйственных структур. 1) Длительность и сезонность использования жилищ. На наш взгляд, исследуемые комплексы не являются долговременными. Об этом свидетельствуют маломощные культурные слои в жилищах, незначительное заполнение очагов. В определении сезонной приуроченности следует учитывать расположение комплексов по отношению к реке. Так как зимой на берегах рек температура более низкая, чем на высоких отметках. Поэтому можно предположить, что зимой человек селился на более высоких местах. Примером подобного зимника может служить поселение Толбага, расположенное на высокой отметке 35-50 м над уровнем реки. 2) Общие и отличительные черты в характере конструкций данных комплексов. Общие: а) все хозяйственные структуры занимают сравнительно большую площадь от 18 до 70 кв.м, в пределах которой находятся строительные камни, очаги и предметный материал; б) все комплексы наземные, определенной вытянуто-овальной формы; в) при сооружении комплексов совершенно не использовались кости, черепа, рога и бивни животных, только камни. Отличительные черты: а) жилищно-хозяйственные структуры на поселениях Студеное-2 и Санний Мыс имеют хорошо видимую замкнутую внешнюю обкладку, при этом Санномыское жилище отличается особой массивностью кладки; б) комплексы на поселениях Усть-Менза –2 –3 имеют фрагментарную внешнюю обкладку; в) в комплексе на поселении Толбага-1 обкладка отсутствует вообще.

Интерпретировать рассматриваемые нами комплексы можно по-разному. Возникают следующие варианты реконструкции: 1) ряд отдельных одноочажных, расположенных вплотную друг к другу жилищ, взаимосвязанных внутренними переходами; 2) одно большое жилище с несколькими малыми секторами, отделенными перегородками или пологими. Данные варианты реконструкции подходят к комплексам на поселениях Усть-Менза-2 к.г.20, Толбага-1 жилище №2; 3) комплекс на поселении Усть-Менза-3 можно интерпретировать как несколько средних по размеру жилищ, в каждом из которых по 2 очага; 4) реконструкция жилищно-хозяйственной структуры как единого, вытянуто-овальной или округлой формы жилища соответствует комплексам на поселении Студеное-2, слой 4-5, Санний Мыс горизонт 6 и Толбага-1 жилище №1.

Каркасы жилищ могли сооружаться только с использованием древесных жердей, от которых ничего не сохранилось. При сборке малых жилищ – чумов жерди устанавливались по кругу, а верхние их концы собирались в «пучок»; при сборке больших многоочажных жилищ использовалась коньковая жердь, на которой закреплялись боковые жерди. Каркас жилища напоминал шалаш.

*Научный руководитель – д.и.н. М.В. Константинов*

*Д.В. Намсараев, Б.А. Базаров*  
*(Улан-Удэ, Музей БНЦ СО РАН, Институт монголоведения,*  
*буддологии и тибетологии СО РАН)*

### **Новые археологические объекты палеолитического времени среднего течения р. Селенги**

Крупнейшая река республики Селенга берет свое начало в Монголии. Общая длина ее составляет 1206 км, из которых 419 км приходится на территорию Бурятии. В Селенгу впадают реки Чикой, Хилок, Джида, Уда, Темник, Итанца и др. (Буянтуев Б.Ф., 1964, с. 23).

Целью работы является введение в оборот открытых в последние годы памятников палеолита среднего течения р. Селенги (Селенгинский административный район республики Бурятия).

Первые упоминания о палеолитических памятниках территории исследования относятся в 1895 г., когда А.П. Мостицем была совершена поездка по поручению РГО со специальной целью поиска «поселений каменного века, ознакомления с ними, для сбора археологического материала, систематизации его и прочего». Результатом исследования берегов Селенги явилась «Карта древностей по р. Селенге», составленная им в 1896 г. и представленная на докладе «Следы каменного века в долине р. Селенги», в которой были отмечены палеолитические местонахождения в районе бывших деревень Номохоново и Зуево (Хамзина Е.А., 1982, с. 25-28; Лбова Л.В., Хамзина Е.А., 1999, с. 29-31). Дальнейшие исследования памятников этого периода связаны с деятельностью 1-й и 2-й Бурят-Монгольской археологических экспедиций АН СССР (Г.П. Сосновский, 1928-29 гг.; А.П. Окладников, 1947-58 гг.) (там же, с. 14-15). В этот период открыты следующие памятники: Дэдэ-Сутой, Сутой (г. Суслова), Березовая, Новоселенгинск (пункты 1-6), Чикойская стрелка, Номохоново (Хамзина Е.А., 1982, с. 25-28; Лбова Л.В., Хамзина Е.А., 1999, с. 29-31).

Недавние исследования района, проведенные в рамках инвентаризации и картирования в 1997-1999 гг. (рук. Лбова Л.В.), обнаружили новые палеолитические местонахождения. Как правило, это памятники открытого типа с поверхностным залеганием материала.

Местонахождение **Нижний Дыбын (ст. Билютай)** находится в 2,5 км от ст. Билютай в местности Нижний Дыбын. Артефакты приурочены к отложениям делювиально-пролювиального характера правого борта пади, прорезанного глубоким оврагом. Часть материала экспонирована на поверхности.

Коллекция насчитывает 77 артефактов. Первичная обработка представлена: нуклеусами 6 экз.; пренуклеусами 4 экз.; опробованные гальки 5 экз. (гальки и плитки, имеющие несколько сколов); тех. сколы 5 экз.; сколы 57 экз. Нуклеусы представлены: торцовые клиновидные – 2 экз., подпризматический нуклеус, нуклеусы плоскостного расщепления – 3 экз.

По облику артефакты типичны для начальной поры верхнего палеолита, а также имеются экземпляры, характерные для финального палеолита с галечными формами и заготовками клиновидных нуклеусов.

Местонахождение **Боо (с. Нур-Тухум)** находится в 5,5 км на юго-восток от села, выявлено два пункта сбора подъемного материала на первой и второй террасах. Коллекции подъемного материала относятся к финальному палеолиту, представлены нуклеидными изделиями, отщепами, пластинками и их фрагментами, техническими сколами, отбойником.

Местонахождение **Сурпа (с. Нур-Тухум)** находится в 12,5 км на северо-запад от села, выявлено два пункта сбора подъемного материала. Материал характеризуется разной степенью дефляции; типологическим разнообразием (призматические нуклеусы, пластины и отщепы, технические сколы).

Местонахождение **Дальний (с. Нур-Тухум)** находится в 11 км на юго-восток от села, в 1 км к юго-востоку от пункта 4 писаницы Боо, на склоне юг-юго-восточной экспозиции на



высоте 15 м от уреза р. Селенги. Материал локализован достаточно компактно и распространен в пределах небольшого мыса. Артефакты типологически характеризуются нуклеусами параллельного принципа снятия, различными сколами (заготовки, орудия, технические сколы, отщепы).

Местонахождение **Енхор-II (с. Енхор)** находится на правом берегу реки Селенги в 5 км на северо-восток от села, в 9 км на юго-запад от пос. Новоселенгинск., в 0,5—0,6 км от протоки реки Селенги, на высоте 30—40 м в пади Моностой. Материал фиксируется у края грунтовой дороги. Каменные артефакты архаичного облика и характеризуются эоловой дефляцией поверхности.

Местонахождение **Мост (пос. Новоселенгинск)** расположен на правом берегу р. Селенги и представляет собой горный массив с небольшими конусообразными вершинами, прорезанный обширными котловинами выдувания и оврагами. Цоколь перекрыт эоловыми слабонаклоненными чехлами, на отдельных участках сохранились фрагменты 2, 3, 4 и 5 селенгинских террас. Осмотр поверхности 4 и 3 селенгинских террас показал наличие коррадированного материала поверхностного залегания. В частности, напротив моста, на высоте 25-30 м над урезом воды отмечено подтреугольное крупное снятие с негативами предыдущих конвергентных сколов, четыре отщепы. На этом же участке ранее в 1989 г. Лбовой Л.В. были подняты сильнокоррадированный дисковидный нуклеус, сколы (отщепы), определенные как нижнепалеолитические (Лбова Л.В., 1990).

Перспективность исследований памятников палеолита этого района определена его слабой изученностью, отсутствием стратиграфических привязок. Дальнейшее детальное исследование новых памятников могут дополнить наши представления о палеолите Западного Забайкалья.

*Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Лбова*

*М.М. Маркин, С.Г. Платонова*

*(Абакан, Хакасский Научно-исследовательский институт истории,  
языка и литературы; Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Некоторые аспекты петрографического изучения каменных индустрий Юго-Западного Присалаирья**

Юго-Западное Присалаирье представляет собой пологий и длинный склон Салаирского кряжа с холмисто-увалистым эрозионным рельефом. Относительно однообразная поверхность его покрыта разновозрастными корами выветривания, местами осложнена невысокими скалистыми останцами, сложенными коренными породами палеозоя.

За последние 40 лет на Юго-Западном Присалаирье в долине р. Чумыш выявлено более 30 стратифицированных комплексов эпохи камня и более 100 местонахождений с разрушенными эрозионными процессами культурным слоем. Водными потоками артефакты верхних уровней террас и пологих водоразделов были спроецированы на размытые участки, сложенные осадками различного генезиса и возраста (Кунгуров, Маркин, 1997; Маркин, 1997).

Основная часть спроецированных Чумышом артефактов может быть отнесена к мустьерскому комплексу (рис.1). По материалам местонахождений Кривоногий-1, Октябрьский-7 и др. выделяется комплекс раннего верхнего палеолита (рис.1-4,8,9). Инвентарь стратифицированных комплексов Тарабинская стоянка (Улус-Тараба) (Кунгуров, 1993), Куюк-5 (Кунгуров, 1995), Иваноозерское-2 (культурный горизонт 3) органически вписываются в общий контекст позднего палеолита Южной Сибири (Кунгуров, Маркин, 1995).

Если мезолит долины р. Чумыш еще остается «белым пятном», то эпоха неолита известна по достаточно большому количеству стратифицированных объектов: Усть-Васиха-2, Ков-

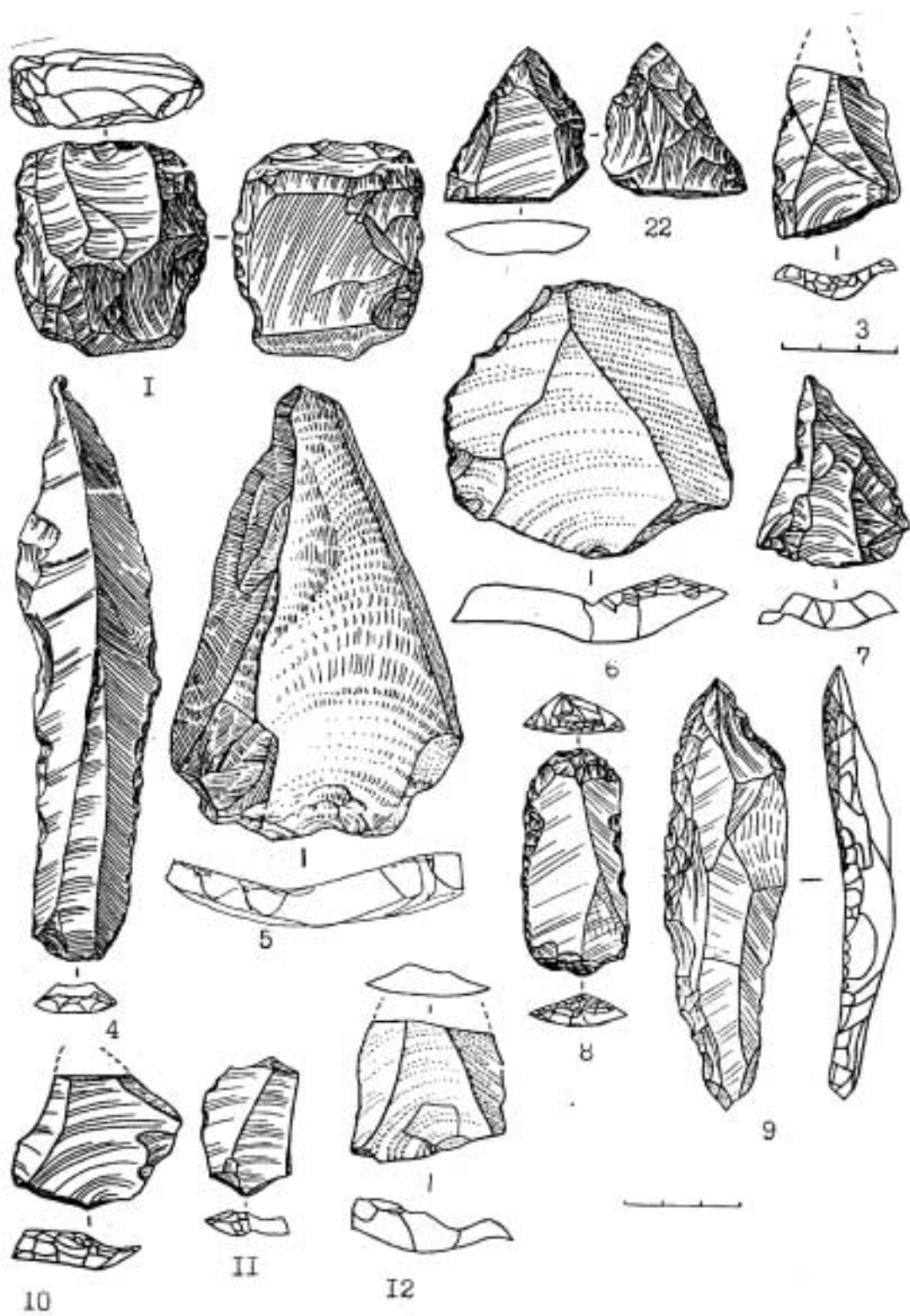


Рис.1. Каменный инвентарь местонахождений Кривоногий-2 (1), Ельцовка-3 (2), Васильевское-2 (3), Антипино-2 (4), Сары-Айры-1 (5), Мартыново-6 (6,10,11), Брагино-6 (7), Октябрьский-7 (8,9), Куюк-2 (12).

рижка-1,2, Курноско-1, Корначак-1,2, Иваноозерское-2 (культурный горизонт 2), Брагинский Елбан, Антипино-5, Ульяновка и мн. др. (Кунгуров, 1997, 1998; Маркин, 1997, 2000).

Петрографический анализ материала позволяет говорить о том, что древние обитатели Юго-Западного Присалаирья использовали местный камень. Особое внимание привлекали кремнистые разновидности алевролитов, туфоалевролитов и аргиллитов. Несколько меньшим применением пользовались песчаники и туфопесчаники тонко- и мелкозернистой структуры от темно-серого до зеленого цвета, а также микрокварциты (кремни) черного цвета.

На местонахождениях Победа-1 и Колонково-8 обнаружены скребла, оформленные на полупервичных отщепах, сколотых с галек полосчатого и черного микрокварцита кивдинской свиты, что свидетельствует, по-видимому, о приносе заготовок или целых орудий из долины р.Неня. Самое большое количество туфов и туфопесчаников отмечается на археологических объектах 12-километрового отрезка долины Чумыша между урочищем Октябрьский и с.Мартыново, что связано исключительно с распространением аналогичного каменного материала в аллювии, элювии и коренных источниках.

На всех пунктах древним человеком осуществлялась первичная разбраковка материала. В производство вовлекались темноцветные, тонкозернистые, кремнистые разновидности горных пород, обладающие примерно схожими физико-механическими свойствами.

Дальнейшие междисциплинарные геолого-петрографические и археологические исследования позволят выявить мотивы, определяющие выбор направленности поведения древнего человека при поиске, отборе и доставке сырья, применении различных технологий расщепления для получения орудийных заготовок, а в конечном итоге – приступить к реконструкции практического мышления древних обитателей региона.

*Д.В. Ожерельев*

*(Алматы, Казахский государственный национальный университет им. аль-Фараби )*

### **Верхнепалеолитические памятники Южного Казахстана**

В археологическом отношении территория Южного Казахстана в научной литературе известна благодаря нижнепалеолитическим памятникам – Борыказган, Кызылтау, Шоктас, Кошкурман и другие. Однако и в период верхнего палеолита хребет Каратау был одним из ареалов активной жизни первобытных людей, о чем свидетельствуют выявленные памятники – Ушбас, Ачисайская стоянка, стоянка им. Ч.Валиханова (слой 1) и другие.

Первые находки палеолита были сделаны в 1956 году геологами Г.А.Ярмаком и Н.В.Седовым у родника Айдарлыбулак, в 10 км к северо-западу от поселка Сулеймансай. Ими обнаружены два нуклеуса конической формы в виде усеченного конуса и два скребка небольшого размера дисковидной формы.

В 1,5 км от озера Куйганколь был собран ряд артефактов. Среди них нуклеидное орудие, от которого скалывались широкие пластины и отщеп, имевший с одного конца ретушь (Ярмак Г.А., 1957, с. 104-107).

Дальнейшие открытия памятников верхнего палеолита связаны с именем Х.А. Алпысбаева. В 1957 году им зафиксирована стоянка Ачисай, приуроченная к телу высокой левобережной террасы реки Турлан, находящейся примерно в 2 км севернее Турланского перевала через хребет Каратау и в 28 км западнее п. Чулаккурман. В 1963 и 1965 годах здесь были произведены разведочные раскопы в суглинистой толще высокой надпойменной террасы. На глубине 7,5-7,8 м от поверхности террасы было найдено 15 кострищ с расположенными вокруг обломками костей животных. Среди множества каменных изделий встречены призматические и конусовидные нуклеусы, скребки, ножевидные

пластины, проколки. Характер обработки каменного инвентаря, форма орудий и отщепов позволили датировать стоянку верхним палеолитом (Костенко Н.Н., Алпысбаев Х.А., 1966. с.66,68).

Стоянка Сорколь обнаружена Х.А.Алпысбаевым в 25-26 км к востоку от с.Байкадам, в 1,5 км от озера Сорколь. На втором террасовидном уступе было найдено множество верхнепалеолитических орудий: нуклеусы, главным образом, одноплощадочные призматической и конусовидной формы, пластины со следами ретуши и неподработанные пластины, скребки, скребло и другие орудия. Подавляющая часть артефактов патинизирована в той или иной мере. Сырьем для производства орудий служили серовато-черные мелкозернистые кремни, которые добывались и обрабатывались на месторождении в 10-15 км к югу и юго-западу от стоянки (Алпысбаев Х.А., 1962, с.29-30). На этой стоянке работы продолжаются усилиями Совместной Казахстано-Российской комплексной археологической экспедиции, Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) и Института археологии НАН РК (г. Алматы).

Комплекс стоянок был обнаружен в урочище Ушбулак у соответствующих родников в 36 км к северо-западу от города Каратау (Ушбулак I-VI). На стоянках Ушбулак 1,2 были собраны десятки конусовидных и призматических нуклеусов, сотни ножевидных пластин со следами ретуши на некоторых из них. Материалы стоянки Ушбулак 3б содержат карандашевидные и конусовидные нуклеусы, концевые скребки, четыре проколки, отщепы, изготовлявшиеся из черного и белого мелкозернистого кремня. Также находки на стоянках Ушбулак 4,5 характеризуются наличием 15 кремневых пластинок, отщепов, призматического нуклеуса. Орудия, найденные здесь, были принесенными палеолитическими охотниками (Алпысбаев Х.А., 1962, с.32-33; Таймагамбетов Ж.К., 1990, с.13,18). Стоянки Ушбулак I-V, по-видимому, существовали с ранней поры позднего палеолита.

Известным памятником является верхнепалеолитическая пещера Ушбас, исследованная впервые в 1958 г. Х.А.Алпысбаевым. В раскопе, доведенном до скального дна пещеры, были обнаружены боковые резцы, отщепы из черного кремня, костные остатки носорога, бизона, ископаемой сайги, лисицы, корсака (Алпысбаев Х.А., 1962, с. 28-29). В 1968 г. геологом Б.А.Волчковым был заложен шурф, также доведенный до скальных пород пещеры. Было выделено три культурных слоя, из которых средний и нижний собственно относятся к позднему палеолиту. Каменных орудий труда обнаружено не было.

Особенное внимание привлекает удлиненный алевролитовый отщеп с 10 пропилами.

На основе сравнения со схожими находками в Грузии, в Моравии (пещеры Пекарна, Бычи Скала) был сделан вывод, что предмет является счетной биркой позднепалеолитического человека (Григорьев Ф.П., Волчков Б.А., 1998, с.68-75).

К числу немногих стратифицированных памятников каменного века Казахстана относится стоянка имени Ч.Валиханова. Раскопки, проводившиеся здесь в 1958-60, 1962 годах Х.А.Алпысбаевым и продолженные в 1980-х гг Ж.К.Таймагамбетовым, выявили наличие шести культурных слоев. Хотя в целом стоянка датирована мустьерским периодом, верхний слой (слой1) авторы относят к позднепалеолитическому периоду. Слой 1 был вскрыт на площади 1200 м кв. Культурные остатки были зафиксированы на глубине 2, 3м. Мощность слоя составила 8-12 см, при наличии всего 537 каменных изделий. Для изделий характерно преобладание призматических нуклеусов, пластин со следами использования, скребков с полукруглым рабочим краем. Особенностью стоянки является сосуществование позднепалеолитических форм типично мустьерских (дисковидные нуклеусы двусторонней обработки).

В целом позднепалеолитический слой является закономерным этапом развития предшествующих мустьерских культур (Таймагамбетов Ж.К., 1990, с. 33-40, 113).

Таким образом, на территории Южного Казахстана открыто сравнительно мало памятников верхнего палеолита. Датирующими характеристиками для них служат фауна и особенности изделий, присущие верхнепалеолитическому этапу каменного века. На некоторых памятниках прослеживается связь с мустьерскими орудиями, обнаруженными на стоянках этого региона. Но о выделении особого, южноказахстанского, варианта верхнего палеолита пока говорить рано.

*Научный руководитель – д.и.н Ж.К. Таймагамбетов*

*Д.С. Раднер*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Предалтайская равнина: каменный век (характеристика региона)**

Изучаемый район в географическом плане представляет территорию ограниченную на востоке р. Катунь, на западе р. Чарыш, на севере р. Обь, на юге Алтайскими горами.

Геологическое строение района весьма своеобразно. В составе пород слагающих хребты междуречий преобладают изверженные породы, однако большинство встречающихся здесь интрузий скрыто под рыхлыми отложениями, на поверхность выходит лишь Белокурихинский массив и небольшие тела в низовьях рек Песчаной и Ануя. Кроме того, встречаются выходы песчаников, порфиристов, конгломератов, кварцитов. Увалы составлены гранитами и роговиками. Останцы сложены как правило устойчивы к разрушению породами – гранитами, роговиками. Таковы останцы левобережья р. Катунь, в долине р. Песчаной, в низовьях р. Ануя. Карстовый рельеф формировался в местах залегания известняков (левобережье Катунь, напротив с. Манжерок и в верховьях р. Каменки и Сарасы (Малолетко А.М., 1972).

История исследования.

Успешные открытия и исследования памятников каменного века в предгорьях Алтая относятся к 30 гг. и связаны с именами С.М.Сергеева, А.П. Маркова и Г.П. Сосновского. Самые первые находки связаны с именем Н.Д. Копытова. С 1927 г. С.М. Сергеев, директор Бийского Краеведческого музея и А.П. Марков, школьный учитель, ведут активную работу. Летом 1935 г. на Алтай снаряжается экспедиция под руководством Г.П. Сосновского. Во время войны исследования на Алтае были приостановлены, но возобновились уже в 50-х гг. В 50-60 гг. большую работу по изучению древних памятников проводил сотрудник Бийского Краеведческого музея Б.Х. Кадиков. В 60-х гг. им была открыта стоянка Красная горка в устье р. Ануя. Геологи Ю.В. Куропаткин, С.Ф. Дубинин и О.М. Адаменко открыли стоянку Урожайную, Талицкую и стоянку у оз. Светлого. В 1963 г. начались работы на Алтае под общим руководством А.П. Окладникова. В 1969-70 гг. по его поручению отряд под руководством Н.Д. Оводова из Института Истории, Филологии и Философии СО АН СССР исследовал пещеры предгорий (Лапшин Б.И., 1982). В 1976-77 гг. бийский археолог Б.И. Лапшин проводил в предгорьях разведочные работы. Во второй половине 70-х гг. изучению древностей края приступает археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина (Шуньков М.В., 1987). В результате крупномасштабных полевых работ барнаульские археологи А.Л. Кунгуров, М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков, и др. открыли и исследовали новые и старые памятники каменного века.

Целью работы является систематизация данных по каменному веку Предалтайской равнины и картографирование известных археологических памятников эпохи камня, попытка обоснования особенности их локализации. Кроме того задачей работы является привлечение внимания исследователей к изучению данного региона, поскольку он крайне слабо об-

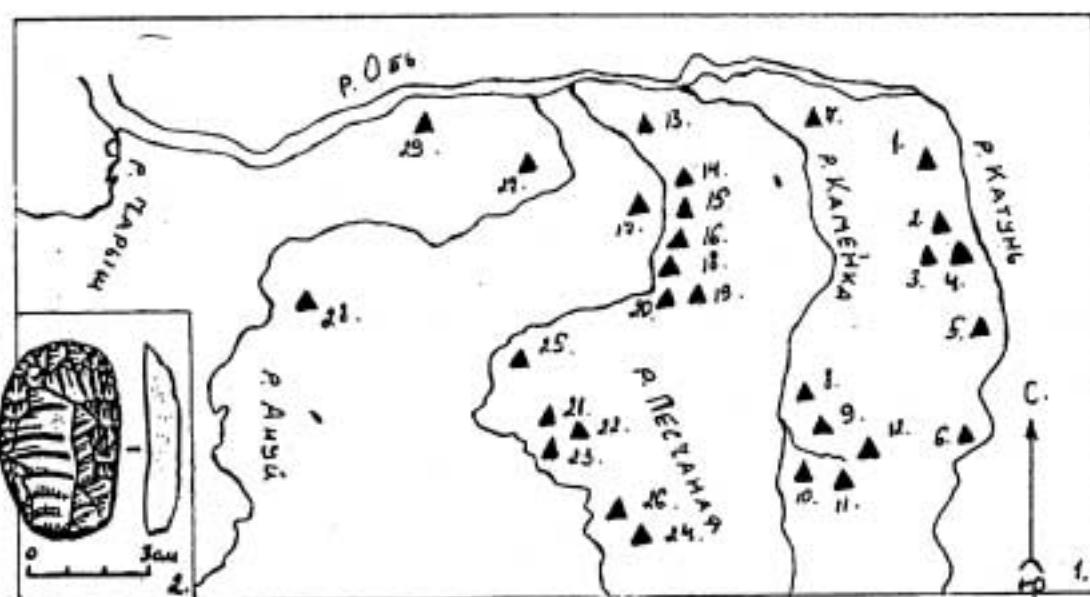


Рис. 1. 1. Карта схема. 2. Зеленый Дол, скребок

1. Гора Монах	16. Точильное 3
2. Стоянка Урожайная	17. Точильное 4
3. Талицкая стоянка	18. Точильное 5
4. Стоянка у озера Светлого	19. Точильное 7
5. Шульгин Лог	20. Точильное 8
6. Талдинские пещеры	21. Поселение Зуев Ручей 1
7. Красный Яр	22. Поселение Зуев Ручей 2
8. Местонахождение в долинах рек Каменка и Сараса	23. Поселение Усть - Быстрая
9. Пещера Пролетарская	24. Тоурак 2
10. Пещера Большая Кыркылинская	25. Сычевка
11. Пещера Малая Кыркылинская	26. Усть - Мариньинка
12. Каторжная пещера	27. Красная Гора
13. Заречное	28. Зеленые Дол
14. Точильное 1	29. Цыганкова сопка
15. Точильное 2	

следован и работы, в том числе и полевые в долинах рек Песчаной, Ануй, правобережья Катуня, да и на остальной территории, могут дать богатый материал. Поэтому эта тема является достаточно перспективной. В дальнейшем накопленные данные могут быть использованы для сопоставления и сравнения с материалами других территорий.

Особенности размещения памятников.

Наибольшая концентрация памятников каменного века прослеживается на левом берегу р. Катуня и в устье р. Песчаной, меньшая на реках Каменка и Ануй. Часть стоянок расположена на скальных останцах разрушенных эрозией (Красная Гора, Урожайная и др.). Другая часть памятников находится на террасовых мысах (Красный Яр, Тоурак и др.). Остальные представлены пещерами, которые к настоящему времени практически неизучены. Это как правило карстовые полости, удобные для стоянок (Талдинские пещ. и др.).

Условия залегания слоев. Культурные слои предгорной группы стоянок входят в состав подошвы покровного горизонта лессовидного суглинка, перекрытого голоценовым гумусовым горизонтом.

Характеристика инвентаря. Инвентарь стоянок Урожайной и Красной Горы состоит из позднепалеолитических орудий и нуклеусов. Памятник Сопка Урожайная относится к нижнекатунской культуре. Основная масса орудий стоянки скребла и скребловидные орудия. Кроме того, среди находок встречены рубящие, выемчатые и зубчато-выемчатые изделия, топоры – бифасы, плоскостные и клиновидные нуклеусы, пластины. Инвентарь памятника Красная Гора во многом схож с инвентарями нижнекатунской культуры. Немногочисленный набор (скребки, резцы и отщепы, клиновидные нуклеусы, пластины) позволяет сделать некоторые выводы: сочетание развитой техники снятия призматических пластин с изготовлением галечных орудий – «бифасов», сохранение плоскостного принципа расщепления камня. Часть изделий находят прямые аналогии в нижнекатунских памятниках – нож с двухсторонне обработанным краем, «микроклювовидное» орудие и скребки схожи с орудийным набором Урожайной (Кунгуров А.Л., 1991).

*Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров*

*А.П. Деревянко, С.В. Маркин, С.А. Ефремов  
(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)*

### **Предварительные результаты археологического изучения слоя 7 пещеры Каминная (Горный Алтай)**

Пещера Каминная расположена в 28 км. юго-западнее п. Черный Ануй, Усть-Канского района, Республики Алтай, в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол, впадающей в р. Ануй и представляет собой галерейный образец карстовой полости, в устьевой части которой наблюдается расширение в виде грота, образующее центральную камеру. Высота ее над уровнем моря составляет 1100 м. В пещере констатирована многослойность археологических материалов, занимающих интервал в археологической периодизации от эпохи мустье до этнографической современности (Деревянко, Гричан, 1990).

Слой 7 выявлен и изучен на площади вблизи капельной линии между двумя приустьевыми разрезами (С – D и E – F), расположенными в метре друг от друга и представляет собой светло-бежевую, рыхлую, фосфатного состава супесь, с редкими обломками известняка мощностью 0,01 – 0,17 м. В настоящей работе представлен набор предметов каменной индустрии происходящий из отмеченного подразделения.

В состав каменной индустрии раннеголоценового слоя 7 входит 510 единиц изделий, включающих: 407 экз. чешуек; отщепы 53 экз. (из них целые – 24 экз., фрагменты – 29

экз., длиной 20 – 25 мм., шириной. – 15 – 20мм., толщиной – 3-5 мм.); бесформенные осколки – 11 экз.

Пластина (ширина скола более 20 мм.)- 1 экз., представлен дистальным фрагментом заготовки, характер ограничения лицевой плоскости которого – продольно – краевой, остаточная ударная площадка – неопределимая.

Пластинки (ширина скола менее 20, но более 5 мм.)- 20 экз., из числа которых по количеству граней выделяются следующие виды изделий: двугранный стандарт – 11 экз., трехгранный стандарт – 7 экз, представлены также четырехгранное и пятигранное изделия;

Микропластинки (ширина скола менее 5 мм.) – 1 экз.; (двугранный стандарт);

Продукты первичного расщепления представлены первичным и уклонившимся сколами.

В состав орудийного набора входят: скребло – простое поперечное выпуклое (выпуклое рабочее лезвие приурочено к поперечному краю заготовки; ограничение продольное); скребок – концевой на отщепе укороченный (ширина заготовки превышает длину), рабочий край оформлен краевой лицевой ретушью; долотовидное орудие изготовлено на отщепе, с рабочим краем, оформленным чешуйчатой подтеской; острие двуконечное, образованное путем схождения двух ретушированных краев; бифас.

Пластинки с ретушью (7 экз.). По расположению последней выделяются следующие разновидности артефактов:

1. С краевой лицевой ретушью (1 экз.), данный тип изделий представлен одним дистальным фрагментом.

2. С краевой брюшковой ретушью (3 экз.). В виде медиального и дистальных (2 экз.) фрагментов.

3. С брюшковой ретушью двух продольных краев(2 экз.). В слое выявлены медиальный, и дистальный фрагменты.

4. С бифасиальной ретушью (1экз.), в виде дистального фрагмента изделия. Изделия представляют собой стандартные трехгранную (4 экз.) и двугранную пластинки (3 экз.).

Обломок орудия (отщеп с ретушью?) один край предмета сильно ретуширован с одной стороны, а другой – с другой.

Отщепы с ретушью представляют собой: – обломок отщепа с брюшковой отделкой и первичный пластинчатый скол с галечной коркой, продольные, а также одна из поперечных осей которого посредством краевой обработки начинают приобретать форму наколенника стрелы.

Как показал анализ огранки спинок отщепов, большинство предметов (14 экз.) имеют бессистемное ограничение. Остальные разновидности ограничения спинок отщепов в количественном отношении распределяются следующим образом: галечное ограничение – 1 экз., дорсально – гладкое – 11 экз., радиальное – 2 экз., продольное – 7 экз., продольно-краевое – 2 экз, бипродольное – 1 экз., ортогональное – 13 экз., ортогонально-краевое – 2 экз. Среди остаточных ударных площадок определяются следующие типы: гладкая линейная ударная площадка – 6 экз., гладкая линейно – выпуклая – 8 экз., двугранно-симметричная – 2 экз., двугранно – асимметричная – 1 экз., фасетированная прямая – 1 экз., фасетированная выпуклая – 1 экз., с поврежденная вторичной отделкой – 3 экз., точечная – 8 экз. Остальные отщепы (23 экз.) имеют неопределимую ударную площадку. Обилие отщепов с неопределимой ударной площадкой объясняется сильной фрагментированностью продуктов каменной индустрии.

Коллекцию изделий из кости и рога составляют: срединная часть иглы (обломана со стороны ушка и со стороны острия), а также имеется костяная щитковая нашивка с отверстием и костяная подвеска с отверстием.

Набор каменных артефактов из слоя 7, имеет много общего с индустрией раннеголоценового слоя 10а данного памятника (возраст которого установлен двумя радиоуглерод-



ными датами –  $8850 \pm 120$  лет (СОАН – 3700),  $8685 \pm 100$  лет (СОАН – 3701), а, также, находит аналогии в вышележащих слоях (5 и 6) (Деревянко, Маркин и др., 1996; Деревянко и др., 1998). Других аналогий представленному комплексу среди раннеголоценовых памятников Северо – Западного Алтая в настоящее время не выявлено. Однако характер рассматриваемой индустрии Каминной позволяет сравнить ее с хронологически близкими памятниками Алтая: Усть – Сема (верхний и средний слои), Усть – Сема 2 и 3, Тыткескень 2 (8 культурный слой), Тыткескень 3 (4 – 6 к. с.), НТП – 1 и др., объединенными в усть – семинскую археологическую культуру эпохи мезолита (Кирюшин, Кунгуров, 1995, С.61 – 62). Определенная генетическая связь сравниваемых явлений прослеживается в микропризматической технике расщепления. Тем не менее набор артефактов из слоя 7 пещеры Каминной не содержит полного перечня признаков, характерных для данной культурной группировки. К тому же при изучении раннеголоценовой эпохи на Алтае, к которой без сомнения относится описанный технокомплекс, не раз отмечался ряд серьезных затруднений в степени ее археологического исследования: трудности в хронологии памятников микролитического облика, слабая хронологическая изменчивость микроиндустрий, не разработанность детальной классификации микролитических комплексов (Молодин, Петрин, 1990). Перечисленное выше в значительной степени обуславливает скорейшее введение в научный оборот новых материалов по интересующей нас эпохе.

*Е.С. Игумнова, Н.А. Савельев, А.В. Тетенькин, Н.А. Батракова, Ю.В. Самарина  
(Иркутск, Иркутский государственный университет)*

#### **Новое многослойное местонахождение в долине р. Белой – Усть-Хайта**

В полевой сезон 2000 года подразделениями Ангаро-Байкальской комплексной геоархеологической экспедиции НИЦ ИГУ были проведены крупномасштабные спасательные работы геоархеологического объекта Усть-Хайта.

Местонахождение Усть-Хайта расположено в 120 км к северо-западу от г. Иркутска и дислоцируется на 6,5 м высокой пойме (Воробьева Г.А., Медведев Г.И., 1984) правого устьевоего участка р.Хайта (правый приток р.Белой) на территории п.Мишелевка (Усольский район Иркутской области).

Местонахождение Усть-Хайта было открыто в 1996 Н.А.Савельевым и Е.С.Игумновой. В 2000 г. на объекте было заложено два раскопа общей площадью 764,5 кв.м. В ходе работ была выявлена следующая стратиграфическая ситуация:

1. Современный почвенно-растительный слой – гумусированная супесь черного цвета: I культуросодержащий горизонт – 0,3 м.
2. Пачка переслаивающихся пылеватых светло-серых и черных гумусированных супесей. Ходы этнофауны, кротовины II-IV культуросодержащие горизонты – 0,9 м.
3. Пачка пылеватых сильно гумусированных супесей, пронизанная ходами этнофауны, кротовинами (атлантический климатический оптимум) – V и Va культуросодержащие горизонты – 0.6 м.
4. Пачка желтого мелкозернистого хорошо сортированного, промытого песка, содержащего в середине слой темно-серой гумусированной супеси: VI культуросодержащий горизонт – 0,35м.
5. Пачка переслаивающихся заиленных супесей темно-серого и черного цветов. Граница с вышележащим горизонтом четкая. Максимально прокрашена центральная часть.(VII -IX а культуросодержащие горизонты) (Бореальный климатический оптимум) – 0, 65 м.
6. Пачка переслаивающихся субгоризонтальных легких суглинков серо-желтого цвета и прослоев тонкого отмытого песка белесовато-серого цвета с карбонатами. В верх-

ней части прослеживается погребенная почва, характерны частые включения пиропластики в виде рассеянных пятен. (X -XIa горизонты). Видимая мощность – более 70 см (Осадчий С.С. и др., 2000).

В ходе работ было зафиксировано 15 культуросодержащих горизонтов.

I. Находки фиксировались в 1 геологическом слое. Археологический материал: несколько фрагментов гладкостенной керамики, отщепы и недиагностичные костные остатки. Датировка: железный век (1,5-1 тыс. л.н.).

II. Выявлен в кровле 2 геологического слоя. Археологический материал: костные остатки, отходы каменной индустрии, фрагменты гладкостенной керамики, в слое зафиксировано несколько небольших кострищ мощностью 3-10 см. Датировка: бронзовый век (3,5-3 тыс. л.н.)

III. Залегают в погребенной почве в средней части 2 геологического слоя. Немногочисленная коллекция представлена нуклеусами, наконечниками-бифасами с прямой и вогнутой базой, фрагментом агальматолита со следами пиления, сколами нефрита, фрагментами гематита со следами пиления, фрагментами сосудов с прямым венчиком орнаментированным рядом косых прочерчиваний, по внешней поверхности которого наблюдаются следы штрихов затирания, фрагментами сосудов с оттисками перевитого шнура по внешней поверхности, фрагментами сосудов украшенными рядом жемчужин, отходами каменной и костяной индустрий, нуклеусами, скребками, орудиями на пластинах и отщепах. В слое зафиксирована небольшая производственная площадка, несколько небольших кострищ мощностью 5-10 см. Датировка: бронзовый век (4-3,5 тыс. л.н.).

IV. Залегают в подошве 2 геологического слоя. Археологический материал: фрагменты сосудов – «посольского типа», со штриховым техническим декором, гладкостенные; многочисленные фрагменты фауны, некоторые из них располагались в анатомическом порядке, каменные орудия и отходы их производства, галечное орудие (отбойник), костяной гарпун. В слое зафиксировано несколько кострищ мощностью от 2-7 см. Датировка: неолит (5-4,5 тыс. л.н.).

V. Залегал в кровле 3 геологического слоя. В горизонте зафиксированы многочисленные каменные конструкции – скопления небольших речных галечек, очажные кладки розеточного типа округлой либо овальной формы. Плиты в розетках располагались под углом от 35-90°. Дно выкладывалось небольшими плитами. Очажные конструкции заполнены углистой массой, остатками ихтиофауны, фрагментами керамики и отходами каменной индустрии, обломками каменных орудий. У конструкций располагались небольшие зольники, следы периодической чистки очагов. Археологическая коллекция представлена пластинами, вкладышами, резцами, теслами, скребками, призматическими нуклеусами, отщепами нефрита и кремня, нефритовыми теслами, шлифованными комбинированными орудиями из аргиллита, стерженьками «китайского типа», зафиксирована подвеска с биконическим отверстием, роговая пластина, множество костных остатков, некоторые находятся в анатомическом порядке. Керамика представлена фрагментами сосудов с оттисками сетки-плетенки и перевитого шнура – «хайтинский тип». В слое была зафиксирована донная часть сосуда, стоящая доннышком вверх, орнаментированная оттисками «гусиной лапки», нанесенной спиралью по всему доннышку сосуда. Датировка: неолит (5,5-6,5 тыс. л.н.).

Va. культуросодержащий горизонт зафиксирован в подошве 3 геологического слоя. Зафиксированы каменные конструкции аналогичные описанным в слое 5. Археологический материал: костяные обоймы от составных орудий, шлифованное костяное орудие с ушками, шлифованное острие с краевой ретушью, фрагменты гематита со следами пиления, гарпуны, острия на пластинах, грузило, пест, галечные орудия, призматические нуклеусы, резцы, скребки, а также другие орудия на пластинах и отщепах, стерженьки «китайского

типа», встречены несколько скоплений керамики «хайтинского типа». Слой может быть соотнесен с 6 горизонтом «Горелого Леса». Датировка: 6800 л.н. (Савельев Н.А. и др., 1974; Векслер В.С., Путанс Б.Д., 1974, Савельев Н.А. и др., 1991).

VI. Выявлен в средней части 4 геологического слоя. В слое зафиксировано несколько каменных конструкций сходных с описанными в слое 5. Материал располагался двумя большими скоплениями, в которых зафиксировано большое количество фаунистических остатков, несколько галечных орудий, костяное лоцило, обломок гарпуна, встречено скопление из 13 бифасов. Датировка: мезолит (7,5-8 тыс. л. н.).

VII. Горизонт выявлен в кровле 5 геологического слоя. Материал располагался большими скоплениями у нескольких кострищ мощностью 5-15 см, с неоднородной прокраской прокала - от белесого до темно-палевого (большая температура горения). На поверхности кострищ обнаружены многочисленные крупные костные остатки, часто в анатомическом порядке. Археологический материал: фаунистические остатки, ихтиофауна, костяные иглы, заготовка игольника, заготовка 2-площадочного призматического нуклеуса, галечные орудия, вкладыши, костяные острия, фрагменты кости и рога со следами обработки, фрагмент перламутровой пуговицы. Датировка: мезолит (8-9 тыс. л.н.).

VIIa. Горизонт выявлен в кровле 5 геологического слоя. Археологический материал: остатки ихтиофауны, нуклеус-дрель, 2 костяные иглы, игольник, галечные орудия, несколько пластин – располагался скоплениями у нескольких кострищ. Датировка: мезолит (8-9 тыс. л.н.).

VIII. Горизонт выявлен в средней части 5 геологического слоя. Археологический материал: галечные орудия, тесло с ушками, отбойник с перехватом, острия из кости и на пластинах, вкладыши, резцы, скребки, 1- и 2-площадочные призматические нуклеусы, большое количество пластин и орудия на них, уникальная находка – шлифованное острие с насечками. Материал располагался у нескольких кострищ мощностью 5-15 см. Слой датирован мезолитом (8-9 тыс.л.н.)

IX. Горизонт выявлен в подошве 5 геологического слоя. Археологический материал представлен 1- и 2-площадочными призматическими и клиновидными нуклеусами, нуклеусами-дрель, трансверсальным резцом, пластинами, скребками, вкладышами, галечными орудиями, обломками костяных гарпунов, обломками костяных обойм, фаунистическими остатками, расположенными скоплениями вокруг нескольких кострищ часто в анатомическом порядке, фрагментом костяка хищника (семейство псовых). Датировка: мезолит (9-9,5 тыс.л.н.)

IXa. Горизонт выявлен в подошве 5 геологического слоя. Археологический материал аналогичен вышележащему слою.

X. Горизонт фиксировался в погребенной почве в кровле 6 геологического слоя. Коллекция не представительна и содержит несколько битых и целых костей. Датировка: мезолит (9-9,5 тыс.л.н.)

XI. XI и XIa культуросодержащие горизонты фиксировались в нижней части 6 геологического слоя и приурочены к пирогенным линзам. Археологический материал невыразителен -битая кость и несколько отщепов.

Местонахождение Усть-Хайта (наряду с «Горелым Лесом») – «стратотип» эпохи голоцена для нижнего течения р.Белой. Богатая археологическая коллекция (несколько десятков тысяч единиц) каменного, костяного, керамического инвентаря позволяет провести различные реконструкции для данного района. При раскопках получен богатейший керамический материал, позволяющий более детально проиллюстрировать керамические комплексы Прибайкалья. Описание археологического материала будет детализировано после окончания камеральной обработки полученных данных и получения радиоуглеродных дат.

*М.А. Борисов, В.Н. Зенин*  
(Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН)  
**Усть-Кийка – многослойное местонахождение каменного века  
в Тисульском районе Кемеровской области**

Местонахождение на месте коренных выходов каменного сырья расположено на правом берегу реки Кия в устьевой части ее правого притока р. Кийка. (Зенин и др., 1998). По правому берегу притока, размещен скальный уступ цокольной террасы высотой около 12 м от уреза воды в р. Кие. Цоколь представлен известняками и доломитами с жилами кварцитовидных пород (халцедоновидные яшмоиды?). Терраса, сложенная в верхней части рыхлыми отложениями плейстоцен-голоценового возраста, имеет относительно ровную поверхность со слабым уклоном к реке.

Первые находки были получены геологами Томского государственного университета в колее проселочной дороги, идущей вдоль правого берега реки Кии.

Нами были произведены сборы каменных артефактов и нескольких фрагментов керамики по проселочной дороге на наиболее возвышенном участке протяженностью около 100 м. Распространение материалов прослеживается и на других участках дороги. Кроме того, было проведено стратиграфическое зондирование рыхлых отложений на площади 0,5 кв. м. (0,5x1,0 м) на глубину до 0,85 м на участке расположенном в 10 метрах от обрыва к реке Кии.

Порядок отложений следующий:

1. Современная почва. Легкий, пористый, слабогумусированный суглинок. Мощность до 0,15 м.
2. Суглинок коричневый, ореховатый, с гумусированными пятнами и затеками. Мощность до 0,55 м.
3. Погребенная почва. Она представлена темно-серым до черного гумусированным суглинком. Мощность до 0,1 м.
4. Желто-коричневый лессовидный суглинок. Прокопан до 0,15 м.

Полученный разрез свидетельствовал, что выявленные археологические материалы (изделия из камня) принадлежат нескольким литологическим горизонтам (2-4). Верхние горизонты (1-3) относятся к голоцену, а нижний горизонт имеет, возможно, позднеплейстоценовый возраст. Учитывая разведочный характер проведенных на местонахождении и ограниченных по времени работ, все полученные культурные материалы, как с поверхностных сборов, так и в шурфе, рассматриваются нами суммарно.

Коллекция артефактов насчитывает 1155 экз., (из них 7 фрагментов керамики и 2 фрагмента неопределимой кости)

Каменный инвентарь составляет 1146 экз.

Сырьем для изготовления артефактов служили преимущественно куски кварцитовидной породы, коренные выходы которой расположены в непосредственной близости от местонахождения. В меньшей степени использовалось галечное сырье из крупнозернистых и кремнистых пород.

Первичное расщепление представлено нуклевидными формами и продуктами расщепления.

Нуклеусы-16 экз.

Односторонние радиального принципа расщепления 4 экз. Нуклеусы этой группы маловыразительны, характеризуются негативами снятий ориентированными от краев к центру, часть которых оканчивается заломами.

Односторонние одноплощадочные 6 экз. Негативы снятий однонаправленные, укороченных пропорций. Во всех случаях ударная площадка специально не подготавливалась и представляет собой естественную поверхность.

Двусторонние двуплощадочные – 2 экз. Оба ядрища выполнены в одном техническом приеме, когда первый фронт скалывания становился ударной площадкой для последующего. Первичная ударная площадка в одном случае представляет собой естественную поверхность, в другом образована одним сколом.

Микронуклеусы 4 экз. Это ядрища небольшого размера (до 3 см), из которых два можно охарактеризовать, как подпризматические одноплощадочные для получения мелких пластинок. Ударные площадки образованы несколькими разнонаправленными сколами. Для обоих случаев характерно некруговое скалывание. Два нуклеуса отнесены к аморфным ядрищам. Систему расщепления характеризует использование плоскости негатива предыдущего снятия в качестве ударной площадки для последующего снятия.

Группа технических сколов представлена: ребристыми пластинами – 2 экз., сколами подправки ударной площадки – 2 экз., сколами подправки дуги скалывания – 3 экз., сколами с основанием нуклеуса – 2 экз., и сколом подправки фронта скалывания – 1 экз.

Отходы каменной индустрии представлены: первичными отщепами – 5 экз. (необходимо отметить, что все они изготовлены из более крупнозернистой породы), отщепами – 725 экз., пластинками – 2 экз., фрагментами пластинок – 18 экз. (из них: проксимальные части – 5 экз., медиальные части – 4 экз., дистальные части – 9 экз.) и осколками – 255 экз.

Орудийный набор – 74 экз. Это скребки, скребловидные орудия, перфораторы, резцеvidные, зубчато-выемчатые, выемчатые, клювовидные орудия, долотовидное, орудия с двусторонней обработкой, наконечник стрелы, комбинированные, галечные, сколы с ретушью.

Скребки 8 экз.

Скребок высокой формы полукруглый изготовлен на массивном отщепе. Лезвие обработано крупной иррегулярной дорсальной ретушью, примерно  $2/3$  периметра (не исключается его отнесение к истощенным микроядрищам).

Скребок концевой на отщепе с выпуклым лезвием. Лезвие обработано крутой дорсальной ретушью.

Скребок концевой на фрагменте пластины с выпуклым лезвием. Орудие изготовлено на дистальном фрагменте пластины, лезвие оформлено крутой дорсальной ретушью.

Скребок боковой на отщепе с прямым лезвием и подтёской с вентральной стороны.

Скребок с рыльцем, изготовлен на обломке удлиненной формы. Рабочий край с выделенным выступом оформлен крутой дорсальной ретушью.

Скребок на отщепе со скошенным лезвием и насадом. Лезвие оформлено крутой и полукрутой, разнофасеточной ретушью. Противолежащий край заготовки уплощён при помощи двусторонней подтёски.

Аморфные скребки 2 экз. Оба орудия изготовлены на обломках. В одном случае лезвие прямое, в другом выпуклое, лезвия оформлены крутой, разнофасеточной ретушью.

Скребловидные орудия 2 экз. Орудия изготовлены на плитках. В первом случае полукруглое лезвие, оформленное крупными сколами от краёв к центру (примерно  $2/3$  периметра) и затем подправленное мелкой эпизодической ретушью. Во втором случае крутой разнофасеточной ретушью обработан поперечный и, частично (чуть больше  $1/2$  длины) продольный края массивной, удлинённой плитки. Противоположный поперечный край также обработан сколами и мог служить в качестве лезвия.

Перфораторы 8 экз.

Изделие с выделенным острием на отщепе – 4 экз. Во всех четырёх случаях острие выделялось дорсальной, разнофасеточной, полукрутой ретушью.

Изделие с выделенным острием на углу отщепа посредством подправки вентральной, разнофасеточной, полукрутой ретушью.

Изделие с выделенным асимметричным острием на осколке. Орудие изготовлено на осколке удлинённой формы, острие выделено мелкой полукрутой ретушью.

Изделие с острием на осколке – 2 экз. Орудия выполнены на осколках неправильной формы имеющих естественные выступы. В обоих случаях эти выступы несут на себе следы сработанности.

Резцевидные орудия – 4 экз. Предметы, отнесённые в эту группу очень индивидуальны. Все они имеют резцовые сколы, наиболее выразительным является орудие, изготовленное на крупном фрагменте отщепе, которое можно охарактеризовать, как резец двойной, многофасеточный. В качестве исходной заготовки, в двух случаях использовались фрагменты отщепов, а в двух осколки.

Зубчато-выемчатые орудия – 2 экз. Одно изделие изготовлено из небольшого отщепе. Рабочий край формируют три зубца подработанные мелкой дорсальной ретушью и разделенные ретушированными выемками. Другое орудие также изготовлено на отщепе. На дистальном крае исходной заготовки две сопряженные выемки, выполненные крутой дорсальной ретушью, образуют выступ, возможно уплощенный с вентральной стороны сколами. На проксимальном крае заготовки крутой вентральной ретушью образована неглубокая выемка.

Выемчатые орудия 6 экз.

Одинарное орудие с одной глубокой выемкой на массивном отщепе. Выемка образована дорсальной полукрутой ретушью.

Изделия с одной неглубокой выемкой на отщепе (2 экз.). В одном случае выемка образована мелкой, дорсальной, крутой, в другом мелкой, дорсальной, полукрутой ретушью.

Изделия с одной неглубокой выемкой на осколках (3 экз.). Орудия выполнены на осколках. Выемки оформлены полукрутой дорсальной ретушью.

Клювовидные орудия – 2 экз. Изделия изготовлены на крупных обломках плиток, неправильной формы. Разнофасеточной ретушью выделены естественные выступы.

Долотовидное орудие. Орудие изготовлено на отщепе, элементы подтёски на дистальном крае.

Орудия с двусторонней обработкой – 3 экз. Представлены: фрагмент отщепе с двусторонней отделкой ретушью края, осколок со следами двусторонней обработки и обломок бифаса.

Наконечник стрелы, треугольной формы, бесчерешковый, с прямым насадом, изготовлен из прозрачного материала (халцедон), обработан мелкой ретушью с двух сторон по всей плоскости.

Комбинированные орудия – 2 экз.

Орудие изготовлено на асимметричном отщепе подтреугольной формы. По всему периметру изделие обработано эпизодической, противолежащей ретушью. На широкой части отмечен резцовый скол, на узкой части ретушью оформлен выступ.

Скребок-резец. Орудие изготовлено на массивном осколке подтреугольной формы. На углу широкой части исходной заготовки выполнены резцовые сколы. Противоположный край изделия оформлен полукрутой, односторонней скребковой ретушью. Лезвие оканчивается острым краем, на самом кончике которого заметны следы мелких, удлиненных снятий.

Отбойник. Галька размером 7x4x3,5 см, удлиненной формы с характерными следами износа.

Орудие из гальки. Изделие представляет собой крупную уплощенную гальку. Боковые стороны обработаны сколами, создающими по обе стороны неглубокую выемку, вероятно изделие использовалось в качестве грузила.

Предметы со следами вторичной обработки – 33 экз. В эту группу изделий отнесены отщепы с регулярной (20 экз.) и эпизодической (3 экз.) ретушью, ретушированные осколки (7 экз.), отщеп с подтёской, технический скол с ретушью и проксимальный фрагмент пластины с противолежащей ретушью.

Преобладающим типом заготовки для изготовления орудий являлись отщепы (43 экз.). Средние размеры предметов составляют от 2 до 4 см. Основой для 26 орудий явились осколки и обломки. Орудия, выполненные на пластинчатой основе, представлены в двух экземплярах: скребок и фрагмент ретушированной пластины.

Проведённые предварительные исследования местонахождения Усть-Кийка позволяют говорить о том, что мы имеем дело с очень интересным многослойным археологическим объектом, отличающимся высокой насыщенностью культурными материалами рыхлых отложений. По предварительным оценкам, археологические материалы местонахождения охватывают временной отрезок от голоцена до, возможно, финала плейстоцена. Более детальное культурно-хронологическое определение станет возможно при продолжении археологических работ.

*А.Г. Новиков*

*(Иркутск, Иркутский государственный университет)*

### **Бескерамические комплексы многослойного поселения Кулара III (оз.Байкал)**

Бескерамические стратифицированные комплексы в Приольхонье до начала 90-х гг. были отмечены на 8 объектах, из которых раскопано и комплексно изучено всего 4 (Итырхей, Улан-Хада, Берлога, Саган-Нугэ). Многослойное поселение Кулара III является пятым таким объектом.

Цель предлагаемой статьи – ввод в научный оборот материалов бескерамических комплексов многослойного поселения Кулара III, провести их анализ, сопоставить с данными опорных стратифицированных геоархеологических объектов Приольхонья и определить их датировку.

Поселение Кулара III расположено в одноименной бухте СЗ побережья зал.Мухор (Малое море оз.Байкал), в 3 км к СВ от п.Черноруд (Ольхонский район Иркутской области).

Памятник открыт Маломорским отрядом КАЭ ИГУ в 1984 г. (выделено 2 неолитических слоя). Работами того же отряда 1986 г. выявлена многослойность памятника (4 культурных слоя), два нижних из которых были отнесены к позднему мезолиту (Горюнова О.И., 1991, с.66-67). В 1998 г. раскопки продолжены тем же отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАиЭ СО РАН. В результате на поселении было выделено еще 2 культурных слоя, отнесенных нами к раннему голоцену (Новиков А.Г., 1998, с.113).

Бухта ограничена с трех сторон невысокими горами. В ее СЗ части – небольшой распадок. Общий наклон поверхности в сторону Байкала и к центру бухты 15-20°. Многослойный памятник расположен в ее СВ части, на высоте 3,5-4,0 м над уровнем Байкала. Генезис отложений – склоновый. Площадь вскрытия за все годы исследования – 86 м<sup>2</sup>.

Стратиграфический разрез в месте раскопа 1998 г. (наиболее полный) представляется следующим: мощность в м:

1. Почвенно-растительный горизонт (дерн) 0,03-0,04;
2. Слой светло-серой дресвянистой супеси 0,19-0,20;
3. Темная (черная) гумусированная супесь с дресвой, разделенная более светлой прослойкой на два горизонта: I и II культурные слои 0,35-0,38;
4. Прослойка желтой дресвянистой супеси 0,07-0,08;
5. Светло-серая супесь, III культурный слой 0,16-0,17;
6. Желтая дресвянистая супесь 0,05-0,07;
7. Серая супесь; в подошве отмечена генерация небольших морозобойных клиньев. IV культурный слой 0,07-0,08;

8. Желтая супесь с затеками карбонатов 0,10-0,11;
9. Темная почва, в подошве которой – генерация небольших морозобойных клиньев. V культурный слой 0,04-0,05;
10. Светлая супесь с дресвой и затеками карбонатов 0,11-0,12;
11. Темная погребенная почва (местами разорванная), в подошве которой отмечены мощные морозобойные «карманы». VI культурный слой 0,06-0,07;
12. Ярко-желтая щебенистая супесь с грубообломочным материалом и пятнами карбонатов 0,70-0,75;
13. Зеленоватый песок с дресвой и грубообломочным материалом 0,30-0,40.

Ниже – скальник. Общая мощность рыхлых отложений – 2,5 м.

Комплексы I и II культурных слоев датируются развитым неолитом, III – VI слои – бескерамические.

#### VI культурный слой

Находки концентрировались в виде «пятна»-скопления в ЮЗ части раскопа. Насыщенность археологических материалов за его пределами – незначительная. Локализация артефактов отдельными пятнами четко прослеживается в бескерамических комплексах и на других стоянках: VI – XI слои Саган-Нугэ, VIII слой Берлоги, XI слой Улан-Хады и др. (Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000, с.55).

Всего зафиксировано 190 предметов. Основной поделочный материал – кремь и кварцит. Первичное расщепление характеризуется нуклеусами (2) и сколами различной морфологии. В числе последних: 87 отщепов, 52 скола (краевой, 27 пластинчатых, 24 первичных) и 30 призматических пластин (целых – 12, обломков – 18). Все нуклеусы призматического принципа скалывания; выделяются: одноплощадочный монофронтальный и клиновидный.

Набор орудий (6) представлен: проколкой, обломком изделия на массивном пластинчатом сколе, 2 отщепами и пластинчатым сколом с ретушью, призматической пластиной с альтернативной ретушью.

Проколка – выполнена на призматической пластине, ее острие образовано двукраевой дорсальной ретушью.

Обломок орудия – с двукраевой дорсальной крутой ретушью, на массивном пластинчатом сколе.

В комплексе зафиксировано 13 фрагментов фауны.

#### V культурный слой

Находки слоя малочисленны – 28 предметов. Первичное расщепление характеризуется призматическим нуклеусом и морфологически различными сколами. В числе последних: 6 отщепов, 4 скола (пластинчатый, подживляющий с базы нуклеуса, 2 первичных) и 7 призматических пластин (целых – 4, обломков – 3). Нуклеус – призматический, двуплощадочный, с полузамкнутым фронтом снятия.

Орудия слоя (4) представлены: резцом, отщепом и пластинчатым сколом с ретушью, призматической пластиной с однокраевой ретушью.

Резец – двуугольный на призматической пластинке; по краям обработан вентральной ретушью.

В слое найдено 6 фрагментов фауны.

#### IV культурный слой

Находки слоя малочисленные (5 предметов): концевой скребок на пластинчатом сколе кремня и 4 фрагмента фауны.

#### III культурный слой

Находки представлены 13 предметами: заготовкой одноплощадочного призматическо-го нуклеуса и 12 фрагментами фауны (из них 1 – кость рыбы).



В связи с малым количеством археологических материалов и отсутствием диагностического инвентаря датировку бескерамических комплексов многослойного поселения Кулара III строим на данных геологии и радиоуглеродных определений.

В стратиграфическом разрезе выделено 3 фазы криогенеза. В подошве VI слоя отмечены мощные морозобойные «карманы», сопоставимые с позднедриасовым возрастом (11 – 10,3 тыс. л.н.), что подтверждается и прохождением на этом уровне границы вскипания (Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 2000, с.52). Морозобойные клинья, отмеченные в подошве вышележащего V слоя, сопоставляются с питско-игаркинским (9,8 – 9,3 тыс. л.н.) похолоданием. Следовательно, возможный возраст образования VI слоя в пределах 10,3 – 9,3 тыс. л.н. Однако, культурные комплексы возраста раннего пребореала имеют характерный набор типологических признаков, которые не отмечены в VI слое Кулары III (Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000, с.52). Поэтому, логично будет предположить его датировку временем позднего пребореала. По ряду морфо-литологических признаков VI слой Кулары III сопоставляется с XI слоем Саган-Нугэ, возраст которого определяется поздним пребориалом (9,8 – 9,3 тыс. л.н.). Радиоуглеродные даты: по XI слою Саган-Нугэ – 9815±80 и 9360±95 л.н., по VI слою Кулары III – 9795±40 л.н. (Горюнова О.И., Новиков А.Г., 2000, с.53), подтверждают предложенную датировку.

Возраст V культурного слоя Кулары III определяем по двум фазам криогенеза: в подошвах V и IV культурных слоев, последняя сопоставляется с новосанчуговским (8,3 – 8,0 тыс. л.н.) похолоданием (Горюнова О.И., Воробьева Г.А., 2000, с.53). В связи с этим мы склонны датировать V культурный слой в пределах 9,3 – 8,0 тыс. л.н. и отнести его к бориальному периоду. К этому же хронологическому срезу относятся комплексы X-IX слоев Саган-Нуге, VII нижний слой Берлоги и IX слой Итырхея. Радиоуглеродные определения по этим комплексам согласуются с их геологической датировкой (Новиков А.Г., 1999, с.130; Горюнова, Новиков, 2000, с.53-54).

Возраст IV и III слоев Кулары III логично определить в пределах 7,9 – 6,5 тыс. л.н. и отнести к позднему – финальному мезолиту. Радиоуглеродная дата по IV слою Кулары III – 7835±55 л.н.

Таким образом, материалы многослойного поселения Кулара III позволили детально расчленить бескерамические комплексы на ряд культурно-хронологических срезов и провести их сопоставление с ранее изученными опорными геоархеологическими объектами.

*О.Н. Красноперова*

*(Павлодар, Павлодарский государственный университет им.С.Торайгырова)*

### **Особенности индустрии 6 культурного слоя стоянки Шидерты-3**

В полевом сезоне 2000 года Павлодарская археологическая экспедиция продолжила изучение многослойной стоянки каменного века Шидерты-3. Работы производились в центральной части памятника, где были исследованы остатки 4, 5 и 6 культурных слоев. В ходе проведенных работ была уточнена стратиграфия нижних слоев памятника.

Наблюдения показали определенные типологические различия комплексов 5 и 6 культурных слоев эпохи мезолита, которые прежде считались единым слоем, так как в краевой части террасы, где они были впервые выявлены, после раскопок 1994 года, материал 5 – раннемезолитического (по нашим представлениям) слоя, (Мерц В.К., 1999, с.104-105) оказался перемешанным с материалом 6 слоя. Это произошло из-за того, все почвенные слои в этой части памятника оказались разрушенными карбонатами и стратиграфия по сути дела нарушилась так, что все слои в нижней части сливались и были неотличимы друг от друга.

В центральной же части памятника, где сохранилась более четкая стратиграфия, нам удалось разделить 5 и 6 слои, между которыми очень четко фиксируется раннеголоценовая, погребенная почва, бурого цвета, которая ложилась на деллювий, с остатками индустрии 6 культурного слоя, а 5 слой размещался поверх этой почвы, между ней и светло-коричневым суглинком, которые отделялись друг от друга мелкими линзами песка и дресвы. Именно к этому прослою и относится положение 5 культурного слоя.

В результате проведенных работ нам удалось выявить ряд важных различий индустрии 5 и 6 слоев. Прежде всего это сырье. Основная масса изделий 5 культурного слоя выполнена из желто-янтарного с глянцем халцедона, использовался также коричневый кремнь и желтый яшма-кварцит. Среди изделий масса коротких неправильных пластин без вторичной обработки и большое количество скребков на отщепе и зубчато-выемчатых орудий. Из нуклеусов, доминируют клиновидные. В целом индустрия этого слоя еще не до конца изучена, так как необходимо сначала произвести отчленение ее от материалов 6 слоя.

Материалы слоя 6 четко отличаются по сырью. Здесь использовалась в основном серая и светло-желтая пятнистая, кремнисто-глинистая, окварцованная порода. Среди нуклеусов преобладают конические, призматические, торцовые – одно и двухплощадные, реже встречаются клиновидные правильные формы. Изделия на пластинах представлены различными типами резцов на пластинах с фасетированными ударными площадками на торцах и множественностью медиальных и проксимальных сечений с ровными, острыми краями. Так выглядела коллекция, собранная в краевой части террасы. Здесь подавляющее большинство сечений ножевидных пластинок не имеет следов вторичной обработки и в этом смысле данная коллекция напоминает сибирский эпипалеолит.

Но внимательное изучение всего материала данной коллекции позволило нам обнаружить среди массы отходов производства и сечений микропластинок, собранных на месте их производства, несколько геометрических микролитов. Это – мелкие симметричные трапеции и пластинки с выемкой на торце. Таким образом, нами получены, вероятно, самые ранние в Северо-Восточном Казахстане геометрические микролиты.

Несколько отличаются от данной коллекции находки этого же слоя, полученные в поле в сезон 2000 года из центральной части памятника. На вскрытой жилой площадке также обнаружено несколько производственных участков со следами разбивки клиновидных нуклеусов (рис.1.1) с массой микропластин, сечений, обломков и отходов производства, заготовка торцового нуклеуса из крупного кремневого желвака и 5 заготовок торцово-клиновидных форм, а также клад каменных орудий, находившийся в небольшом углублении.

В нем содержалось 17 крупных сколов, 1 реберчатый скол, 2 отщепе оживления ударной площадки, 19 крупных и мелких отщепов без ретуши и 10 с ретушью, среди которых есть преднамеренно рассеченные изделия и с мелкой ретушью по тонкому краю использовавшиеся, видимо, в качестве ножа (рис.1.24,25), двойной резец на отщепе (рис.1.23), конический нуклеус (рис.1.3), проколка на длинной пластине с обломанной проксимальной частью (рис.1.4), сломанный концевой скребок (рис.1.5), обломок широкой пластины с ретушью на неровном торце (рис.1.10), медиальное сечение с боковой ретушью по краям (рис.1.11), 1 проксимальное сечение средней пластины (рис.1.12), 8 сечений микропластинок, дистальное сечение с односторонней боковой вентральной ретушью на конце (рис.1.15). Всего 65 предметов.

Индустрия представлена также большим количеством сечений и целых микропластин, которые видимо присутствуют здесь как отходы производства и лишь только часть из них, это крупные и средние пластины с ровными краями и усеченной дистальной частью (рис.1.6,8,9), а также медиальные сечения длиной 1,5-5 см использовались в качестве орудий (рис.1.7,16,17).

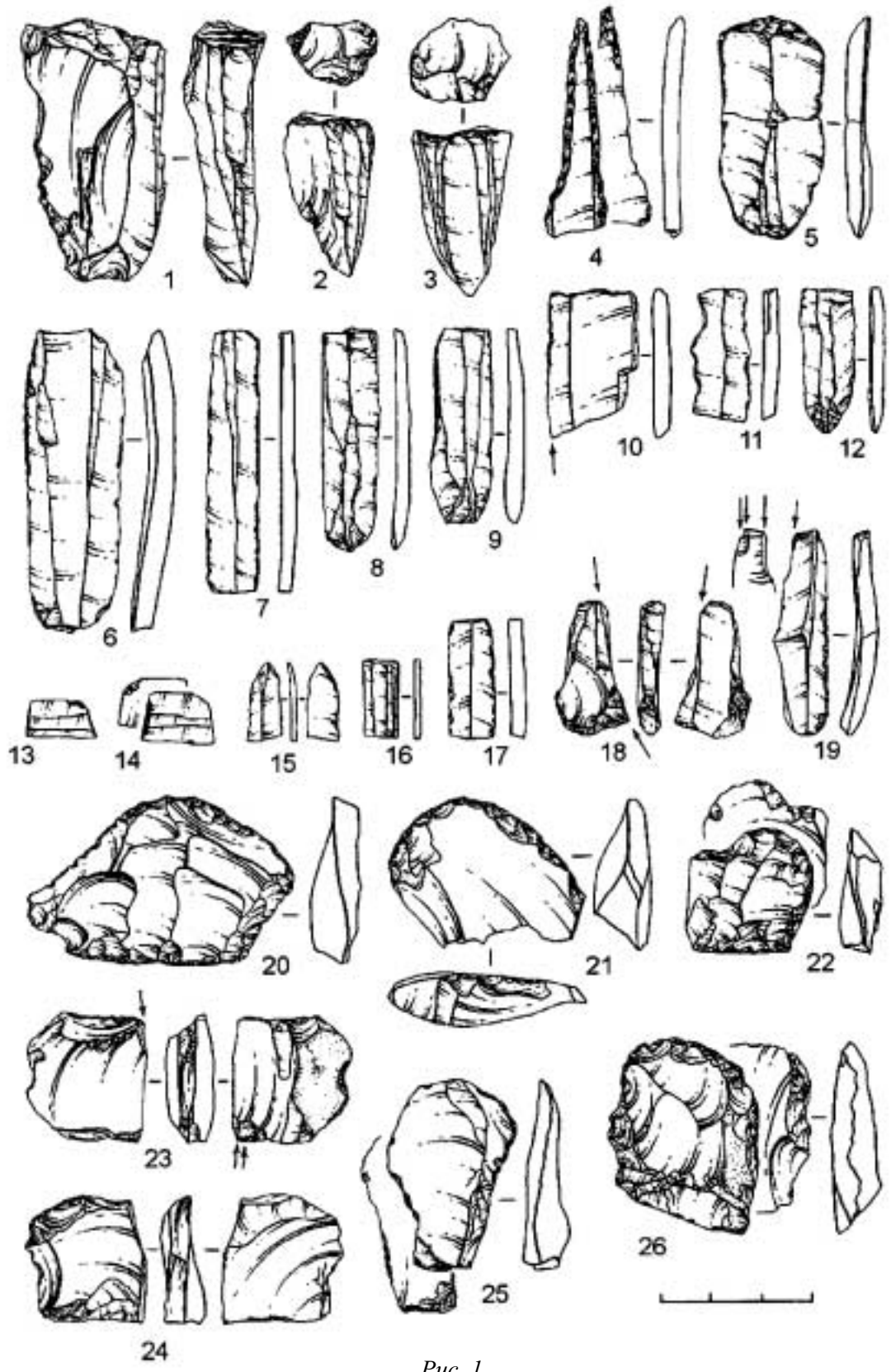


Рис. 1

Среди просмотренного материала, нам также удалось найти трапециевидные сечения с одним скошенным обработанным торцом (рис. 1.13,14), использование которых в качестве вкладышей не вызывает сомнений. Орудий из отщепов здесь не так много – это скребки на широких и узких отщепах с выпуклым, крутым лезвием на конце или пологим сбоку (рис. 1.20,21), иногда с ретушированной выемкой (рис. 1.22). Имеется также экземпляр с боковой вентральной подтеской образующий зубчатый край (рис. 1.26). Однако в этом комплексе, среди изделий из пластин не найдено большого количества резцов. Лишь на одном, кремневом обломке с фасетированным торцом, выполнен тройной резец со встречными сколами по одному краю и одинарным сколом по другому краю (рис. 1.18). Еще одно орудие выполнено угловым сколом на проксимальном торце трехгранной изогнутой пластины (рис. 1.19).

Рассмотрев материалы 5 и 6 культурных слоев стоянки Шидерты 3, мы можем отметить, что в индустрии 5 слоя преобладают в основном клиновидные нуклеусы, что позволяет предварительно, отнести ее к кругу культур сибирско-монгольского типа. Индустрию же 6 слоя где доминируют, конические и призматические формы, а так же выявлены геометрические микролиты, необходимо связывать с мезолитическими культурами запада и юго-запада. Присутствие в этом комплексе отдельных образцов клиновидных нуклеусов, свидетельствует о взаимовлиянии и контактах с местными культурами сибирско-монгольского типа и о том, что данная территория являлась контактной зоной двух культурных провинций. Аналогичные выводы следуют из наблюдений материалов других слоев стоянки Шидерты 3 и иных памятников региона.

*Научный руководитель – В.К. Мерц*

*М.В. Малардырова  
(Якутск, Якутский государственный университет)*

### **Модульно-метрические единицы некоторых нефритовых колец из неолитических культур Якутии**

При расшифровке геометрических особенностей и знаковых систем ряда костяных изделий из различных археологических культур Якутии (Улахан Сегеленнях, Хайыргас, Родинка и т. д.) нами был прослежен метрический канон «золотое сечение» и выявлен ряд мелких метрических единиц (модулей) протяженностью в 11 мм и около 5,5 мм (Пеньков А.В., 1999, с.229; Малардырова М.В., 1999, с.104).

В пользу модуля в 11 мм мы получили новый косвенный аргумент в результате работы в полевом сезоне 2000 г. отряда археологической экспедиции Якутского госуниверситета под руководством В.М. Дьяконова, продолжившего раскопки однослойного ымыяхтахского (поздненеолитического) поселения «Вилуйское шоссе» в г. Якутске.

Среди многочисленных находок особого внимания заслуживает обломок нефритового кольца с двумя насечками. Кольцо сделано из нефрита зеленоватого оттенка, имеет шестигранное сечение, со всех сторон пришлифовано. Реконструкция кольца предполагает наличие на поверхности 10 насечек (рис. 1). Диаметр по внешнему кругу примерно равен 75 мм, диаметр по внутреннему кругу 62-63 мм, ширина 6, 65 мм, толщина 4, 35 мм. Ширина насечек варьирует от 1-1,75 мм, длина обеих насечек равна 5 мм. Сегмент дуги между двумя насечками равен 22 мм. Следует отметить, что орнаментация нефритовых колец, найденных на территории Якутии, до настоящего времени не встречалась.

Здесь интересно сопоставить промеры других нефритовых колец, где также встречаются отрезки близкие и кратные 11 мм. В 1973 г. В.И. Эртюковым на левом берегу р. Олекмы были открыты стоянка и погребение Малая Джикимда (среднеолитическая белькачин-

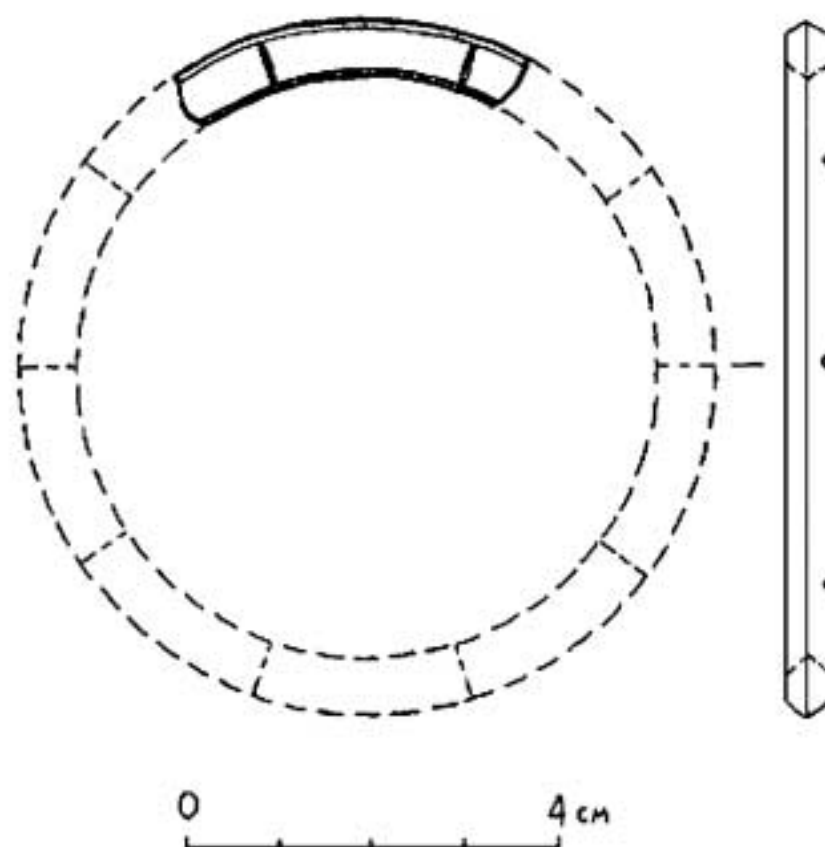


Рис. 1. Реконструкция нефритового кольца с поселения «Виллойское шоссе» в г. Якутске

ская культура). В погребальном инвентаре были найдены два диска из белого нефрита с отверстием в центре и желобком по радиусу. Диаметр отверстия одного диска равен 10 мм, другого – 10, 85 мм.

Нефритовые кольца из могильника Диринг-Юрях (позднеолитическая ымыяхтахская культура), судя по замерам С.А. Федосеевой, также свидетельствуют о близости многих размерностей к кратности 11-ти или 5,5 мм модулю (Федосеева С.А., 1992, с.84).

№ колец	Диаметр кольца, мм	Диаметр отверстия, мм	Ширина, мм	Толщина, мм
1	65	60	5	3
2	15	5	3	3
3	107	88	9	5
4	67	55	5	3
5	36	28	3	3

Важно отметить то, что аналоги модуля 11 мм прослеживаются и в композициях петроглифов и писаниц на территории Якутии, а также Горного Алтая, что является дополнительным фактом в пользу, возможно, неслучайного характера параметров нефритовых колец, кратных 11 мм.

В петроглифах Горного Алтая в гроте Куйлю, по данным Е.П. Маточкина, в изображении двух маралух, двух зооантропоморфных существ и быка выявлена опорная длина, т.е. модуль равный 10 мм (Маточкин Е.П., 1990, с.46). Метрический анализ изображения лучника изображенного на скалах Карагема дал следующие результаты: длина ненатянутой тетивы равна длине птицы – 44 мм, также и тетиве «лука», рук, ширине «лобовой» части птицы с птенцами. Сам человек создан по образу и подобию лука. Ширина ненатянутого лука и ширина соответствующего «лука» равны 11 мм (Маточкин Е.П., 1997, с.60). Миную более подробное описание писаницы Калтак отметим, что общий размер рисунка составляет 66 см, или 33 опорных длины. Промежуток между животными составляет 22 см, т.е. 11 опорных длин (Маточкин Е.П., 1998, с. 58).

В дополнение вышесказанному мы можем привести в пример писаницу Еланка (бронзовый век), расположенную на правом берегу р. Лены. Композиция представляет собой зооморфное существо – явно фантастического характера, совмещающего в себе черты лося, лошади, хищника и обладающего гипертрофированными массивными конечностями. В верхней части композиция дополнена двумя антропоморфными фигурами, изображенными вниз головой и в нижнем ряду фигурой, сочетающей в себе человеческие и зооморфные черты. Снизу композиция окаймляется («подчеркивается») знаковой записью, несущей в себе календарную информацию. В целом вся композиция составлена по канону золотого сечения, где размер в 11 мм имеет ряд важных элементов композиции: толщина «слившихся» ног двух зооморфных изображений, высота знака и т.д. (Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., 1999, с.74).

Присутствие указанных модулей в исследованных нами предметах, свидетельствует о применении в эпоху каменного века уже вполне сформировавшейся метрической системы, выявленной также и в сибирских археологических материалах (Ларичев В.Е., 1994, 1997, Жалковский В.И. личный архив). Все это доказывает, что для реставрации древней метрологической культуры необходимо всесторонне изучать геометрические символы традиционного искусства.

*Научный руководитель – д.и.н. А.Н Алексеев*

*А.И. Симухин*

*(Улан-Удэ, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств)*

### **Каштак – многослойный памятник Прибайкалья: материалы исследования 2000 г.**

Геоархеологический объект Каштак расположен в юго-восточном Прибайкалье, в нижнем течении р.Селенги, на левом и правом приустьевых мысах ручья Кашта – правого притока р.Селенги. Культурные горизонты приурочены к покровным отложениям второй надпойменной селенгинской террасы. Объект в геоархеологическом отношении представлен двумя типами (стратифицированный и экспонированный). Площадь распространения археологического материала в результате техногенного воздействия (строительство и эксплуатация автотрассы Турунтаево – Покровка) – более 500 кв. м.

Местонахождение было открыто Окладниковым А.П. в 1948 г. и классифицировано как палеолитическое, осматривалось в 1989 г. Ташаком В.И. (Лбова Л.В., Хамзина Е.А., 1999, с.145), в 2000 г. исследовалось археологическим отрядом музея БНЦ СО РАН (Лбова Л.В.)

Работами 2000 г. на бровке террасы был заложен раскоп площадью 4 кв. м., в результате чего было выявлено 4 культурных горизонта. Стратиграфическая ситуация представляет собой следующее:

1. Дерн и поддерновая супесь мощностью 5-7 см
2. Яркое каштановая, сильногумусированная плотная супесь (1 к.г.) – 12-15 см

3. Серая среднегумусированная супесь, в подошве карманообразная, пронизана корнями растений (2 к.г.) – 20-30см

4. Мелкозернистый, пылеватый песок, очевидно эолового происхождения, с включениями буроватых линз плотного материала. В нижней части слоя располагается 3 культурный горизонт, уровень обитания представлен бурым уплотненным прослоем мощностью от 5 до 17 см. Общая мощность слоя – 65-70 см.

5. Желтовато-серый мелкозернистый, слегка заглиненный песок, в подошве слабогумусированная серая лента, с углем и артефактами – 4 культурный горизонт. Верхняя граница неясная. Слой пронизан корнями деревьев и кротовинами. Мощность слоя – 30-37см.

6. Светло-серые, белесоватые лессовидные суглинки, при высыхании пылеватые, карбонатизированные. Карбонатизация представлена как отдельными точками довольно высокой плотности, так и сплошной зоной. В средней части наблюдается темно-серый слабогумусированный горизонт горизонтального положения (в отличие от слабонаклонных вышележащих слоев). Границы неровные, четкие. Мощность слоя 30-40см.

7. Пачка горизонтальнослоистых серых карбонатизированных среднезернистых песков и серовато-зеленых иловатых прослоев, мощностью лент 1-2см. Видимая мощность 40 см.

Отобрана проба на РТЛ-датирование из зоны изменения характера осадконакопления, как представляется с субаквального на субаэральный.

**1 культурный горизонт.** Планиграфическая ситуация культурного горизонта характеризуется довольно плотной концентрацией различных материалов, рассредоточенных довольно хаотично. Наибольшая концентрация находок (нуклеусов, фрагментов керамики, отщепов) зафиксирована в районе песта и терки (кв.А2), ближе к бровке террасы. Каменный инвентарь представлен следующими изделиями: отщепы-55 ед., пластины – 9 ед., технический скол – 3 ед., осколки, обломки – 41 ед., микроскребки – 4 ед., нуклеидные изделия – 6 ед., нуклеусы – 5 экз., из них 2 призматических, 1 ортогональный, 1 одноплощадочный выполненный на гальке, 1 подпризматический с подперекрестными негативами снятий. Также были найдены каменный пест длиной 12 см, 5 – 4 см. в диаметре, и терка диаметром 14 см., толщиной 3-4см.

Керамический комплекс представлен 50 гладкостенными и орнаментированными фрагментами стенок сосудов. Сосуды были орнаментированы отступающей лопаточкой разной рабочей формы. Наиболее интересны 2 фрагмента от разных сосудов: первый венчик – подовальной формы в профиле, светло-коричневого цвета, рассеченный косыми насечками по верхней части; второй венчик – подтреугольной формы темно-коричневого цвета, по верхней кромке имеет украшение в виде ряда ямочек-горошин, выполненных полукруглой отступающей лопаточкой. Остеологический материал представлен фрагментами костей животных – 32 ед.

Данный культурный горизонт предварительно можно датировать бронзовым веком, но требуется уточнение этого заключения, т.к. необходим более выразительный материал, кроме того в слое не было зафиксировано изделий из бронзы.

**2 культурный горизонт,** приуроченный к желтым суглинкам, планиграфически выражен двумя скоплениями, границы которых определяются по изменению цвета и плотности. Предполагаемый диаметр скоплений 3.6м, что близко к размерам переносных наземных жилищ типа чумов. Наиболее примечательной находкой второго скопления является пест и керамика с двусторонним орнаментом. В целом коллекция включает предметы каменного расщепления: отщепы -38 ед., пластины -1 ед. (скол первого порядка), технический скол -2 ед., осколки, микроскребки -4 ед., микроотщепы -35 ед., микропластины -7 ед., нуклеидные обломки -2 ед., нуклеус бессистемный -1 ед., наконечник стрелы с вогнутой базой -2 ед., галька -2 ед., расколота галька- 4 ед., каменный пест длиной 20 см.

Керамический материал состоит из 7 черепков сосудов, 1 из которых имеет двухсторонний декор в виде двух параллельных полос и параллельных рядов отступающей лопаточкой, расположенных под углом; остальные фрагменты – это части неорнаментированных сосудов толщиной до 5 мм. 1 фрагмент является частью керамической плитки без признаков декорирования. Костные останки животных- 6 фр.

Каменный инвентарь и коллекция керамики (качество обжига глины, способы и мотивы в орнаментации) позволяют предварительно датировать комплекс поздненеолитическим – ранним бронзовым веком.

Среди орнаментированной керамики описанных культурных горизонтов по способу и технике выполнения орнамента можно выделить следующие типы:

1. Керамика, украшенная оттисками штампа – лопаточки, разные варианты которого определяются по форме концевой части лопаточки. Нами были зафиксированы следующие – прямоугольная, округлая и овальная. Оттиски лопаточковидного стэка, как правило, распространяются по тулову сосуда равномерными горизонтальными рядами, хотя есть и варианты украшения верхней части венчиков.

2. Керамика с отпечатками волокон грубой ткани или шнура, которые остаются на сырой глине в процессе формовки изделия путем утончения и уплотнения стенок сосуда при помощи лопатки, обмотанной шнуром или нитями, которые и оставляют следы перекрестных штрихов на еще не обожженном глиняном тесте. Посуда с таким технологическим декором была широко распространена в Забайкалье в период неолита – ранней бронзы (Ивашина Л.Г., 1983, с.51)

Полученный материал, предварительно датированный неолитом – ранней бронзой (1 и 2 к.г.), имеет широкие территориальные аналогии со многими известными памятниками (Гришин Ю.С., 1981; Горюнова О.И., 1996; Ивашина Л.Г., 1979; Семина Л.В., 1985 и др.).

**3 культурный горизонт** в разрезе выражен гумусированным прослоем, к которому и приурочены основные находки. В плане выделяются два пятна бурого цвета толщиной 3-5см, диаметром до 1 м.. Коллекция составляет 48 предметов из них: 3 призматических монофронтных двуплощадочных нуклеуса, тыльная сторона которых сохраняет галечную корку и 1 микронуклеус (карандашевидный), сколов-22 ед., пластина ретушированная – ед., отщепы – 19 ед., микроскребок – 1 ед., технический скол – 1 ед., фрагменты костей – 104 ед. Кость плохой сохранности, необожженная. По предварительной оценке, бескерамический комплекс может быть синхронен ближайшему памятнику Ветрово (4 к.г.) и отнесен к поздне-мезолитическому времени.

**В 4 культурном горизонте**, зафиксированном в кровле карбонатизированного горизонта лессовидных суглинков, отмечены отдельные угли и редкие артефакты. Коллекцию представили: отщепы – 6 ед., галька – 1 ед., проксимальный фрагмент пластины- 1 ед., микроотщеп – 1 ед. Зону карбонатизации представляется возможным рассматривать в качестве стратиграфического маркера границы плейстоцена – голоцена, а культуросодержащий горизонт датировать финальноплейстоценовым временем, в культурно – хронологическом отношении, мезолитической или финальнопалеолитической эпохой.

Дальнейшая работа на данном объекте является перспективной, так как памятник является многослойным и стратифицированным, с высокой концентрацией представительного материала, что позволит более подробно выявить и проследить эволюцию и связь культур древнего населения на территории Прибайкалья.

*Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Лбова*



*Б.А. Базаров, А.И. Симухин*  
(Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН;  
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств)

**Ветрово: стратифицированный геoarхеологический объект эпохи голоцена  
нижнего течения р. Селенги (юго-восточное Прибайкалье)**

Геoarхеологический объект Ветрово (Усть-Итандинский геoarхеологический полигон) был открыт в 1998 г. во время рекогносцировочных работ (Базаров Б.А., Буерачный Э.В., 1998, с. 96-98; Лбова Л.В., Резанов И.Н., 2000, с. 5-21). Продолжение археологических работ в 2000 г. на этом объекте было обусловлено тем, что Ветрово на сегодняшний момент один из немногих памятников на этой территории, содержащих голоценовые комплексы. Исследования этого года преследовали цель изучения структуры комплексов расширением вскрытой поверхности культурных горизонтов до 15 кв. м. на каждом, увеличение информационного объема коллекций, уточнение стратиграфических позиций культурных горизонтов, дополнительный отбор образцов на датирование.

Стратиграфия объекта следующая:

1. Дерн и поддерновая серая лесная почва, граница в подошве четкая, карманообразная, пронизана корнями растений – 10-12 см;
2. Бурая супесь среднегумусированная, лессовидная, границы четкие неровные; отмечается падение по склону до 1° – 10-14 см;
3. Серая лессовидная супесь, при высыхании пылеватая, контакт с нижележащим слоем не ясный – 10-17 см;
4. Бурая с кирпичным оттенком, пылеватая лессовидная супесь с включением углей. Слой выражен пятнами, но в углу наблюдается его мощность от 15 до 20 см. Границы плохо выражены литологически, выделяются только по цвету, наблюдается падение по склону;
5. Серая с гумусированными пятнами пылеватая супесь, с нечеткими границами. На гл. 66-70 см 1 к. г. – кости, керамика, уголь – 30 см;
6. Светло-серый, желтоватый тонкозернистый несортированный песок – 10-12 см;
7. Темно-серая супесь пылеватая при высыхании – 2 к. г. на гл. 88-100 см в верхней части слоя. 3 к. г. на гл. 130-140 см в нижней части слоя. Общая мощность литологического слоя – 50-55 см;
8. Светло-серая лессовидная супесь с большим процентом тонкозернистого песка, слегка карбонатизированная – 4 к. г. – 60-80 см;
9. Пески горизонтально-слоистые светло-серого и зеленоватого тона, хорошо сортированные. Наблюдаются пятна ожелезнения и карбонатизации в виде точек. Видимая мощность – до 2 м.

Были получены РТЛ-даты по литологическому слою 8 – 14400±4400 (4 культурный горизонт), границе 8 и 9 литологических подразделений, зоны изменения характера осадконакопления – 19500±4200. Датировка литологических слоев показывает, что комплексы, вскрытые на этом объекте, не древнее 10000 л.н.

**1 культурный горизонт** предварительно отнесен к позднему бронзовому или раннему железному веку и приурочен к поддерновой слегка карбонатизированной бурой супеси. Были зафиксированы следующие артефакты: отбойник – 1 ед., отщеп – 1 ед., фрагмент пластины (первичное снятие) – 1 ед.; керамический комплекс представлен фрагментом гладкостенного сосуда светло-коричневого цвета толщиной до 2 мм и частью венчика коричневого цвета с налипшим рубленным валиком на внешней стороне. Также был найден фрагмент трубчатой кости животного.

**2 культурный горизонт** включен в отложения пылеватой каштановой супеси с рыжеватым оттенком. Планиграфически ситуация характерна для кратковременных стоянок бронзового века с культурно-хозяйственным типом, характерным для рыболовов и охотников. Материалы образуют отдельные скопления керамики (как правило, апплицируемые фрагменты керамических сосудов). Всего было зафиксировано 40 фрагментов, из них 12 – части стенок одного сосуда (судя по составу теста), представляющих собой черепки неорнаментированного изделия со следами слабого пищевого нагара с внутренней стороны; 20 фрагментов красно-коричневой керамики, орнаментированной при помощи 4-х зубчатого штампа, которым наносились ряды наклонных отрезков в виде вдавленных точек, расположенных вдоль тулова параллельными полосами. Также отмечены следы вертикального лощения сосуда, в результате которого остались канавки шириной около 2 мм разной высоты. Имеются фрагменты со сквозными отверстиями диаметром около 2 мм, при толщине стенок 5 мм – один из них является фрагментом треугольного в сечении венчика, декорированного рядами точек. Также был найден фрагмент светло-коричневого сосуда со следами двух параллельных полос, выполненных техникой протаскивания и часть венчика светло-коричневого цвета грибовидной формы с косыми нарезками по верхней части. Интересной является светло-желтая керамика толщиной 3–5 мм с крупными насечками высотой до 2 см, расположенных под разными углами друг к другу и параллельными полосами, фрагмент венчика полукруглой в сечении формы, орнаментированный по внешней стороне насечками высотой 7–8 мм, отходящих от верхней кромки сосуда. Подобная керамика зафиксирована в хорошо изученных стратифицированных памятниках Прибайкалья эпохи позднего неолита – ранней бронзы (Нижнеберезовская, Посольская стоянки (Семина Л.В., 1985, с. 119), Харга, Кулькисон (Ивашина Л.Г., 1983, с. 45-61). Можно проследить аналогии в орнаментации и технологии производства предметов из глины, опираясь на характер и мотивы декорирования сосудов, качество обжига, глины и состав теста. Предметы каменного расщепления представлены 1 грузилом из гальки, 2 отщепами и 2 гальками, а остеологический материал состоит из 2 мелких костей и фрагмента черепа грызуна.

**3 культурный горизонт** приурочен к серой, слегка гумусированной супеси, пылеватой, с включением разноразмерных зерен гравия и крупнозернистого песка. Материалы представлены керамическими фрагментами – 7 ед., из которых 5 имеют оттиски перевитого шнура, 2 экземпляра неорнаментированной керамики из хорошо обожженного темно-коричневого теста толщиной до 3 мм, 13 фрагментами кости, 1 из них является суставной частью кости животного, каменными предметами – 4 гальки, 2 из которых со следами единичных бессистемных снятий, 1 концевой микроскребок, выполненный из халцедона. Наибольший интерес представляет фрагмент шлифованного нефритового ножа. Материалы предварительно датируются средним неолитом.

**4 культурный горизонт** не соотносится с гумусированными прослоями, в литологическом отношении представляет собой супесчаные субаэральные образования серовато-бурого общего тона, с включением зерен крупнозернистого песка. Планиграфическая ситуация комплекса представляет особый интерес. В квадратах Б,В-3 (на бровке разреза раскопа 1998-2000 г.) была обнаружена небольшая кладка диаметром 30х40 см, из 19 галек средних размеров, уложенных довольно плотно друг к другу. На гальках отмечены следы огня, в виде красноватых и углистых (сажистых) пятен. В основании кладки на некоторых гальках отмечены следы охры. В 10 см от кладки зафиксирована подвеска из клыка марала. После разборки кладки при зачистке были обнаружены фрагменты скелета рыбы (позвоночники, ребра, плавниковые кости), имеющие хаотичное расположение. Можно предположить, что рыба была разделана на куски длиной 10-13 см, помещена на линзу крупнозернистого речного песка, а затем сверху заложена речной галькой, на которой впоследствии разводился огонь.

Археологическую коллекцию составили отщепы – 2 ед., микроотщепы – 2 ед., 12 фрагментов битой кости, 2 клыка и 1 коренной зуб от нижней челюсти мелкого грызуна.

По стратиграфической позиции комплекс может быть датирован ранним субатлантическим или поздним бореальным периодом. Отсутствие керамических материалов позволяет в культурно-хронологическом отношении определить бескерамическим неолитом или поздним мезолитическим временем.

**5 культурный горизонт** представлен единичными материалами – техническим сколом, сколом переоформления площадки, отщепом.

Материалы геоархеологического объекта Ветрово заполняют информационную лакуну по раннеголоценовым комплексам нижнего течения р. Селенги; результаты дальнейших исследований объекта, возможно, помогут в решении проблемы обоснования выделения бескерамического неолита.

*Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Лбова*

*Е.Д. Жамбалтарова, В.П. Конев  
(Улан-Удэ, Музей Бурятского научного центра, ВостСибНИИгеопроект)*

### **Фофановский могильник: материалы 1987-89 и 1996 года**

Для неолита-бронзы Западного Забайкалья Фофановский могильник является самым крупным и наиболее масштабно раскопанным. Открыт могильник в 1927 г. А. П. Окладниковым, продолжавшим работы в 1948-50 гг. (Окладников, 1950, 1955).

Памятник расположен на правом берегу р. Селенги, выше с. Фофаново Кабанского района, на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофановской горы, приблизительно в 60 км на северо-запад от г. Улан-Удэ.

В 1931-36 гг., а затем в 1959 г. могильник исследовал М. М. Герасимов. В 1987-91 и 1996 гг. проводил раскопки В. П. Конев. Материалы раскопок полностью не опубликованы, кроме работ Иркутской экспедиции 1959 г. (Герасимов, Черных, 1975) и описания коллективного погребения №11–1996 г. (Конев, 1996).

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов Фофановского могильника, полученных в результате исследований экспедиции БГПИ в 1987-91 гг. и ВСГАКИ в 1996 г. (рук. Конев В. П.).

Все погребения грунтовые, без надмогильных сооружений. Могильные ямы (глубина 0,5-1,5 м) в плане имеют овальную (погребения №3, 4, 5, 7, 8, 12, 13, 16) и прямоугольную со скругленными углами форму (погребения №14, 15, 17).

Ориентированы головой вверх по течению реки (ЮВ-СЗ – погребения №7, 8, 9, 13, 16, 17; В-З – погребения №3, 4, 5, 12, 14), погребение №15 ориентировано по линии Ю-С (головой к реке), СВ-ЮЗ ориентировка в погребениях №1, 10. В погребениях №2, 6 (разрушенных) ориентировку выяснить не удалось.

Погребение №12 – парное (взрослый мужчина и подросток), остальные – одиночные. В погр. №1, 13 зафиксированы взрослые женщины, в погр. №3, 10, 16 (очень плохой сохранности) – дети, в остальных – взрослые мужчины. Все определения предварительны, кроме половозрастного определения костяка из погребения №1 (определение Мамоновой Н. Н., устное сообщение).

Все погребения скорченные, кроме вытянутого погр. №10. Положения костяков: на спине – в погр. №1, 3, 5, 10, 12, 14, 15. Ориентированные головой на В (в погр. №12, 14) – с подогнутыми вправо и влево ногами, погр. №15 (головой на Ю) – с подогнутыми ногами коленями вверх. Костяки из погр. №2, 4, 7, 9, 13, 17 помещены на боку с подогнутыми нога-

ми. Положение костяков из погр. №6, 8 (костяки представлены не полностью), 16 (ребенок) не выяснено. Костяки из погр. №7, 12 помещены без голов.

Сопровождающий инвентарь малочислен: расщепленные клыки кабана с просверленными отверстиями (в погр. №12, 14, 15, 17), пластины (№12, 16), костяное острие дл. 8,8 см (наконечник копья?) (в погр. №13), резцы тарбагана (?) (в погр. №13, 17), перламутровые бусы и фрагмент гематита (погр. №9), керамика (погр. №4, 6). В погр. №12 найдены: 4 микропластины (остатки вкладышевого орудия), кусочек графита, халцедоновый наконечник стрелы, заготовка нуклеуса. В погр. №15 найден фрагмент нижней челюсти мелкого грызуна. Погребения №1, 2, 3, 5, 8 – без инвентаря.

Костяки густо посыпаны охрой в районе черепа (в погр. №14, 15, 17), тазовых костей (в погр. №12-15), груди (в погр. №12), в районе костей ног (в погр. №17). Костяки из погр. №3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12 (подросток), 16 (ребенок) охрой не посыпаны.

На территории могильника, на глубине 80 см, обнаружен фрагментированный гладкостенный сосуд (около 40х40 см) со слегка отогнутым наружу венчиком, помещенный в яму со следами кострища. Принадлежность сосуда к той или иной группе погребений не установлена.

Погребения Фофановского могильника близки китойским погребениям Ангары и Витима. Захоронения совершены в небольших ямах. Умерших большей частью укладывали на спине или на боку с согнутыми ногами и засыпали охрой. Мраморные кольца или клыки кабана на голове, составные костяные кинжалы с вкладышами из ножевидных пластинок, перламутровые бусы, подвески из клыков марала, резцы тарбагана и клыки кабарги и т. д. образуют типично китойский комплекс. Погребальный обряд китойцев Фофановского могильника имеет общие черты с памятниками китойского типа Ангарского бассейна: засыпка погребенного охрой; наличие характерных мраморных колец; наличие кинжалов с вкладышами; отсутствие надмогильных каменных выкладок (Герасимов, Черных, 1975). Но в погребальном обряде китойцев Фофановского могильника наблюдаются и отличия: скорченность погребений Фофановского могильника; преимущественно СЗ-ЮВ и В-З ориентировка фофановских могил; отсутствие некоторых типов характерных китойских вещей (стерженьков составных рыболовных крючков, нефритовых орудий, кремневых наконечников стрел и т. д.). В целом, погребения, раскопанные в 1996 г. (кроме погребения №16) гармонично входят в комплекс китойских погребений Фофановского могильника. Более детальное исследование погребений планируется в дальнейшем.

*Научный руководитель – к.и.н. Л.В Лбова*

*О.И. Гекк, О.А. Мартынова*

*(Рубцовск, Университет Российской академии образования, Рубцовский филиал)*

### **Неолит юго-западных районов Алтайского края**

На сегодняшний день эпохе неолита Алтая посвящено большое количество работ, но говорить об ее всесторонней изученности пока рано. Одним из наиболее сложных и малоизученных районов является «Юго-Западный Алтай» – термин, принятый в археологической науке для обозначения юго-западных районов Алтайского края. Однако он не совсем верен, так как данная территория (как географический район) целиком находится в Восточном Казахстане. Поэтому лучше использовать другие обозначения.

Итак, северо-западные предгорья Алтая включают в себя одиннадцать административных районов: Змеиногорский, Краснощековский, Курьинский, Локтевский, Новогорьевский, Поспелихинский, Рубцовский, Солонешенский, Третьяковский, Угловский

и Чарышский. Часть этих районов очень богаты неолитическими памятниками, в других их известно крайне мало.

В физико-географическом плане данная территория поделена между двумя странами: Западно-Сибирской и Саяно-Алтайской. Она входит в Кулундинскую провинцию, Приобскую левобережную подпровинцию и Предалтайскую провинцию. В данном регионе располагается три природные зоны: степь, лесостепь и предгорья. В основном распространен равнинный ландшафт.

Юго-западные районы Алтайского края расположены в области засушливого климата. Годовое количество осадков здесь колеблется от 200 до 250 мм, а в Угловском районе достигает лишь 100-200 мм. В теплое время года почва сильно нагревается, температуры высокие, лето жаркое. Зимой, наоборот, происходит быстрое охлаждение, что обусловлено расположением Алтайского края почти в центре Евразийского материка и удаленность от океанов на тысячи километров. Континентально-умеренный воздух является основным, имеет резко выраженные свойства: летом сухой и жаркий, зимой – холодный. Безусловно, особенности природно-климатических условий данной территории так или иначе влияли на хозяйственную деятельность людей, на их образ жизни.

Касаясь проблемы изученности данной территории, необходимо отметить, что на фоне масштабных работ, проводимых в Горном Алтае или на Верхней Оби, археологическое изучение юго-западных районов Алтайского края выглядит весьма скромно. Между тем, не раз говорилось об особом характере зоны, где в разные исторические периоды взаимодействовали и переплетались культуры населения гор, казахских степей и сибирской лесостепи (Клюкин Г.А., 1993, с. 136).

Примечательно то, что наибольшее количество находок эпохи неолита было обнаружено в Рубцовском, Угловском и Новоогорьевском районах (поселения Рубцовское, Алексеевка 1, Коростели 1,3,4,9,10, Павловка 1, Перешеечное 1,3,6). На данный момент известно крайне мало неолитических памятников в Курьинском, Змеиногорском, Пospelихинском и Третьяковском районах. В основном, памятники данного периода развезены. Культурный слой сохранился лишь на некоторых поселениях. Наиболее крупными из них являются: Павловка I, Рубцовское, Гульбище (Перешеечное 6).

Все это говорит о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при изучении неолита северо-западного предгорья Алтая. Основная часть археологического материала происходит в виде сборов. Сами раскопки были предприняты лишь на поселении Рубцовском.

Большой вклад в фиксацию, изучение и сохранение археологических памятников внесли местные краеведы. Так, преподавателем истории из города Рубцовска Г.А. Клюкиным открыты и описаны целые серии разрушающихся памятников в Локтевском, Новоогорьевском, Рубцовском и Угловском районах. Поселение Павловка 1 открыто преподавателем школы села Павловка Угловского района Н.Г. Нудных. В 1991 году А.В. Онников открыл поселение Рубцовское в Рубцовском районе, дальнейшим исследованием которого занимались сотрудники АГУ А.А. Тишкин (1995) и А.В. Шмидт.

Орудийный набор эпохи неолита данного региона представлен, прежде всего, изделиями из камня. По данным, полученным при проведении в 1992 году разведочных археологических раскопок на поселении Рубцовском (Тишкин А.А., 1995), выявлена призматическая техника расщепления (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999, с. 59). Основой для изготовления орудий являются пластины, в меньшей степени отщепы.

Отщепы в основном являются нуклеидными. Нуклеусы подразделяются на три основных вида: торцовые, плоскостные и клиновидные. В основном отщепы мелкие (40,3%), реже – средние (1,3%) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 37). Большая часть мелких и средних вторичных отщепов, видимо, получена в процессе подготовки преформ и изработки нуклесов. Первичные отщепы, как правило, связаны с оформлением и обновлением дерево-

обрабатывающих орудий (долота, тесла), так как они изготовлены из более вязких и зернистых пород. Для основной массы орудий эти породы нехарактерны (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999, с. 59). Изделия на отщепях представлены большей частью скребками и резцами, встречаются наконечники стрел, долотовидные орудия и т.п.

Пластинчатую индустрию по размерам и характеру изделий можно назвать микролитической. Например, на памятнике Павловка 1 Угловского района из обследованных пластин – наибольшая часть (39%) представлена мелкими призматическими пластинами шириной от 0,4 до 0,7 см, длиной от 0,8 до 2,6 см. Эталонным показателем пластинчатых вкладышей является ширина 0,7 см, независимо от их длины (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 26). О микролитическом характере индустрии также свидетельствует большое количество сечений. Под сечениями понимаются обломанные с одного или двух концов пластины, длина которых меньше удвоенной ширины. Подработка материала довольно разнообразная. Наиболее распространенным типом вторичной обработки является притупляющая ретушь, причем выделяются экземпляры с притупленной спинкой и более распространена подправка пластин со стороны брюшка.

Следующая особенность – это большое количество резцов и резчиков, выполненных на углу пластин. Резцы в среднем составляют 14% орудий. Они оформлены либо тонкими резцовыми прямыми, либо клиновидными вогнутыми сколами.

Встречаются пластинки с концевой подработкой. На более поздних памятниках они вообще отсутствуют.

И, наконец, самой малочисленной группой изделий являются геометрические микролиты. Причем именно наличие геометрических микролитов и пластин со скошенным концом говорит о существовании пришлых, казахстанских черт каменной индустрии. Найденные на Рубцовском поселении наконечники стрел с выделенными в нижней части шипами, зубчатостью краев, атипичными выемками у основания вызывают явные кельтиминарские ассоциации (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999, с. 60). Согласно трассологическим определениям Н.Ю. Кунгуровой, из семнадцати функциональных типов орудий, выявленных на Павловке 1, наиболее многочисленным типом являются вкладыши мясных ножей (46% от всех орудий), далее идут вкладыши охотничьего оружия (17%). Боковые скребки на пластинах (4%) необходимы были для обработки шкур (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 30).

Находки на поселении Павловка 1 относятся к эпохе финального мезолита – раннего неолита. В последующие же этапы неолита (IV вторая половина III тысячелетия до н.э.) процентное соотношение пластин относительно отщепов вырастает, но доля обработанных, при этом, уменьшается (например, Кривое 1 – 44%; Гутьбище – 32,8%). Несколько снижает процент резцов (12,7%), нет разнообразия типов изделий.

Основным сырьевым материалом для изготовления инвентаря на территории северо-западного предгорья Алтая служили яшмы, халцедон, кварцитовидный сливной песчаник. Его приносили с сопредельных территорий (главным образом, с Восточного Казахстана и Рудного Алтая), где существовали выходы этого камня. Как свидетельствуют находки с поселений этой зоны, наиболее активно использовался кварцитовидный сливной песчаник, из которого изготавливали призматические пластины, наконечники стрел, резцы, скребки и др. Популярность в далеком прошлом этого сырья объясняется тем, что он имеет высокую твердость (7 по шкале Мооса); не такой хрупкий, как, например, кварц или кварцит; хорошо поддается обработке приемами двусторонней отжимной ретуши (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1983, с. 3-17). В связи с фактом существования дефицита камня уместно предположение, что довольно часто использовалась кость в качестве сырья для изготовления различных орудий, например, наконечников стрел, сходных по внешнему облику с аналогичными каменными изделиями (Шмидт А.В., 1997, с. 28-32).

Керамика эпохи неолита на рассматриваемой территории Алтая в основном украшена оттисками отступающей палочки или лопаточки, прочерченными волнистыми линиями.

Вообще, такой орнамент характерен для верхнеобской неолитической культуры. Однако, М.Ф. Косарев считает, что она представляла собой большую культурную общность, в пределах которой локализовалось несколько родственных культур, существующих в переходное время от неолита к бронзе в Верхнем и Томско-Нарымском Приобье (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, с. 95).

Из вышесказанного видно, что в неолите на данной территории преобладает микролитическая пластинчатая индустрия, в которой присутствуют и пришлые южные черты. К сожалению, эта проблематика разработана еще очень слабо. Дальнейшее археологическое исследование юго-западных районов Алтайского края поможет не только дополнить историческую картину неолитической эпохи, но и понять этнический характер населения в данном регионе. Разрушение памятников требует наискорейших действий в их отношении, поэтому налицо актуальность вопроса об археологических раскопках неолитических поселений северо-западных предгорий Алтая в ближайшее время.

*Научный руководитель – А.В. Шмидт*

*С.Н. Иващенко, И.В. Толпеко*  
*(Омск, Омский государственный университет)*  
**Усть – Тара-IV (предварительное сообщение)**

Поселение Усть–Тара-IV было открыто и обследовано в 1990 г. И.Е. Скандаковым. Оно находится в 6 км к юго-юго-востоку от д. Усть-Тара Тарского района Омской области на правом берегу р. Тара (недалеко от впадения последней в р. Иртыш).

Памятник Усть–Тара – IV располагался на высоком обрыве (около 7 м) активно размываемым в период весеннего половодья. В связи с этим летом 2000 г. были произведены срочные спасательные работы. Раскоп площадью 120 кв. м был разбит на единственной сохранившейся западине, которая представляла собой углубление диаметром 9 м, глубиной до 0,2 м.

В ходе работ были прослежены следы жилища, получен богатый керамический материал и значительное количество изделий из камня. Фрагменты керамики, обнаруженные при раскопках, в большинстве своем крупные, хорошо собирающиеся в стенки сосудов полуяйцевидной и баночной формы. Донца округлой или округло-приостренной формы. Черепки, преимущественно, плотные с примесью травы и шамота, поверхность сосудов в большинстве хорошо заглажена. Толщина стенок – 0,7-0,9 см. Венчики с ровным краем, овальным или приостренным срезом. Часто верхний край сосудов орнаментировался отпечатками палочки или насечками.

Внешняя поверхность сосудов орнаментировалась полностью. Мотивы орнаментации однообразны – волнистые или прямые горизонтально расположенные линии, выполненные техникой отступающей палочки или наколами. Своеобразие керамике придают ямки, которыми украшено подавляющее большинство сосудов. По форме ямки разнообразны, преобладают круглые, однако, встречаются подовальные, полулунные, аморфные. Как правило, они располагаются несколькими горизонтальными рядами по всей поверхности сосуда. Эти ряды формируются как одиночными ямками, так и ямками, сгруппированными по две или три. Встречается расположение ямок в шахматном порядке, в виде зигзага, волны.

Помимо керамики, в заполнении жилища были найдены два своеобразных изделия из глины в обломках. По одному из них (длина – 7,5 см, максимальная ширина – 2,7 см), сохра-

нившимся достаточно хорошо, можно предположить, что это были ложила, прямоугольные в сечении, имеющие две слегка вогнутые, сближающиеся в одном конце, рабочие плоскости (хорошо прослеживаются следы сработанности). Нерабочие плоскости покрыты орнаментом, представляющим собой сочетание продольных и поперечных волнистых линий. Оригинален состав теста, из которого изготовлены ложила. Оно представляет собой плотную массу красно-коричневого цвета и радикально отличается от глиняного теста остальных керамики поселения.

Каменный инвентарь представлен 86 орудиями. Из них наконечники стрел – 4 экз., скребки – 11 экз., ножевидные пластины и их обломков – 59 экз., шлифованные ножи с вогнутым лезвием – 2 экз., шлифованные топоры – 3 экз., обломки шлифованных изделий – 2 экз.. Количество отщепов крайне незначительно. Они преимущественно средних размеров. Обнаружено несколько крупных обломков желто-коричневой яшмы со следами многочисленных сколов.

Сырьем для изготовления орудий служила светло-бежевая и желто-коричневая яшма, кварцитовидный сливной песчаник, зеленокаменные породы (шлифованные изделия).

Природные условия (хорошо дренируемый мелкий песок) не способствуют сохранности костного материала, и потому таковой практически отсутствует.

Поселение было обнаружено по западине, на месте которой и был разбит раскоп. Однако стратиграфически черты жилища фиксировались крайне слабо. На зачистке после 4-го штыка, на сыром грунте начал обнаруживаться котлован в виде очень слабо гумусированного пятна (песка чуть более темного цвета, чем окружающая поверхность). Пятно имело округлые очертания (примерно 8 м в диаметре). Оно прослеживалось с уровня 40 см (от дневной поверхности) до 70 см. На глубине 30 см начали проявляться три прокала, окруженных полосами слабогумусированного песка. Их мощность в слое составила в среднем около 75 см. По отношению к пятну жилища прокалы располагались по линии юго-восток – северо-запад, у южного его края. Границы постройки хорошо фиксировались по высокой концентрации находок с 4 штыка по 7.

Необходимо отметить, что за пределами котлована количество находок было крайне ограничено. Этот факт, наряду со сбором значительной коллекции каменных изделий и фрагментов керамики под обрывом, на краю которого (в 2,5 – 3 м) располагался исследованный объект, позволяет предположить, что перед нами не одно, отдельно стоящее жилище, а остатки поселения. Разница же в концентрации находок в котловане и вне его дает возможность выдвинуть гипотезу о сезонном функционировании данного поселенческого комплекса. Об этом может свидетельствовать и наличие в границах одного жилища трех мощных прокалов, и отсутствие следов активной обработки камня.

Рассматриваемое поселение входит в состав Усть-Тарского археологического микрорайона, насчитывающего более пятидесяти археологических памятников различных культурно-хронологических периодов. На удалении не более 2 км от места раскопок обнаружено три памятника, материалы с которых весьма близки материалу с поселения Усть-Тара – IV. Орнаментация, керамическое тесто и размеры сосудов, типы и приемы обработки каменных орудий аналогичны как на Усть-Таре – IV, так и на Усть-Таре – XV, Усть-Таре – XXVIII (с некоторыми оговорками), Усть-Таре – XXXIII. Однако три последних представляют собой достаточно крупные сооружения (до 500 кв. м), интерпретируемые на сегодняшний день как культовые места. Из них Усть-Тара – XV исследовано лишь шурфовкой, Усть-Тара – XXVIII частично раскопано, Усть-Тара – XXXIII вскрыто полностью (Скандарков И.Е., Толпеко И.В., Хвостов В.А., 1997). Керамический материал поселения Усть-Тара – IV имеет аналогии с материалами таких памятников, как Артынская стоянка (Косинская Л.Л., 1982); Бичили I, Шатлов I,II, Боровлянка (жилище 2) (Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г., 1970); Серебрянка – 1 (жилище 1)



(Панфилов А.Н., 1993); Кокуй – 1 (жилище 2) (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969). Особенно яркое сходство с Серебрянкой и Артынской стоянкой – орнаментация из прямых и волнистых линий, нанесенных отступающей палочкой и наколами, присутствие поясков из ямок (часто сгруппированных). Однако на Усть-Таре – IV полностью отсутствует керамика, орнаментированная гребенкой (как и на Усть-Тара – XXXIII (Скандаков И.Е., Толпеко И.В., Хвостов В.А., 1997, с. 139)).

Архаичность каменного инвентаря, форма наконечников стрел, большое количество ножевидных пластин (их размеры, форма, приемы обработки и характер использования в качестве орудий), наличие шлифованных орудий (в том числе, ножей с вогнутыми лезвиями) свидетельствуют о том, что данный памятник можно отнести к эпохе неолита. Керамический материал так же подтверждает это. Для относительной хронологии поселения весьма интересна ситуация, сложившаяся на памятнике Усть-Тара – XXVIII, где культовое место с комплексом находок, аналогичным Усть-Таре – IV, перекрыто поселением с керамикой, орнаментированной отступающим гребенчатым штампом, характерным для екатерининской культуры (Петров А.И., 1987., с. 4,5).

Памятники екатерининской культуры датируются А.И. Петровым первой половиной – серединой III тыс. до н.э. (Петров А.И., 1987., с. 9); по датировке А.Н. Панфилова временем функционирования памятника Серебрянка – 1 была вторая половина V – начало IV тыс. до н.э. Близость материалов поселения Усть-Тара – IV материалам Серебрянки – 1, позволяет предварительно датировать этот памятник в достаточно широком диапазоне, от второй половины V – начала IV тыс. до конца IV, но не позднее начала III тыс. до н.э.

*С.В. Батаршев*

*(Владивосток, Дальневосточный государственный университет).*

#### **Результаты исследования неолитического памятника Гладкая – 4 на юге Приморского края**

В 1998 г. археологической экспедицией ДВГУ (рук. А.Н. Попов) в долине р. Гладкой был открыт памятник, получивший название Гладкая – 4. Предварительно культурный горизонт памятника был отнесен к бойсманской культуре раннего неолита. В полевой сезон 2000 г. под руководством А.Н. Попова были проведены стационарные исследования данного памятника (вскрыто 20 м<sup>2</sup>). Ниже излагаются основные результаты этих работ.

Памятник Гладкая – 4 находится в Хасанском районе Приморского края в долине р. Гладкой в 3,5 км к юго-востоку от пос. Краскино и в 4 км к северо-западу от с. Гвоздево на оконечности мысовидной сопки. Территория памятника представляет из себя довольно ровную площадку, ограниченную с юго-восточной и северо-восточной сторон обрывистыми склонами. Стратиграфия памятника выглядит следующим образом: дерн (мощностью 10-12 см); коричневая супесь (мощностью 10-45 см); плотная рыжая супесь с примесью мелкой дресвы (мощностью 5-20 см); материк – рыже-красный крупный песок и дресва элювиального происхождения. Археологические находки залегают в коричневой и рыжей супесях, локализуясь на контакте этих двух слоев.

На памятнике раскопана округлая в плане яма (глубиной до 50 см и площадью около 4 м<sup>2</sup>), впущенная в материк с уровня коричневой супеси. На плечиках сооружения расположены 4 ямки. В заполнении ямы обнаружен комплекс, связанный с производством каменных орудий. Он состоял из двух участков изготовления шлифованных наконечников стрел и крупного скопления продуктов расщепления камня (более 900 отщепов, нуклеус и нуклеовидные обломки). Здесь же найдены: ретушированные наконечники стрел и дротиков (большинство в фрагментированном состоянии), фрагменты бифасов – заготовок, отбой-

ник, терочки, наковальня, мотыги, фрагменты керамики и др. На прилегающей к яме территории так же располагалась производственная площадка.

Полученная небольшая, но информативная источниковая база (около 1700 находок) позволила выявить основные технико – типологические параметры каменной индустрии и керамического производства памятника.

В области расщепления камня характерно получение отщепов и пластинчатых отщепов с бесформенных ядрищ. Процесс вторичной обработки изделий включал несколько технических приемов. Широкое распространение получило ударное ретуширование, обусловленное производством на памятнике бифасов, которые служили готовыми бланками для более грациальной отжимной обработки. Отжимное ретуширование применялось преимущественно при изготовлении наконечников стрел и дротиков. Техника шлифования камня использовалась для производства шлифованных наконечников стрел и изготовления рубящих орудий. Процесс изготовления шлифованных стрел предполагал так же пиление камня. Техника оббивки камня использовалась для изготовления мотыг.

Орудийный набор памятника представлен следующими основными категориями. *Нуклевидные обломки*: куски породы аморфной формы, часто с сохранными участками желвачной корки. Нуклевидные обломки являются кусками протестированного сырья или ядрищами, с которых производилось бессистемное снятие отщепов без подготовки ударных площадок. *Нуклеусы*: одно морфологически выдержанное изделие. Это трехплощадочный, трехсторонний нуклеус подтреугольной формы с продольно – поперечными снятиями в разных плоскостях (7x5x2,5 см). *Ретушированные наконечники стрел*: иволистные со слегка выемчатым (4 экз.) или заостренным (1 экз.) основанием; треугольно – удлиненные с прямым или слегка выемчатым основанием (8 экз.); треугольные с широким туловом, выемчатым основанием и симметричными жальцами (2 экз.); лавролистные наконечники (2 экз.) с легкой выемкой в основании; 7 неопределимых обломков. *Ретушированные наконечники дротиков*: удлиненно – треугольные (3 экз.) с прямым или слегка выпуклым основанием; ромбовидный наконечник с прямым основанием; лавролистные наконечники (2 экз.) с прямым или слегка выпуклым основанием; иволистный наконечник с прямым основанием; 4 фрагмента. Большинство метательных орудий памятника оформлено двухсторонней сплошной ретушью. *Бифасы*: лавролистные (3 экз.); подтреугольный; иволистный; 4 крупных и 9 небольших фрагментов. Для 12 бифасиальных изделий памятника характерна асимметричность и массивность в сечении, для 6 изделий – уплощенность. Большинство бифасов обработано крупнофасеточной ударной ретушью, кромки изделий неровные. *Ножи*: оформлены краевой двухсторонней ретушью на плитках (6 экз.). *Комбинированное орудие*: скол со шлифованного рубящего орудия, с выделяющимся треугольным рабочим концом, использовавшимся в качестве сверла и пилы. Одна из боковых сторон изделия использовалась для скобления – рабочая кромка имеет характерную слегка вогнутую поверхность и микровыкрашенность. *Пилки*: продолговатый и подтреугольный отщепы, обработанные зубчатой ретушью по всему периметру. *Скребки*: концевое типа, изготовлены из отщепов (4 экз.). *Скобели*: изготовлены из отщепов подпрямоугольной формы (2 экз.). *Сверла*: подтреугольные изделия из отщепов (3 экз.). *Мотыги*: 4 орудия, оформленные на плитках при помощи оббивки и продолговатая галька с рабочим концом, образованным крупным сколом. *Шлифованные наконечники стрел*: вытянуто треугольные наконечники, в сечении плоско – ромбовидные у острия и шестигранные (реже четырехгранные) у основания; треугольно – удлиненный наконечник с прямым основанием, по морфологии повторяющий ретушированные наконечники стрел. *Заготовки шлифованных наконечников стрел*: вытянуто треугольные плитки, выпиленные из блоков сырья (29 обломков и 7 целых экз.). *Плитки сырья с пропилами*: являются побочным продуктом выпиливания заготовок стрел из блоков сырья (7 экз.). *Рубящие орудия*: шлифованный топор и крупный фрагмент, использовавшийся в качестве отбойника. В сечении орудия односторонне выпуклые, шлифовке подвергнуты обе стороны.

Для производства шлифованных наконечников стрел использовались светло – зеленые туфиты и глинистый сланец с плитчатой структурой. Бифасы изготавливались из светло – серой туфолавы. Так же широко использовался кремнистый светло – коричневый сланец, меловые породы и туфопесчанник, гораздо реже – обсидиан и кремень.

На памятнике найдены так же артефакты микропластинчатого комплекса: *клиновидные микронуклеусы*, изготовленные из отщепов (2 экз.), с четко читающимися фасетками торцовых снятий; *краевой скол с бифаса*; *сколы оживления ударных площадок* (2 экз.); *микропластинки* (8 экз.). Для производства этих орудий использовался черный обсидиан и молочно – белая кремнистая порода.

Вся керамика памятника изготавливалась при помощи жгутового налеха. В тесте фиксируется большое количество крупнозернистого песка и слюды. Стенки сосудов тщательно заглаживались, но не ложились. Вся посуда кострового, низкотемпературного обжига.

Выделяются следующие виды венчиков: прямой – 15 экз., среди которых 3 венчика имеют небольшое утолщение внешнего края; слегка вогнутый (7 экз.); сильно вогнутый (1 экз.); слегка отогнутый наружу (6 экз.) с небольшим выступом. В последнем случае различаются венчики с выступом, расположенным ниже кромки (2 экз.) и венчики с выступом, образованным непосредственно от края кромки (2 экз.). Сечение выступов треугольное и подтреугольное. Кромка венчиков могла быть прямой, округлой, приостренной и скошенной наружу. Малочисленные фрагменты доньшек свидетельствуют о распространении на памятнике плоскостной посуды с плавным переходом от стенок к днищу, реже – с уступом.

Орнаментация керамики включает: сплошное поле близко поставленных оттисков гребенчатого штампа; чередование линий гребенчатого штампа с узкими чистыми полосами; чередование протянутых линий и полос оттисков гладкого штампа; расположенные в шахматном порядке различные оттиски (ногтя, гладкого штампа или наколов); выпуклые прямые или волнообразные линии; сочетание линий мелкого и крупного гладкого штампа; несколько линий гладкого штампа, совмещающиеся со сплошным полем оттисков гребенчатого штампа; прямые или изогнутые линии оттисков отступающей лопаточки. Орнамент располагался широким полем от кромки венчика, придонная часть неорнаментировалась. В ряде случаев кромка венчиков украшалась насечками. По имеющимся фрагментам можно судить, что орнаментировалось  $\frac{2}{3}$  сосуда.

Описанные технико – типологические параметры каменной индустрии и керамики памятника Гладкая – 4 находят ближайšie аналогии с материалами раннеолитических горизонтов памятников Бойсмана – 2 и Бойсмана – 1 (Попов и др., 1997; Первые рыболовы..., 1998). Сказанное позволяет отнести данный памятник к бойсманской археологической культуре раннего неолита и датировать его временным отрезком 6,5 – 5 тыс. л. н.

Своеобразие памятнику придают лишь артефакты микропластинчатой техники, впервые найденные на памятнике бойсманской культуры. Однозначная интерпретация данного феномена по имеющейся источниковой базе затруднительна. Носители бойсманской культуры могли знать микропластинчатую технику, но не использовать ее, т. к. она была для них нетрадиционной. Однако, при встрече подходящего сырья и появлении потребности в использовании артефактов микропластинчатого комплекса, люди могли использовать данную технику. Хотя, возможно, что находки микропластинчатого комплекса являются переотложенными артефактами более раннего культурного горизонта, уничтоженного людьми бойсманской культуры.

Представленные материалы свидетельствуют о временном характере памятника Гладкая – 4. Скорее всего, это был временный лагерь, на котором специализированно изготавливался охотничий инвентарь (бифасы – заготовки, наконечники стрел и дротиков). Исследованная яма служила котлованом небольшого убежища – мастерской.

*Научный руководитель – к. и. н. А.Н. Попов*

*В.М. Дьяконов*  
(*Якутск, Якутский государственный университет*)

### **К вопросу о текстильной керамике в неолите Якутии**

Впервые предположение о существовании в неолите Якутии текстильной керамики было высказано А.П. Окладниковым (1950а, 1955), при рассмотрении им керамического материала со стоянок Куллата и Малая Мунку. Судя по описаниям видно, что текстильной исследователь называл различную по характеру изготовления керамику. В большинстве случаев, таким термином им была охарактеризована шнуровая керамика (Окладников, 1950а, с. 41, 43-45, 57-59, табл. V, 1, XVII, 1-4, XIX, 2-3), но в некоторых случаях и сетчатая (Там же, с. 57, табл. XV, 4). На одной из таблиц (там же, табл. XV, 5) видно, что отпечатки «полос ткани» на керамике имеют равнозначную вертикальную и горизонтальную направленность. Эту разновидность керамики А.П. Окладников также отнес к текстильной (Там же, с. 57). На стоянке Малая Мунку в Олёкминском районе ЯАССР им были обнаружены черепки сосудов, на поверхности которых сохранились «оттиски настоящей ткани», то есть на внешней поверхности черепков отмечался технический орнамент в виде рельефных отпечатков ткани, которую, как считает А.П. Окладников, местные племена могли изготовить из дикорастущих текстильных растений, таких как крапива или лён (Окладников, 1955, с. 84). Вопрос о методике изготовления такой керамики, к сожалению, исследователем рассмотрен не был. В дальнейшем, эта гипотеза не получила своего подтверждения, а в трудах последователей Окладникова текстильную керамику отнесли к разряду шнуровой (Мочанов, 1969, с. 165-166; Федосеева, 1980, с. 162) или сетчатой (Алексеев, Черосов, 1990, с. 75; Алексеев, 1996, с. 45-46). Оформилась и укоренилась схема, согласно которой, в раннем неолите Якутии бытовала исключительно сетчатая керамика, в среднем – шнуровая, в позднем – вафельная и рубчатая.

Единого мнения об изготовлении сетчатой керамики у археологов нет (Алексеев, 1996, с. 46; Воробьёв, 1999, с. 85). Это объясняется, по-видимому, тем, что сетчатой называют керамику, изготовленную разными способами. Согласно одной из версий, сетчатая керамика изготавливалась при помощи сетки-плетёнки, внутри которой вылеплялся сосуд, а затем, при обжиге, сетка выгорала, оставляя рифлёные отпечатки в виде узелков и нитей (Алексеев, Черосов, 1990, с. 75). А.П. Окладников предполагал, что сетчатая керамика могла изготавливаться посредством выкапывания ямки, при обмазывании стенок которой изготавливался сосуд (Окладников, 1950б, с. 167-171). Другая версия гласит о том, что сетчатая керамика изготавливалась методом выколачивания (Воробьёв, 1999, с. 69). Среди керамики, относимой специалистами к сетчатой разновидности, имеется несколько вариаций. Один вид отличается большим количеством хаотически разбросанных по всей площади сосуда вдавлений разной величины и глубины, создающих рифлёную поверхность. На некоторых сосудах имеется дополнительная обработка лощением (Шестаковка IV). Эту разновидность археологи классически относят к сетчатой, хотя именно такая керамика, скорее всего, не могла быть изготовлена при помощи сетки-плетёнки, а возможно изготавливалась, как считал А.П. Окладников, в ямке. Второй тип характеризуется небольшим количеством вдавлений примерно одинаковой глубины. Промежутки между вдавлениями гладкие, что говорит о применении двойной обработки – изготовление сосуда при помощи укрепляющей основы (например сетки) или оббивка стенок лопаткой, обмотанной широкой сеткой и дальнейшее уплотнение неровностей посредством плоской лопаточки или полировка шкуркой. Что касается шнуровой керамики, то здесь также отмечаются вариации. Собственно шнуровая керамика наиболее часто встречается на поселениях и стоянках белькачинской культуры. Сосуды обработаны шнуровым техническим орнаментом, чаще всего, либо вертикальной (от венчика к днищу), либо диагональной направленности. Размеры витого шнура различ-

ны, но принцип нанесения был, по-видимому, единым – посредством лопаточки с обмотанным на ней шнуром. Второй тип менее распространён. Его образцы встречены на стоянках Белькачи I, слои IV-V (Мочанов, 1969, с. 241, 242, табл. 35, 9-12, 36, 12), Куллаты (Окладников, 1950а, с. 216, табл. XV, 1, 3) и Хоро I (Дьяконов, 1998, табл. 81, 17). Этот тип характеризуется наличием разнонаправленных линий: очень тонких неглубоких горизонтальных, идущих параллельно плоскости сосуда, и широких глубоких линий, направленных от венчика к днищу. Такой орнамент мог быть нанесён горизонтальной рубчатой лопаткой (аналогичной ымыяхтахской), с последующим проведением вертикальных кривых палочкой с затупленным округлым концом. Возможен также вариант изготовления каркаса (типа корчаги) из прутиков, где нижние концы связывались в одной точке, а верхняя часть расходилась. Снаружи пруты обвязывались тонкими нитями или верёвочками. Внутри каркаса укладывалась глиняная масса, и сосуд вылепился внутри него. После этого, на поверхности оставались вертикальные вдавления от прутиков и горизонтальные – от нитей или верёвочек. Возможно, что наличие на белькачинских сосудах шиповидного днища обусловлено именно спецификой такого технологического приёма. О применении прутиков, обвитых тонкими нитями, при изготовлении шнуровых сосудов с приострѐнным днищем, также пишет А.П. Окладников (1950а, с. 46). По вопросу изготовления ымыяхтахских вафельных и рубчатых сосудов у археологов едино мнение о применении исключительно техники выколачивания лопаточкой, либо с вафельным резным орнаментом, либо с рубчатым. Это хорошо доказывается многослойностью ымыяхтахской керамики, где отпечатки лопаточки с орнаментом имеются также и в местах спайки слоёв. Сопоставление шнуровой керамики с текстильной, на наш взгляд, не приемлемо, в силу того, что текстильная керамика могла быть изготовлена как при помощи лопаточки, обмотанной тканью, так и при помощи целого тканного мешочка или большого куска ткани. Шнуровая же керамика изготавливалась посредством обработки поверхности лопаточкой, либо в каркасе из прутиков, но при этом орнамент разнится. Второй тип сетчатой керамики возможно сопоставить с текстильной разновидностью, так как хорошо сделанную сетку можно сравнить с грубой тканью, но сетку-плетѐнку могли лишь плести, а ткань могли и сплести и связать при помощи спиц. На образцах текстильной керамики ямочки-вдавления расположены равномерно и очень близко друг к другу. Изготовление такой сеточки при помощи ручного плетения – крайне трудоѐмкий процесс, требующий колоссального терпения и количества времени, что, вряд ли было возможно для неолитического человека. Таким образом, столь близкое расположение мелких вдавлений могло быть оставлено лишь при помощи обработки поверхности сосуда вязаной тканью.

В 1998-1999 гг. на стоянке Владимировка VIII в окрестностях Якутска был зафиксирован комплекс керамики, изготовленной при помощи ткани (Дьяконов, 1999, 2000). Эти находки вновь заставили поднять вопрос о существовании текстильной разновидности керамики. При кажущейся схожести такого орнамента с отпечатками мелкого «витого шнура», явственно видно, что направленность «кручѐных нитей» имеет как вертикальную, так и горизонтальную ориентировку. От сетчатой керамики, где отпечатки носят, в основном, хаотический характер, рассматриваемая отличалась чѐткой упорядоченностью вдавлений. Слепки, проведенные с внешней поверхности керамики, показали, что такой орнамент мог быть получен с помощью грубой тканой основы, типа мешковины. Всего на стоянке было обнаружено более двухсот фрагментов нескольких таких сосудов, имевших обычные для раннего и среднего неолита формы (округлое дно и прямые стенки) и распространѐнный орнамент в виде округлых сквозных отверстий под бортиком. Кроме того, в смешанном культурном слое стоянки, вместе с текстильной, была найдена также сетчатая, шнуровая и вафельная керамика. Керамический материал сопровождался здесь типичным неолитическим каменным инвентарѐм – отщепами, ножевидными пластинами, резцами, ножами, наконечниками стрел и др. Ещё

один фрагмент венчика текстильного сосуда обнаружен на стоянке Чуйя в Мегино-Кангаласком улусе Якутии (материалы Н.П. Прокопьева, шифр А-190). Сосуд был закрытого типа, с чуть наклонёнными внутрь стенками. Бортик сосуда был украшен овальными вдавлениями, а под бортиком проходил ряд округлых сквозных отверстий. По сообщению С.А. Воробьёва, отпечатки грубой ткани на керамике отмечены также на стоянке Малая Джикимда в бассейне Олёкмы. Характер венчиков, художественного орнамента и состав глиняного теста указывает на сходство этой керамики как с сетчатой, так и с шнуровой, что, по-видимому, затрудняло исследователей конкретно характеризовать её текстильной. На основании этих данных, можно предположить, что в промежутке между ранним и средним неолитом, в Якутии практиковалось использование ткани при изготовлении глиняных сосудов. К сожалению, чётких данных о культурной принадлежности текстильной керамики пока нет, но, судя по художественной орнаментации, формам сосудов и составу глиняного теста, она существовала в Якутии в диапазоне раннего и среднего неолита в IV-III тыс. до н. э.

*Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Алексеев*

*Е.Б. Крутых, С.В. Батаршев  
(Владивосток, Дальневосточный государственный университет).*

#### **Результаты исследования памятника Реттиховка – Геологическая в Черниговском районе Приморского края.**

Памятник Реттиховка – Геологическая расположен в 4,5 км на северо-запад от станции ДВЖД Реттиховка на пологом южном склоне сопки в 200 м от берега небольшой речки Малая Вассиановка. Памятник представляет собой группу западин, имеющих зачастую подпрямоугольную в плане форму, врезанных в южный край сопки. Западины размером в среднем 7х5 м расположены рядами на узких террасах склона. Всего можно выделить 4 – 5 уровней занятых западинами. Западины нижнего уровня подрезаны полевой дорогой. Ориентировочная площадь памятника составляет 3600 м<sup>2</sup>.

Памятник открыт в 1992 г. Ю.С. Липкиным. В июле – августе 1999 г. археологическим отрядом ДВГУ на памятнике были проведены разведочные работы. Вскрыта западина жилища, разрушаемая полевой дорогой. Раскоп составил 33 м<sup>2</sup>.

Стратиграфия памятника представлена следующим образом: дерново – гумусный горизонт (мощностью 10 – 20 см); пятнистая серая легкая супесь с дресвой (мощностью 40 – 110 см); светло-коричневый пятнистый плотный суглинок со щебнем (мощностью 10 – 28 см); темно-серая углистая супесь (мощность 8 – 20 см); серо-коричневая плотная супесь (мощностью 4 – 16 см); материк – желтый суглинок с крупным щебнем. Артефакты содержались в заполнении жилища в слоях темно-серой углистой и серо-коричневой плотной супесях.

Форма котлована жилища близка к квадрату, углы скруглены, котлован длинными стенками ориентирован ССВ – ЮЮЗ, южная стенка отсутствует. Углы наклона стенок котлована от 50° до 80°. Высота восточной стенки – от 80 до 110 см, северной стенки – от 90 до 100 см. Археологический материал был сконцентрирован в темно-серой углистой супеси на полу жилища. В целом получена коллекция, состоящая примерно из 1500 находок.

Каменный инвентарь памятника представлен несколькими категориями изделий. С процессом расщепления камня связаны: сильно истощенный нуклеус из яшмовидной породы, скол переоформления нуклеуса, 4 отщепы кремнистого сланца и 2 отщепы черного обсидиана.

Готовые изделия представлены 17 ретушированными наконечниками стрел. Можно выделить 5 видов наконечников. Черешковые – один с прямоугольным насадом (2,5х0,9х0,1 см) и два – с треугольным (2,6х1,1х0,1 см). Ромбовидные – один наконечник с прямым насадом, два с заостренным и два с обломанным (2,7х0,9х0,1 – 1,8х1х0,2 см). Тре-

угольно- удлинённые – два экз. с прямым насадом (3,3x1x0,1 – 2,6x0,8x0,1 см). Иволистные – три экз. с прямым насадом (3x1,2x0,2 см). Лавролистные – два экз. с прямым основанием, один с треугольным основанием и один с обломанным (2,4x1,1x0,1 – 3,8x1,2x0,5 см). Все наконечники обработаны двухсторонней сплошной отжимной ретушью. В сечении стрелы уплощенные. Девять наконечников изготовлены из зеленовато-коричневой опаловидной породы, один – из обсидиана, и один – из серовато-белого кварцита. По характеру обработки можно судить, что все наконечники стрел изготовлены одним мастером. Кроме того, найдены несколько сегментовидных курантов, абразивы на песчаных плитках, куски породы с абразивными участками и кусок породы с пропилом.

Самым массовым материалом является керамика. Сырьем для изготовления керамики служила глина с дробленным и просеянным тальком с размерами зерен от 1 до 3 мм.

Вся посуда изготовлена вручную при помощи ленточного налёпа. Ленты крепились друг к другу в стык, таким образом, что край верхней ленты скашивался наружу. Ширина лент от 3 до 5 см. Различаются два способа оформления дна. При первом способе лента устанавливалась на плоскую лепешку дна и с двух сторон примазывалась к донышку. При втором способе лента соединялась с дном при помощи жгута глины, накладываемого изнутри. Во всех случаях переход от донышка к стенке с внешней стороны оформлен четкой гранью, закраина отсутствует. Венчики имеют 1-образную форму, они формировались путем налёпа жгута глины на уплощенный слегка отогнутый край верхней ленты. Реже оформление венчиков ограничивалось простым отгибом и приострением верхнего края ленты. И наружная, и внутренняя поверхности сосудов тщательно заглаживались, реже ложились. С внутренней стороны керамика также тщательно заглаживалась или ложились. По ряду косвенных признаков можно предположить, что крупные сосуды после формовки дорабатывались на поворотном устройстве. В пользу этого предположения говорит симметричность тулова, равномерная толщина стенок, параллельные линейные следы на внутренней поверхности сосудов.

Температура обжига керамики превышала 600°C. Стенки сосудов крепкие, очень плотные, цвет черепка в изломе равномерный (темно-серый, светло-серый, кирпичный).

Донышки в сечении плоские, в плане круглые. У целых донышек (5 экз.) срединная часть несколько толще, чем края. Одно донышко немного вогнуто внутрь, благодаря чему вся тяжесть сосуда переносилась на края донышка. Толщина донышек примерно равна толщине стенок. Венчики как правило отогнуты под углом, близким к 45°, реже – слабо отогнутые.

Различаются три формы сосудов. Самыми распространенными являются сосуды ситулообразной формы с выпуклым туловом и слабовыраженной горловиной. У таких сосудов диаметр устья варьируется от 5 до 7 см, венчик отогнут под углом близким к 45°, максимальный диаметр тулова несколько больше или приблизительно равен диаметру устья, толщина стенок у разных сосудов от 0,4 до 0,7 см. Высота сосудов превышает максимальную ширину более чем в два раза.

Вторую группу составляют сосуды горшковидной формы с четко выраженной широкой горловиной и выпуклым туловом, резко сужающимся к придонной части. Диаметр устья варьирует от 3 до 13 см, венчик отогнут под углом 45°, максимальный диаметр тулова несколько больше диаметра устья, соотношение диаметра дна и устья один к двум, толщина стенок 0,3 – 0,7 см. Высота сосудов примерно равна диаметру горловины.

К третьей группе можно отнести несколько фрагментов небольших тонкостенных сосудов (0,3 – 0,4 см) без горловины, со слабо отогнутым приостренным венчиком и слегка выпуклым туловом.

Уникальной находкой можно считать керамическую ручку, предположительно от крупного сосуда. В сечении она цилиндрическая, длина 9,5 см, диаметр 2,5 см.

Орнаментация керамики выполнена тремя техническими приемами: прочерчивание, насечки и ногтевые оттиски. Техникой прочерчивания нанесены три типа орнамента: дугообразные или прямые прочесы гребенки, с числом зубьев от 3 до 7, горизонтальный зигзаг и прямоугольный меандр. Насечками и ногтевыми оттисками орнаментировались наружные стороны венчиков.

Ситулообразные сосуды орнаментировались дугообразными прочесами гребенки и вертикальным зигзагом. Орнамент наносился по всему тулову, за исключением узкой полосы под венчиком и придонной части. Горшковидные сосуды орнаментировались прямоугольным меандром, выполненным прочерками двух параллельных линий, пространство между которыми заштриховывалось косыми, либо перекрещивающимися прочерками. Меандровый орнамент наносился полосой по верхней части тулова.

Описанные материалы находят ближайшие аналогии с материалами неолитических слоев памятников Синий Гай А и Мустанг – 1, расположенных соответственно в 30 и 15 км от Реттиховки (Бродянский, 1987, Гарковик, 1993). Сходства прослеживаются в составе теста (использовании талька как отощителя), технике изготовления сосудов, морфологии, орнаменте (вертикальный зигзаг, прочерченные дуги, прямоугольный меандр и насечки по венчику).

Д.Л. Бродянский и А.В. Гарковик материалы неолитических слоев Синего Гая А и Мустанга – 1 отнесли к зайсановской археологической культуре. Более того, Д.Л. Бродянский датировал неолитический слой Синего Гая эпохой финального неолита и выделил его в особый 4 этап зайсановской культуры (Бродянский, 1987). В целом, керамическое производство памятника Реттиховка по уровню развития также относится к эпохе позднего неолита (профилированные симметричные сосуды часто с тщательным внутренним, реже – внешним лощением, возможное использование поворотного устройства, хороший равномерный обжиг, меандровый орнамент). Не противоречат этому и полученные радиоуглеродные даты, укладываемые в пределах 3400 – 3200 л. н.

Однако, черты, присущие неолитической керамики Синего Гая А, Мустангу – 1 и Реттиховки обнаруживаются пока только на небольшой территории Черниговского района Приморского края. Специфические черты прослеживаются в сочетании дугообразного и меандрового орнаментов и использовании дробленого талька в качестве отощителя. Учитывая сказанное, предварительно можно указанную группу памятников отнести к локальному позднему варианту зайсановской культуры. Локализация памятников этого варианта на небольшой территории, возможно обусловлена наличием здесь месторождения талька.

*Научный руководитель – С.А. Коломиец*

*Н.В. Цыденова*

*(Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддизма и тибетологии СО РАН)*

### **Новые археологические местонахождения в Еравнинском районе Бурятии**

Еравнинский район Бурятии занимает юго-восточную часть Витимского плоскогорья. Район отличается развитой озерной системой, протянувшейся по длинной оси с юго-запада на северо-восток.

Озера, богатые рыбой, с древности привлекали людей. На берегах Еравнинских озер располагаются известные памятники эпохи неолита -ранней бронзы. Их исследование было начато в 20-е гг. Г.Ф. Дебецом (Ивашина, 1979). Большая же часть их стала известна в начале 70-х гг. благодаря археологической экспедиции, работавшей под руководством Л.Г. Ивашиной (1979). Археологическое изучение района после почти двадцатилетнего перерыва вновь было возобновлено в 1989 г., с началом проводившихся здесь разведочных работ отряда В.И. Ташака (1989).



Обследование района системы крупных озер Еравны было продолжено летом 2000 года школьным археологическим отрядом. Были осмотрены северный и западный берега озера Большое Еравное, а также долина, впадающей в него, р. Тулдун, т.е. места, где археологические изыскания прежде практически не производились.

Разведочные работы в долине р. Тулдун были предприняты, поскольку эта долина известна как богатейшее месторождение халцедона и яшмы. Хотя в Еравнинском районе встречаются и другие местонахождения халцедона, но р. Тулдун является крупнейшим из них. Вполне логично предположить, что и древние обитатели Еравны знали об этом и приходили сюда за сырьем. Следует заметить, что основным сырьем для местных неолитических индустрий служили халцедон и яшмовидные породы.

Река Тулдун протекает по равнинной местности и только местами правый берег поднимается террасовидными уступами высотой до 6 м, образованными отрогами горного массива Баян-Ундэр. Также местами к самому берегу подступает лес, но чаще расстояние между лесом и берегом реки 200-400 м.

В ходе наших поисков долговременную стоянку, выраженную большим количеством материала, найти не удалось, но все же обнаружены отдельные местонахождения с единичными артефактами – невыразительными орудиями, сколами, отщепами. Всего зафиксировано 8 таких объектов. Они подтверждают наше мнение о том, что долина была, по крайней мере, посещаемая древними.

Второй участок наших работ – северный берег оз. Большое Еравное, на восточной стороне которого известен ряд археологических памятников эпохи неолита. Эта местность называется Красной Горкой. Она представляет собою протяженные вдоль всего берега горные шлейфы, обрывающиеся террасовидными уступами и рассеченные оврагами на 8 мысовидных участков. Высота их варьирует в пределах 6-7 м над уровнем озера. От кромки воды большинство этих мысовидных уступов отделено часто заболоченной выположенной полосой, ширина которой от 30 до 100 м.

На первом с востока на запад уступе, имеющем скальное основание, находится могильник, обнаруженный в 1996 г. отрядом В.И. Ташака (1996).

Далее на запад, на мысах, с четвертого до седьмого по счету, собран разновременный материал, который можно разделить на 3 группы: 1) поздненеолитический по облику материал – фрагменты керамики; нуклеусы для снятия микропластин, представляющие собой последнюю стадию развития торцовых клиновидных нуклеусов с широким фронтом скалывания, у которых наблюдается сочетание признаков призматического нуклеуса (начало перехода фронта на латерали) и четко выраженных в ряде случаев кия (клина) и гребня (контрфронта); пластинки; микропластинки; сколы; отщепы – из яшмовидных пород и халцедона; 2) фрагменты бронзового сосуда, фрагменты керамики такого же типа, что встречается в плиточных могилах; 3) железный наконечник стрелы, выкованный из пластины и глазурованный фрагмент керамики зеленоватого цвета.

Данные предметы фиксируются в обнажениях грунта по дороге, в оврагах, в выдувах на участке протяженностью около 1 км.

Шурфовочные работы, произведенные на этом месте, дали каменный и керамический материал из поддернового уровня, мощность которого около 25 см. Это: торцовый нуклеус; скол подправки ударной площадки; неопределимые сколы; отщепы; микропластинка; фрагменты керамики толщиной от 0,5 до 0,9 см от гладкостенных сосудов со шнуром-налепом и орнаментированные гребенчатым штампом. Это местонахождение, по всей видимости, являлось долговременной стоянкой неолитических людей.

Западнее, на вершине седьмого уступа обнаружена фигурная могила, ориентированная с юга на север. Здесь же, на небольшом отдалении от этой могилы, зафиксирован ряд кладок средневековых могил (округлые небольшие курганы).

Неолитические предметы – ножевидные пластинки, микропластинки, отщепы вновь встречаются на восьмом уступе и на западной оконечности Красной Горки, на месте существовавшего ранее кирпичного завода.

Следующим участком, по которому проходил наш маршрут, был западный берег озера Большое Еравное. Он отличается от северного тем, что выположенные места перед террасовидными окончаниями горных шлейфов более обширны и доходят в среднем до 300 м. Каменные артефакты локализуются там, где уступы подходят к линии берега примерно на 50 м.

Здесь, по западному берегу, обнаружено 3 местонахождения: 1) в устье Сухого ручья; 2) по левому берегу р. Яндылы, недалеко от устья; 3) у с. Гарам (возле МТФ с-за «Сосновский»).

На основании небольшого количества и невыразительности материала, собранного с первых двух местонахождений, можно сделать вывод об их недолговременности. Третье же местонахождение более представительно. Оно содержит следующие каменные артефакты: подконусовидные нуклеусы для снятия микропластин, скребки округлой формы, скребки с вогнутым лезвием, ножевидные пластинки, небольшое число микропластинок, отщепы, сколы. Керамика не встречается, что, впрочем, не редкость для археологических памятников эпохи неолита и бронзы Еравнинского района (Ивашина, 1979).

Таким образом, проанализировав результаты проведенных работ, мы пришли к нескольким выводам:

1) Объекты, зафиксированные по долине р. Тулдун, скорее всего, являются местами первичного расщепления халцедонового (в основном) сырья.

2) Красная Горка – это археологический комплекс, включающий в себя памятники разных эпох, от неолита до средневековья.

3) Стоянки Красная Горка и Гарам являются базовыми по отношению к недолговременным стоянкам – местонахождениям с менее представительными наборами артефактов.

4) Стоянки Красная Горка и Гарам иллюстрируют две разные традиции утилизации камня. Сравнительный анализ материалов с данных стоянок и известных по литературе (Ивашина, 1979) обнаружил сходство ст. Красная Горка с местонахождениями Тулдун I и II, с первой частью материалов ст. Сосновая, а ст. Гарам с материалом второй части ст. Сосновая. Первый объект мы датировем второй половиной III – II тыс. до н. э., второй – более поздним временем, до I тыс. до н. э., в соответствии с датировкой его аналогов, предложенной Л.Г. Ивашиной (Ивашина, 1979).

В целом, мы считаем, что хотя район крупных озер Еравны в отличие от окружающих территорий водоразделов обследован лучше, он все еще остается перспективным для дальнейшего изучения и разработки.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 98-06-80337 и № 00-06-88038  
Научный руководитель – к.и.н. В.И. Ташак*

*В.В. Нестеренко*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)*

### **Неолит реки Шилки**

Несмотря на довольно длительный период изучения археологических памятников в долинах реки Шилки и ее притоков, начавшийся с первых петровских экспедиций, до сих пор нет стройной картины развития и смены культур в этом важнейшем районе Забайкалья. Это в полной мере относится и к неолиту. В предлагаемом докладе мной делается попытка обобщения накопленных данных по неолиту, который представляет здесь, по выражению А.П. Окладникова, «калейдоскопическую картину». За основу были взяты данные, собранные в разные годы исследователями: А.К. Кузнецовым, А.П. Окладниковым, М.И. Риж-

ским, Г.В. Чубаровой, Ю.С. Гришиным, а также материалы, полученные Верхнеамурской экспедицией, работающей под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева.

Основная часть неолитических памятников в долине р. Шилки связана с верхней и средней частью аллювия первых надпойменных террас, а также с погребенной почвой в средней и нижней части делювиальных отложений вторых террас и нагорных склонов. Более высокие террасы и склоны в большинстве своем распаханы, и материал представляет собой поверхностные сборы. Поэтому он используется только выборочно, когда нет сомнений в его неолитической принадлежности.

Стратиграфически и типологически неолитические памятники Шилки и ее притоков можно подразделить на два хронологических этапа: ранний и развитый. Что касается традиционного трехчленного разделения, то в данном районе не выявлены пока критерии, чтобы определить границы его существования.

Ранний неолит выделяется на поселении Кумаки (3 слой). Он связан с погребенным слоем в средней части аллювия первой террасы. Инструментарий характеризуется достаточно крупными нуклеусами, призматических и конических очертаний, преимущественно с однофронтальным снятием пластин. Орудия из пластин преобладают над орудиями из отщепов, и ассортимент их более разнообразен: боковые и срединные резцы, концевые скребки, скребки-проколки, провертыши, острия. Из крупных орудий распространенными являются скребловидные и тесловидные орудия «громатухинского типа», изготовленные из кварцита и речной гальки. Односторонней оббивкой у них обрабатывалась одна широкая поверхность и подправлялись края. Остальная поверхность сохраняла галечную корку. Керамика представлена сосудами яйцевидной формы с отпечатками перевитого шнура на внешней поверхности. Орнамент покрывал лишь верхнюю часть сосудов. Основным орнаментальным мотивом являются горизонтальные ряды отступающей лопаточки, ряды вдавлений и гребенчатых штампов.

Этап развитого неолита наиболее полно характеризуется третьим слоем стоянки Ишихан и Шилкинской пещерой, раскопанной А.П. Окладниковым. Стратиграфически он связан с верхней частью аллювия первых надпойменных террас и ниже-средней частью делювия более высоких террас и склонов.

В этот период происходит дальнейшее развитие каменной индустрии. К продуктам первичного расщепления относятся нуклеусы нескольких типологических групп: конических и призматических очертаний, преимущественно односторонние, а также разнообразные торцовые изделия укороченных пропорций. Основами для орудий служили пластины, из которых изготавливались языковидные скребки, проколки, наконечники стрел, шильца, пилки. Исчезают резцы срединного и бокового типов. Зато в хронологических пределах этого периода, но в конце его, появляются многофасеточные резцы (нуклеусы-дрилы). Более разнообразными по форме и степени обработки становятся «громатухинские орудия». Есть молоты колоколовидной формы, отбойники, шлифованные изделия – тесла и топоры, в том числе из нефрита, саянского или вилуйского происхождения, а также грузила для рыболовных сетей. Особый интерес представляют так называемые «жатвенные ножи» полулунной формы, функциональное назначение которых остается неясным. Изредка встречаются топоры с «ушками» вилуйского типа. Широко представлены костяные изделия: иглы, шильца, проколки, основы для ножей, всевозможные гарпуны.

В развитом неолите керамика более выразительна и многочисленна, чем на раннем этапе. Посуда по-прежнему изготавливалась методом «выколачивания». Помимо сосудов закрытого типа в конце периода появляются и сосуды открытого типа, но со слабой профилировкой и уплощенными сверху венчиками. Иногда на них имеется накладной валик. Для украшения использовались различные виды штампов: прямая лопаточка, узкогребенчатый, подквадратный. Орнаментом покрывалась преимущественно верхняя часть вен-

чика, но известно покрытие и всей поверхности сосуда. Преобладающим орнаментальным мотивом являются горизонтальные ряды, реже встречается зональный орнамент в виде геометрических фигур.

Энеолитический период представлен большим количеством стоянок, среди которых выделяются: Молодовск (слой 1), Илимка (слой 2), Кумаки (слой 2), Кыштакная сопка. Стратиграфически они связаны с основанием делювиальных отложений первых надпойменных террас или средне-верхних отложений делювия вторых террас и склонов. Стоянки этого периода разделяются на две, очевидно, хронологические группы – с явными следами начала металлообработки и без них. Но в любом случае просматривается упадок общий каменной индустрии. Это проявляется в сокращении ассортимента орудий из пластин, увеличении числа грубых орудий разового пользования: скребел, мелких тесловидных изделий. Однако резко увеличивается число мотыгообразных орудий, молотов, отбойников, грубых тесел, а во второй группе памятников – абразивных орудий, которые использовались для заточки металлических изделий. Широко стали использоваться кость и рог для изготовления не только вкладышевых ножей, гарпунов, но и игловидных наконечников и наконечников с расщепленным насадом. Из толстостенных раковин изготавливались прямоугольные пластины, округлые пуговицы, бляшки с петелькой с противоположной стороны – прообразы бронзовых изделий. Увеличивается количество изделий, не типичных для Забайкалья: полиэдрических резцов, керамики с вафельными отпечатками и примесью рубленой шерсти в глиняном тесте. Все это свидетельствует о культурных контактах с населением Якутии, и через нее, очевидно, с Прибайкальем, которые стали четко прослеживаться наряду с традиционными связями с племенами Приамурья.

*Научный руководитель – д.и.н. И.И. Кириллов*

*И.Н. Грицких*

*(Чита, Забайкальский государственный университет)*

### **Неолитическая стоянка Александровка (Кукушкина Падь)**

Стоянка Кукушкина Падь была открыта в 1977 г. Читинским Археологическим Отрядом под руководством И.И.Кириллова. Она находится на правом берегу р. Ингоды, в устье ручья Студеного. В этом месте нагорный склон сопки опускается террасовидными уступами к реке. Высота уступа в месте расположения стоянки 4-6 м над уровнем реки. Верхнюю часть уступа мощностью до 2,5 м составляют делювиальные отложения, перекрывающие пойменный аллювий. В них включены два слоя стоянки. Первый – залегает сразу под дерном. Слой выделяется более темным окрасом и маркируется содержащимся в нем ракушечником. В слое обнаружены мелкие отщепы, черепки толстостенной керамики без орнамента. На территории Восточного Забайкалья в настоящее время известны десятки стоянок по рекам Ингоде, Шилке, материал которых залегает в верхней части поддерновой супеси, содержащей отложения пресноводного ракушечника различной мощности. Невыразительные археологические находки, как правило, содержатся в этом слое: отщепы, мелкие пластинки, скребки и грубые скребла, оббитые гальки и лишь изредка – более тщательно изготовленные орудия и нуклеусы. Фрагменты керамики от сосудов баночного типа с отогнутым наружу округлым венчиком, валиками–налепами типичны для памятников железного века.

Второй слой стоянки залегает двумя горизонтами, предоставленными среднезернистыми супесями темно-серого окраса, которые чередуются с линзообразными отложениями осветленной супеси средне- и мелкозернистой. Материал слоев немногочисленный, но достаточный для определения возраста памятника и хорошо вписывается в аналогичный материал синхронных стоянок ингодинско-шилкинской группы. Наличие в нем фрагментов ке-

рамики с вафельными отпечатками и условия залегания позволяют соотнести его по времени с поздним неолитом – ранней бронзой.

Более выразителен и насыщен третий слой стоянки. Он залегает в иловатом прослое в нижней части пойменного аллювия, непосредственно перекрывающем русловой аллювий. В нем обнаружены остатки жилищных комплексов и более выразительный инвентарь. Особый интерес вызывают развитые формы сосудов и их орнаментация. В докладе дается анализ этого инвентаря и обоснование полученной по углю даты для этого слоя –  $9600 \pm 100$ , ЛЕ-1920.

*Научный руководитель – д.и.н. И.И. Кириллов*

*А.Я. Дрон*

*(Якутск, Якутский государственный университет)*

### **Изучение состава неолитической керамики долины Туймаады**

В настоящей работе приводятся результаты изучения состава неолитической керамики долины Туймаады. Анализ состава проводился на основании внешнего визуального осмотра керамики, в некоторых случаях применялся метод бинокулярной микроскопии. В материалах неолита долины Туймаады встречаются пять видов керамики: сетчатая, шнуровая, текстильная, вафельная и рубчатая. Мы провели работу по определению состава неолитической керамики, найденной в 1996-2000 гг. Якутским отрядом археологической экспедиции ЯГУ (Дьяконов, 1998, 1999, 2000). Всего нами было учтено 3732 фрагмента керамики с 34 стоянок Туймаады. При изучении состава керамики мы пользовались собственной гранулометрической шкалой обломочных пород, согласно которой, кроме глины, наименьшими по размеру частицами обладают пески (до 0,1 см), далее идет дресва (0,1-0,5 см) и мелкая галька (0,5-1,0 см). Мелкообломочный материал или гравий был также включен в состав дресвы. Под шамотом подразумевались мелкодробленые куски керамики или сухой глины. Песок разной степени зернистости найден во всех случаях, поэтому этот вид неорганического отощителя упоминаться в подсчётах не будет. Для более полной картины нами было апробировано 3 статистических подборки (по количеству фрагментов, по количеству сосудов, по числу стоянок). Две последних подборки были высчитаны по материалам 1999 г. Сетчатая керамика (7 сосудов) в 1999 г. была найдена на 5 стоянках, шнуровая (10 сосудов) – на 7, текстильная (3 сосуда) – на 2, вафельная (13 сосудов) – на 7, рубчатая (9 сосудов) – на 5. Конечный результат получен по усреднённом проценту всех трех подборок.

**Сетчатая керамика.** Было исследовано 1204 фрагмента раннеолитической сетчатой керамики с 13 памятников долины Туймаады. Дресва встречается в 90,1% (1098 фрагментов), что позволяет судить о ней как о наиболее характерной для этой культуры примеси. Второй такой примесью является шамот – 55,5% (668 фрагментов). Дроблёный кварц встречен в 51,7% (622 фрагментов). Реже всего встречается мелкая галька – 33,1% (344 фрагмент). Из 7 сетчатых сосудов дресва и шамот встречены в 100% (7 сосудов), дроблёный кварц в 28,6% (2 сосуда), мелкая галька в 14,3% (1 сосуд). Дресва и шамот найдены на всех 5 стоянках (100%), дроблёный кварц – на 2 стоянках (40%), мелкая галька – на 1 стоянке (20%). Основными компонентами формовочных масс сетчатых сосудов являются песок (100%), дресва (97%), шамот (85%), дроблёный кварц (40%) и мелкая галька (23%). Толщина сетчатой керамики колеблется от 0,6 до 1,0 см.

**Шнуровая керамика.** Также мы рассмотрели 1107 фрагментов шнуровой керамики среднего неолита с 21 стоянки долины Туймаады. Здесь картина складывается несколько иначе. Хотя на первом месте всё ещё находится дресва – 87,8 % (972 фрагментов), за ним

следует шамот, представленный в 32,1% (355 фрагментов). Мелкая галька обнаружена 19,8% (219 фрагментов), а вот дроблёный кварц всего в 8,2% (91 фрагмент). Появляется примесь растений в 3,2% (35 фрагментов). Все они были найдены на стоянке Владимировка III («Шаман-гора») и поселении Орбита-16 км, где в керамике также встречается древесина. Из 10 шнуровых сосудов дресва отмечена в 80% (8 сосудов), шамот – в 70% (7 сосудов), мелкая галька и древесина – в 10% (1 сосуд). Дроблёного кварца среди примесей в шнуровой керамике, найденной в 1999 г., учтено не было. Дресва зафиксирована в составе примесей шнуровой керамики всех 7 стоянок (100%), шамот – на 5 стоянках (71,4%), мелкая галька и древесина – на 1 стоянке (14,3%). Основными компонентами формовочных масс шнуровых сосудов были песок (100%), дресва (89%), шамот (58%). В единичных случаях присутствовала мелкая галька (15%), дроблёный кварц (3%), растения (менее 1%) и древесина (менее 1%). Толщина шнуровой керамики 0,25-0,9 см.

**Текстильная керамика.** Вся керамика этой разновидности обнаружена на стоянках Владимировка VIII и Северо-Западная II. Дресва встречается в 100% (290 фрагментов), шамот – в 93,5% (271 фрагментов), мелкая галька – в 4,5% (13 фрагментов), дроблёный кварц – в 0,3% (1 фрагмент). Из 3 сосудов дресва отмечена в 100% (3 сосуда), шамот – в 66,6% (2 сосуда), мелкая галька – в 33,3% (1 сосуд). Дресва зафиксирована на 2 стоянках (100%), шамот и мелкая галька – на 1 стоянке (50%). Основными компонентами формовочных масс текстильных сосудов были песок (100%), дресва (100%), шамот (70%), мелкая галька (29%) и дроблёный кварц (менее 1%). Толщина фрагментов варьировала от 0,3 см до 0,6 см.

**Вафельная керамика.** Нами было, кроме того, исследовано 874 фрагментов ымыяхтахской керамики вафельного типа с 17 стоянок. Наиболее часто можно обнаружить шерсть 99,4% (869 фрагментов). Растительные примеси присутствуют в 61,9% (541 фрагмент). Дресва отмечена в 56,1% (490 фрагментов). Встречаются также шамот 27,6% (241 фрагмент), мелкая галька 1,1% (10 фрагментов), дробленый кварц 0,3% (3 фрагмента). Из 13 сосудов шерсть отмечена в 100% (13 сосудов), дресва – в 84,6% (11 сосудов), трава – в 23,1% (3 сосуда), шамот и древесина – в 7,7% (1 сосуд). Шерсть зафиксирована на 7 стоянках (100%), дресва – на 6 стоянках (85,7%), трава, шамот и древесина – на 1 стоянке (14,3%). Основными компонентами формовочных масс вафельных сосудов были песок (100%), шерсть (100%), дресва (76%) и трава (33%) и шамот (17%). В единичных случаях встречены следующие примеси: древесина (менее 1%), мелкая галька (менее 1%) и дробленый кварц (менее 1%). Толщина вафельной керамики 0,3-0,7 см.

**Рубчатая керамика.** Было изучено также 257 фрагментов рубчатой керамики позднего неолита с 12 стоянок. В 99,6% (256 фрагментов) встречается шерсть, трава – в 86% (221 фрагмент), дресва – в 12,8% (33 фрагмента), дробленый кварц – в 1,2% (3 фрагмента), шамот – в 2,7% (7 фрагментов). Из 9 сосудов шерсть фиксируется в 88,9% (8 сосудов), дресва – в 77,8% (7 сосудов), трава и шамот – в 44,4% (4 сосуда). Дресва фиксируется в качестве отошителя на всех 5 стоянках (100%), шерсть – на 4 (80%), трава – на 3 (60%), шамот – на 2 (40%). Основными компонентами формовочных масс рубчатых сосудов были песок (100%), шерсть (98%), дресва (64%), трава (64%) и шамот (29%). В единичных случаях фиксируется дробленый кварц (менее 1%). Толщина стенок рубчатых сосудов составляла 0,2-0,8 см.

Таким образом, мы можем констатировать, что по своему составу текстильная керамика была более близка к сетчатой, нежели чем к шнуровой. Шнуровая керамика среднего неолита представляла собой переходный тип керамики; уже появляется незначительный процент органических отошителей, но в то же время все еще присутствует большое количество дресвы и шамота, хотя уже меньше чем в раннем неолите. Это позволяет сделать вывод о преимуществах белькачинской культуры от сыалахской. Рубчатая и вафельная керамика представляют нам период наивысшего развития

неолита. В керамике этого типа резко повысилось содержание органики, что свидетельствует о применении качественно новых технологий, и постоянных экспериментах первобытных гончаров в области технологии изготовления сосудов. Ымыяхтахская культура, судя по приведенным выше данным, не была автохтонной, но вобрала в себя некоторые белькачинские элементы. Судя по всему, носителями вафельной и рубчатой керамики были разные этногруппы сосуществовавшие по соседству, о чем также говорит разница в процентном соотношении отощителей. Подобные исследования необходимо провести и для керамики сопредельных регионов. Это позволит выявить локальные особенности и общие черты для состава неолитической керамики всей Якутии.

*Научный руководитель – В.М. Дьяконов*

*А.В.Сычев, Ю.В.Данилов, О.Ю.Черенцов  
(Сретенск, Сретенский педагогический колледж им Ф.В.Гладкова)*

### **Новые исследования стоянки Молодовск-1 в контексте изучения каменной индустрии позднего неолита Восточного Забайкалья**

Летом 2000г. Шилкинский отряд Верхамурской экспедиции ЗабГПУ проводил раскопки археологических объектов в окрестностях с.Молодовск Сретенского района Читинской области. Данный комплекс был открыт в 1974 году археологическим отрядом ЧГПИ под руководством И.И.Кириллова (Кириллов, 1979).

Стоянка Молодовск-1 дислоцирована в приустьевой части ручья Онохтыча- левого притока Шилки. Высота террасы, к которой приурочены культурные слои, составляет 8-9 м. Часть ее уничтожена строительным карьером. Подчисткой стенки последнего удалось проследить стратиграфическую ситуацию на глубину 370 см. На наиболее хорошо сохранившемся фрагменте террасы был разбит раскоп площадью 40 кв.м. Стратиграфия по северной стенке представлена следующим образом:

- 1.Дерн с корневищами растений 15-25 см;
- 2.Темно-серая гумусированная супесь, пылевидная, плотная 15-22 см;
- 3.Светло-серая мелкозернистая супесь 10-12 см;
- 4.Темно-коричневая супесь, пылевидная, рыхлая 15-26 см;
- 5.Желтая пылевидная супесь. Прокопана на глубину 20 см.

Находки приурочены к двум культурным слоям. Слой 1 связан со вторым стратиграфическим подразделением, слой – 2 с четвертым.

Слой 1. Каменный инвентарь: 979 ед. Первичное расщепление: нуклеидные (колотые гальки, заготовки нуклеусов, нуклеусы)–18(1,8%), непластинчатые «отходы» (осколки, отщепы, технические сколы, чешуйки) – 867 (88%), пластинчатые основы (пластины, пластинки, микропластинки, «ребристые» пластинки) – 74 (7,5%). Вторичная обработка: пластинчатые основы с ретушью – 8 (0,8%), заготовки и фрагменты наконечников стрел –2, скребки на отщепах – 8. Тесло – 1.

В слое зафиксировано 247 фрагментов керамики, 96 фрагментов костей животных. Хозяйственных и бытовых комплексов в слое не обнаружено.

Слой 2. Каменный инвентарь: 2331 ед. Первичное расщепление: нуклеидные – 88 (3,7%), непластинчатые «отходы» – 1720 (73%), пластинчатые основы – 480 (20%). Вторичная обработка: пластинчатые основы с ретушью – 19 (0,8%), наконечники стрел и их фрагменты – 3, скребок –1, скребловидные – 5, ножи – 2 фрагмент бифаса – 1. «Галечные» орудия: тесла – 9, чоппер – 1. Каменный диск со сквозным отверстием представлен целым экземпляром и фрагментом.

Керамика слоя представлена 271 фрагментом; кости животных – 1067. Основная масса находок слоя связана с хозяйственно-бытовыми конструкциями. Так в северном секторе раскопа обнаружен очаг прямоугольной формы из крупной речной гальки, стенки которого окантурены уплощенными камнями, стоящими на ребре. В южном секторе зафиксирована однорядная выкладка из растрескавшихся от воздействия огня галек. В ее районе обнаружен массивный нуклеус с негативами снятия удлинённых призматических пластин, расколотый на несколько частей. Здесь же фиксируется повышенная концентрация пластин, отщепов, технических сколов, снятых с данного ядрища.

Нуклеусы и микронуклеусы слоя 2 представлены сериями призматических и конических вариантов. Сырьем их изготовления служила речная галька кремнистых пород, реже – халцедона. Достаточное количество каменного инвентаря слоя–2 позволяет наметить стратегию расщепления и изготовления орудий труда. Она направлена на получение серий стандартных пластинчатых основ, в обработке которых фиксируется преимущественно дорсальная и вентральная краевая ретушь в различных вариантах, острия выполнены в «даурской» технике. Отщеп служил основой для изготовления скребков, наконечников стрел, ножей, бифасов. Тесла, включая громатухинский вариант, орудие типа «струга», большая часть скребловидных, чоппер изготовлены из речных галек методом оббивки. Техника шлифования и сверления представлена диском из крупнозернистого сланца.

Классическое сочетание совершенной пластинчатой техники расщепления, производство «галечных» орудий, методов шлифования и сверления в совокупности с характером керамического производства позволяет датировать слой 2 временем неолита. Последнее, наряду со стратиграфическим положением культурных остатков, позволяет отнести его к заключительной стадии по забайкальской хронологии (3-4 тыс. до н.э.). Основная масса многослойных стоянок Шилки, нижние культурные слои которых содержат керамику аналогичную слою 2 Молодовска датируется этим же временем. К их числу можно отнести Ишихан (сл. 2), Илимку (сл. 2), Савиху (сл. 2). Между каменным инвентарем слоев 1 и 2 молодовской стоянки наблюдается ряд принципиальных отличительных моментов. Так в слое 1 наблюдается уменьшение удельного веса нуклевидных форм, снижается качественная подготовка ядрищ. Как следствие этого – низкий вес пластинчатых основ: 7 % против 20 % во втором.

Спектр изделий со вторичной обработкой в слое 1 достаточно узок. Ведущим орудием является микроскребок. Происходит увеличение доли изделий из халцедона. Во втором слое имеются выразительные серии скребловидных изделий и тесел. Эти нюансы были подмечены в свое время И.И. Кирилловым при характеристике позднего неолита – ранней бронзы (Кириллов, 1972). Данные замечания, наряду с характером залегания слоя 1 позволяют отнести его к вышеуказанному хронологическому этапу в пределах 2 тыс. до н.э.

Таким образом, в свете решения сложного комплекса технологических, хозяйственных и культурных компонентов стоянку Молодовск-1 можно считать одним из опорных памятников Верхнего Амура.

*М.А. Белова*

*(Чита, Забайкальский государственный педагогический университет)*

### **Костяной инвентарь стоянок и могильников неолита-ранней бронзы Приаргунского комплекса «Большая Канга»**

Приаргунье – малоизученный в археологическом плане район Забайкалья. Наши планомерные работы ведутся здесь с 1991 года. В ходе их был открыт ряд новых разновременных и разнотипных памятников. Одним из перспективных является комплекс «Большая Канга». В докладе анализируется костяной инвентарь, полученный при раскопках двухслойного



поселения и примыкающих к нему погребений и небольшого могильника позднего неолита – ранней бронзы, входящих в группу разновременных кангинских памятников, расположенных на юго-западном склоне горы Большая Канга в 10 км к востоку от села Дурой. Вскрытая площадь составляет около 100 м<sup>2</sup> от общей площади поселения 1,5 тыс. м<sup>2</sup>. Комплекс находится на высоте свыше 30 м над уровнем реки.

Стратиграфическая ситуация комплекса следующая:

- |   |           |
|---|-----------|
| 1. Дерн   | 8-20 см;  |
| 2. Супесчано-суглинистые мелкозернистые отложения | 45-80 см; |
| 3. Мелкозернистые суглинки палевого цвета         | 60-80 см. |

Подстилают последний слой литологически схожие мелкие суглинки, более вязкие с большой примесью дресвы и щебня. Они являются материком для выше представленных слоев.

Дерн содержит первый культурный слой, датируемый бронзой и ранним железом. В супесчано-суглинистых отложениях выделены два горизонта второго слоя, материал которых в целом идентичен. На основании типологического анализа находок и стратиграфического положения стоянки в слое подерновых отложений позволяют датировать ее временем позднего неолита – энеолита.

Оба культурных слоя поселения представлены изделиями из камня, кости, ракушечника, керамики. Каменный инвентарь включает продукты первичного расщепления: отщепы, пластины. Среди многочисленных орудий преобладают изделия на пластинах. Это наконечники, проколки, резцы, скреблы, выполненные в «даурской» технике. Коллекция абразивных инструментов включает молоты, песты конической формы, фрагменты дисков-утяжелителей и плиты-зернотерки подпрямоугольной формы. Собранный керамика принадлежала нескольким сосудам, среди которых преобладают толстостенные, слабо профилированные. Тесто сосудов содержит примесь среднезернистого песка и толченого ракушечника.

На территории поселения было выявлено три единичных погребения. Остальные входили в состав могильника, расположенного на западном склоне горы Большая Канга в 350 м от стоянки.

Костяной инвентарь представлен в обоих слоях поселения и в погребениях.

В первом культурном слое поселения найдены: плоские острия, наконечник дротика, овальный в поперечном сечении и пришлифованный с одной стороны, штамп из расколотой трубчатой кости животного, а также фрагмент вкладышевого одностороннего ножа.

В первом горизонте второго слоя наряду с шильями и штампами, встречены накладки на лук, фрагмент орнаментированного перекрещенными косыми насечками изделия. Во втором горизонте костяных изделий намного больше. Обращает на себя внимание разнообразие форм шильев: 1) изделия из ребер животных, один конец которых округляли, превращая в удобную рукоять, а другой заостряли; 2) орудия с продольной желобчатой выемкой с одной стороны; 3) трапециевидные в сечении шилья. Многочисленной серией представлены игловидные острия нескольких типов. Обнаружены также два фрагмента двусторонних гарпунов, заготовки игольников из трубчатых костей животных, на одном из которых имеются горизонтальные поперечные насечки, и несколько изделий, функциональное назначение которых не совсем понятно.

Костяной инвентарь погребений несколько отличается от материалов поселения. Здесь наряду с орудиями труда (оправами для вкладышевых ножей, обоюдоострым наконечником дротика, игловидными остриями и др.), найдено большое количество украшений: бисерные бусы из ракушечника и кости, подвески из клыков кабана и марала, костяные кольца. Однако основная масса изделий имеет параллели в материалах поселения, что свидетельствует о их синхронности. Такая ситуация редко встречается на территории Забайкалья.

Костяной инвентарь комплекса Большая Канга находит аналогии в материалах одно-временных могильников Забайкалья. Так, вкладышевый однолезвийный нож из ребра животного с отверстием на рукояти из погребения №2 повторяет нож из погребения №2 могильника-2 у озера Ножий. Мелкие цилиндрические бусы из кости и ракушечника, круглые в поперечном сечении шлифованные шилья, подвески из клыков марала из Большой Канги подобны таким же изделиям из могильника Арын-Жалга. Если за пределами Приаргунья мы находим единичные аналогии, то погребальный инвентарь, обнаруженный в Дуройском могильнике, практически идентичен материалу кангинских памятников по всем параметрам.

Отдельные аналогии в костяном инвентаре наблюдаются в поздненеолитических могильниках Приангарья, что достаточно подробно рассматривается в докладе.

Материалы Кангинского комплекса позволяют говорить и о преемственности технических традиций от неолита к эпохе бронзы.

Таким образом, новый материал из Приаргунья органически вписывается в круг забайкальских памятников Ононской культуры, носители которой поддерживали постоянные контакты с населением смежных районов Приамурья и пока еще спорадические связи с приангарскими племенами.

*Научный руководитель – д.и.н. И.И. Кириллов*

*А.В. Шмидт*

*(Баранул, Алтайский государственный университет)*

### **К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае**

Каменная индустрия в Горном Алтае на рубеже плейстоцена и голоцена характеризуется масштабным переходом от отщеповой техники расщепления к призматической. Этот переход исследователи связывают с вымиранием крупных стадных животных, что обусловило дальнейшее развитие не коллективной, а индивидуальной охоты. В этой ситуации человек вынужден был много времени тратить на выслеживание и погоню за животным, и, как следствие, он стремится экономить время на изготовление и ремонт оружия. Этому способствовали стандартные, легко взаимозаменяемые вкладыши, которыми оснащали метательное оружие и различные инструменты (Кунгуров, 1993, с. 25).

Данная работа прежде всего основана на материалах среднего течения Катунь, мезолитические-неолитические памятники которой являются наиболее изученными в Горном Алтае.

По мнению барнаульских археологов, расцвет призматической индустрии в Горном Алтае приходится не на мезолит, как в других регионах, а на ранний и развитый или даже поздний неолит. В это время из пластин древний человек стал изготавливать большинство орудий. Однако, в процентном соотношении количество мелких пластин (шириной 2-8 мм) относительно средних (9-14 мм) и крупных (свыше 14 мм) на протяжении неолита неуклонно сокращается. По мнению В.Ф. Старкова сокращение «числа изделий из мелких ножевидных пластинок ... связано с общей тенденцией упадка пластинчатой индустрии» (Старков, 1980, с. 113). Так, для позднего мезолита это число составило 88,9% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26). В раннем неолите количество мелких пластин сократилось до 71,55% относительно их общего числа (Тыткескенъ II 7 к.г.). Чуть позже, в развитом неолите (?), это число возрастает до 78,33% (6 к.г.) (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 192, с. 29). Однако, уже в позднем неолите их количество составило 61% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993а, с. 81), а в финальном неолите-энеолите – 55,35% (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26).

Таким образом, налицо противоречивая ситуация: с одной стороны наблюдается явное развитие призматической индустрии, с другой ее деградация. В данной работе автор попытается разобраться в причинах повлекших за собой сокращение процентного соотношения мелких пластин относительно их общего количества.

1. Согласно трасологическим определениям Н.Ю. Кунгуровой, на протяжении неолита вкладыши оружия колюще-метательного типа составляют 21-28% от общего количества индустрии и доминируют в составе промысловых орудий (Кунгурова, 1995, с. 19). Основной заготовкой вкладышей на памятниках Катуня служили пластины шириной 4-8 мм (Кунгурова, 1997, с. 4). Таким образом, на производство вкладышей шла значительная часть мелких пластин. Традиция изготовления вкладышевых наконечников появляется на Алтае, вероятно, уже в верхнем палеолите и существует вплоть до прихода сюда афанасьевских племенных массивов на рубеже IV-III вв. до н.э. Расцвет этой традиции, очевидно, приходится на мезолитическую эпоху. Что касается цельнокаменных наконечников стрел и дротиков, то они появляются на Катуня только в развитом мезолите. До позднего неолита эта категория орудий исчисляется десятками долями одного процента. Только в финальном неолите-энеолите их количество резко возрастает. Вероятно, это увеличение происходит по двум причинам: 1) падает роль призматического расщепления; 2) усиливается давление пришлых афанасьевских племен. Таким образом, традиция изготовления цельнокаменных наконечников в Горном Алтае не получает широкого распространения. Следовательно, она вряд ли могла повлиять на сокращение процентного соотношения мелких пластин. Тогда причины этого упадка заключаются в том, что либо люди стали меньше охотиться, либо меняются принципы охоты.

2. На рубеже плейстоцена-голоцена исчезают стационарные поселения, состоящие, как правило, из одного крупного многоочажного жилища. На их смену приходят временные поселки с несколькими небольшими жилищами с одним очагом типа чума. Вероятно, это произошло в результате вымирания многих видов крупной ледниковой фауны, что повлекло за собой резкую перемену в образе жизни древнего человека. Переориентация охоты на подвижных, постоянно мигрирующих животных вынуждало людей двигаться вслед за стадом (Кунгуров, 1993, с. 24-25).

В связи с этим строительство долговременных жилищ было не целесообразным. Вновь традиция сооружения стационарных поселений с полужемлянками площадью свыше 100-200м<sup>2</sup> появляются только в позднем неолите. Причины этому, вероятно, вызваны изменениями в ведении хозяйства, результатом которых становится более осёдлый образ жизни.

3. Наличие стационарных жилищ с большой площадью говорит о привязанности древнего человека в неолите к одному месту. Это предусматривает под собой ведение оседлого либо полусёдлого (сезонные перекочёвки на небольшие расстояния) образа жизни. Для этого необходим очень важный момент: ведение такого хозяйства, которое гарантировано бы успешное существование общества и получение постоянного достаточного продукта на протяжении всего года с одной локальной территории. По мнению М.Ф. Косарева, это возможно только при ведении такого хозяйства, в основу которого положена производящая форма экономики, либо рыболовство (Косарев, 1984). В настоящий момент свидетельств о наличии в Горном Алтае в доафанасьевскую эпоху земледелия или скотоводства в распоряжении исследователей нет. Не позволяют это сделать и имеющиеся фаунистические остатки (Гальченко, 1995). Проводя аналогии с неолитическими культурами Южной Сибири, автор считает, что в основу хозяйства неолитического-энеолитического населения Горного Алтая было положено рыболовство. За это говорит расположение стационарных поселений в устьевой зоне притоков Катуня, изобилующих рыбой, и присутствие на памятниках ры-

боловных стерженьков. Аналогичную картину мы можем наблюдать на памятниках китойской культуры Прибайкалья (Георгиевская, 1989).

4. Прямым свидетельством наличия рыболовства у древнего населения является присутствие на археологических памятниках рыболовных стерженьков. Первое такое изделие на Алтае появляется в позднем мезолите и представляло собой шлифованный стержень с обоими приострѐнными концами. В материалах раннего неолита рыболовные стерженьки составных крючков представлены также только одним экземпляром. Он имеет хорошо выделенную головку в верхней части и боковой пропилом для крепления жальца в нижней части (Кирюшин, Кунгуров, 1994, рис. 2). Только в период позднего неолита-энеолита эта категория орудий переживает свой расцвет. Значительно возрастает их количество и расширяется типология. Появляются стерженьки оснащенные в нижней части срединными пропилом и боковыми выступами (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, рис. 22). На наш взгляд это оптимальная форма для рыболовства в реках с быстрым течением, то есть этот промысел достигает наивысшей точки своего развития.

Таким образом, исходя из выше сказанного видно, что в позднем неолите и доафанасьевском энеолите ведущей отраслью хозяйствования становится рыболовство. Об этом свидетельствуют стационарные поселения в устьевой зоне притоков Катунь и наличие на памятниках относительно большого количества рыболовных стерженьков. Именно рыболовство становится причиной процентного сокращения мелких пластин, значительная часть которых шла на производство вкладышей оружия колюще-метательного типа. Возросшая роль рыболовства отодвигает охоту на второй план. В связи с этим древнему населению требовалось меньше наконечников, а соответственно и меньше вкладышей для их оснащения. Исходя из этого становится понятно почему на одном из этапов неолита возрастает процентное количество мелких пластин. Вероятно, в связи с какими-то причинами возрастает роль охоты.

Несмотря на преобладание у позднеолитического-энеолитического населения рыболовства, охота продолжает по-прежнему играть большую роль. Так, в 3 к.г. памятника Тыткескень II зафиксированы легкие наземные одноочажные жилища, а пластины здесь составили 63,63% от общего числа изделия (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 26). Вероятно, данный слой оставлен группой охотников, занимавшихся заготовкой мяса впрок.

По мнению автора, говоря о процентном сокращении количества мелких пластин на Катунь вряд ли уместно употребление термина «деградации». Данная традиция по-прежнему хорошо известна древнему человеку, но за отсутствием надобности, производство мелких пластин просто сокращается, и в случае необходимости оно может достигнуть прежних размеров.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 00-01-00374а).  
Научный руководитель – к.и.н. А.Л. Кунгуров*

*А.Ю. Серикова*

*(Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный педагогический институт)*

### **Шаманские погребения каменного века на территории Сибири**

Вопрос о существовании шаманов в каменном веке уже давно привлекал внимание многих ученых. Один из современных исследователей шаманизма – В. Н. Басилов – считал, что этнографы прошлого наблюдали лишь пережиточные, быстро деградирующие формы шаманизма. И тот факт, что шаманство как цельное мировоззрение сохранилось среди охотников-рыболовов Сибири, лишь указывает на конкретные социально-экономические условия, в которых шаманство функционировало с наибольшей полнотой (Басилов, 1997, с. 4).

А многие западные ученые считают, что шаманство возникло в глубокой древности, в доклассовом обществе. Некоторые из них (Х. Кирхнер, О. Хюльткранц, В. Фойт, К. Нарр, А. Клосс) допускают, что шаманизм был когда-то представлен среди палеолитических охотников (Басилов, 1997, с. 4, 13; Элиаде, 2000, с. 441, 461-462, 468).

Первыми шаманские погребения на территории Сибири выделил А. П. Окладников. В 1955 г. он отнес к шаманским женское захоронение из Усть-Удинского могильника (погребение № 4), которое относится к эпохе энеолита (Окладников, 1955, с. 348-352). Костяк лежал на спине под каменной кладкой. На его груди находилось два антропоморфных изделия из бивня мамонта, составляющих пару. Погребальный инвентарь содержал браслеты из белого и зеленого нефрита, перламутровые бусины, 13 кружков из белого нефрита и мрамора. Такие кружки можно рассматривать как солярные знаки. Подобные находки, изготовленные из камня, кости или керамики часто находят в погребениях, которые в последнее время интерпретируют как шаманские. Местоположение таких дисков на костях различно, но преобладает расположение на груди, на тазе, на лбу костяка и в глазницах (Окладников, 1955, с. 143-165). Диски, находившиеся в глазницах, вероятно, являлись частью погребальной маски и закрывали глаза погребенных шаманов. Следует подчеркнуть, что большая часть солярных знаков на костюмах служителей культа имела белый цвет. Этнографические материалы показывают, что белый цвет в шаманских культах считался священным (Богордаева, 1999, с. 102). Еще недавно у манси глаза жертвенного оленя закрывались серебряными монетами, а глаза медведя во время медвежьих праздников были прикрыты берестяными (Источники по этнографии..., 1987, с. 224) или жестяными кружками (Гемуев, Сагалаев, 1989, с. 24).

Кроме других предметов, положенных в погребение № 4 (подвески из зубов оленя и медведя, пила, острие, скребок, игольник, медная трубочка), особо нужно отметить фрагмент узкой костяной лопатки длиной 12,4 см. На территории Восточной Сибири лопатки и ложки, вырезанные из рога или кости, достаточно ярко характеризуют погребения как шаманские. Лопатка и ковш (ложка) хорошо известны в урало-алтайской мифологии. Посредством их был сотворен мир, т.е. нечто единое, целое, было разделено на землю и воду. В шаманской обрядовой практике с их помощью осуществляли ритуальное оплодотворение, кормление и гадание (Сагалаев, 1991, с. 44-50). По материалам данного погребения А. П. Окладников произвел реконструкцию шаманского костюма (Окладников, 1955, рис. 175).

Также к шаманским А. П. Окладников отнес очень богатое погребение № 12 из Серовского могильника. Центральное место в его погребальном инвентаре занимали костяные поделки, одна в виде скульптурного изображения человеко-зверя, а вторая – в виде антропоморфного изображения. Здесь же находилось 25 костяных обкладок лука общей длиной 177,5 см и 22 наконечника стрелы. Каменные и костяные наконечники стрел присутствуют практически во всех шаманских погребениях. По свидетельству Л. П. Потапова, основным орудием у алтайских шаманов в древности был лук со стрелами. До появления бубна у алтайцев с луком производилась наиболее важная и ответственная часть ритуала. Прямым указанием на употребление лука в качестве культового орудия служит и то, что женщины-шаманки у алтайцев так же камлают с луком, как и мужчины, в то время как в повседневной жизни женщине нельзя было дотрагиваться до орудия охоты. Также при помощи лука происходит ворожба и гадание у бурят. Лишь в относительно позднее время лук уступил свое место бубну, но и после этого, вплоть до XX в. бубен служил шаману оружием, луком, которым он угрожает своим противникам-духам (Потапов, 1934, с. 70-71). К сожалению, деревянные луки в погребениях каменного века сохраняются редко. Сакральное же значение стрелы полисеманлично. Стрелой могли угрожать злему духу, стрела играла роль оберега ее владельца, она могла выступать медиатором между миром людей и миром предков. К стреле привязывались дары, чтобы умиливать духов, она и сама могла быть таким

даром, если была «удачливой». Стрела имела и продуцирующую, воспроизводящую функцию, являлась символом мужского начала. Доказывая существование шаманства в серовское время, А. П. Окладников подчеркивал, что «для нас важно, что такие деятели, первые шаманы, существовали, что они занимали в родовой общине свое видное и ответственное по социальным нормам того времени место» (Окладников, 1976, с. 9-10).

В дальнейшем археологи лишь описывали богатые и необычные погребения, но не связывали их с шаманскими. И только в 1995 г. было опубликовано погребение из Нижнетыткескенской пещеры (Горный Алтай), которое авторы раскопок интерпретировали как шаманское. Это очень богатое расчлененное погребение относится к эпохе энеолита. В погребении найдено костяное навершие посоха в виде стилизованной морды лося. Такие навершия не характерны для погребений Сибири, но довольно часто встречаются на памятниках Прибалтики, Поволжья и Среднего Урала. Если рассматривать семантику посоха, опираясь на этнографические материалы, то посох с уверенностью можно отнести к атрибутам шаманского культа. Кроме посоха погребение содержало 27 каменных наконечников стрел, множество костяных и каменных орудий и свыше 80 костей и зубов животных. Очень интересна находка пяти расщепленных вдоль и вычищенных изнутри клыков медведя, которые использовались для оформления шаманской «перчатки» (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 27-53).

Наличие костей животных является одним из важнейших критериев для выделения шаманских захоронений (Сериков, 2000, с. 215). Очень часто кости животных в погребениях рассматривались как жертвенная пища, необходимая для путешествия в мир мертвых. Однако фиксация места залегания костей свидетельствует о том, что кости являлись принадлежностью костюма. Как и другие атрибуты шаманского культа кости животных имели особый сакральный смысл.

Учитывая целый ряд факторов (способ захоронения, особенности позы погребенного, детали погребального обряда, наличие ярких произведений искусства и находок культового характера, имеющих достоверные аналогии в атрибутах этнографических шаманов), можно попытаться выделить на территории Сибири ряд погребений, которые можно отнести к шаманским.

В том же Усть-Удинском могильнике можно выделить еще несколько шаманских погребений. Например, погребение № 6, где у поясничных позвонков скелета лежали два резных изображения человечков из бивня мамонта. Подобные антропоморфные изображения, только в 2 раза крупнее, были найдены в уже упомянутом захоронении шаманки (погребение № 4). Кроме скульптур в могилу были положены топор и нож из нефрита, наконечники стрел и копья, роговые гарпуны, каменные и костяные орудия, выпрямитель древков стрел и отщепы (Окладников, 1975, с. 158-159). Другое погребение (№ 5) содержало скульптурные изображения человека и лося, вырезанные из рога. Зооморфные и антропоморфные изображения также можно считать еще одним признаком шаманских погребений. Зооморфные скульптуры часто изображают наиболее значимых в мифологии животных: лосей, птиц, змей. Семантика зооморфных изображений различна, но в основном они служили помощниками шамана, оберегали его от злых духов, помогали перевоплощаться для перемещения по мирам. Также пятое погребение содержало костяную ложку длиной 23 см, шило, нож из нефрита, скребок и кости животных. Среди них обращает внимание зуб вымершего шерстистого носорога (Окладников, 1975, с. 157-158). Следует подчеркнуть, что погребенный лежал ничком.

К усть-удинским погребениям довольно близко погребение № 18 Верхнеленского могильника. В нем были найдены 2 антропоморфные фигурки, соединенные вместе. Они вырезаны из тонкой пластины оленьего рога. Парные изображения человеческих фигур известны также на Енисее, близ Базаихи (Окладников, 1955, с. 292-293). Часто

они изготовлены из бивня мамонта. Здесь нужно отметить, что, возможно, изделия из мамонта обладали определенным сакральным смыслом. В мифологических представлениях народов Севера и Сибири мамонт является духом праосновы всего – символом неумирающей вечности. Мамонт прорывает новые русла рек, объединяет в себе воду и сушу, охраняет путь шамана.

Интересно рассмотреть богатое погребение № 2 из могильника у дер. Аносово. Его также можно интерпретировать как шаманское. На черепе погребенного лежало большое кольцо из белого нефрита, медные пластинки и бляшки и 8 резцов марала. За левым плечом располагалась лопатка (колотушка) из рога, орнаментированный костяной стержень с изображением человеческой головы, куски графита со следами использования, разнообразные изделия из кости и рога, гальки, челюсти и кости животных. За локтем левой руки находились 2 костяные ложки, лежавшие спиной друг к другу, и черная галечка, окрашенная охрой (Окладников, 1955, с. 344-348).

Представляют интерес сидячие погребения в Пономарево (№ 13) и Пади Частые (№ 2), а также погребение ничком в Пади Гаранкин Лог (№ 1) (Окладников, 1955, с. 310-312, 316).

Очень своеобразное энеолитическое погребение исследовано на берегу Енисея – Карасук II. Оно находилось в центре каменной ограды размером 12,5 x 12,5 м. От каждого угла ограды к центру по диагонали выложены дорожки или стенки из камней, образующие равновеликий крест, ориентированный по сторонам света. В центральном погребении № 3 находился скелет взрослой женщины. У правого плеча стоял небольшой сосуд. У правого локтя обнаружены остатки «сумочки», украшенной 40 подвесками из клыков марала и подвеской из стеатита. Одежда женщины была расшита клыками марала, а обувь – множеством зубов соболя. Причем использовались только правые третьи коренные зубы верхней челюсти. Всего для украшения обуви употреблены зубы 310 соболей (Комарова, 1981, с. 76-83). При анализе костей, служивших украшением костюма, следует обращать внимание на подобную необычность в их использовании. Например, костям женщины, сопровождавшей шамана из грота на камне Дождевом (р. Чусовая), украшали 73 клыка из нижних челюстей выдры (от 37 особей). А выдра в мифологии сибирских народов являлась духом – помощником шамана. Выше уже упоминалось о пяти расщепленных вдоль клыках медведя, которые составляли перчатку в виде медвежьей лапы. Такие необычности в использовании костей могут помочь в определении социального статуса погребенного. Также в погребении Карасук II находились зооморфные роговые подвески. Одна изображала ревушего медведя, а вторая – голову медведя. Интересны находки каменных шариков и крупных комочков охры. Подобные погребения известны также в могильниках Карасук VIII и Пристань I (Комарова, 1981, с. 86-87). Нет сомнений, что в таких погребениях находились лица какой-то значимой социальной категории, захороненные по особому обряду. Можно предполагать, что это были именно шаманы.

На территории Западной Сибири любопытное одиночное погребение эпохи энеолита обнаружено на поселении Гладунино-3 (Курганская обл.). При сохранении анатомического порядка костей левая половина таза была отчленена и уложена на правую половину живота. Погребальный инвентарь погребения беден, но имеет очень любопытные аналогии. У каждого колена погребенного лежало по фрагменту керамики с орнаментом сосновоостровского типа. Скорее всего, они были нашиты на штанины, как и в погребении шамана на камне Дождевом. На уровне правого бедра погребенного лежала половина сверленной булавы из бурого железняка (Шилов, Маслюженко, 2000, с. 145). Здесь интересно отметить, что на двух культовых памятниках Среднего Зауралья – Махтыльском и Усть-Вагильском холмах – найдено по половине каменной булавы. Возможно, перед нами следы определенного обряда, когда одну половину булавы клали в могилу шамана, а вторую – приносили в жертву на определенное культовое место.

Очень интересные погребения выявлены в последние годы в Ингальской долине (Тюменская обл.). В центральном погребении могильника Бузан 3 найдены остатки лодки со скульптурным изображением на носу. Внутри лодки находился погребенный, костюм которого украшали 170 подвесок из темно-красного шифера. Вблизи обнаружено еще одно погребение, которое содержало более 220 шлифованных подвесок из шифера (Матвеев, Волков, 1999, с. 124). Такие находки, бесспорно, свидетельствуют об особом статусе погребенных в могилах лиц.

*Научный руководитель – к.и.н. Ю.Б. Сериков*

*А.А. Герасименко*

*(Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный педагогический институт)*

### **К вопросу о реконструкции и семантике шаманского костюма каменного века (по материалам Среднего Зауралья)**

Вопрос о древних формах шаманства и личности самого шамана является дискуссионным. Главным источником для его изучения выступают материалы погребений каменного века. Внимание уделяется всем деталям погребального обряда, в том числе и одежде погребенного. Реконструкция одежды и интерпретация ее атрибутов может многое сказать о социальном статусе ее обладателя, стать важным источником для изучения мировоззренческих концепций и моделей мира древнего населения. Как одна из исследовательских процедур в археологии реконструкция была бы неполной без семантического анализа отдельных элементов одежды с привлечением данных этнографии. Шаманский костюм народов Сибири и Урала является наиболее архаичным элементом культуры и воплощает духовные воззрения общества, что делает его ценным источником для нашего исследования.

Графическая реконструкция шаманского костюма была осуществлена А.П. Окладниковым по материалам погребения (№ 4) Усть-Удинского могильника, датированного эпохой энеолита (Окладников А. П., 1955, с. 143). Интерпретация оформления отдельных элементов костюма шамана представлена авторами раскопок Нижнетыткескенской пещеры (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров Л. Л., Степанова Н. Ф., 1995, с. 51). Описание одежды из неолитических погребений шамана и его помощницы в гроте на Камне Дождевом на р. Чусовой можно найти в работах Ю. Б. Серикова (Сериков Ю.Б., 1993, с. 140-141; 1998, с. 34).

Чусовские погребения выделяются в массе уральских захоронений богатством погребального инвентаря, в том числе и атрибутами костюма. Одежда мужчины и женщины состояла из курток (парок?), штанов и меховых сапог. На рукава куртки (парки) мужчины были нашиты расколотые плечевая и локтевая кости северного оленя. На сапоги на уровне берцовых костей крепились подвески в виде уточек: 5 на одной ноге, 4 – на другой. Соотношение чет-нечет в данном случае не принимается во внимание, так как число уточек могло быть и больше. С внутренней стороны сапог были нашиты костяные, хорошо отшлифованные подвески каплевидной формы (4 – на левой, 2 – на правой ноге). На штанины могли крепиться расколотые кости северного оленя, а на уровне коленей – два фрагмента керамики. Случай использования фрагментов сосудов как атрибутов одежды известен и в материалах Южного Зауралья (Шилов С. Н., Маслоуженко Д. Н., 1999, с. 15).

Широкий пояс на мужском костюме был расшит резцами бобра длиной до 8 см (10 шт.). В фольклоре как сибирских так и славянских народов пояс относится к предметам, которые придают волшебную, чудодейственную силу его обладателю, имеют охранительное значение. В финно-угорской мифологии с ним связывалась жизнь шамана (Викторова В. Д., Кернер В. Ф., 1998, с. 76). Проводя границу между верхним и нижним мирами (условно ме-



жду головным убором и обувью), пояс олицетворял дорогу, по которой шаман путешествовал во время камланий (Лар Л. А., 1998, с. 31). В древних шаманских погребениях пояса обычно украшали зубы и кости животных, иногда вместе с челюстями. В захоронении шамана на стоянке Кубенино помимо 29 бляшек из резцов бобра были найдены нижние челюсти куницы (Фосс М. Е., 1938, с. 80), 6 ветвей нижних челюстей бобра обнаружены в знаменитом сотом погребении Оленеостровского могильника Онежского озера (Гурина Н. Н., 1956, с. 341). В образах этих животных в космогонических представлениях уральских народов представляли духи нижнего мира. Поэтому резцы бобра на поясе в мужском захоронении на Камне Дождевом и 73 клыка выдры из соседнего женского погребения можно назвать «темными» атрибутами костюма.

Помимо зубов животных в районе пояса был найден костяной гарпун, видимо, заткнутый за пояс. Из охотничьего снаряжения к атрибутам костюма следует отнести каменный шлифованный нож, который носился на груди, видимо, в чехле. У локтя левой руки погребенного компактно располагались 4 костяных биконических наконечника стрел, что позволяет предположить наличие колчана у погребенного. Костюм дополняла кожаная или меховая сумка, в которой находились 15 отщепов и заготовок орудий.

Головной убор представлял собой облегающую шапочку, к верхушке которой пришивался непросверленный клык лисицы.

Использование костей животных для оформления мужского и женского костюмов неслучайно. Шаман, как посредник между мирами, мог иметь духов-помощников как верхнего, так и нижнего миров. Конкретным воплощением их образов выступали подвески на его одежде (Прокофьева Е. Д., 1971, с. 8). Вероятно, в оформлении древнего шаманского костюма эта роль отводилась зубам и костям животных. Интересно, что у сибирских народов среди металлических подвесок на одежде шамана встречаются изображения отдельных частей тела: костей и внутренностей. Есть мнение, что ранее вместо металлических использовались настоящие кости, принадлежавшие предку шамана и помогающие принимать во время камланий облик того или иного животного (Иванов С. В., 1970, с. 223). Можно предположить, что кости северного оленя, нашитые на костюм мужчины, несли в себе такую же смысловую нагрузку. При этом образ оленя часто в религиозно-мифологических представлениях и ритуалах северных народов дублирует образ лося – главного духа-помощника шамана (Мифы народов мира, т. 2, 1988, с. 70).

Особое внимание заслуживают изображения уток из мужского захоронения. Фигурки имеют подквадратное тулово, короткую шею и массивную голову. У двух из них сзади присутствует своеобразный гребень. Крепились утки за отверстия у хвостов и шейку.

В шаманстве сибирских и уральских народов в образе птицы предстают многочисленные помощники шамана: его «разведчики», «проводники» и «транспортные средства» (Иванов С. В., 1970, с. 107). Считается, что широкое распространение мотива водоплавающей птицы произошло уже к V тысячелетию до нашей эры и связано со сложившимися представлениями о трехчастном строении мироздания и образе птицы как посредника между мирами, а позже и как участника творения земли (Ковалева В. Т., 1997, с. 67; Викторова В. Д., Чаиркина Н. М., Широков В. И., 1997, с. 49). Образ птицы распространен среди кремневой скульптуры Урала (Аятское озеро, Юрьино IV, VII, Шайтанское озеро I). Уникальная фигурка утки, изготовленная из стенки керамического сосуда, найдена на культовом комплексе Шайтанское озеро I (Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б., 1998, 223). Подчеркивается функциональное сходство кремневой, керамической скульптуры и уток из погребения на Камне Дождевом как вместилищ духов-помощников шамана (Литвиненко Ю. П., Сериков Ю. Б., 1998, с. 226).

Все утки из чувовского захоронения сделаны из таранных костей бобра. Автор раскопок считает фигурки изображениями духов-помощников верхнего мира и видит дуалисти-

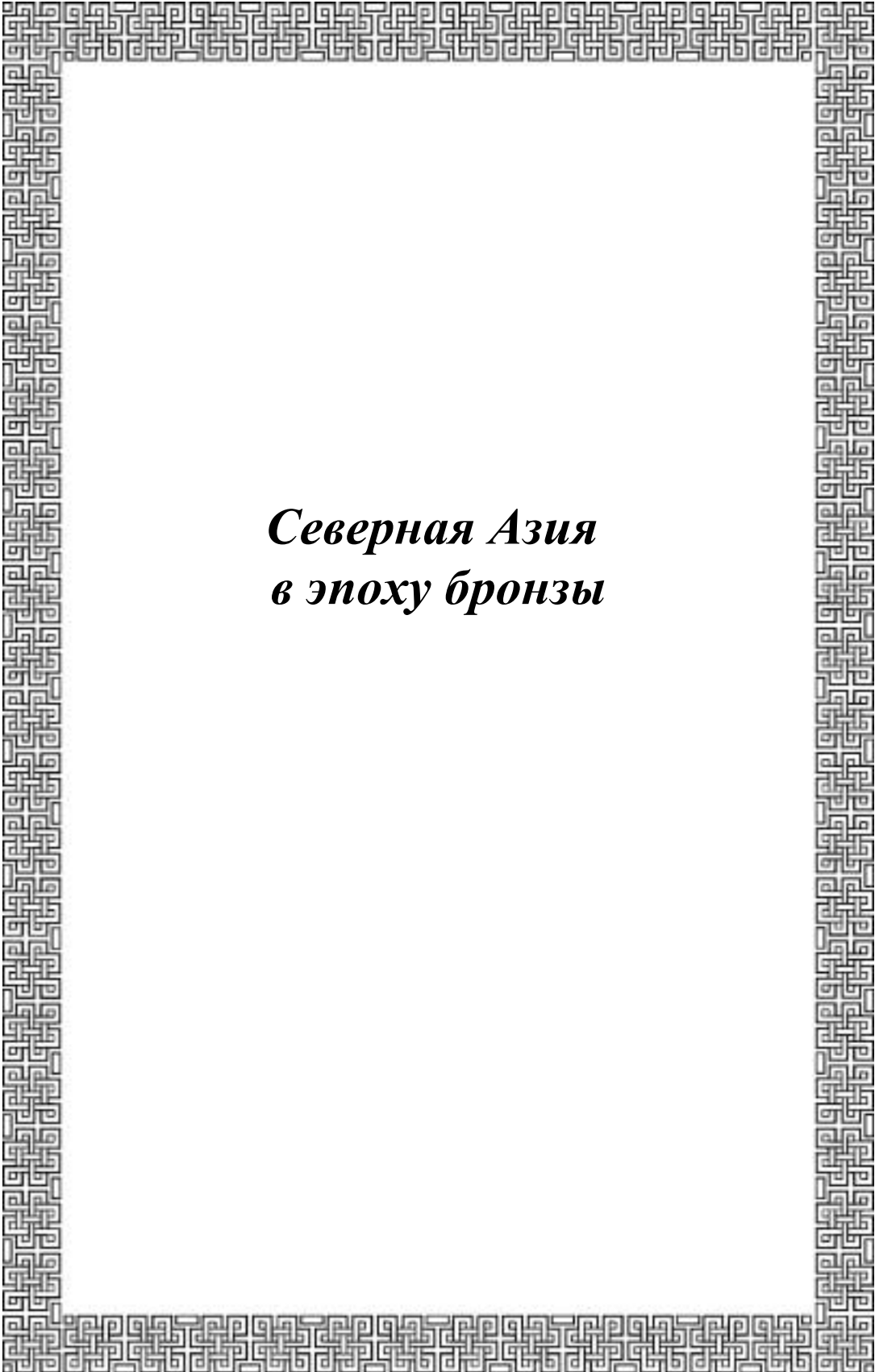
ческую традицию в изготовлении их из костей животного-символа нижнего мира (Сериков Ю. Б., 1993, с. 136). С другой стороны, уточки крепились головками вниз, что могло изображать нырок в воду – вход в нижний мир, куда только птица, в представлениях эвенкийских шаманов, могла нырять за душами умерших людей (Иванов С. В., 1970, с. 123). Поэтому неолитические фигурки из погребения на Камне Дождевом могли отображать синкретичный образ утки как посредника между верхним и нижним мирами.

Очевидно, что в оформлении костюма преобладают «темные» символы. Это позволяет говорить о «темной», «черной», «большой» силе его обладателя. В своей практике он мог быть связан с духами нижнего мира. Детали обряда также свидетельствуют в пользу особой силы погребенного и страха перед ним: захоронение произведено в укромной пещере, тело было связано и погребено в скорченном положении, вход в грот «охраняли» останки его помощницы. Особую роль в обряде выполняли каменные наконечники стрел, интерпретируемые как своеобразные медиаторы, связующие мир людей и мир духов (Сериков Ю. Б., 1998, с. 37).

Принимая во внимания версию об убийстве шамана из засады (между шейными позвонками мужчины был найден каменный наконечник стрелы), можно предположить, что костюм его выделялся не только своими атрибутами, но и таким образом, что был заметен на расстоянии. Это мог быть особый цвет одежды (скорее всего темный, подчеркивающий связи шамана с нижним миром), либо своеобразное оформление головного убора (например, ярко-рыжий хвост лисицы на макушке). Известно, что для шаманских изображений петроглифов Верхнего Приамурья (IV-II тыс. до н. э.) характерны разнообразные формы головных уборов: олени, лосиные, воловьи рога, высокие островерхие колпаки и т. д. (Окладникова Е. А., 1984, с. 132).

Таким образом, костюм шамана, погребенного в гроте на Камне Дождевом, можно назвать своеобразной моделью мироздания в представлениях древнего уральского населения с его трехчастной структурой, духами верхнего и нижнего миров, являющихся в образах животных, чьи кости, зубы и изображения выполняли роль вместилищ духов-помощников шамана на его одежде. Костюм также определил и сакральную функцию шамана как посредника между мирами.

*Научный руководитель – к.и.н. Ю.Б. Сериков*



*Северная Азия  
в эпоху бронзы*

*Н.Б. Щербаков*  
*(Уфа, Башкирский государственный университет)*

**Культурные контакты Южного Урала и Северо-Запада Европы  
в эпоху неолита – раннего металла.**

Развитие археологической культуры связано с культурными взаимодействиями, взаимовлияниями и сосуществованием тех или иных групп населения. Различные проявления иноплеменной культурной традиции могут говорить о возможных миграциях и контактах населения.

Отражение миграционных процессов, прежде всего можно наблюдать на керамическом и антропологическом материалах, а также на скульптурных изображениях людей и животных.

Скульптурные изображения людей и животных периода неолита — раннего металла — на территории лесной зоны Восточной Европы и Урала известны уже довольно давно, например, на стоянке Евстюниха были обнаружены два образца древней скульптуры – голова лося, сделанная из камня и керамическая фигурка птички (Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф., 1976), что может сближать носителей этой культуры с населением, оставившим Оленеостровский могильник, а также говорит о возможной близости его с древностями Шигирского торфяника.

Подобная картина прослеживается и на керамическом материале. Это в особенности касается типов орнамента и способов его нанесения (Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф., 1976; Костылева Е. Л., 1986, Третьяков В.П., 1990). Керамические комплексы Северо-восточной Европы (Карелии, Ленинградской области и Финляндии), за некоторыми исключениями, могут свидетельствовать о преемственности верхне- и волго-окской, сурско-мокшанской и белевской керамики (гребенчатой и гребенчато-ямочной) с керамикой стоянок Соколки, Сяберская I и Мерево II (Тимофеев В.И., 1992).

Необходимым представляется обратить внимание на сопоставление культуры боевых топоров с краниологическими материалами Оленеостровского и Ясиноватовского могильников. Говоря о группах населения, оставивших оба эти могильника, следует отметить заметную уплощенность лицевого скелета, а также еще ряд признаков, говорящих о присутствии монголоидности, хотя ряд авторов отрицают их наличие (Потехина И.Д., 1988). Керамика неолита и энеолита Финляндии (в частности Пюхеенсилта) современна не только культуре боевых топоров (возможно, последовательно сменяли друг друга), но и современна протоволосово или ямочной керамике (Яоряпяя А., 1958; Юкка Луото, 1992).

Таким образом, основываясь на выше приведенных фактах, а также, привлекая данные палеоботаники и ряда смежных дисциплин, представляется возможным заключить, что миграционные волны шли, преимущественно, с востока на запад, а не наоборот (Мейнандер К.Ф., 1982); подобный антропологический тип населения мог сформироваться только в зоне Урала и Поволжья; некоторые различия в формах и способах орнаментации керамики могут говорить о решающем влиянии мигрантов на культуру местного населения, что возможно отразилось и в каменной индустрии, в частности в использовании разноцветного кремня, который на территории Финляндии, исходя из анализов, близок к поволжскому (Кравцов А.Е., Лозовский В.М., 1989; Тимофеев В.И., 1992).

*Научный руководитель – д.и.н. М.Ф. Обыденнов*

*С.Н. Лидочен*  
(*Якутск, Якутский государственный университет*)

### **Погребальные памятники эпохи неолита и палеометаллов Центральной Якутии**

Научное изучение древних погребений в Центральной Якутии начала ЛИАЭ под руководством А.П. Окладникова в 1940-1946 гг. Были открыты погребения Покровское и Куллатинское (Окладников, 1950, 1955). В 1956 г. З.В. Гоголев открыл Хайыргасское захоронение (Мочанов, Федосеева, Алексеев и др., 1983). В 1958 г. И.Д. Новгородов исследовал Кангаласское погребение (Новгородов, 1960). Работами ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой были обнаружены могильники Чочур Муран (Федосеева, 1969, 1980) и Дириг Юрях (Федосеева, 1988, 1992, 1999), одиночное Оннёское погребение (Козлов, 1980). Археологической экспедицией ЯГУ были открыты и исследованы следующие погребения: Областная больница, Маттинское, Вилюйское шоссе и Нелегер (Кириллин, Дьяконов, 1996; Кириллин, Степанов, 1996; Дьяконов, 1997, 1998, 1999, 2000). Известна находка погребения в Модутском наслеге Намского улуса Якутии, материалы которого хранятся в Намском краеведческом музее, но до сих пор не опубликованы. Среди инвентаря отмечены костяные наконечники стрел, которые А.Д. Степанов относит к раннему железному веку.

Древнейшие в Якутии погребения датированы средним неолитом. Имея общие черты, они отличаются рядом особенностей. Цель нашей работы – выявление общих черт и особенностей этих погребений. Главная проблема изучения погребений – их малочисленность и плохая сохранность.

Почти все захоронения грунтовые и не имеют наземных признаков. Исключение составляют могильник Дириг Юрях и Покровское погребение, где имелись надмогильные сооружения из известковых плит (Федосеева, 1992; Окладников, 1950, 1955). Для всех белькачинских погребений характерна засыпка костяков охрой (Алексеев, 1996). Частичная засыпка охрой отмечена в Оннёском и Хайыргасском погребениях (Козлов, 1980; Алексеев, 1996). В Кангаласском погребении ясно прослеживается слой бересты поверх костяка (Новгородов, 1960). На дне погребений Дириг Юряхского могильника прослеживался слой сгнившего деревянного настила (Федосеева, 1988).

Ориентировка по сторонам света установлена во всех погребениях, кроме разрушенного погребения у Областной больницы (Дьяконов, 1997, 1999). В могильниках Чочур Муран и Дириг Юрях, Покровском погребении костяки ориентированы головой на юго-запад (Федосеева, 1980; Окладников, 1950). Куллатинское погребение ориентировано на запад-северо-запад, Нелегерское – на запад, Маттинское – на север-северо-восток, Хайыргасское – на северо-восток, Оннёское – на юг, Кангаласское – на восток, Вилюйское шоссе ориентированно по антитезе на север-северо-запад и юг-юго-восток (Окладников, 1950, 1955; Козлов, 1980; Новгородов, 1960; Федосеева, 1980, 1988, 1992, 1999; Алексеев, 1996; Кириллин, Степанов, 1996; Дьяконов, 2000).

В некоторых погребениях анатомический порядок нарушен (Окладников, 1950; Федосеева, 1980; 1999). Костные остатки полностью сохранились в некоторых погребениях Чочур Муранского и Дириг Юряхского могильников, Вилюйском шоссе, Оннёском погребении (Федосеева, 1980; Козлов, 1980; Дьяконов, 1999), фрагментарно – в Кангаласском, Куллатинском, Нелегерском, Маттинском погребениях и на Областной больнице (Окладников, 1950; Федосеева, 1980; Кириллин, Степанов, 1996; Дьяконов, 1999). Плохо сохранились детские кости в Чочур Муране, Дириг Юряхе, Вилюйском шоссе (Федосеева, 1980, 1999; Дьяконов, 1999). Из-за плохой сохранности костей половозрастная характеристика большинства погребенных не установлена. Выявлено, вероятно, семейное погребение в Чочур Муранском могильнике, отдельные мужские и детские погребения в Дириг Юряхе, за-

хоронения женщины с детьми в Чочур Муране и на Вилуйском шоссе (Федосеева, 1980; Дьяконов, 1999).

Ноги погребённых были вытянуты прямо в Чочур Муранском и Диринг Юряхском могильниках, Оннёсском, Куллатинском, Нелегерском погребениях (Федосеева, 1980, 1999; Козлов, 1980; Окладников, 1950). У одного из погребённых в Чочур Муране ноги согнуты в коленях (Федосеева, 1980). Руки вытянуты вдоль туловища в Чочур Муранском могильнике, Маттинском и Покровском погребениях (Окладников, 1950; Федосеева, 1980; Кириллин, Степанов, 1996). Руки слегка согнуты в локтях в Чочур Муранском могильнике, Оннёсском, Хайыргасском погребениях (Федосеева, 1980; Козлов, 1980). У погребённого в Нелегере одна рука согнута, другая вытянута. У погребённых в Чочур Муране кисти рук покоятся на нижней части живота, в Оннёсе, в Хайыргасе и Вилуйском шоссе (женский костяк) – в области таза (Федосеева, 1980; Козлов, 1980; Дьяконов, 2000). Зафиксировано 3 вероятных случая насильственной смерти погребённых в Чочур Муране, Диринг Юряхе и Оннёсе (Федосеева, 1980; Козлов, 1980).

Погребённые принадлежат к монголоидной расе. Выявлены антропологические типы: байкальский – в Оннёсе и Чочур Муране, смешанный арктический и байкальский – Диринг Юряхе и на Вилуйском шоссе (Федосеева, 1980, 1999; Томтосова, 1980; Гохман, Томтосова, 1992).

В могильниках Чочур Муран и Диринг Юрях, в погребениях Вилуйское шоссе, Областная больница, Куллатинском, Оннёсском, Хайыргасском, Кангаласском и Маттинском зафиксирован обряд трупоположения (Федосеева, 1980, 1999; Дьяконов, 1999). Случаи трупосожжения отмечены в Покровском и, возможно, Нелегерском погребениях (Окладников, 1950).

Для большинства захоронений, как мужских, так и женских, характерно наличие каменных или костяных наконечников стрел. В погребальный инвентарь входят также типичные орудия, такие как ножи, скребки, абразивы, нуклеусы, комбинированные орудия, вкладыши, отщепы, и др. В Кангаласском погребении зафиксированы нефритовые лезвия для обоюдоострого ножа-кинжала (Новгородов, 1960). Нефритовые кольца найдены в Диринг Юряхском могильнике (Федосеева, 1980). Шлифованные тёсла обнаружены в Оннёсском и Хайыргасском погребениях (Козлов, 1980; Мочанов, Федосеева, Алексеев и др., 1983). В Оннёсском погребении найдено 3 составных рыболовных крючка. Здесь же обнаружены скелеты лисицы и соболя (Козлов, 1980). В инвентарь Куллатинского погребения входило антропоморфное изображение из рога, которое А.П. Окладников сравнивал с глазковскими и фрагменты кинжаловидного острия из рога, украшенного резным линейным орнаментом (1950, 1955). В Чочур Муранском могильнике, кроме каменных и костяных предметов, найден один фрагмент вафельной керамики (Федосеева, 1980). Изделие из меди или бронзы (шиловидное острие) обнаружено в Покровском погребении (Окладников, 1950). В Диринг Юряхском могильнике зафиксированы окислы бронзы (Федосеева, 1992). На возможность ограбления в древности этого могильника указывает С.А. Федосеева (1988). В инвентаре захоронений Диринг Юряхского и Чочур Муранского могильников обнаружены наконечники стрел в колчанах (Федосеева, 1980; 1992). В Маттинском погребении, Вилуйском шоссе, Областной больнице, Нелегере, а также в одном из захоронений Диринг Юряхского могильника погребальный инвентарь отсутствовал (Федосеева, 1992, 1999; Кириллин, Степанов, 1996; Дьяконов, 1997, 1998, 1999, 2000).

Из числа известных в Центральной Якутии погребальных памятников, к белькачинской культуре отнесены Кангаласское, Оннёсское и Хайыргасское погребения, к ымыяхтахской культуре – Куллатинское, Покровское, Чочур Муранский и Диринг Юряхский могильники, предположительно к бронзовому веку – Маттинское, Областная больница, Нелегер, к раннему железному веку – Модутское. Спорна датировка эпохой раннего неолита парного за-

хоронения Виллойское шоссе. По этому захоронению ведутся работы, которые, возможно, уточнят его возраст.

Радиоуглеродные датировки имеются для 4 памятников (Федосеева, 1980, 1988, 1992, 1999; Дьяконов, 2000): Чочур Муранский могильник –  $3800 \pm 400$  (ЛЕ-1025), Дириг Юряхский могильник –  $3840 \pm 50$  (ГИН-4794), Областная больница –  $2960 \pm 300$  (СОАН-4250), Виллойское шоссе –  $3290 \pm 60$  (СОАН-4247). Подтверждено отнесение к ымыяхтахской культуре первых двух памятников. Последняя дата, возможно, омоложена, так как погребение находилось ниже культурного слоя ымыяхтахской стоянки (Дьяконов, 2000).

Как видно, особенностей выявлено больше, чем общих черт. Погребения Центральной Якутии, и по погребальному обряду и по инвентарю, разнообразны. Отсутствие инвентаря в ряде захоронений, наличие частично или почти полностью разрушенных погребений, затрудняют выявление закономерностей и их датировку. Отмечается небольшое количество радиоуглеродных датировок и результатов антропологических анализов. Материалы некоторых погребений до сих пор не опубликованы. Таким образом, древние погребения Якутии, принимая во внимание и их большую редкость, далеко не полностью исчерпали свою источниковедческую базу. Необходимо провести специальные исследования, посвящённые этой интересной тематике.

*Научный руководитель – В.М Дьяконов*

*Е.А. Попова*

*(Владивосток, Дальневосточный государственный университет)*

#### **Суворовская группа памятников Восточного Приморья эпохи бронзы (по материалам керамических комплексов)**

Район Приморья является ключевым для изучения древней истории всего дальневосточного региона. В рамках территории Приморья можно выделить локальные районы развития культур первобытной эпохи: Южное Приморье, Северное, Западное и Восточное Приморье. Целью данной работы является определение места многослойных памятников Суворово-VI и VIII в кругу известных археологических культур Восточного Приморья, акцентируя внимание на изучение керамических комплексов этих памятников.

Суворово-VI. Памятник раскапывался в течение 1990-93, 1996 годов А.А. Крупянко. За время работ на памятнике отрядом лаборатории археологии НИЧ ДВГУ вскрыта площадь 280 кв. м., в результате чего получено около 10,5 тыс. находок, которые четко разделяются на два разновременных комплекса.

Нижний комплекс представлен набором изделий, характерных для стоянок верхнепалеолитической устиновской археологической индустрии. (Крупянко А.А., Яншина О.В., 1991, с.68).

Верхний комплекс Суворово-VI интерпретирован на сегодняшний день Крупянко А.А. и Яншиной О.В. как памятник эпохи бронзы. (Крупянко А.А., Верховская Н.Б., 1996, с. 266). Получены даты  $2960 \pm 90$ ,  $2935 \pm 50$ ,  $2320 \pm 55$ .

Ранее ставился вопрос о разделении керамического комплекса на две группы с вероятным отнесением части материала с архаичными чертами к эпохе неолита (Крупянко А.А., Яншина О.В., 1993, с.68).

Поднималась проблема культурной принадлежности верхнего комплекса Суворово-VI, в результате чего он был отнесен к Лидовской культуре, но тщательное исследование керамического материала как археологического источника, одной из ведущих категорий находок, имеющей высокую информативность для культурной систематизации этих памятников, позволяет нам вернуться к ранее поднятой проблеме и предложить её решение с помощью следующих задач:

- рассмотреть, проанализировать, систематизировать технику и технологию, морфологию и декор керамических изделий;

- сопоставить выявленные признаки с признаками известных памятников Восточного Приморья эпохи бронзы.

Рассмотрев, проанализировав и систематизировав технику и технологию, морфологию и декор керамических изделий, мы составили таблицу

« Сравнительная характеристика керамики верхнего комплекса Суворово-VI .

Формовочная масса: 1. А.А. Крупянко и О.В. Яншина с помощью петрографического анализа установили, что формовочная масса состоит из двух фракций: собственно глинистого сырья – цемента и непластичной примеси песка. 2. По данным визуального наблюдения и бинокулярного анализа мы можем говорить о примеси песка в тесте.

Формовка: 1. Согласно А.А. Крупянко и О.В. Яншиной, формы посуды и способы её формовки не восстанавливаются. По данным визуального наблюдения можно говорить о кольцевом ленточном налепе. 2. По принципу структуры. Наличие или отсутствие горловины. Семь фрагментов венчиков из 22 с наличием горловины. 3. Форма венчика и шейки. Венчики со скошенным, реже с приостренным краем, есть фрагмент венчика с краем, который воронкообразно отогнут наружу, фрагмент горловины сосуда с воротничковым венчиком. 4. Форма дна. Можно отметить два типа профилировки донной части: а) тулово плавно переходит в дно; б) в нижней части тулова имеется уступ, равный толщине дна.

Обработка поверхности: согласно исследованию, проведенному А.А. Крупянко и О.В. Яншиной техника обработки поверхности керамики примитивна. Основная масса черепков имеет неровную, нелощеную поверхность. Визуально на некоторых черепках на внутренней и внешней сторон фиксируется тонкий слой неокрашенной обмазки.

Обжиг: обжигалась данная керамика в костровых условиях в окислительной среде: все черепки имеют коричневую с буроватым оттенком окраску, поверхность покрыта темными пятнами. Для излома в большинстве случаев характерна неширокая серо-коричневая и серая полоса – свидетельство неполного окисления. Температура обжига суворовской керамики не превышала 500°C (Крупянко А.А., Яншина О.В., 1993, с.71). Декор: 1. Зона декора: 99% орнамента на венчике и один фрагмент стенки сосуда с орнаментом. 2. Техника декора: прочерченные линии и подковки. 3. Мотивы, элементы: поясные линии и подковки. 4. 10-15% орнаментированных фрагментов керамики от общей массы.

Работая над второй задачей использования, мы обратились к сравнению и сопоставлению верхнего комплекса Суворово-VI с хронологически и территориально близкими (как мы предполагаем) памятниками Лидовка-I и Благодатное-III.

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что рассматриваемый керамический комплекс может быть отнесен к эпохе бронзы Приморья. Но наши исследования позволили выявить ряд моментов, подчеркивающих своеобразие рассматриваемого комплекса, что может указывать на локальный или стадийный характер данного памятника в контексте Лидовской археологической культуры (Попова Е.А., 1998, с. 65).

Суворово-VIII. Во время полевого сезона 1998 г. комплексной экспедицией Института археологии и этнографии СОРАН и Дальневосточного государственного университета были продолжены археологические изыскания в долине реки Зеркальной (Восточное Приморье). Впервые стационарно изучалось местонахождение Суворово-VIII.

В 1998 году была раскопана площадь 20 кв. м. Получена коллекция из 1039 артефактов, которая состоит из керамического материала (820), изделий из камня (20) и отходов каменного производства (196). Остатки каких-либо конструкций не выявлены. Морфотипологи-



ческие особенности описанной коллекции позволяют относить ее к эпохе бронзы Приморья (Крупянка А.А., Попова Е.А., Шабаета Т.В., 1998, с. 135).

В 1999 году раскопки этого памятника были продолжены. Раскопана площадь 21 кв. м. Получена коллекция из 1325 артефактов, которая состоит из керамического материала (1095), изделий из камня (25) и отходов каменного производства (105). Коллекция 2000 года с раскопанной площади 40 кв. м. состоит из керамического материала (1158), изделий из камня (64) и отходов каменного производства (301). В результате исследований 2000 г. были получены даты 2335 – 2560).

В 1999 году нами был проведен сравнительный анализ керамической коллекции памятников Суворово-VI и VIII по признакам технологии, морфологии и декора. В результате исследования сделано заключение о значительной степени сходства керамических традиций Суворово-VI и VIII.

Следующий этап нашей работы заключался в сопоставлении памятников Суворово-VI и VIII с другими памятниками Восточного Приморья эпохи бронзы для более четкого определения их места в культурной систематизации археологических памятников.

Первоначально коллекция памятников Суворово-VI и VIII была отнесена к Лидовской археологической культуре. Однако более детальный анализ показал, что комплексы Суворово-VI и VIII заметно отличаются от материалов памятников названной культуры, однозначно выбиваясь из ее контекста. Мы попытаемся доказать эту позицию ниже по результатам сравнения признаков керамики Суворово-VI, VIII и памятников Лидовка I и Благодатное-III. Технология формовочной массы. Для керамического комплекса поселения Лидовка лидовской культуры характерно существование в рамках одной гончарной традиции двух рецептурных схем формовочной массы: «глина + органический отошитель (раковина, моллюск)» и «глина + минеральный отошитель (шамот, песок)» (Жушиховская И.С., 1996, с. 32). В керамике суворовской группы визуально не фиксируются в качестве отошителя раковина и шамот. 2.Формовка. По принципу структуры, наличие или отсутствие горловины. Следует отметить, что керамический материал сравниваемых между собой памятников имеет одинаковый структурный состав. Форма венчиков: характернейшей чертой лидовской керамики является оформление устьев сосудов наlepным валиком, рельефно нависающим над стенкой. Суворовские венчики либо плоские с внешней стороны, либо слабовыпуклые. Обработка поверхности. На суворовской керамике фиксируется отсутствие приёма лощения, в то время, как на керамике Лидовки лощение – серийный признак. Обжиг. Температурный режим обжига 700-750°C. Декор. Для лидовской керамической традиции характерна строгая связь зональности орнамента и формы сосуда. Так, амфоровидные сосуды орнаментировались по плечикам и стыку горловины с туловам, а слабопрофилированные сосуды – только в зоне венчика. Ничего подобного не находим в суворовской керамике.

Заострение внимания на специфике суворовских находок не означает, что мы не видим в них никаких элементов сходства с лидовскими. Напротив, такое сходство существует, но оно прослеживается по наиболее общим признакам, которые, на наш взгляд, имеют стадийный характер: структурный состав форм сосудов и температурный режим обжига – 700-750°C;

Но этого не достаточно для того, чтобы говорить о культурной связи памятников. Следует сделать акцент на культурнозначимых признаках: контур и пропорции сосудов, которые предстоит проверить в ходе дальнейшей работы.

Для получения дополнительной информации о технико-технологическом процессе будут проведены петрографический анализ, анализы на водопоглощение и водопроницаемость.

В заключение отметим, что наши выводы о самостоятельном значении комплексов типов Суворово VI и VIII в общей картине культурного развития Приморья в эпоху палеометалла носят предварительный характер и соответствуют определенному этапу изучения проблемы. Дальнейшие исследования могут подтвердить или опровергнуть их.

*Научный руководитель – к.и.н. А.А. Крупялко  
Консультант – д.и.н. И.С. Жущиховская*

*В.М. Дьяконов, И.В. Эртюков  
(Якутск, Якутский государственный университет)*

### **Анализ орнамента и состава керамики бронзового века долины Туймаады**

Анализ орнамента керамики и ее состава является, на сегодняшний день, одним из перспективных направлений в археологии Якутии. Результаты таких исследований позволяют решать многие сложные вопросы, связанные с происхождением археологических культур. Изучение состава формовочных масс сосудов можно найти в любых современных работах по древнему гончарству (Лamina, Лотова, Добрецов, 1995; Глушков, 1996; Мильникова, 1999 и др.). Для древней керамики Якутии нужно отметить крайнюю неравномерность таких исследований, при наличии огромного количества материала, нуждающегося в разработке. В большинстве случаев, составу формовочных масс уделялось небольшое внимание. Петрографический анализ до сих пор был проведен лишь для керамики многослойной стоянки Белькачи I (Коробицына, 1969, Федосеева, 1970). Бронзовый век является одной из наиболее слабо изученных страниц истории Якутии. Среди немногочисленных публикаций по этому периоду древней истории региона выделяются работы А.П. Окладникова (1955), С.А. Федосеевой (1968, 1970), В.И. Эртюкова (1990, 1999), А.Н. Алексеева (1996). В этих работах разработана подробная классификация орнамента усть-мильской керамики, рассмотрены вопросы происхождения культуры и др. В статье С.А. Федосеевой «Эпоха бронзы на Алдане (по материалам многослойной стоянки Белькачи I)» (1970) содержались наиболее важные сведения о составе керамики бронзового века Якутии, полученные по результатам петрографического анализа керамики 2-го слоя стоянки Белькачи I. Согласно этим данным, С.А. Федосеевой было выделено 3 типа керамики: 1) Гладкостенные тонкостенные (0,1-0,4 см) сосуды, орнаментированные параллельными ободками рассеченных налепных валиков, в состав теста которых входило 63% глины и 37% мелкозернистого песка; 2) Гладкостенные среднестенные (0,4-0,7 см) сосуды, орнаментированные пояском сквозных отверстий под бортиком и серией нерассеченных налепных валиков, в составе теста которых содержалось 63-77% глины, 27-33% мелко- или среднезернистого песка, а также единичные обломки шамота; 3) Фрагменты сосудов, украшенных ымыяхтахским прочерченным орнаментом, в тесте которых содержалось 67% глины и 33% мелкозернистого песка. Толщина стенок составляла 0,4 см (Там же, с. 307). Сосуды первого типа, учитывая их гладкостенность, усложненную форму, тонкие стенки, отсутствие сквозных отверстий и наличие принципиально нового орнаментального мотива – налепных валиков, С.А. Федосеева связывала с пришлым населением. Напротив, сосуды второго типа, сочетавшие в себе ымыяхтахский мотив из сквозных отверстий под бортиком и новый компонент из нерассеченных налепных валиков, являлись результатом смешения местных традиций и привнесенных извне. Что касается третьего типа, то отмечено, что он выделен по единичным фрагментам плохой сохранности, найденным в нечетких стратиграфических условиях, поэтому возможно их внедрение из поздненеолитического 3-го слоя (там же, 311-312).

Интересные результаты для керамики усть-мильской культуры были получены нами при изучении археологических материалов, найденных в долине Туймааде (окрестности г. Якутска). Изначально была применена конкретная схема изучения керамики, куда входило и описание состава. В целях более дробной классификации минеральных отошителей нами была разработана собственная гранулометрическая шкала обломочных пород, согласно которой, кроме глины, наименьшими по размеру частицами обладают пески (до 0,1 см), далее идет дресва (0,1-0,5 см) и мелкая галька (0,5-1,0 см). Мелкообломочный материал или гравий был также включен в состав дресвы. Под шамотом подразумевались мелкодробленые куски керамики или сухой глины. Дресва и мелкая галька классифицировались как породные обломки. Определение состава керамики проводилось методом визуального осмотра. В некоторых случаях применялось увеличение при помощи бинокулярной лупы. Для описания нами были привлечены лишь венчиковые части сосудов бронзового века и достоверно относящиеся к ним фрагменты тулов. Всего в статистику было включено 846 фрагментов 25 сосудов 10 стоянок и поселений бронзового века долины Туймаады (Хоро I, Владимировка I, IV, V, Орбита-16 км, Племхоз I, Нелегер I, III, Усун Эбэ I, II), обнаруженных при работах Якутского отряда археологической экспедиции ЯГУ за период 1996-2000 гг. Большое количество фрагментов гладкостенной керамики, из-за спорности её датировки, для статистических подсчётов нами привлечено не было. Было апробировано три разных статистических подборки: 1) по количеству фрагментов; 2) по числу сосудов; 3) по числу стоянок. Согласно первой подборке, песок разного размера обнаружен во всех 846 фрагментах (100%), дресва – в 142 (16,78%), шерсть – в 27 (3,19%), трава – в 24 (2,84%), шамот – в 12 (1,42%), мелкая галька – в 1 (0,12%). Подборка по числу сосудов показала, что в составе глиняного теста всех 25 сосудов имелся песок (100%), 12 сосудов – дресва (48%), 8 – шерсть (32%), 8 – трава (32%), 3 – шамот (12%), 1 – мелкая галька (4%). Данные по числу стоянок показали, что лишь на одной из них в обнаруженной керамике зафиксирована примесь шамота (10% от общего количества стоянок), на 1 – мелкой гальки (10%), на 5 – шерсти (50%), на 6 – травы (60%), на 6 – дресвы (60%) и на 10 – песка (100%). Наиболее оптимальные (близкие к истине) результаты дали усреднённые данные по всем трём подборкам. Таким образом, песок отмечен в 100%, дресва – в 42%, трава – в 32%, шерсть – в 28%, шамот – в 8%, мелкая галька – в 5%. Толщина стенок сосудов варьировала от 0,15 см до 1 см, при этом у некоторых сосудов перепад толщины достигал 0,7 см. Средняя толщина составила 0,4 см.

Таким образом, основными компонентами формовочных масс сосудов бронзового века долины Туймаады была глина, песок, дресва, растения, шерсть и в редких случаях шамот и мелкая галька. В 9 сосудах из 25 в качестве отошителя был использован только песок (36% от общего числа сосудов), в 7 сосудах – песок и дресва (28%), в 3 – песок, шерсть и трава (12%), в 2 – песок, шерсть, трава и шамот (8%), в 1 – песок, дресва и трава (4%), в 1 – песок, дресва, шерсть и трава (4%), в 1 – песок, дресва и шамот (4%), в 1 – песок, дресва, мелкая галька, шерсть и трава (4%). Прослеживается 6 основных рецептов приготовления формовочных масс усть-мильских сосудов: 1) глина + песок (36%); 2) глина + песок + породные обломки (28%); 3) глина + песок + органика (12%); 4) глина + песок + породные обломки + органика (8%); 5) глина + песок + органика + шамот (8%); 6) глина + песок + породные обломки + шамот (4%). Песок, породные обломки и шамот здесь играли роль минеральных добавок, а шерсть и трава – органических. Обе категории примесей выполняли в керамическом производстве различные задачи. Как видно из приведенных выше рецептов, превалировал навык изготовления сосудов по схеме «глина + минеральные добавки» (68%), немного реже встречается схема «глина + минеральные добавки + органика» (32%).

В.И. Эртюковым высказано предположение, что пришлое население, привнесшее в Якутию традицию украшать сосуды налепными валиками, двигалось в направлении Средней Лены из юго-восточных регионов (бассейн Амура) по речным магистралям Олёкмы и Алдана (Эртюков, 1999, с. 107-108). Находки вафельной керамики в 7-м слое Улахан Сегеленнях, а также вафельной керамики в сочетании с налепными валиками, исследователь считает лишь свидетельством культурных контактов местного и пришлого населения. Основным выводом В.И. Эртюкова, таким образом, является утверждение о приоритете пришлого населения в становлении усть-мильской культуры (там же, с. 109). Как показывает анализ, состав усть-мильских сосудов явно отличается от керамики раннего железного века лишь наличием органики и практически не отличается от ымыяхтахской. Всё это, на наш взгляд, напрямую подтверждает мнение А.Н. Алексева (1996, с. 78-79) о генетической связи усть-мильской культуры Якутии с ымыяхтахской и вызревании её на местной позднеолитической среде, при незначительном влиянии на неё культур сопредельных территорий. Культура пришлого населения, зафиксированная С.А. Федосеевой в керамике первого типа стоянки Белькачи I, дошла до бассейна Средней Лены в сильно изменённом виде. Вытеснение ымыяхтахского населения на север сопровождалось, по видимости, с большими трудностями. В связи с этим, предположение С.И. Эверстова (1999, с. 53) о самоизоляции индигирских и других заполярных ымыяхтахцев вплоть до прихода русских землепроходцев в XVII в. находит новые доказательства. Экспансия носителей валиковой керамики практически затухла уже в Центральной Якутии. Лишь небольшие группы усть-мильцев проникли по Лене в её нижнее течение, о чем говорят находки гладкостенной керамики с нерассечёнными налепными валиками во 2-м слое стоянки Сиктях I (Аргунов, 1990, с. 48-49, рис. 21, 10). Керамика первого типа стоянки Белькачи I, характеризовавшаяся отсутствием сквозных отверстий и наличием рассечённых налепных валиков, принадлежавшая пришлым группам, судя по описанию С.А. Федосеевой, на Алдане преваляровала (1970, с. 307). В долине Туймааде ситуация уже совсем иная – из 25 усть-мильских сосудов лишь 7 характеризуются орнаментикой в виде рассечённых налепных валиков, и только 1 сосуд со стоянки Владимировка I сочетал в себе характерные усть-мильские признаки (отсутствие сквозных отверстий и рассечённые налепные валики). В составе теста этого сосуда присутствовала примесь только песка. Но даже в этом случае, на бортике сосуда присутствовал нехарактерный для первого типа орнамент – косые насечки. Всё это говорит о том, что изначально мощная волна миграций населения из Приамурья (валиковая керамика), Прибайкалья и бассейна Енисея (гребенчатый орнамент и «жемчужины») охватила лишь юго-восточные и юго-западные районы Якутии. В Центральной Якутии усть-мильская культура уже приняла в себя массу местных ымыяхтахских элементов, утвердившись в синтезированном варианте. Дальнейшее распространение усть-мильской культуры на север, в арктические районы, особого успеха не имело.

*Научный руководитель – д.и.н. А.А. Алексеев*

*В.М. Куртомашев*

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)*

### **К вопросу о происхождении афанасьевской культуры Горного Алтая и времени ее существования**

Эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае до сих пор остаются слабо исследованными. Изучение энеолитических памятников в данном регионе началось еще во второй половине прошлого века (Кирюшин Ю.Ф., 1985, с. 46; Цыб С.В., 1984, с. 6). Однако наиболее интен-

сивно оно проводилось уже в советское время, начиная с экспедиций 20-30 годов (Сосновский Г.П., 1941, с. 304-306; Киселев С.В., 1951, с. 55-60) вплоть до массового их исследования в последнее десятилетие (Берс Е.М., 1974, с. 18-31; Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В., 1981, с. 30-31; Цыб С.В., 1984, с. 6).

Вопрос о энеолите и бронзовом веке Горного Алтая остается до сих пор спорным и до конца не решенным, и это несмотря на более чем столетнее изучение древней истории этого региона Южной Сибири. В то же время, несмотря на интенсивные раскопки энеолитических комплексов в последнее время, появление новых, зачастую совершенно уникальных материалов поставило еще большее количество новых вопросов и расширило круг задач стоящих перед исследователями.

Остаются открытыми вопросы происхождения, этногенеза афанасьевских племен, хронологии, взаимосвязи с носителями афанасьевской культуры Монголии, Китая, Тувы, социально-экономическая и мировоззренческая системы.

В Горном Алтае в рассматриваемый период наиболее изученными являются памятники афанасьевской культуры, локализующиеся преимущественно в удобных для скотоводства и в известной мере для земледелия долинах с их относительно мягким и благоприятным для занятия этими отраслями хозяйства климатом. Афанасьевские памятники локализуются в южной высокогорной части Горного Алтая, в зоне северных предгорий, известен единственный памятник в окрестностях Горно-Алтайска. Памятники афанасьевской культуры известны главным образом по могильникам. Раскопки последних лет на Средней Катуни позволили сделать вывод о том, что население афанасьевской культуры в эпоху энеолита было не единственным в Горном Алтае.

Н.Ф. Степановой при раскопках поселения Малый Дуган в устье реки Куюм, правого притока Катуни были обнаружены материалы большемысской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1990, с. 12). В основном это были фрагменты тонкостенных сосудов, орнаментированных качалкой, прочерченными линиями, отступающей гребенкой и оттисками палочки (Степанова Н.Ф., 1990, с. 43).

Впервые скотоводческое население на Алтай проникает в конце IV – начале III тыс. до н.э. Хронологические рамки существования афанасьевской культуры Горного Алтая до сих пор окончательно не уточнены. Имеющиеся в данное время радиоуглеродные даты (вторая половина IV – начало III тыс. до н.э.) указывают только нижние временные границы. Этим же временем датируются инокультурные памятники, обнаруженные на Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с. 82). Возможно, что для основной массы памятников афанасьевцев более близка нижняя датировка, предложенная С.В. Киселевым – вторая половина III – начало II тыс. до н.э. Не исключено, что для различных регионов Горного Алтая хронологические рамки могут быть различны. Гораздо сложнее обстоит дело с верхней границей существования афанасьевской культуры, так как достаточного количества памятников эпохи бронзы в Горном Алтае не выявлено, чтобы утверждать о смене населения в определенный временной период. Ставится вопрос о доживании ее до эпохи раннего железа (Грязнов М.П., 1957; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1992). М.Т. Абдулганеевым и О.В. Лариным делается вывод о том, что афанасьевцы, контактируя с проникающими в этот регион группами населения со смежных территорий, могли проживать в Горном Алтае до начала I тыс. до н.э., участвуя в этногенезе майэмирского населения, по крайней мере одной из групп, в частности, Куртусско-Катонской (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992). По мнению некоторых исследователей, такое предположение не имеет фактических доказательств. Наличие афанасьевских черт в антропологическом типе населения скифского времени позволяет думать, что в замкнутых горных долинах это население могло существовать вплоть до конца

II тыс. до н.э., а может быть, и до начала I тыс. до н.э., трансформировавшись при этом в свою культуру.

Некоторые наблюдения над планиграфией и конструкциями афанасьевских погребений могут внести определенную ясность в поставленные вопросы, объективнее представить и восстановить сложные вопросы этнической истории древних народов Алтая.

*Научный руководитель – д.и.н. Ю.С. Худяков*

*Т.А.Вдовина, В.И.Соёнов*

*(Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет)*

### **Местонахождение Апшухта I**

Объект Апшухта I находится на южном склоне горы на северной окраине села Апшухта. Разведка и закладка шурфа была произведена В.И.Соёновым и А.В.Эбелем в 1991 году. Объект представлял собой круглый в плане провал диаметром 50 см. К ЮЗ от провала находится большой валун. Сам же объект локализован среди курганного могильника. Курганные насыпи представляют собой сильно задернованные каменные выкладки диаметром от 3 до 8 м. На объекте был заложен разведывательный шурф размером 3х3 м. В северной части шурфа, на глубине 40 см от современной поверхности были найдены фрагменты керамики. В восточном углу шурфа на глубине 30 см были найдены два каменных отщепа.

Фрагментов керамики было обнаружено 9 шт., три из которых – фрагменты венчика из светлой, хорошо обожженной глины, без крупных примесей. Венчик слегка отогнут наружу. Вершина венчика украшена глубокими полулунными насечками. Цвет керамики на изломе неровный – наружный слой более светлый, внутренний – черно-коричневого цвета. Внешняя поверхность сохранила следы заглаживания. Орнамент отсутствует. С внутренней стороны фрагменты венчиков покрыты толстым слоем копоти. (рис.1. 1.2.3)

Еще 3 фрагмента керамики имеют следы копоти и, судя по толщине стенок, цвету и структуре теста, принадлежат к тому же сосуду, что и фрагменты венчика. (рис.1. 5.6.9)

Следующие три фрагмента керамики, вероятно, принадлежат другому сосуду. Эти фрагменты – из светлой глины, без орнамента. Тесто однородное с незначительными примесями. Цвет на изломе неровный – внешний и внутренний слои более светлые, центральный – темно-коричневый. (рис. 1. 4.7.8)

Каменные отщепы представляют собой технические сколы без следов вторичной обработки.

Аналогии венчику украшенному глубокими насечками мы можем увидеть в афанасьевской культуре. В насыпи кургана № 10 могильника Бике I был обнаружен фрагмент венчика «с орнаментом в виде зигзага и рассеченным краем», в погребении также был обнаружен сосуд без орнамента с насечкой на венчике (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с.58, 60, рис.25). Но подобный вид украшения венчика существовал и в более позднее время. Рассеченные венчики характерны для сосудов с поселения Майма I, Ушлеп 5 (Абдулганеев М.Т., 1998, с.170, рис.2; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993, с.100, рис. 2-5) и сосудов с могильников на Ближних Елбанах (Грязнов М.П., 1956, с.99).

В связи с этим хронология и интерпретация объекта Апшухта I вызывает определенные затруднения. Планиграфия курганов, расположенных неподалеку, не дает определенной датировки, предположительно данные курганы относятся к эпохе палеометалла.

*Научный руководитель – к.и.н. В.И. Соёнов*

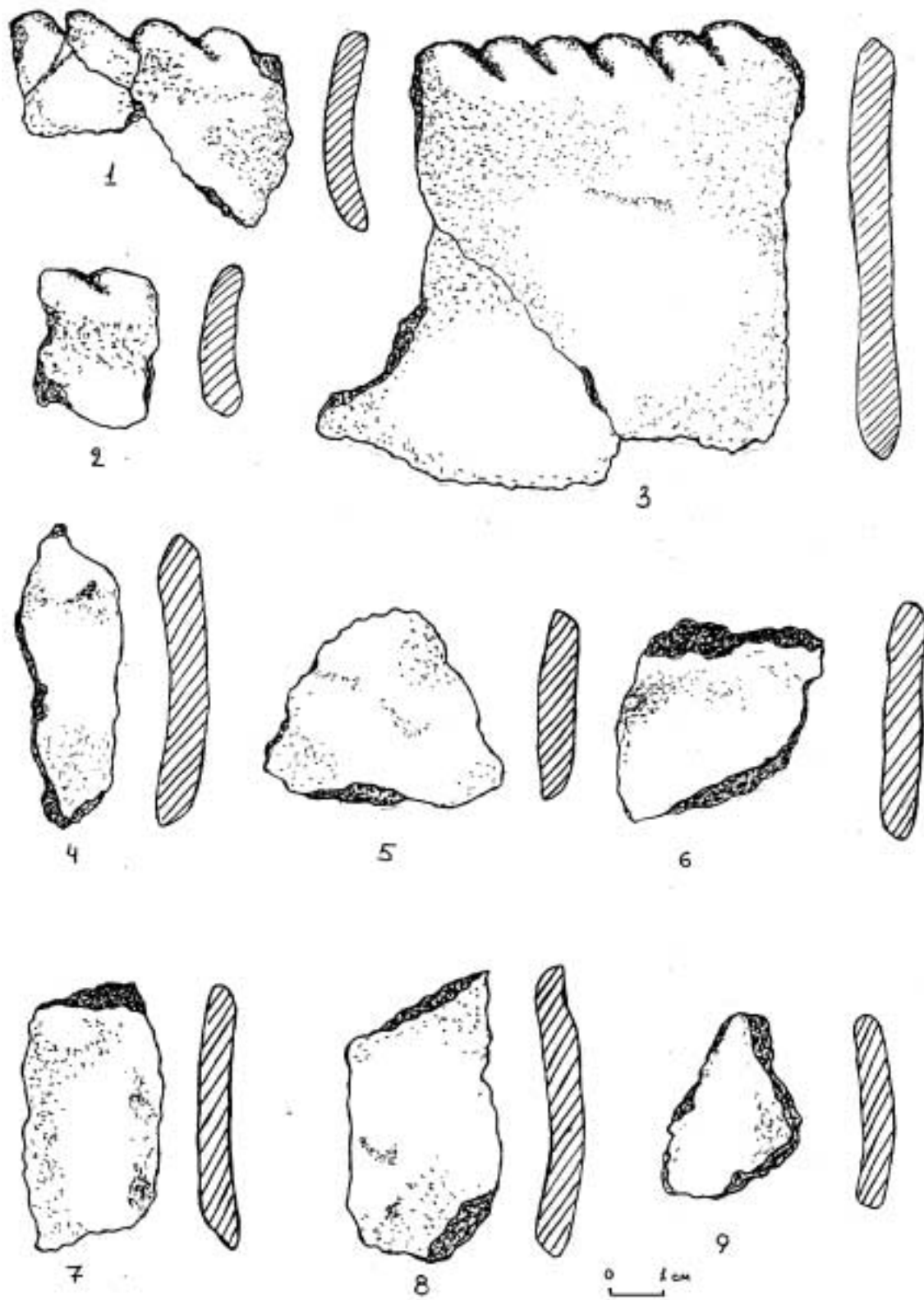


Рис. 1. Керамика с объекта Апууяхта I.

*А.Л. Субботина*

*(Новосибирск, Новосибирский государственный университет)*

### **Обряд сожжения в культуре дольменов северо-западного района Корейского полуострова.**

Под северо-западным районом понимают часть Корейского полуострова, относящуюся к территории КНДР, т. е. побережье Западно-Корейского залива. По конструкции дольмены Северной Кореи можно разделить на три группы: 1) типичные дольмены с одной погребальной камерой (памятники Мунхынни, Догинни, Бэксонни и т. д.); 2) дольмены, у которых общая погребальная камера разделена перегородками на несколько отсеков (памятники Одок Сонсиндон, Сокчжанголь; Гвиильли); 3) дольмены с общей каменной насыпью (памятники Чхимчхон Гиндон, Чхончжиндон, Гыксондон; Гвансондон; Одок Пхёнчхон). В данной работе обряд сожжения рассматривается как средство для определения особенностей погребального обряда дольменов Северной Кореи и характера связей между культурой дольменов Кореи и территорией Северо-Восточного Китая.

В 15 дольменах Северной Кореи были найдены антропологические остатки. Следы сожжений зафиксированы в 3 дольменах. В камере дольмена с насыпью Гвансондон №1-4, размерами 1,65 x 0,9 x 0,17 м, были найдены обожженные кость черепа и зуб, принадлежащие двум погребенным, а в камере дольмена той же группы Гвансондон №1-5, размерами 1,78 x 0,68-1,1 x 0,15 м, – обожженный фрагмент черепной кости и коренной зуб одного погребенного. Следы использования огня в погребальном обряде были отмечены на памятнике Гвиильли. Погребальная камера этого дольмена, размерами 1,9 x 0,8 x 0,7-0,8 м, разделена перегородками на 4 отсека, в каждом из которых были найдены человеческие кости со следами сожжения (Ха Мун Сик, 1999, с. 138-139, 155-157; Комплексное изучение..., т. II, 1999, с. 1147, 1136-1137; Обзор раскопок..., 1991, с. 368). В остальных дольменах группы 2 (Одок Сонсиндон №22, 31, Сокчжанголь №1) и 3 (Чхимчхон Гиндон №5, Одок Пхёнчхон №11) отмечены антропологические остатки без следов сожжения, но нет находок более или менее целых скелетов. Небольшие размеры погребальных камер свидетельствуют о том, что для этих дольменов не характерно вытянутое захоронение. Размеры погребальной камеры дольмена Гвансондон №1-5 (1,78 x 0,68-1,1 x 0,15 м) достаточны для вытянутого захоронения, однако в ней были найдены следы трупосожжения. Можно предположить, что для дольменов групп 2 и 3 характерен обряд вторичного захоронения (возможно, частичного захоронения остатков) и кремация. Скорее всего, кремация проводилась вне погребальной камеры, так как погребальный инвентарь и сама конструкция не имеют признаков сожжения.

Появление обычая сожжения на территории Северной Кореи можно связать с районом Северо-Восточного Китая (Маньчжурия, Дунбэй). По географическому положению этот регион находится в непосредственной близости с той частью Северной Кореи, где отмечены дольмены с сожжениями. Наиболее ранние следы применения огня в погребальной практике в этом районе относятся к позднему неолиту (могильник Шипэньшань, конец III – начало II тыс. до н.э.) (Алкин С. В., 1991, с. 38). На памятниках в виде дольменов пров. Ляонин и пров. Цзилинь найдены многочисленные следы сожжений: жженые кости человека, уголь, прокалы, копать на стенках погребальной камеры и т. д. В пров. Ляонин отмечено 15 дольменов со следами сожжений, 12 из них относятся к территории Ляодунского полуострова. Из 15 случаев находок антропологических остатков 9 подвергались сожжению, причем 7 из них были найдены на Ляодунском полуострове. В пров. Цзилинь 12 дольменов содержат остатки сожжений. Из 17 случаев антропологических находок в дольменах 12 имели следы сожжения. Почти все сожжения пров. Цзилинь (11 объектов из 12) сконцентрированы в одном уезде Дунфэн. Их относят к 10 в. до н.э. Наиболее ранние сожжения в дольменах на Ляодуне (Дахуанди, Хуоцзявобао) датируются примерно 15-14 вв.



до н.э. (Ха Мун Сик, 1999, 264-267). Скорее всего, в пров. Цзилинь дольмены с сожжениями появились в результате влияния со стороны Ляодуна. Традиция сожжений на Ляодуне имеет продолжение и в эпоху поздней бронзы – раннего железа (могильники с каменной насыпью Ганшан, Лоушан, Волунцюань и т. д.). По конструкции эти могильники напоминают дольмены группы 3 с общей каменной насыпью. В 20 из 23 погребений Ганшана отчетливо видны следы трупосожжений: на стенках могилы заметны закопченные участки, встречаются обожженная глина, оплавленные камни, предметы инвентаря. На дне могил №1 и №2 Лоушана лежал слой пепла толщиной несколько сантиметров. Могильник Волунцюань подвергся сильному разрушению, но в могиле №4 удалось зафиксировать остатки трупосожжения – не полностью сгоревшие кости (Бутин Ю. М., 1978, с. 128-131). Могилы с каменной насыпью на Ляодуне относятся к культуре скрипковидных кинжалов. Наиболее раннюю датировку имеет Ганшан: 8-5 вв. до н.э. (Бутин Ю. М., 1978, с. 153), 9-5 вв. до н.э. (Чжан Хо Су, 1995, с. 289) или 9-6 вв. до н.э. (Кан Ин Ук, 2000, с. 135). Большинство дольменов Северной Кореи датируются примерно 10 в. до н.э. (Ха Мун Сик, 1999, с. 270; Чжан Хо Су, 1995, с. 256), т. е. значительно позже основного числа аналогичных памятников в Маньчжурии, но раньше могильников с каменной насыпью на Ляодуне.

Таким образом, устойчивая традиция применения огня в погребальном обряде дольменов, возникшая на Ляодуне и распространившаяся затем в пров. Цзилинь, оказала влияние на территорию Корейского полуострова. В результате в Северной Корее появляются дольмены с погребениями по обряду кремации. Однако они не многочисленны, а на юге Корейского полуострова не встречаются совсем. К тому же, в дольменах типа *мукбанни*, которые относятся к более позднему времени (немного раньше 3 в. до н.э.) (Ха Мун Сик, 1999, с. 271), нет следов кремации, а размеры их погребальных камер свидетельствуют о возможности вытянутого захоронения (Мукбанни №20, 25, 30, Дэпхённи №3, 5, Осанни №1-2). Дольмены типа стола группы 1 редко содержат антропологические остатки. Однако в камере дольмена Мунхынни №3 были найдены 10 костей фаланг пальцев человека без следов сожжения (Ха Мун Сик, 1999, с. 159; Комплексное изучение..., т. II, 1999, с. 1135-1136). Камера имеет довольно крупные размеры (2 x 1,8 x 2,1 м) и могла бы содержать вытянутое захоронение. Таким образом, малочисленность случаев применения сожжений в погребальной практике дольменов на северо-западе Корейского полуострова, в отличие от дольменов Маньчжурии, можно объяснить наличием в этом районе собственной устойчивой традиции вторичного или вытянутого захоронения.

*Научные руководители – Кан Инук, С.В. Алкин*

*С.П. Грушин*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Проблема соотношения кротовской и елунинской культуры**

Кротовская археологическая культура была выделена В.И. Молодиным в 1977 г. на основе анализа керамических комплексов с поселений Кротово-7/8, Киприно, Ирба, Преображенка-III, Венгерово-Ia, II, III и Черноозерье-IV (Молодин В.И., 1977, с. 49). Позже, памятники доандроновской бронзы Барнаульско-Бийского Приобья Ю.Ф. Кирюшин (1985) объединил в елунинскую археологическую культуру после чего встал вопрос о соотношении ее с кротовской. Данная необходимость возникла по причине близости некоторых параметров, характеризующих обе культуры (прежде всего среди керамических комплексов). Ю.Ф. Кирюшин обозначил два возможных варианта решения этого вопроса:

1. Памятники являются единокультурными, а их отличия отражают различные хронологические этапы (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 121).

2. Памятники относятся к разным археологическим культурам, а район между с. Ордынское и Чудацкой Горой в древности был контактной зоной между их ареалами распространения (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 121).

За время прошедшее с момента выделения культур был накоплен большой и очень информативный материал. Раскопано более 500 погребений на могильниках Сопка-II, Абрамово-11 в Барабе, которые исследователями относятся к кротовской культуре (Молодин В.И., 1985; Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И., 1989). В Верхнем Приобье исследованы погребальные комплексы Елунино-I, Цыганкова Сопка-II, Староалейка-II, Телеутский Взвоз-I, вскрыта значительная площадь на однослойном поселении Березовая Лука. Исследованы и другие памятники, которые относятся к елунинской археологической культуре (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998; 1999; и др.). В связи с этим, однако, проблема соотношения елунинской и кротовской культур остается одной из самых актуальных в исследованиях доандроновских памятников в лесостепной полосе Западной Сибири. Решение этого вопроса во многом затруднено отсутствием полноценных публикаций результатов исследований как памятников Барабы (кротовская культура), так и комплексов предгорно-равнинной зоны Алтая (елунинская культура). Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют приступить к разработке обозначенной проблемы.

Погребальный обряд, зафиксированный в исследованных памятниках обеих культур, имеет много общих характеристик (северо-восточная ориентация умерших, наличие вторичных захоронений, отдельные погребения черепов, частичная кремация прямо в могиле и некоторые другие). Однако, многие показатели погребального обряда, не только не совпадают, но и значительно отличаются друг от друга. К таким параметрам можно отнести, например, форму могильных ям. На памятнике Сопка-II большое количество погребений совершено в ямах вытянутой подпрямоугольной или овальной формы, по размерам ширины одного погребенного человека в положении вытянуто на спине (Молодин В.И., 1985, рис. 38). В елунинских комплексах преобладают могильные ямы подчетыреугольной формы, приближающиеся к подквадратной. Следующий элемент сравнения – положение умерших в погребениях. Подавляющее большинство останков людей в могилах кротовской культуры расположены в положении вытянуто на спине, в то время как в елунинских – на левом боку или на спине с согнутыми ногами, повернутыми влево. В елунинских могильниках отсутствуют ярусные и полусидячие захоронения, подбои, захоронения с собаками и некоторые другие элементы, однако, в отличие от кротовских, на них зафиксированы погребения, совершенные на уровне материка, в древней погребенной почве.

Необходимо отметить такой показатель погребального обряда как наличие керамики в могилах. На более 500 погребений могильника Сопка-II обнаружено всего 30 археологически целых сосудов и несколько фрагментов (Молодин В.И., Ламина Е.В., 1989, с. 104), а на более 70 раскопанных елунинских погребений приходится около 35 археологически целых сосудов, причем в некоторых могилах по два сосуда и большое количество фрагментов.

Значительно отличается по своему составу и погребальный инвентарь. В комплексах Сопки-II обнаружено 150 экз. костяных наконечников стрел, что позволило В.И. Молодину выделить несколько типов. Первый тип представлен изделиями иволистной формы, линзовидными в разрезе со слегка намеченными срезами креплений для насада. Ко второму типу относятся наконечники с длинным ланцетовидным пером, плавно переходящим в выраженный черешок. К третьему типу (16 экз.) данный исследователь относит изделия, имеющие треугольное или ромбовидное в сечении перо, выраженные плечики при переходе к черешку. Четвертый тип (5 экз.) составляют наконечники с пламевидной формой пера, плавно переходящий в короткий черешок. К пятому типу (24 экз.) относится серия изделий с одним жалцем. Шестой тип (9 экз.) представлен игловидными наконечниками. Исследова-

тель определяет наконечники второго и пятого типа как индикаторы для памятников кротовской культуры (Молодин В.И., 1985, с. 50).

Большинство обнаруженных вещей данной категории в Сопке-II, не имеют аналогий в елунических материалах. Выявленные культурные индикаторы для елунических памятников – специфические костяные наконечники стрел (Грушин С.П., 2001) – отличны от кротовских. Они представлены черешковыми изделиями с многогранным сечением и с характерным сужением в нижней части пера, при переходе к черешку, с наличием плеча-упора для древка. Впервые такие наконечники были обнаружены в погребениях памятников Бураново (Морозов Лог) и Нижняя Суетка (Уманский А.П., 1992; 1995). Изделия такого типа присутствуют во многих памятниках елунической культуры (Грушин С.П., 2001).

Каменные наконечники стрел в материалах обеих культур имеют сходные типы, однако, их процентное соотношение различно. Из 30 экз. изделий Барабы имеется по 3 экз. подтреугольных и черешковых, 11 экз. миндалевидных и близких к ним. Наибольшее количество наконечников – 12 экз. принадлежит предметам иволистной формы (Молодин В.И., 1985, с. 40). В материалах предгорно-равнинной зоны Алтая известно более 30 каменных изделий данной категории. Большинство наконечников (17 экз.) относится к разряду черешковых, предметов с прямым основанием известно шесть экз. (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 3.-4), по три экз. – с иволистной и с подтреугольной формой пера. Таким образом, на данном этапе изучения, можно сделать вывод, что в материалах кротовской культуры преобладают наконечники иволистной формы, а в елунических – черешковые. В елунических памятниках отсутствуют, характерные для погребений могильника Сопка-II, костяные проколки, изготовленные из грифельных костей лося и лошади (Молодин В.И., 1985, с. 51, рис. 23).

Отличается по своему составу и бронзовый инвентарь. Среди кинжалов и ножей могильника Сопка-II преобладают двулезвийные (около 12 экз.) с различным оформлением насада для рукоятки: бесчеренковые, с коротким прямоугольным черенком, с притупленной пяткой черенка, черенковые с перекрестием и др. (Молодин В.И., 1985, с. 61). Такие двулезвийные изделия пока неизвестны в елунических комплексах, в которых преобладают массивные ножи сейминско-турбинского типа с дугообразным обушком, с литой орнаментированной рукояткой, с оформленным навершием в виде кольца или скульптуры (Кирюшин Ю.Ф., 1987). В материалах Сопки-II известно только три аналогичных ножа с обломанными рукоятками (Молодин В.И., 1985, с. 61).

Керамика могильника Сопка-II, отличается большим процентом керамики с жемчужинами и практически полным отсутствием посуды, украшенной шагающей гребенкой, которая является ведущей в керамических материалах не только Верхнего Приобья, но и Прииртышья.

Таким образом, можно сделать вывод, что вещевой комплекс обнаруженный в погребениях обеих культур, несмотря на наличие схожих типов, значительно отличается друг от друга. Особенно это касается костяных наконечников стрел, некоторые типы которых можно отнести к значимым показателям при характеристике культурной принадлежности памятников эпохи бронзы на территории лесостепной полосы Западной Сибири.

Анализируя опубликованные керамические комплексы, мы пришли к выводу, что материалы Верхнего Приобья с поселений Кротово-VII и, вероятно, Морайка, Киприно проявляют большее сходство с посудой памятников елунической культуры, чем с кротовской керамикой поселений Барабы – Преображенка-III и Венгерова-Ia. Последние характеризуются большим количеством керамики, украшенной гребенчатым штампом (Молодин В.И., 1985, с. 37-40). Данное наблюдение применимо и к погребальным комплексам Верхнего Приобья, исследованным на памятнике Ордынское-I, и отнесенным В.А. Захом к кротовской культуре (Зах В.А., 1979; 1983). По своим параметрам данные погребения ближе, на наш взгляд, к материалам могильников елунической культуры – Елунино-I, Староалейка-II,

Цыганкова Сопка-II и Телеутский Взвоз-I. Об этом свидетельствует преобладающее положение умерших в погребениях – на левом боку, с согнутыми в коленях ногами. Металлический наконечник стрелы с памятника Ордынское-I (Зах В.А., 1979, с. 31) аналогичен изделию из погребения № 5 могильника Цыганкова Сопка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 3.-5). Не противоречит этому выводу керамика и украшения. Таким образом, памятники Верхнего Приобья «доандроновской» бронзы можно, на наш взгляд, считать единокультурными, за которыми целесообразней всего оставить название – памятники елунинской культуры. Под кротовской культурой, в таком случае, следует понимать памятники Барабы – Сопка-II, Абрамово-11, вероятно, Преображенка-III и др. Это тем более оправдано, если учесть, что В.И. Молодин относит к базовым комплексам кротовской культуры поселение Преображенка-III (Молодин В.И., 1985, с. 49).

Различия, зафиксированные в кротовских памятниках Барабы и елунинских предгорно-равнинной зоны Алтая, объясняются не только разной культурной принадлежностью, но и причинами хронологического порядка. Основной массив кротовских погребений на могильнике Сопка-II В.И. Молодин датирует вместе с позднекротовским этапом XIV-XII вв. до н.э. (Молодин В.И., 1985, с. 87-88). Памятники елунинской культуры, на основании серии радиоуглеродных дат определяются концом III – первой четвертью II тыс. до н. э. (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 55). Таким образом, в период функционирования основного кротовского массива погребений на Сопке-II на большей части территории предгорно-равнинной зоны Алтая, включая территорию Верхнего Приобья, елунинское население практически полностью сменилось андроновскими племенами (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 23-25). Не исключено, что часть вытесненных елунинцев приняла участие в формировании кротовской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 67), о чем свидетельствуют многочисленные елунинские черты в погребальном обряде, в керамике, инвентаре кротовских памятников Барабы.

Необходимо также отметить, что погребения могильника Сопка-II, отнесенные В.И. Молодиным к кротовской культуре, представляют собой разновременные комплексы, которые, на могильном поле составляют, по крайней мере, три массива погребений (Молодин В.И., Гришин А.Е., 1998, с. 391). Не исключено, что корреляция различных показателей погребений, инвентаря, планиграфических групп между собой, позволит выявить ранние комплексы, которые по своим характеристикам будут сопоставимы с елунинскими.

Таким образом, проблему генезиса обеих культур независимо от той или иной исследовательской позиции, необходимо решать с привлечением всех имеющихся данных по кротовским материалам Барабы и елунинским – предгорно-равнинной зоны Алтая. Попытки сконструировать модель развития одной культуры без привлечения материалов другой можно оценивать в настоящий момент лишь с историографической точки зрения.

*Работа подготовлена при поддержке гранта Минобразования РФ № ГОО-1.2-298  
Научные руководители – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, к.и.н. А.А. Тишкин*

*М.В. Онищенко*

*(Тюмень, Тюменский государственный университет)*

### **Проблема изучения Синташтинской культуры**

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: недостаточной изученностью синташтинской культуры; дискусионностью роли Синташты в складывании андроновской культурной общности; отсутствием единой концепции; характером отношений с петровской культурой.

В 1968 году экспедицией Уральского государственного университета, под руководством В.Ф. Генинга, было открыто укрепленное поселение у р.Синташта (Кызласов Л.Р., 1999, с.110). Район укрепленных поселений средней бронзы получил условное название «Страна городов». (Зданович Г.Б., Батанина И.М., 1995, с.54) Он протянулся вдоль восточных склонов горного хребта к югу от реки Уй на расстоянии около 400 км, ври глубине (по линии з-в) 120-150км. Наравне с укрепленными поселениями широко распространены небольшие селища и сезонные стоянки – это Берсуат, Аландское, Исинея 1, Степное и т.д. (Кызласов Л.Р., 1999, с.112)

Поселения характеризуются наличием оборонительных сооружений – рвов и валов с деревянными частоколами или стен, сложенных и глинобитных блоков. Оборонительные стены делались из сравнительного легкого материала и устанавливались на прочный массивный фундамент. Добротные наземные жилища со стенами из бревен, обожженных глиняных блоков и сырцовых кирпичей нередко имели вторые этажи. В плане это – прямоугольники или высокие трапеции с входным тамбуром посередине торцевой стены. Очаги – напольные открытые, с каменными выкладками; зафиксированы ямы – погреба для хранения продуктов, колодцы. Как полагает Зданович Г.Б., центральные улицы осушались при помощи сточных канав, главной составной частью которых был внутренний ров; сооружались хорошие спуски – пандусы, ведущие к воде (Зданович Г.Б., 1989, с.189). Центральная площадь имела форму, близкую к квадрату. Поражает малочисленность находок. Малютина Т.С. предполагает, что поселения погибли от пожара, вероятно устроенного самими жителями (Малютина Т.С., 1999, с.119).

За пределами цитадели вдоль внутреннего рва находятся металлургические и гончарные печи. Металлургическое производство имело характер домашнего промысла (Григорьев С.А., 1999, с.108).

Синташтинские поселения представляют собой сконцентрированные на малой площади места обитания скотоводческих общин. Объективные данные, указывающие на наличие земледелия, отсутствуют. Здесь существовало хозяйство, которое базируется на отгонно-придомном скотоводстве, почти полностью забыта охота, но сохранилась традиция рыболовства (Зданович Г.Б., 1999, с.42). Состав стада представлен костями лошади, мелкого и крупного рогатого скота, свиней (Косинцев П.А., 1999, с.255).

Выделяются захоронения мужчин-воинов. В их могилах зафиксированы колесницы. Важной составной частью мужского захоронения являлось погребение лошади. Головы лошадей ориентированы на запад, шеи вытянуты, положение ног имитирует бег (Зданович Г.Б., 1983, с.168). Сверху ямы были перекрыты индивидуальными грунтовыми насыпными конструкциями, либо ложно сводчатыми куполами из глинобитных блоков. Велика доля вторичных захоронений, погребения ориентированы по кругу. На последней стадии круговая ориентировка сменяется ориентировкой ям по сторонам света. Захоронение в ямах одиночные, парные, групповые; труположение на боку, в слабо- или средне скорченном положении (Зданович Г.Б., 1983, с. 54-57).

Выделяются несколько типов жертвенников: сопроводительные, поминально-именные и поминально-родовые (Григорьев С.А., 1999, с.112). В состав жертвенников обычно входят: голова и дистальные части ног крупного рогатого скота, овцы, лошади, очень редко – козы; целые туши лошадей и собак. Характерная особенность- наличие свиней (Косинцев П.А., 1999, с.255).

В погребениях взрослых мужчин, Генинг В.Ф. и Зданович Г.Б. обнаружили орудия кузнечного дела (молотки, наковальни), а в отдельных случаях и куски руды. О престижной роли людей, владевших навыками кузнеца и металлурга, говорят факты одновременного нахождения в погребальных камерах остатков боевых колесниц, каменных булав и орудия кузнечного дела (Зданович Г.Б., 1983, с.138). В крупных центральных могилах иногда со-

вершались захоронения женщин. Однако дать полную характеристику женским погребениям пока невозможно из-за недостаточного изучения синташтинского погребального обряда и плохой сохранности и ограбления могил.

Специфику коллекций синташтинской посуды составляют остробедренные горшки. Их отличают довольно приземистые пропорции, широкие горловины и узкие днища. К остробедренным сосудам тяготеет группа горшков таких же пропорций, но с несколькими сглаженными ребрами. В коллекции содержится значительное количество банок. Орнаментальные композиции включают крупные заштрихованные треугольники, волнистые линии, зигзаги, ногтевые зашпы, ямочные вдавления. Орнамент занимает верхнюю часть тулова, иногда образует зону у дна или на самом дне. Встречаются сосуды с жемчужинами на средней части тулова.

Основные поселенческие и погребальные комплексы датируются первой половиной 2-го тыс. до н.э. по находкам дисковидных псалий микенского типа, пастовых бородавчатых бусин и медных наконечников копий (16-17 в. до н.э.) (Зданович Г.Б., 1989, с.187).

Существует много гипотез о происхождении синташтинской культуры. Зданович Г.Б. указывает на разделение урало-казахстанской степной культуры, главным образом под влиянием западных культур, прежде всего – абашевской, на два варианта – петровский и синташтинский (Зданович Г.Б., 1986, с.189). Он отождествляет петровскую – с древними иранцами, а синташтинскую – с протоиндийцами, которые к 16 в. до н.э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем – в Индию. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П., констатируя принадлежность петровских и синташтинских древностей к одному «культурному кругу», все же сочли невозможным отождествлять его с археологической культурой (Матвеев А.В., 1998, с.334). Для характеристики был использован термин «культурный тип». Они отмечают сходство и синхронность ранних синташтинских и петровских погребальных комплексов, но считают невозможным рассматривать их в рамках единой археологической культуры. Считают, что формирование происходило на лесостепной полтавкинской основе с участием абашевского и вольско-лбищенского компонентов (Матвеев А.В., 1998, с.335). Григорьев С.А. указывает, что в этом регионе прежде отсутствовали синташтинские архитектурные традиции, погребальный обряд, применение мышьяковистых лигатур на стадии выплавки руды, керамические формы не имеют предшествующих прототипов. Не имеет предшествующих аналогов синташтинский состав стада. И не видно каких-либо ранних переходных стадий, в рамках которых эти составляющие могли бы сформироваться. Это производит впечатление о привнесении в Волго-Уралье Синташта в полностью оформленном виде. (Григорьев С.А., 1996, с.80)

Мне кажется, что необходимо синтезировать эти гипотезы. Возможно, формирование «урало-казахстанской степной культуры» происходило под влиянием индоиранского компонента. Это четко выражено в виде распространения обрядов укладывания умерших на почвенный слой, т.ж., как зарострийских жрецов и вторичных захоронений. Впоследствии, на раннем этапе, произошло разделение этой «степной культуры» под влиянием абашевской на синташтинскую и петровскую. Возможно, именно поэтому в разные годы в петровскую культуру предлагалось включить Синташту. В формировании синташтинской культуры принимали участие покровская и культуры сейминско-турбинского типа. Об этом говорит сходства погребальных сооружений, ритуалов и артефактов. Прежде всего, это идентичные бронзовые изделия, заимствованные у культуры сейминско-турбинского типа. Синташтинскую и покровскую культуру объединяет общая система погребального обряда.

Для меня Аркаим и Синташта отождествляются с мифической варой, которую В.А. Лившиц считал укрепленным поселением, служившим для укрытия людей и скота во время войны (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 72). Сама мифологема могла возникнуть только в том

обществе, где реально существовал этот прообраз, т.е. в культуре населения евразийских степей 18-16 вв. до н.э. Если предположить что это так, то тогда, именно здесь были созданы наиболее древние пласты Ригведы и Авесты. Кроме того, синташтинская культура наложила свой отпечаток на все соседние культуры, и в некоторой степени, продолжила жить в алакульской.

*Научный руководитель – д.и.н. Н.П. Матвеева*

*А.А. Гамолин*

*(Кемерово, Кемеровский государственный университет)*

**К вопросу о колеснице как знаке социального статуса  
(по материалам синташтинского археологического комплекса)**

По своему социальному строю, синташтинское общество занимало промежуточное положение между первобытностью и государством, что, соответствует «военной демократии» или вождеству. Анализ социальных артефактов культуры и историко-культурные сопоставления позволяют сформулировать концепцию синташтинского «протополиса», определенную роль в общественной жизни которого играла элита. Ее особенностью является тесная интегрированность в структуру общины (Зданович Д.Г., 1997, с.78-79). На современном этапе развития отечественной археологии появилась возможность конкретизировать состав синташтинской элиты на уровне субстратной основы.

На раннем этапе развития синташтинского общества отсутствовали различия между «элитарным» и «народным» слоями. «Элитарная» субкультура представлена исключительно в погребальном ритуале и единичных «престижных» предметах (булавы, колесницы и т.п.). Элита в данном обществе не обладала какими-то властно-собственническими преимуществами. Это следует из: 1) анализа конструкции погребений, которые по своим трудозатратам не превосходят «рядовые» (периферийные) захоронения и 2) из небольших масштабов накопления личной собственности (металлических предметов) в «элитных» погребениях при пересчете на одного погребенного (Генинг В.Ф. и др., 1992; Зданович Д.Г., 1997, с.63-64).

Последнее может также свидетельствовать об истощении рудных месторождений, об использовании и повторной переплавке бронзовых предметов, либо обуславливаться уровнем развития частной собственности.

«Элита», устанавливая «правила», только осуществляла управленческие и, отчасти, сакральные функции (Зданович Д.Г., 1997, с.67). Ограничением экономического роста «элиты», а также выделением, или утверждением, ее социального статуса, а, следовательно, формированием определенной субкультуры, было отправление «богатого» погребального обряда (Зданович Д.Г., 1997, с.64).

Все вышесказанное дает основания выделить погребальный обряд как основное средство выражения синташтинской элитой своей «обособленности», а определенные элементы погребального обряда как символы социального статуса погребенного.

В связи с этим необходимо обратить внимание на пространственную организацию погребальных комплексов Синташта I (далее СI) и Синташтинский могильник (далее СМ).

Комплекс СI представляет собой могильное поле округлой формы с маркированными границами и упорядоченной системой расположения могил с ориентацией на центральные погребения. В комплексах данного типа ярко выражены иерархический принцип в распределении могильных ям на «центральные» и «периферийные» (Генинг В.Ф. и др., 1992; Зданович Д.Г., 1997, с.38). Тезис об отражении социальной иерархии погребенных в пространственном расположении погребений, позволяет ассоциировать центральные ямы с захоро-

нениями «элиты». Это подтверждается относительным богатством «центральных» погребений СІ (п.14 и 15) в сравнении с «периферийными» (п.1-13 и 16). Исключительное положение занимает погребение 14, в которое помещена колесница (Генинг В.Ф. и др., 1992, с.276, 382).

Наличие двух центральных погребений может свидетельствовать о двух группах или линиях «элиты» в рамках какого-то социального слоя, а асимметричность ям, проявляющаяся в их ориентировке, размерах и др. (Генинг В.Ф. и др., 1992, с.273; Зданович Д.Г., 1997, с.42), при их функционально-композиционном единстве, отражает существование между этими двумя группами отношений по типу бинарной оппозиции (Зданович Д.Г., 1997, с.42).

Очень интересна пространственная организация комплекса СМ. На первый взгляд, система планиграфии здесь выражена слабо. При более детальном изучении в данном комплексе становятся заметными элементы «иерархичности» в распределении погребений (Генинг В.Ф. и др., 1992, рис.42). В СМ погребения 4 и 5, 8, 19, 10 и 16 (впускное погребение) являются центрами формирования локальных групп в виде полуколец внутри единого могильного поля. Во всех данных погребениях, за исключением п.8, обнаруживаются остатки колесниц. Для памятника СМ характерно, что основная часть погребений, в которых находились колесницы, располагалась либо в центре полуколец, либо на окраинах памятника, в непосредственной близости к каждому из трех ритуальных комплексов (Генинг В.Ф. и др., 1992, рис.42).

В комплексах СМ и СІ прослеживается наличие «двух» центров в планировке могильников. В могильнике СІ п.14 противопоставляется п.15, а в СМ п.4,5,19,10 и 16 – п.8. Для первой группы погребений характерным признаком является наличие колесниц, тогда как во второй они отсутствуют. Эти факты еще раз говорят в пользу предположения о существовании бинарной оппозиции между двумя группами синташтинской элиты. Здесь необходимо отметить важную роль колесницы в погребальном обряде, что дает нам возможность определить к какой группе элиты синташтинского общества относились погребенные.

Гораздо более сложным является характер каждой из этих групп синташтинской элиты: был ли он культовым или светским. Для этого необходимо обратить внимание на погребальный инвентарь синташтинских могильных комплексов. Важным фактом является наличие в погребениях булав. И в групповых, и в одиночных захоронениях булава связана с погребениями женщин (Зданович Д.Г., 1997, с.54-55). В тех немногих случаях, когда с булавами были погребены не женщины, то, возможно, это были лица, функции которых были связаны с ритуальным травестизмом. Это дает основания предполагать, что булавы в Синташте представляют собой сакральный символ с ярко выраженной «женской атрибуцией» и отражают культовые функции их обладателей (Зданович Д.Г., 1997, с.55-56). Дополнительно можно отметить присутствие в таких могилах керамики с ярко выраженными соляными символами.

В противоположность данной категории элиты синташтинского общества, можно предположить социальную группу, связанную со светской или военной властью. Свидетельством чему служит то, что в синташтинских погребениях булавы практически не сочетаются с остатками колесниц и конской упряжкой (Генинг В.Ф. и др., 1992). Погребения с остатками колесниц сопровождаются фиксированным набором предметов вооружения (вислообушные топоры, листовидные наконечники копий), наборов боевых наконечников стрел.

Но являются ли такие наборы предметов маркерами отдельной воинской группы? Вероятно, не вполне. Необходимо принять во внимание, что боевые отряды колесничих, так же как и письменность, и другие признаки цивилизации, появляются только в образованиях раннегосударственного типа, поскольку их появление обусловлено высоким экономическим и организационным уровнем общества (Балонов Ф.Р., 1996, с.11). Следовательно, го-



ворить о сложении в синташтинском обществе отдельной группы «боевых колесничих» не представляется возможным. Строительство повозки является трудоемким и дорогим делом, особенно для степных районов, где нет изобилия лесных массивов и особенно если колесница сделана специально для погребения, на что указывают особенности конструкции колесницы (Балонов Ф.Р., 1980, с.79; с.81, табл.1). Все это подчеркивает значимость и престиж погребенного, который, вероятно, не был простым воином-колесничим, а занимал видное положение в обществе, был лидером, членом «светской элиты». Дополнительным фактом в подтверждении этого предположения, является наличие в одной могиле с колесницей нескольких погребенных. По этнографическим данным многие кочевые народы вместе с умершим вождем отправляли на тот свет и его приближенных, которые служили ему при жизни. Вероятно, и в нашем случае вполне возможно отражение данного обычая. Предметы вооружения выступают в данном контексте скорее как символы светской власти (в том числе и военной), а не просто принадлежности к воинской группе.

Перед нами наглядно вырисовывается картина разделения элиты синташтинского общества, по крайней мере, по двум направлениям «светская» и «культурная», что нашло отражение в погребальном обряде, и одним из главных факторов определяющих принадлежность к той или иной группе элиты выступает наличие колесниц в погребениях. К сожалению, для более детального анализа стратификации синташтинской элиты существует ряд препятствий, главным из которых является разграбление погребений, а значит невозможность получения точных свидетельств о погребальном инвентаре.

*Научный руководитель – д.и.н. В.В. Бобров*

*И.В. Чечушков*

*(Челябинск, Южно-Уральский государственный университет)*

## **Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи бронзового века**

### **Введение**

Вопросы об особенностях применения предметов сугубо утилитарного назначения, выявленных в ходе раскопок археологических объектов, зачастую решаются исследователями лишь теоретическим путем, что не всегда позволяет верно оценить специфику их функционирования. Так, проблеме использования важнейшей детали конской упряжи – псалиев, посвящен ряд обобщающих теоретических работ [Кузьмина Е.Е., 1994; Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998], в которых зачастую имеют место масштабные хронологические построения. На основании факта распространения близких типов псалиев на обширных пространствах Евразии делаются попытки синхронизировать различные комплексы и культуры. Авторы создают различные типологии, основанные на морфологии псалиев, не учитывая при этом особенностей их изготовления и функционирования.

Первая общая схема крепления псалиев была предложена К.Ф.Смирновым [Смирнов К.Ф., 1961]. Согласно его реконструкции, основу узды составлял недоуздок с мягкими, вероятно, кожаными удилами. К планке псалия крепился низко пропущенный нахрапный ремень, а к удилам – подгубный; через боковое отверстие псалия был пропущен суголовный ремень. А.Д. Пряхин, В.И. Беседин предположили, что суголовный ремень крепился к боковому отверстию, нахрапный ремень — к планке псалия, а подгубный ремень при этом не использовался [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998]. Трасологический анализ псалиев старорюрьевского облика, проведенный А.Н. Усачуком [Усачук А.Н., 1998], выявил направление сработанности центрального отверстия псалиев: вниз и в сторону. По мнению исследователя, это свидетельствует о креплении нахрапного ремня к планке, а суголовного — к дополнительному отверстию. Также выделяются левые и правые псалии.

Таким образом, реконструкция уздечки проводится без привлечения знаний о поведении лошади и навыков управления ею, сугубо теоретически, в лучшем случае, на основе данных трасологии. Экспериментальным путем функциональность псалиев никогда не проверялась. В основе нашей работы лежит знание повадок лошади, а также навыки управления этим животным [Парфенов В.А., 2000].

**Целью данной работы** является попытка реконструкции конской упряжи в целом, проверка функциональности псалиев посредством работы с лошастью. Основными задачами работы является:

1. рассмотрение современных принципов управления лошастью;
2. создание роговой модели парных псалиев;
3. реконструкция узды;
4. работа с лошастью при помощи псалиев.

**Управление лошастью при помощи современной трензельной узды и ее конструкция.**

Современная трензельная узда представляет собой следующее: двойной металлический трензель, вставляющийся в рот, к распределительным и ограничительным кольцам которого крепится суголовный ремень и повод. Суголовный ремень, играющий главную роль во всей конструкции, держится на затылке лошади. Для дополнительной фиксации существует налобный ремень, подгарок, застегивающийся на подбородке; иногда присутствует нахрапный ремень. Однако функционально важной роли он не играет. Для кусачих лошадей существуют уздечки с капсулем, не дающим возможности открыть рот.

Управление лошастью при помощи такой уздечки заключается в давлении на нижнюю челюсть металлическим трензелем. Лошадь оказывается в состоянии сбора, т.е. выгибает шею. Затылок при этом сдается вверх и назад, а голова ставится перпендикулярно корпусу. Поворот осуществляется натяжением правого или левого повода, т.е. на челюсть давит правая или левая часть трензеля. Остановка достигается натяжением обеих поводьев. Необходимо отметить, что повороты сопровождаются противоположными шенкелями (давлением на бока лошади) или ударами вожжей.

**Реконструкция узды бронзового века.**

При реконструкции уздечки мы руководствовались несколькими априорно верными тезисами. Первоочередная задача псалиев – это разворот корпуса лошади, о чем свидетельствуют шипы. Что касается конструкции узды, то псалии выполняют роль ограничителей мягких удил, т.е. препятствуют их выпадению изо рта животного. Мы убеждены в нефункциональности нахрапного ремня, о наличии которого зачастую говорят исследователи [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998]. Он не имеет значения ни при фиксации псалиев (для этого достаточно удил и суголовного ремня), ни при фиксации самой уздечки. Кроме того, необходим капсуль, не дающий лошади открыть рот. Без этого псалии оказывались бы поврежденными зубами (должно быть, некоторые экземпляры повреждены именно таким образом).

Для реконструкции была изготовлена пара роговых щитковых псалиев со вставными фигурными шипами, которые из соображений гуманности были изготовлены из дерева и затуплены. Другими конструктивными особенностями являются: выделенная планка с зацепами, крупное центральное отверстие и одно дополнительное отверстие в планке. В работе авторы привлекали данные трасологического анализа А.Н. Усачука [Усачук А.Н., 1998], а также результаты визуального изучения коллекции псалиев из могильника Каменный Амбар-5. К сожалению, обработать большее количество материалов не представляется возможным, поскольку по публикациям зачастую невозможно определить характер срабатывания и других повреждений (так дело обстоит, например, с псалиями из Синташтинского комплекса).

Прототипом послужили щитковые псалии, условно причисляемые к южноуральским. Самые крупные коллекции этих псалиев происходят из Синташтинского комплекса и могильника Каменный Амбар-5. Характерной особенностью является наличие планки с прямоугольным отверстием в центре, иногда нескольких дополнительных отверстий.

Уздечка изготавливалась из сыромятной кожи. Основой конструкции являются псалии, которые фиксируют и распределяют ремни (мягкие кожаные удила, суголовный ремень, повод и капсуль) таким образом: повод крепится к удилам с внешней стороны псалия, суголовный ремень к планке, а капсуль фиксируется на фигурных шипах. Суголовный ремень крепился к планке сыромятным ремешком, который был зафиксирован канавкой и зацепами и проходил через центральное отверстие в планке. Доказательством этого могут служить, во-первых, частые находки псалиев со сломанной планкой. Нагрузка на планку достаточно велика, и ломаться она могла, например, в результате того, что привязанная за повод лошадь пыталась освободиться. Во-вторых, известны экземпляры со следами сработанности на планке (мог. Каменный Амбар-5, к. 2, м.я. 6). Предлагаемая реконструкция не противоречит данным трасологии: сработанность центрального отверстия, происходящая в результате сбора лошади, направлена вниз и в сторону.

Удила проходили через центральные отверстия псалиев, снаружи фиксируясь узлами, к которым также крепился повод. При натяжении повода удила давили на нижнюю челюсть животного, а шипы на щеки. При этом основная нагрузка ложилась на ближние к планке шипы (условно верхние). Капсуль крепился за счет проделанных в нем отверстий, в которые вставлялись фигурные шипы, хотя могли сосуществовать несколько способов. Фигурные шипы, по нашему твердому убеждению, появились вследствие необходимости крепления на них капсуля, о чем свидетельствуют находки псалиев как с прямыми, так и с фигурными шипами. Первоначально капсуль в конструкции уздечки, видимо, не было. Появился он несколько позже, из-за того, что псалии повреждались зубами лошади.

Дальнейший эксперимент проводился на жеребце русской рысистой породы по кличке Тмин. В ходе работы выяснилось, что реконструированный вариант узды полностью работоспособен, хотя на разворот корпуса лошади при помощи псалиев и кожаных удил требуется затратить больше усилий, нежели при помощи металлического трензеля, т.е. древний способ управления лошадей относительно мягок.

### **Выводы**

1. Выделен ряд устойчивых черт псалиев, обусловленных конструкцией узды: наличие шипов, центрального и дополнительного отверстий, выделенной планки с зацепами.

2. Основные принципы управления лошадей выработаны в древности и сохранились почти в неизменном виде до сих пор.

3. В пределах коллекции псалиев из могильника Каменный Амбар-5 по количеству отверстий в планке выделяется два варианта морфологии изделий: наиболее простой — с единственным овальным отверстием в основании планки, как правило, проходящим под острым углом к оси центрального отверстия щитка. Эта конструкция обычно дополнена парой отверстий, расположенных симметрично в непосредственной близости от шипов. Второй вариант планки характеризуется наличием значительного (от 6 до 10) числа отверстий малого диаметра, просверленных строго вертикально к плоскости. Полагаем, что за этими различиями двух основных типов стоят конструктивные особенности узды.

4. А.Д. Пряхин и В.И. Беседин [Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998] также выделяют две традиции, называя их южноуральской и староюрьевской. Вероятно, второй тип синташтинских псалиев связан со староюрьевским. Сочетание в одном погребальном комплексе псалиев двух типов ставит вопрос об их культурном и хронологическом соотношении.

5. Наш опыт свидетельствует о том, что необходимо создавать типологии псалиев не по морфологическим признакам, а по конструктивным особенностям узды. Вполне вероятно,

что именно такая типология поможет в дальнейшем отличать, например, рабочие изделия от «варварских» нефункциональных подражаний и пр.

6. Уточнение в ходе дальнейших экспериментов времени, за которое псалии срабатывались и приходили в негодность, позволит делать косвенные выводы о масштабах использования колесниц.

7. Трасологические данные находятся в прямом противоречии с предлагаемыми ранее вариантами реконструкции, т.к. ни в одном случае авторы не привлекали данных о сборе и допускают ошибку в реконструкции, отводя ведущую роль нахрапному («наносному») ремню. С нашей точки зрения, результаты трасологического исследования с учетом данных о сборе подтверждают предлагаемый вариант реконструкции.

В заключение необходимо отметить, что работа выполнена на базе КСК «Единорог» при активном участии его сотрудников и питомцев.

*Т.Н.Бахарева*

*(Тюмень, Тюменский государственный университет)*

### **Алакульская керамика Хрипуновского могильника**

Ареал алакульской культуры, одной из наиболее ярких культур андроновского мира, обширен и охватывает территорию от верховьев рек Урала и Миасс на западе до междуречья Ишима и Иртыша на востоке, от границы лесостепи и южнотаежной зоны на севере Западной Сибири до пограничных степей и полупустынь на юге Казахстана (Потемкина Т.М., 1985, с.341). На территории юга Тюменской области памятники немногочисленны (Матвеев А. В., 1998, с.136).

Хрипуновский могильник был обнаружен в 1992 году при осмотре стенок карьера, заложеного строителями автодороги из с. Упорово в п. Исетск на краю террасы. Он расположен на правом берегу р. Исети, в 0,5 км к юго-западу от с. Красногорка в Исетском районе Тюменской области. Памятник исследовался в 1992, 1993 и 2000 годах Н. П. Матвеевой и Е. М.Зах. Материалы раскопок за 1992-1993 гг. опубликовал в 1998 году А. В. Матвеев, проанализировавший керамику Хрипуновского могильника по морфологическим признакам, основным орнаментальным композициям, технике нанесения узоров. Автор доклада проанализировала все материалы, по предложенной А.В. Матвеевым методике и произвела новые подсчеты.

Известно, что керамика является многоплановым, информативным источником, поэтому ее анализ очень важен для изучения памятника. Это относится и к Хрипуновскому могильнику. В погребениях сосуды расположены, в основном, в изголовье, также сосуды встречаются в жертвенных ямах. Выборка за 3 года раскопок насчитывает 74 экз., которые могут рассматриваться как однородная совокупность, не содержащая инокультурной примеси. Судя по визуальным наблюдениям, сосуды вылеплены из тщательно промешанной глинистой массы, добавками к которой служили шамот, тальковая крошка и мелко дробленные раковины. Основная задача примесей – это сопротивление расстрескиванию на любом этапе производства сосуда (Глушков И. Г., 1996, с.22).

По морфологическим особенностям керамика Хрипуновского могильника делится на три группы: баночные (7 экз.), баночно – горшечные (5 экз.), горшковидные (59 экз.). У 3 сосудов из-за их плохой сохранности определить их форму не удалось (табл. 1). Т. М. Потемкина выделяет в керамическом комплексе алакульской культуры несколько разновидностей сосудов, которые соответствуют различным этапам алакульской культуры. Наиболее ранней она считает посуду со значительным процентом баночных и слабопрофилированных форм, наряду с которой существуют горшки с уступчатым плечиком и переходные

между ними формы с едва намечающимся уступчиком на плечиках. Затем алакульское гончарное производство получает дальнейшее развитие. Сосуды с уступчатым плечиком приобретают более стройные пропорции, хорошо обжигаются. Т. М. Потемкина утверждает, что форма сосудов с уступчатым плечиком становится ведущей; соответственно уменьшается число баночных и слабопрофилированных сосудов. Сосуды с ребром на плечиках встречаются в единичных случаях (Потемкина Т. М., 1985, с.269). Наряду с горшками с уступчатым плечиком появляются сосуды с плавным профилем, округлыми боками, высокой отогнутой шейкой (Потемкина Т. М., 1985, с. 270).

*Таблица №1. Формы сосудов Хрипуновского могильника*

Форма сосуда	Кол-во	%
Баночные сосуды с плавным профилем	6	8,1
с ребром	1	1,4
Баночно-горшечные с плавным профилем	1	1,4
с уступчиком	4	5,5
Горшки с верт. шейкой с плавным профилем	6	8,1
с уступчиком	34	45,9
с ребром	3	4,0
Горшки с отогн. шейкой плавным профилем	7	9,4
с уступчиком	8	10,9
с ребром	1	1,4
Неатрибутированные формы	3	4,0
Всего	74	100

Орнамент, украшающий посуду Хрипуновского могильника, построен по горизонтально-ленточному принципу и обычно состоит из нескольких поясков, или бордюров, опоясывающих изделия на разных уровнях, чаще всего в трех зонах: в верхней части шейки, в верхней части тулова и в придонной части. Большинство орнаментированных бордюров на данной керамике представляют собой цепочки, составленные из однотипных фигур, которые могут смыкаться одна с другой или чередоваться с пробелами. Вместе с тем, на тулове некоторых сосудов отмечены пояски, включающие различные раппорты, но ритмичного чередования последних не происходит. Узоры на шейке сосудов можно разделить на 3 основные категории: зигзаги (28,4%), заштрихованные треугольники (41,9%) и ромбы (8,1%). Для шеек сосудов Хрипуновского могильника характерно одинаковое количество равнобедренных треугольных фигур и «косые» треугольники, вершины которых смещены относительно середины их основания. Не орнаментированы шейки 8 сосудов. Характерной чертой рассматриваемых сосудов является отсутствие орнамента на плечиках. Если же композиционная схема предусматривала наличие узора в этой зоне, то здесь обычно размещался зигзаговый бордюр (45,9%). Наибольшим разнообразием отличаются узоры на тулове рассматриваемой посуды: это зигзаги (17,7%), «елочка» (16,1%), заштрихованные треугольники (21,7%) и меандры (10,8%). В орнаменте придонной части преобладают зигзаги (24,3%), а также треугольники (14,9%) (табл. 2). Чаще всего эти зоны на сосудах разделены горизон-

тальными линиями или узкими горизонтальными зигзагами. Встречаются в орнаменте и инокультурные влияния. Т. М. Потемкина считает, что это «елочка» по всему тулову, двойные треугольники. Эти мотивы перешли, скорее всего, из синташтинской культуры (Потемкина Т. М., 1993, с. 166).

Таблица №2. Орнаментальные мотивы на посуде Хрипуновского могильника

Орнамент	Кол-во	%
Шейка сосудов		
Линейно-зигзаговый	21	28,4
Треугольники	31	41,9
Ромбы	6	8,1
Прочие мотивы	7	9,4
Без орнамента	8	10,8
Узор неизвестен	1	1,4
Плечики сосудов		
Линейно-зигзаговый	34	45,9
Прочие мотивы	4	5,5
Без орнамента	30	45,5
Узор неизвестен	6	8,1
Тулово сосудов		
Линейно-зигзаговый	13	17,7
Меандровый	8	10,8
«елочка»	12	16,1
Треугольники	16	21,7
Ромбы	3	4,0
Прочие мотивы	6	8,1
Без орнамента	7	9,4
Узор неизвестен	9	12,2
Линейно-зигзаговый	18	24,3
Геометрический	11	14,9
Треугольники		
Без орнамента	20	27,1
Без орнамента	7	9,4
Узор неизвестен	18	24,3

В Хрипуновском могильнике преобладают гончарные изделия с узорами, выполнеными резным способом или состоящие из оттисков гладкого штампа. Примерно на каждом 5 сосуде встречается ребристый штамп, на каждом 10 – гребенчатый штамп.

Сравнивая керамику некрополя с керамикой других алакульских памятников по морфологическим, композиционным и орнаментальным особенностям, отметим, что среди посуды из Верхней Алабуги, и Хрипуновского могильника преобладают горшковидные сосуды. Но для посуды Верхней Алабуги характерны изделия с ребром и «воротничками» на шейке, которые среди посуды Хрипуновского могильника встречаются редко. Рассматривая орнаментальные мотивы можно отметить, что геометрические узоры чаще встречаются на сосудах Хрипуновского могильника, чем на Верхней Алабуге. При сравнении посуды Хрипуновского и Чистолебяжского некрополей, становится ясно, что для Чистолебяжского могильника характерны сосуды баночно-горшечной формы, а также изделия с ребром и «воротничком» на шейке. Более свойственны чистолебяжской посуде и композиционные схемы, не предполагающие орнаментацию плечиков, тогда как Хрипуновской – предусматривающие двухъярусную структуру декора в этой зоне. Если сравнивать посуду по орнаменту, то для хрипуновской выборки характерен больший удельный вес «косых» треугольников на шейке, а для чистолебяжской – ромбов в приустьева части.

Таким образом, мы можем выделить сходные и индивидуальные черты посуды разных некрополей. Все эти памятники относятся к алакульской культуре. Одним из важных вопросов остается вопрос о датировке Хрипуновского могильника. Радиоуглеродный анализ показал, что этот некрополь относится предположительно к XIX веку до н. э. Орнаментальная композиция показывает, что керамика относится к позднему этапу алакульской культуры.

*Научный руководитель – д.и.н. Н. П. Матвеева*

*К.Н. Солодовников*

*(Барнаул, Алтайский государственный университет)*

### **Краниологическая серия андроновцев Северо-Восточного Казахстана**

Первые палеоантропологические сведения о населении андроновской культуры Казахстана были получены М.Н. Комаровой (1927). Позже Г.Ф. Дебец изучил небольшую серию черепов из могильника Дандыбай. Было отмечено сходство андроновских черепов Казахстана и Южной Сибири и принадлежность их к андроновскому варианту протоевропеоидной расы (Дебец Г.Ф., 1948, с. 70-75). В дальнейшем, с накоплением материалов, выявилась морфологическая неоднородность населения Казахстана эпохи бронзы (Алексеев В.П., 1964; Гинзбург В.В., 1956, 1956а, 1962, 1963; Исмагулов О., 1963. 1970). По подсчетам В.В. Гинзбурга, не более трети всех изученных черепов обладали чертами андроновского типа, хотя средние величины сходны с таковыми андроновцев Южной Сибири. Помимо андроновского, были исследованы черепа грацильного средиземноморского и долихокранного протоевропеоидного, или северного, антропологических типов. На некоторых (Моинты и Аркалык) — отмечались отдельные признаки монголоидной расы (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с. 89-98).

В.П. Алексеевым была составлена сводка краниологических материалов андроновской культуры Казахстана с перечнем имевшихся в то время археологических публикаций. Все черепа были разделены на четыре территориальные группы Западного, Центрального, Северного и Восточного Казахстана (Алексеев В.П., 1967). В.А. Дремовым малочисленные серии Северного, Центрального и Восточного Казахстана объединены в одну, названную серией Северо-Восточного Казахстана, или просто восточноказахстанской. По средним данным она схожа с андронов-

скими сериями Енисея и Верхней Оби, и отличается от западноказахстанской, в составе которой присутствует средиземноморский компонент (Дремов В.А., Козьмин В.А., 1993, с. 45-46, табл. 1, 2; Дремов В.А., 1997, с. 77, примеч. 16). Кроме этого, из восточноказахстанской серии были выделены (с учетом части новых материалов, поступивших в Кабинет антропологии ТГУ) отдельно федоровская и алакульская группы. Федоровская проявляет явное сходство с енисейской серией, а алакульская – с западноказахстанской (Дремов В.А., 1997, с. 81, табл. 15, примеч. 17).

Серия Северо-Восточного Казахстана неоднородна не только морфологически и в культурном отношении, но и, вероятно, хронологически. О. Исмагуловым отмечалось, что «имеющиеся черепа относятся либо к андроновской культуре вообще, либо к ее позднему периоду» (Исмагулов О., 1970, с. 10). По всей вероятности, формирование краниологической серии андроновской культуры происходило под влиянием существовавших в то время представлений о непрерывности андроновской линии развития в эпоху бронзы на территории Казахстана.

Целью данной работы является анализ в соответствии с современными культурно-историческими представлениями доступных археологических сведений о всех погребениях, черепа из которых вошли в суммарную серию Северо-Восточного Казахстана. Названия могильников и обозначения погребений даны так, как они приводятся в антропологической литературе.

**Малая Красноярка, погребение 1.** Череп женщины возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 239, рис. 1., табл. 1). Грунтовое погребение обнаружено на поселении. Костяк находился в скорченном положении на левом боку, головой на Ю. Около головы стоял сосуд, судя по описанию, баночной формы, орнаментированный горизонтальной «елочкой», оттиснутой гребенчатым штампом (Черников С.С., 1960, с. 51, табл. XXXV, 4). В Археологической карте Казахстана (1960, с. 125) указана датировка этого погребения — X-VIII вв. до н.э., что соответствует эпохе поздней бронзы Восточного Казахстана (Максимова А.Г., 1959, с. 138).

**Малая Красноярка. Могильник 1, квадратная могила 1.** Череп женщины возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 239, рис. 2, табл. 1). В могиле, первоначально отмеченной на поверхности, вероятно, каменной оградой, костяк лежал скорченно на правом боку, головой на Ю с отклонением на З. Около головы находился неорнаментированный сосуд горшечной формы с округлым плечом и отогнутым наружу венчиком. Вдоль бедер — пять полых конусовидных бронзовых подвесок длиной по 1,5 см (Черников С.С., 1960, с. 49, рис. 9). По устному мнению Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Ткачева, данное погребение следует датировать эпохой поздней бронзы. А.Г. Максимова (1959, с. 104) также относил данный могильник к поздней бронзе.

**Малая Красноярка, погребение в овраге.** Череп мужчины зрелого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 239, рис. 3, табл. 1). Погребение обнаружено в 1 км к западу от поселения в обрыве берега. Скелет лежал на глубине 110 см в скорченном положении на правом боку. Вещей при нем не найдено (Черников С.С., 1960, с. 52).

**Канай.** Черепа от костяков 5 (мужчина), 8 и 9 (женщины) (Гинзбург В.В., 1956, с. 239-240, рис. 4, табл. 1). По всей вероятности, они происходят не из курганного могильника Канай, а из погребений в южной части поселения (Черников С.С., 1960, с. 28, табл. XII, XIII; Максимова А.Г., 1959, с. 96-97, табл. I). В настоящее время эти погребения датируются раннескифским временем (Ситников С.М., Шульга П.И., 1998, с. 71, 76).

**Усть-Нарымское, костяк 2.** (энеолит или очень ранняя бронза). Череп мужчины старческого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 240, рис. 5, табл. 1). Костяк найден в неолитическом слое поселения (Черников С.С., 1960, с. 110).

**Усть-Нарымское, погребение в овраге.** Череп женщины возмужалого возраста, покрытый коричневым налетом окислов железа (Гинзбург В.В., 1956, с. 240, 242).



**Сарыколь 1, курган 16.** Фрагменты черепа мужчины возмужалого возраста. Из измерений – только наименьшая и наибольшая ширина лба (Гинзбург В.В., 1952, табл.1). В могиле найдены обломки сосуда федоровского облика (Черников С.С., 1960, с. 16, табл. IV, 3).

**Караозек, ограда 2.** Мужской череп старческого возраста (Исмагулов О., 1963, с. 155, табл. 4; 1970, рис. 2). Раскопки проводились А.М. Оразбаевым в 1958 году близ города Усть-Каменогорска. Сведений о данном погребении в археологической литературе не встречено. Однако, указанная в статье О. Исмагулова (1963, табл.4) датировка (XIV-XI вв. до н.э.) соответствует федоровскому этапу на территории Восточного Казахстана (Максимова А.Г., 1959, с. 137). Более ранние раскопки этого могильника также дали материалы федоровского времени (там же, с. 98-103).

**Чубартау, могильная яма 145.** Череп женщины возмужалого возраста (Исмагулов О., 1963, с. 160, табл. 4). Найден при раскопках современного казахского кладбища О. Исмагуловым в 1960 году. По найденному сосуду погребение датируется К.А. Акишевым и А.М. Оразбаевым X-VIII вв. до н.э. (там же, с. 154). В соответствии с разработанной ими, совместно с А.Х. Маргуланом, периодизации памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, это дата бегазы-дандыбаевского этапа (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 163).

**Бельасар, ограда 60, восточная пристройка.** Фрагментарный череп женщины возмужалого возраста (из измерений только зиго – максиллярный угол) (Исмагулов О., 1963, с. 155-156). Данное сооружение датируется эпохой поздней бронзы – X-VIII вв. до н.э. (Оразбаев А.М., 1959, с. 64-67, 74, рис. 8-12).

**Канатгас, ограда 7.** Череп мужчины старческого возраста (Исмагулов О., 1963, с. 155, табл. 4). Ограда представляла собой сложное сооружение из плит, уложенных плашмя друг на друга. Внутри квадратной ограды находилась круглая, в центре – каменный ящик. На плитах перекрытия вытянуто на спине, головой на З с отклонением на Ю лежал скелет человека. Рядом с ним находился неполный скелет барашка (Оразбаев А.М., 1959, с. 68-69, рис. 14). Без сомнения, это – впускное кочевническое погребение. Целый череп (Исмагулов О., 1970, фото на с. 13) от этого скелета, по всей вероятности, и был опубликован как относящийся к эпохе бронзы. Череп же из основного погребения был выгашен грабителями через сделанную в восточной части перекрытия ящика пробоину. Он был брошен вместе с правой подвздошной костью снаружи у южной стенки ящика. Судя по рисунку (Оразбаев А.М., 1959, рис. 14), череп был разбит, и, вероятно, не вошел в краниологическую обработку. Само основное погребение датируется эпохой поздней бронзы — X-VIII вв. до н.э. (там же, с. 73-74).

**Канатгас, ограда 11, могильная яма 2.** Фрагментарный череп мужчины зрелого возраста (из измерений – только симотическая высота) (Исмагулов О., 1963, с. 155, табл. 4). В могиле (Оразбаев А.М., 1956, с. 69-70, рис. 16) находился сосуд федоровской формы и орнамента (там же, рис. 17, 1) с «восточным» типом зонирования орнамента (Рудковский И.В., 1989, рис. 4, б).

**Дандыбай.** Черепа происходят из курганов 2 (два черепа из парного разнополого погребения 2, женский из погребения 3) и 8 (мужской череп) (Дебец Г.Ф., 1948, табл. 14). Е.Е. Кузьмина (1994, с. 42) ограды 2-8 могильника Дандыбай относит к федоровскому типу памятников. Казахстанскими археологами парное погребение из кургана 2 было датировано атасуским этапом (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 67). Однако, конструкция данной могилы — циста, сложенная из каменных плиток (Рыков П.С., 1935, с. 45-46), в эпоху развитой бронзы характерна для федоровских памятников (Ковтун И.В., 1991, с. 69-70). М.Н.Комаровой (1963, с. 65) данное погребение также датируется федоровским этапом.

**Атасу, Ерке-булак, курган-ограда 6, северный ящик.** Череп женщины зрелого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 259, табл. 7). В археологической литературе этот могильник больше известен под названием Айшрак. Данное погребение, как и весь могильник в целом, датирован казахстанскими археологами атасуским этапом (Маргулан А.Х. и др., 1966, с. 97, рис. 30). В более поздней монографии А.Х. Маргулана (1979, с. 26-27) курган — ограда 6 могильника Айшрак отнесен к

переходному этапу от средней к поздней бронзе (выделение которого в настоящее время большинством археологов не поддерживается — С.К.). Сосуд, найденный в погребении, типично федоровский по форме и орнаментации (Маргулан А.Х. и др., 1966, табл. III, 12 на с. 66), с «восточным» типом зонирования в орнаменте (Рудковский И.В., 1989, рис. 4, 7).

**Былкилдак, ограда 6.** Череп женщины возмужалого возраста. По сведениям, содержащимся в статье В.В. Гинзбурга, «кость лежал скорченно на правом боку, головой на запад-юго-запад. В могиле находился острорезберный плоскодонный сосуд, напоминающий тип сосуда хвалынской культуры. Датируется как поздний этап бронзы» (Гинзбург В.В., 1956, с. 259, табл. 7). Это описание, в общем, соответствует имеющемуся в археологических публикациях. В могиле найдено четыре неорнаментированных сосуда (два из них представлены фрагментами) и три бронзовые бляшки удлиненно-овальной формы с дырочками на одном конце (Маргулан А.Х., 1970, с. 176-178, рис. 10, 8; 11; Маргулан А.Х. и др., 1966, табл. VII, 5, рис. 38, 2). По нашему мнению, данное погребение следует связывать с алексеевско-саргаринскими комплексами эпохи поздней бронзы Урало-Казахстанского региона (Зданович С.Я., 1984; Варфоломеев В.В., 1988; Ткачев А.А., 1989).

**Моинты, скелет из керексура.** Череп женщины зрелого возраста. По сведениям, содержащимся в статье В.В. Гинзбурга, данное погребение, расположенное вблизи Аркалыка в Коунрадском районе, А.Х. Маргулан относит к периоду поздней бронзы. Могила с плиточными оградками из разновременного могильника он сближает с плиточными оградками могильника Бегазы и с находками в кургане 11 могильника Дандыбай, которые относятся к XII-VIII вв. до н.э. (Гинзбург В.В., 1956, с. 258-259, табл. 7). Возможно, данный могильник известен археологам под другим названием.

**Аркалык, курган 8.** Череп мужчины возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1956, с. 259, рис. 15, табл. 7). В Археологической карте Казахстана (1960, с. 197) указана датировка могильника – VII-V вв. до н.э. Сведений о нем в археологической литературе по эпохе бронзы не встречено.

**Нурмамбет.** Семь черепов разной степени сохранности исследованы О. Исмагуловым (1963, с. 157-158, табл. 4). В его публикации указана датировка этого могильника — XIII-XI вв. до н.э. В сводке Е.Е. Кузьминой (1994, с. 40) могильник в целом отнесен к алакульскому типу памятников.

**Кокдамбек, ограда 8.** Череп женщины возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1963, с. 298, табл. 1). Могила, в которой он найден, была разграблена. В ней находились лишь бронзовые украшения общепандоновских форм и каменная терка. В другой раскопанной ограде найдены фрагменты сосуда, имевшего форму горшка с небольшим уступчиком в месте перехода горловины к тулову. Орнамент состоял из рядов заштрихованных треугольников по венчику и шейке и ряда заштрихованных ромбов по верхнему краю тулова. Орнамент нанесен гладким штампом (Агеева Е.И., Максимова А.Г., 1959, с. 38, табл. I, 39, 42, 49). Авторы раскопок датируют этот могильник средним периодом эпохи бронзы, синхронным алакульскому этапу — XI-X вв. до н.э. (там же, с. 37).

**Калачевский.** Два женских черепа из оград 11 и 12 (Гинзбург В.В., 1963, с. 307-308, табл. 3). Автором раскопок могильник датирован андроновским временем. В погребении ограды 11 найдены фрагменты от трех сосудов, по форме и орнаментации типично федоровских (Акишев К.А., 1959, с. 9-10, табл. I, 1, 3, 6). Е.Е. Кузьмина (1994, с. 42) относит этот могильник к федоровскому типу памятников.

**Боровое.** Череп женщины возмужалого возраста из кургана 5 и фрагментарный женский череп (описание) из кургана 9 (Гинзбург В.В., 1956а, с. 161, 166, табл. 2). Большинство погребений этого могильника, в том числе ограды 5 и 9 (Оразбаев А.М., 1958, с. 233, 235, рис. 16, 20, табл. III, 3-6, V, 12-20) относятся к федоровскому этапу (там же, с. 220).

**Обалы, ограда 7.** Череп мужчины возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1956а, с. 166, табл. 2). Датируется федоровским этапом (Оразбаев А.М., 1958, с. 240-241, рис. 24, табл. III, 6).

**Бырок-Коль, ограда 3.** Череп мужчины, только достигшего возмужалого возраста (Гинзбург В.В., 1956а, с. 166, табл. 2). Датируется федоровским этапом (Оразбаев А.М., 1958, с. 242-244, рис. 26).

**Чаглинка, группа II.** Раскопки А.М. Оразбаева в 1960 году. Два мужских черепа (по одному из них имеется только описание) из кургана 1 и кургана-ограды 3 (Исмагулов О., 1963, с. 157, табл. 4). Сведений о данных погребениях в археологической литературе не обнаружено. В статье О. Исмагулова указана лишь их принадлежность к эпохе бронзы.

Черепки из погребений Малой Красноярки (погребение на поселении, могила 1 могильника, погребение в овраге), Каная, Усть-Нарымского (костяк 2, погребение в овраге), Чубартау, Бельсара, Канатгаса (ограда 7), Былкилдака, Моинты, Аркалыка и Чаглинки следует исключить из серии андроновского времени Северо-Восточного Казахстана по причине иной культурно-хронологической принадлежности, или из-за неопределенности датировки. Таким образом, серия андроновского времени насчитывает 9 мужских и 11 женских черепков, по которым имеются измерения. Средние данные представлены в таблице I. Как можно заметить, и мужская и женская группы характеризуются чертами андроновского антропологического типа, которые проявляются более отчетливо, чем в ранее используемой серии. Без сомнения, археологические данные, приведенные выше, нуждаются в уточнении, однако, вновь пересчитанную серию предпочтительней использовать в антропологических работах как более однородную хронологически, несмотря на ее меньшую численность. Выделение федоровской и алакульской серий в настоящее время нецелесообразно из-за единичности наблюдений, особенно в алакульской группе. Осуществление это возможно лишь при привлечении новых краниологических материалов. В настоящее время можно отметить, что черепки из могильников Сарыколь, Дандыбай (курганы 2 и 8), Канатгас (ограда 11, могила 2), Айшрак (Атасу), Бырек-Коль, Обалы, Боровое, Калачевский и, вероятно, Караозек следует в дальнейшем включать в федоровскую группу, а из могильников Нурмамбет и Кокдамбек, возможно, — в алакульскую.

Ситуация, сходная с выявленной в восточноказахстанской, обнаружена и в краниологической серии андроновской культуры южных районов Верхнего Приобья (Дремов В.А., 1990; 1997). В Кабинете антропологии Томского госуниверситета хранятся черепки из могильника Ильинка, исследованного А.П. Уманским в 1972 году (Краниологические коллекции..., 1979, с. 18). Данные измерений этих черепков были включены в суммарную серию андроновцев Верхнего Приобья, и в локальную из Барнаульско-Новосибирского Приобья. Отмечалась концентрация на черепках из Ильинки монголоидных черт (Дремов В.А., 1997, с. 86, табл. 13, 18, 19, прилож. 1-3).

В районе села Ильинка Шелаболихинского района (в современных границах) Алтайского края известен разветвленный грунтовый могильник ирменской культуры эпохи поздней бронзы, с площади которого происходят сборы археологического материала (Уманский А.П., 1992). Кроме этого, имеются сведения о могильнике эпохи средневековья, исследованного в 1972 году (Уманский А.П., Караваев А.В., 1992). О существовании других археологических памятников в районе села Ильинка науке неизвестно (Шамшин А.Б., 1998, с. 27-28). Число могил, костяков в коллективном погребении средневекового могильника, а также год его раскопок А.П. Уманским, совпадают с данными в каталоге коллекции Кабинета антропологии ТГУ.

Более чем вероятно, что черепки, опубликованные как андроновские, датируются эпохой средневековья, и в данную серию они попали в результате недоразумения. Черепки из Ильинки исключены из серии андроновской культуры южных районов Верхнего Приобья методом взвешенных средних. Пересчитанные средние данные также представлены в таблице I.

Таблица I.

*Средние размеры черепов из могильников андроновской культуры Северо-Восточного Казахстана и южных районов Верхнего Приобья*

Территория	Северо-Восточный Казахстан		Верхнее Приобье (без Ильинки)	
Автор	Дебец, Гинзбург, Исмагулов		Дремов	
Пол	М	Ж	М	Ж
Признаки	X(n)	X(n)	X(n)	X(n)
1. Продольный диаметр	181,3 (6)	177,1 (8)	180,9 (18)	176,7 (21)
8. Поперечный диаметр	142,8 (6)	138,5 (8)	142,4 (18)	137,8 (20)
8:1. Черепной указатель	78,8 (6)	77,5 (10)	79,1 (17)	78,6 (19)
17. Высотный диаметр от ba	140,0 (3)	131,3 (3)	136,0 (18)	130,8 (18)
17:1. Высотно-продольный указатель	76,6 (3)	73,7 (3)	75,4 (17)	74,6 (18)
17:8. Высотно-поперечный указатель	97,7 (3)	93,8 (3)	94,7 (17)	94,1 (18)
20. Высотный диаметр от ро	120,0 (4)	114,8 (5)	116,5 (18)	112,2 (17)
5. Длина основания черепа	104,5 (2)	100,3 (3)	103,1 (19)	99,8 (18)
9. Наименьшая ширина лба	99,8 (6)	95,9 (9)	99,0 (22)	95,9 (24)
32. Угол лба от п.	87,8 (4)	87,2 (5)	83,0 (19)	83,6 (15)
11. Ширина основания черепа	133,3 (3)	124,3(4)	127,1 (18)	119,7 (19)
40. Длина основания лица	100,5 (2)	97,3 (3)	101,3 (18)	96,9 (15)
40:5. Указатель выступания лица	96,2 (2)	97,0 (3)	97,9 (18)	97,1 (15)
45. Скуловой диаметр	139,0 (5)	128,3 (3)	136,9 (18)	128,5 (17)
48. Верхняя высота лица	69,2 (6)	65,0 (6)	68,6 (20)	67,1 (18)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный ук-ль	49,8 (2)	50,0 (3)	49,7 (18)	51,4 (15)
48:45. Верхний лицевой указатель	49,6 (5)	50,2 (3)	49,9 (17)	52,7 (15)
72. Общий лицевой угол	86,3 (4)	86,7 (3)	85,1 (19)	85,1 (14)
74. Угол альвеолярной части	81,7 (3)	77,0 (3)	79,1 (17)	77,8 (14)
77. Назо-малярный угол	140,7 (3)	137,4 (5)	138,4 (22)	139,0 (19)
Zm' Зиго-максилярный угол.	126,7 (3)	129,8 (4)	127,7 (19)	127,0 (13)
51. Ширина орбиты от mf	43,7 (3)	42,3 (4)	43,0 (22)	41,7 (18)
51a. Ширина орбиты от d	40,5 (4)	39,3 (6)	40,4 (17)	39,8 (11)
52. Высота орбиты	31,0 (4)	30,8 (4)	31,9 (23)	32,7 (19)

52:51. Орбитный указатель от mf	71,7 (3)	72,0 (4)	74,1 (22)	78,8 (18)
52:51a. Орбитный указатель от d	76,6 (4)	78,3 (6)	78,2 (17)	82,8 (11)
55. Высота носа	51,5 (4)	47,0 (6)	49,4 (21)	49,1 (18)
54. Ширина носа	25,8 (4)	24,8 (6)	26,1 (22)	23,7 (17)
54:55. Носовой указатель	50,2 (4)	51,9 (5)	53,0 (21)	48,3 (17)
75(1). Угол выступания носа	33,5 (4)	27,3 (3)	29,4 (16)	25,1 (15)
SC. Симотическая ширина	11,05 (2)	10,47 (3)	9,05 (17)	8,77 (17)
SS. Симотическая высота	5,60 (3)	5,03 (3)	4,78 (17)	4,21 (17)
SS:SC. Симотический указатель	49,1 (2)	49,5 (3)	54,8 (17)	48,7 (17)
DC. Дакриальная ширина	22,60 (2)	21,30 (3)	23,33 (14)	20,97 (13)
DS. Дакриальная высота	13,50 (2)	12,73 (3)	13,33 (14)	11,80 (13)
DS:DC. Дакриальный указатель	60,7 (2)	60,4 (3)	58,2 (14)	56,7 (13)

*Научный руководитель – д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин*

*С. Е. Буторин*

*(Курган, Курганский государственный университет)*

#### **Андроновские древности лесостепного Притоболья в контексте культурного взаимодействия**

Лесостепное Притоболье входит в обширный ареал андроновской культурно-исторической общности. Изучение памятников развитого этапа бронзового века представляет большой научный интерес для решения вопросов, связанных с динамикой контактов различных групп населения, возникновения новых археологических культур и этнических групп. Проблема культурно-хронологического соотношения федоровских и алакульских комплексов является одной из самых ключевых в современном андроноведении. К настоящему времени в Урало-Казахстанских степях исследованы многочисленные поселенческие и погребальные комплексы андроновского времени. Однако вопрос далек от своего разрешения. Одним из препятствий является то, что на сегодняшний день наукой накоплен материал, который не в состоянии охватить ни отдельный исследователь, ни целая группа (Григорьев С. А., 1990, с. 26). Последнее и ряд других обстоятельств явились причинами, вызвавшими в настоящее время существование различных периодизационных моделей, взаимоисключающих друг друга.

В настоящее время приоритет в изучении алакульских и федоровских древностей в Южном Зауралье принадлежит Г.Б. Здановичу и Т.М. Потемкиной. Оба исследователя создали свои периодизационные схемы для культур эпохи бронзы. Первый автор предложил, так называемую, «линейную», которая предполагает генетически связанное развитие двух культур (Зданович Г.Б., 1988). Т. М. Потемкина в результате многолетних исследований андроновских памятников на территории лесостепного Притоболья выдвинула «параллельную» схему, по которой федоровские и алакульские древности сосуществуют и их не объединяет генетическое родство (Потемкина Т.М., 1985).

Наиболее противоречивым остаётся вопрос о происхождении федоровской культуры. Приверженцы линейной схемы убеждены, что вызревание федоровских черт происходило в недрах алакульской культуры, что в конечном итоге привело к сложению фёдоровских традиций (Зданович Г.Б., 1988). Совершенно иной подход к проблеме происхождения и генезиса фёдоровских племён был предложен М. Ф. Косаревым и Т. М. Потемкиной, которые отмечают, что гребенчатый геометризм, характерный для федоровской посуды, уходит своими корнями в эпоху энеолита и ранней бронзы и локализуют первоначальный ареал расселения фёдоровской культуры в пограничье лесостепи и южно-таёжной зоны Урала и прилегающих районов Западной Сибири (Косарев М.Ф., 1991, с. 13; Потёмкина Т.М., 1985, с. 273). Представляется, что обозначенные точки зрения нуждаются в определённой корректировке.

Во-первых, изучение Чистолебяжского и Хрипуновского некрополей в подтаёжном Притоболье наглядно продемонстрировало отсутствие на данной территории фёдоровских традиций в первой половине II тыс. до н.э. (Матвеев А.В., 1998).

Во-вторых, в результате исследований в 1997 и 1999 гг. Субботинского и Алакульского некрополей археологической экспедицией Курганского государственного университета под руководством С.Н. Шилова были получены материалы, дополняющие серию фактов совместного нахождения алакульской и фёдоровской посуды.

Так, под насыпью кургана №24 Субботинского могильника исследовано подростковое погребение, в котором наряду с алакульской и срубной посудой встречен фёдоровский горшок, имеющий плавный профиль и орнаментированный «нарядным» мелкогребенчатым штампом. Данное погребение содержало следы огня, что позволяет сделать предположение о том, что умерший был кремирован. Кроме того, с площади Субботинского некрополя происходят сосуды синкретического фёдоровско-алакульского типа (амангельдинский тип), которым присуща сильно выраженная округлость нижней части тулова, сложная профилировка при переходе к днищу и сложный мелкогребенчатый орнамент. По керамическому комплексу Субботинский могильник датируется XV-XIV вв. до н.э. Подобная взаимовстречаемость фёдоровских и алакульских ёмкостей под одной курганной насыпью можно интерпретировать двояко: как результат культурного взаимодействия и как отражение трансформации алакульских традиций в фёдоровские. В связи с чем интерес представляет керамический комплекс Алакульского некрополя. Нами уже давался типологический анализ последнего (Буторин С.Е., 2000, с. 116-117). Однако следует отметить, что под насыпью кургана №14 Алакульского могильника встречен сосуд заметно отличающийся от остальных гончарных изделий, который характеризуется плоским дном, приземистой формой и раздутыми боками. Орнамент нанесён преимущественно отступающей лопаточкой. По всем основным признакам, выделенными В. Т. Ковалёвой для ташковской посуды (по способу нанесения орнаментальных композиций, технологии изготовления, пропорциональным характеристикам), данный сосуд четко вписывается в серию горшков, полученных с памятников ташковской культуры раннебронзового времени (Ковалёва В. Т., 1997, с. 26-34). В связи с чем возникает вопрос, как интерпретировать в свете проблемы культурно-хронологического соотношения фёдоровских и алакульских древностей тот факт, что под насыпью кургана №14 помимо алакульской посуды и ташковского горшка, встречен сосуд синкретического фёдоровско-алакульского типа (амангельдинский тип посуды)? Последний, в отличие от классических алакульских ёмкостей, имеет более плавную профилировку при переходе к днищу, раздутое тулово и едва намечающийся уступчик. Облик орнамента и по технике исполнения и по композиции характерен для посуды амангельдинского типа (доминирование гребенчатой техники, наличие «ковровых» и меандридных узоров).

Взаимовстречаемость алакульских сосудов ребристой профилировки с «воротничком», а также ёмкостей с уступчиками на плечиках под одной курганной насыпью с амангельдин-

ским горшком, конечно, не исключает эволюционного развития алакульских гончарных традиций. Заставляет обратить внимание тот факт, что посуда, аналогичная первой группе Алакульского могильника, является более ранней в систематике алакульских древностей (Матвеев А.В., 1998), а хронологические позиции сосудов, сочетающие алакульские и фёдоровские черты (амангельдинский тип) определяются исследователями, в основном, в рамках XIV- XIII вв. до н.э. (Зданович Г.Б., 1988; Кузьмина Е.Е., 1994). Ребристо-уступчатая посуда с воротничком на территории указанного региона не встречается в сочетании с амангельдинским типом сосудов, тогда как последний обнаружен совместно с ташковской керамикой под одной курганной насыпью. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии контактов алакульского населения с представителями поздних ташковских племён, которые могли просуществовать в лесном Зауралье вплоть до XVI в. до н.э. Наличие же синкретических фёдоровско-алакульских сосудов можно рассматривать как взаимодействие фёдоровских культурных традиций с алакульскими.

Проведённое нами картографирование андроновских поселенческих комплексов лесостепного Притоболья, содержащих керамику фёдоровской и алакульской культур, показывает, что последние располагаются в верхнем течении реки Тобол.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении некрополей. Могильники Раскатиха и Субботинский, содержащие керамику и погребения обоих типов, также расположены ниже 55, 5° с. ш. (Потёмкина Т. М., 1985).

В среднем и нижнем Притоболье, а также в Приисетье смешанные фёдоровско-алакульские комплексы известны, однако почти всегда на них встречается керамика черкаскульского типа. Изученные андроновские поселения Ук-III, Черёмуховый куст, расположенные в подтаёжной зоне, датируются соответственно XIV и XIII вв. до н.э. (Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К., 1991; Зах В. А., 1995). Последнее обстоятельство свидетельствует о более позднем заселении этой территории фёдоровским населением. Нет фёдоровских ёмкостей в Чистолебяжском и Хрипуновском некрополях, расположенных в подтаёжном Притоболье и датируемых концом первой половины II тыс. до н.э. (Матвеев А.В., 1998).

Вероятно, процесс инфильтрации фёдоровского населения на территорию лесостепи осуществлялся через районы верхнего Притоболья в конце XVI – XV вв. до н. э., где сосредоточены памятники с андроновской керамикой. К середине II тыс. до н. э. носители фёдоровской культурной традиции достигли районов, расположенных между 55, 5° и 56° с. ш., о чём свидетельствует нахождение как собственно фёдоровских сосудов (Субботинский некрополь), так и горшков синкретического фёдоровско-алакульского типа (т.н. амангельдинский тип посуды) (Субботинский, Алакульский могильники).

Вероятно, предшествующим звеном в миграционном процессе явилось движение канайского (раннефёдоровского) населения из Прииртышья в районы верхнего Притоболья (Ткачёв А.А., 1992; Ткачёва Н.А., 1999), а с середины II тыс. до н.э. фёдоровские группы достигли подтаёжных районов Притоболья.

Отсутствие чисто фёдоровских и смешанных фёдоровско-алакульских памятников, датируемых первой половиной II тыс. до н.э. в среднем и нижнем Притоболье, позволяет констатировать, что гипотеза о формировании фёдоровской культуры в горно-лесном Зауралье и нижнем Притоболье нуждается в корректировке (Косарев М.Ф., 1991, с.13; Потёмкина Т.М., 1985, с. 273).

Таким образом, несмотря на наличие целого спектра мнений по андроновской проблематике, на наш взгляд, наиболее корректной является точка зрения о сосуществовании алакульской и фёдоровской культур и формировании последней на территории Прииртышья.

*Научный руководитель – С.Н. Шилов*

*Е.В. Иванова*

*(Уфа, Башкирский государственный педагогический университет)*

### **Статистический анализ орнамента погребальной керамики срубной культуры Приуралья**

Орнамент в декоративно-прикладном искусстве древних племен играл не только декоративную, но и познавательную роль. В знаковой форме через орнамент древний мастер передавал известную ему информацию об окружающем мире, природе и мироздании, выражал свое отношение к ним. Как считают историки искусства, орнамент в произведениях декоративно-прикладного искусства никогда не существовал в чистом виде, а состоял из сочетания полезного и красивого (Анри де Моран). Будучи тесно связаным с природой, человек именно из нее черпал мотивы и сюжеты орнамента, придавая им форму, удобную для воспроизведения на соответствующем материале. Поэтому основными мотивами орнамента в декоративно-прикладном искусстве являются геометрические, растительные и зооморфные — то есть, те, которые повсеместно присутствуют в природе. Причем, простота и ограниченный набор орнаментальных мотивов позволяют предполагать, что одни и те же мотивы могли возникнуть у разных народов независимо друг от друга.

Каждый элемент орнамента — это знак, имеющий определенное содержание, большинство из которых расшифровано, благодаря исследованиям этнографов и искусствоведов. Сочетание элементов орнамента — это уже информация, понятная как мастеру (художнику), так и потребителю изделия. Её расшифровка дает очень много для раскрытия глубин духовной культуры и мировоззрения древних племен и народов. Поэтому анализ и изучение орнамента всегда являлись и являются одной из серьезных задач археологической науки. В свете сказанного изучение орнамента древней посуды, как предмета повседневного пользования, тесно связанного с образом жизни, мировоззрением и эстетическими традициями древних племен, представляет особый интерес.

Настоящая работа посвящена статистическому анализу элементов орнамента погребальной керамики срубной культуры Приуралья. Тема выбрана не случайно: во-первых, срубная культурно-историческая общность является одним из наиболее изученных археологических явлений эпохи бронзового века в Восточной Европе; во-вторых, культура срубных племен представляется вполне сложившейся и унифицированной, что дает возможность использовать при ее анализе современные компьютерные технологии; и в-третьих, керамика из погребений уже сама по себе является предметом сакральным и, следовательно, можно предполагать, что украшающий ее орнамент содержит в себе какую-то особую информацию.

Источниковую базу работы составили 158 орнаментированных сосудов из 18 могильников срубной культуры Приуралья — Старо-Ябалаклинского, Тавлыкаевского, Петряевского, Санзяповского, Альмухаметовского, Девичий городок и др. Это составляет не более 25% всей погребальной керамики рассматриваемых памятников (большинство сосудов из погребений — неорнаментированные).

Методической основой работы была взята стандартная компьютерная программа Excel, приспособленная для проведения описательной статистики базы данных и для её корреляционного анализа.

В орнаментике сосудов присутствуют 10 основных геометрических мотивов, нанесенных техникой резьбы или (чаще) оттисками зубчатого штампа: ёлочка в двух вариантах (горизонтальная и вертикальная); ромб; треугольники (заштрихованные или незаштрихованные, изображенные вершинами вверх или вниз); насечки нескольких видов; зигзаг однорядный или многорядный; крест 4-х видов (простой 4-конечный, косой, свастика и многолучевой); ямки нескольких видов; сетка прямая или косая; заштрихованная лента; ли-